

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ СЕВЕРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1982

Монография посвящена этническому развитию народов Севера — самодийцев, обских угров, тунгусов, северо-восточных палеоазиатов и других — с XVI в. до начала XX в. На основе документальных источников авторы прослеживают глубокие изменения в численности, расселении, языковой принадлежности и социальной структуре всех этнолингвистических групп Северной Сибири.

Ответственный редактор
И. С. ГУРВИЧ

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателей настоящая монография, посвященная этнической истории народов Севера, представляет собой, по существу, непосредственное продолжение уже изданной работы «Этногенез народов Севера». В данной книге авторский коллектив поставил перед собой задачу осветить этническое развитие всех народов Крайнего Севера СССР с XVI—XVII вв. до начала XX в. Такая работа предпринимается впервые. В советской этнографической литературе имеются исследования, посвященные этническому составу Севера (Долгих, Терлецкий и др.), этнической истории отдельных народов Севера, отдельных регионов, но отсутствуют работы, охватывающие этническую историю всей зоны Севера. Между тем потребность в таком исследовании, углубляющем наши представления о ходе исторического процесса на краю эйкумены, давно назрела.

Включение Севера Сибири в состав Русского государства открыло новую эпоху в жизни коренных народов этой обширной области. Обособленные, отрезанные от других народов огромными пространствами тайги и тундры охотники, оленеводы, рыболовы Севера вошли в соприкосновение с русским народом, впервые столкнулись с высокоразвитой культурой.

Процесс присоединения Сибири и Севера к Русскому государству, как показали многочисленные исследования, представлял собой сложное, во многом противоречивое явление. Привлечение народов Севера к ясачному платежу означало распространение на них угнетательской политики царизма. Само присоединение в связи с насилиями и злоупотреблениями глав казачьих отрядов нередко вызывало вооруженные столкновения. Походы служилых людей против населения, отказывавшегося платить ясак, повторные сборы ясака, произвольные поборы служилых людей тяжело сказывались на жизни народов Севера. Однако усилия как местных, так и центральных властей были направлены не на истребление коренного населения, а на превращение его в исправных плательщиков налогов, в поставщиков ценной пушнины. Поэтому московское правительство в наказах воево-

дам предлагало ясак собирать «с великим радением, всякими мерами ласкою, а не жестокостью» (ДАИ, т. II, с. 269). В свою очередь, воеводы предписывали служилым людям «напрасных обид и налогов отнюдь никому никаких некоторыми мерами не чинить, собирать ясак ласкою и приветом» (там же, с. 272).

Разумеется, эти пожелания далеко не всегда применялись в действительной жизни, однако они все же ограничивали произвол местной администрации.

В целом включение Сибири и Севера в состав Русского государства имело большое прогрессивное значение для народов этого региона. Благодаря торговле местного населения с русскими в Сибирь стали проникать новые, неизвестные здесь, но весьма нужные товары: железные орудия — ножи, топоры, копья, наконецники стрел, иглы, пилы, сверла, котлы и, т. д.

Заинтересованные в регулярном поступлении ясака, местные власти силой оружия стремились прекратить кровавые распри и междоусобицы среди коренного населения. Во второй половине XVII в. вооруженные столкновения среди значительной части народов Севера были прекращены. На народы Севера стали распространяться законы Русского государства. На развитии народов Севера сказалось восприятие элементов русской культуры. Многие архаические обряды и обычаи забылись под влиянием христианской церкви.

Уже в XVIII—XIX вв. в ряде мест наблюдалось значительное сближение отдельных групп народов Севера с русским старожильческим населением. Разумеется, в условиях царской действительности этот процесс осложнялся своекорыстными устремлениями местной администрации и скупщиков пушнины.

В XVII—XIX вв. Север пополнился значительным числом новых переселенцев, не только русских, но и якутов, эвенков (тунгусов) и др.

После вхождения Севера Сибири в состав Русского государства этническая карта этого обширного региона на протяжении почти трехсотлетнего отрезка времени претерпела значительные изменения, однако ни один из народов Севера не исчез. Напротив, здесь возникли и новые этнические общности. Естественно, что в данной работе этническим новообразованиям — общностям, сформировавшимся в XVII—XIX вв., уделено особое внимание. Им посвящены разделы, касающиеся нганасан, долган, ссеверных якутов.

История сложения северных якутов-оленьеводов, своеобраз-

ной этнографической группы якутов, включена в настоящую монографию потому, что ее возникновение неразрывно связано с этнической историей эвенков-тунгусов и якутов-переселенцев, выходцев из Центральной Якутии, а также в связи с тем, что северные якуты по образу хозяйства, быту, по существу, были более близки к народам Севера, чем к своим сородичам — якутам-скотоводам.

Авторы настоящего издания сочли возможным не касаться этнической истории алеутов, так как в основном они живут за пределами СССР, а та их часть, которая проживает на Командорских островах, является недавними переселенцами.

В XVII—XVIII вв. на Севере возник ряд русских старожильческих поселений. Русские старожилы оказали огромное влияние на коренное население, и сами заимствовали у него немало культурных традиций. Однако этническое развитие этих старожильческих групп больше связано с общерусской историей.

Исследуя этническую историю народов Севера, авторы особое внимание уделили изменениям их численности и расселения, языковым и этнокультурным процессам, преобразованиям внутренней этнической структуры, взаимоотношениям между соседствующими народами. При этом они стремились выявить причины и факторы, оказывавшие влияние на ход этнических процессов и этнических изменений.

Круг источников, так или иначе освещающих этническую историю народов Севера, весьма значителен. Авторский коллектив в основу исследований положил документальные материалы, отложившиеся в центральных и местных областных и республиканских архивах. Применительно к XVII—первой половине XVIII в. — это разнообразные документы, связанные со сбором ясака (окладные, зимовейные и сводные ясачные книги, сметные списки, донесения о сборе и недоборе ясака и т. д.). Анализ этих обширных материалов, близких по характеру к статистическим, позволяет получить сведения о расселении, численности и движении коренного населения. Следует отметить, что в большинстве документов XVII—XVIII вв. отсутствуют данные о численности отдельных этнических групп, а приводятся сведения только о ясачных плательщиках, мужчинах в возрасте от 16 до 50 лет. Применяя разные коэффициенты в зависимости от местных условий (в среднем ясачные плательщики, трудоспособные мужчины, составляли одну четвертую часть населения), мы получили соответствующие данные о численности отдельных народов Се-

вера. В ряде случаев, когда ясак налагался на целый род, примерная численность населения определялась по размерам ясака. В среднем в XVII в. каждый ясачный человек платил от одного до трех соболей.

Из ясачных документов особую ценность для понимания этнических процессов представляют именные зимовейные ясачные книги. Они дают не только точные данные о численности мужчин, но и позволяют судить о характере общественного устройства, размере семей и т. д. Анализ имен ясачных людей позволяет уточнить этническую принадлежность отдельных родо-племенных группировок, а в ряде случаев проследить картину распада старых родов и формирования новых.

Круг источников, отражающих этническую историю народов Севера XVIII в., более разнообразен по сравнению с предыдущим периодом. К ясачным документам добавляются материалы ревизий, официальные отчеты о численности ясачных людей и, что особенно важно, появляются подробные описания хозяйства, быта и образа жизни отдельных народов, сделанные участниками научных экспедиций.

Материалы, освещающие этнические процессы в XIX — начале XX в., также отличаются значительным разнообразием. Среди них следует указать на церковные метрические книги и исповедные росписи. Имеющиеся в них сведения позволяют судить о брачных нормах (экзогамных запретах, распространении смешанных в национальном отношении браков, сближении с русским населением и т. д.). В ряде случаев эти документы дают возможность пролить свет на характер общественного устройства народов Севера. Вместе с тем отметим, что в связи с введением в жизнь Устава об управлении инородцами Сибири было отменено письменное делопроизводство в родах бродячих инородцев, поэтому в данных о численности и расселении охотников-оленьеводов — эвенков, эвенов, юкагиров и некоторых других народов — имеются значительные пробелы.

Большой и весьма ценный материал, показывающий племенной и родовой состав народов Сибири, языковую принадлежность населения, дала перепись 1897 г. Ее данные позволяют детально осветить расселение народов Севера и выяснить численность отдельных группировок.

Авторами настоящей работы широко использовались многочисленные труды как дореволюционных, так и советских историков и этнографов, посвященные исследованию этнического состава

ва Сибири, а также публикации источников: «Дополнение к актам историческим» (СПб., 1848—1867), «Памятники сибирской истории XVIII в.», «Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.» (М., 1936), «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке» (Л., 1935), «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах» (М.; Л., 1952), «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на северо-востоке Азии» (М., 1951), «Материалы по истории Якутии XVII в.» (М., 1970).

Большое значение для осуществления настоящей работы имел труд Б. О. Долгих «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.» (М., 1960), где впервые на основе документальных данных определены численность и расселение народов Сибири к приходу русских.

Рассматривая этническую историю народов Крайнего Севера, авторы, естественно, сосредоточили свое внимание на процессах этнической консолидации, ассимиляции. В отношении некоторых народов Севера авторам удалось проследить изменения в общественном устройстве, во внутренней этнической структуре, отметить переход от кровно-родо-племенных форм общественной организации к соседским связям. Следует отметить, что источники, освещающие этническую историю некоторых народов Севера, крайне бедны и фрагментарны. Так, например, сохранившиеся документальные материалы о народах Амура и Сахалина относятся главным образом к XIX в. Крайне скудны наши сведения об этнической истории азиатских эскимосов, так как их селения очень редко посещались путешественниками. Авторами использовались также многочисленные работы о традиционной культуре народов Севера.

По ряду вопросов авторы отдельных глав использовали собственные полевые материалы — генеалогические предания, воспоминания о перемещениях, данные, характеризующие традиционную культуру отдельных локальных и этнографических групп.

Не претендуя на полное описание всех этнических изменений, имевших место в Северной Сибири на протяжении последних трех столетий, авторский коллектив стремился показать основные тенденции в этническом развитии народов этого региона.

Техническую подготовку рукописи к печати проводили Т. М. Мастюгина и Е. А. Оборотова.

И. С. Гурвич

Обские угры

(ханты и манси)

Проблемы этнической истории хантов и манси разработаны довольно слабо. Наиболее значительными трудами в этой области являются работа С. В. Бахрушина (Бахрушин, 1955) и книга Б. О. Долгих (Долгих, 1960). Но проблемы сложения отдельных групп хантов и манси, их этнических связей не раз затрагивались во многих исследованиях. В ряде работ рассматривались проблемы формирования северных манси (Вереш, 1975, 1978; Миненко, 1975) и восточных хантов (Лукина, 1972, 1976). Об этнической истории хантов и манси автору данной главы также приходилось писать (Соколова, 1961, 1970, 1971, 1973, 1975, 1975 а, 1975 б, 1976, 1976 а, 1976 б, 1977, 1979, 1979 а, б, в, г).

Источники (археологические и летописные), характеризующие ранние этапы этнической истории хантов и манси, крайне скудны. Более детальные исторические данные по этнической истории обских угров относятся к периоду XVI—XIX вв.

Анализируя изменения в расселении хантов и манси и изменения в их численности в XVI—XIX вв., сравнивая именной и фамильный фонд различных групп обских угров, распространение имен и фамилий хантов и манси на территории Западной Сибири (о генеалогических и территориальных фондах имен у хантов и манси см.: Соколова, 1975 в; Sokolowa, 1977, 125), их брачные связи, можно отметить два основных фактора, оказавших наибольшее влияние на этническую историю обских угров. Во-первых, это миграционные процессы, способствовавшие смешению групп хантов и манси между собой, во-вторых, этнические связи обских угров с соседними народами.

Еще Г. Ф. Миллер, С. В. Бахрушин и Б. О. Долгих обнаружили, что часть населения современной мансийской территории, а также территории, где в прошлом должны были жить манси, русские источники называют остяками, а не вогулами (Миллер, 1937, 211, примеч. 4; Бахрушин, 1955, 87; Долгих, 20, 21—22, 34—35, 58, 64). Они считали, что это — результат путаницы в употреблении обоих терминов, возникшей в результате того, что соседи обских угров не всегда точно определяли этническую принадлежность той или иной группы обских угров (Бахрушин, 1955, 87). Б. О. Долгих даже сделал вывод об условности «существующего деления обских угров на хантов и манси» (Долгих, 58).

В действительности, как видно из дальнейшего изложения, это объясняется сложностью этнической истории хантов и манси,

поздним формированием современных групп манси, смешением хантов и манси на исконно хантыйской территории, сменой этнического самосознания у различных групп этих народностей на протяжении последних четырех-пяти столетий.

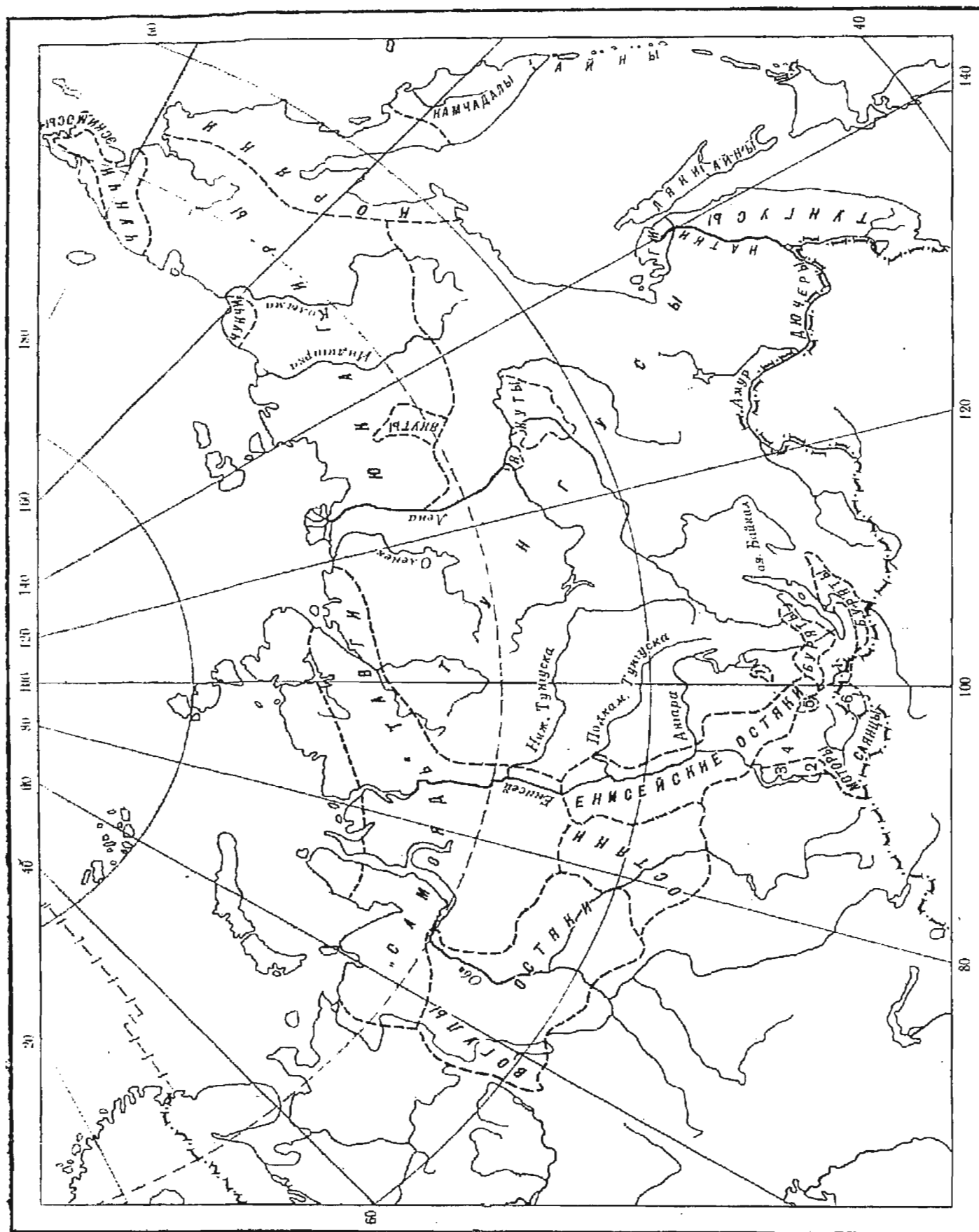
В XVI в., по данным русских летописей и документов, остяки (ханты) жили по Средней и Нижней Оби, по Иртышу до юрт Лебоут (вверх по течению), на притоке Иртыша Демьянке, на притоках Оби Казым, Куноват, Сыня, Северная Сосьва с Ляпным, возможно, на Верхней Лозье и на Тазу. Остяки упоминаются на Иртыше, выше Лебоута, на Конде, в верховьях и среднем течении Туры, на Чусовой, ее притоках Сылве и Ирени, по Нице, в Пелымском у. (Миллер, 1937, 199, 211, 233—234, 255, 284, 286, 310, 339, 381, 385, 386, 390, 395, 410).

Вогулы (манси) в это время перечислены по Чусовой, Тагилу, Нейве, Кокую, Баранче, Вишере, Печоре, Средней и Нижней Лозье, Сосьве, Ляле, Конде (Миллер, 1937, 194, 202, 218, 226, 231, 237, 242, 251, 252, 277—279, 280, 284—285, 306, 341—342, 346, 374, 380, 385—386, 390—405). По данным топонимики, манси до XVI в. жили на территории Среднего Урала, Приуралья и Зауралья по р. Кама с притоками Чусовая, Вишера, Колва, по рекам Вычегда, Мезень, Пинега, Печора, Уфа, Исеть, Средняя и Верхняя Тура, Верхняя и Средняя Тавда с Пелымом, Сосьвой, Средней и Нижней Лозьвой [Kannisto, 1927]. Северные границы расселения манси, по топонимическим данным, проходили по Средней Печоре, северо-западные — по среднему течению Пинеги и Мезени, западные — по Вятке (Котлас, Космодемьянск), южные — по Белой (Сарапул, Свердловск, Шадринск), восточные — по низовьям Туры, Тавды, левобережью Иртыша ниже Тобола; низовья Туры и Тавды, Исеть, Конда, верхнее и среднее течение Пелыма не имеют следов мансийских топонимов.

Исторические предания манси отмечают манси на Печоре и хантов — на Конде (в период до прихода русских в Сибирь). На Енисее и Тазу они также упоминают хантов; это объясняется, по-видимому, сложным этническим составом тазовских селькупов и енисейских кетов, с которыми слилась часть хантов, переселившихся в XVII—XVIII вв. из Сургутского у. на восток (Соколова, 1979 г.).

В результате походов и разгрома Сибирского ханства Кучума Ермаком в конце XVI в. Сибирь (западная ее часть по Оби и Иртышу с притоками) была присоединена к Московскому государству (История Сибири, II, 25—31). После этого татары стали уходить с некоторых угорских земель (по Иртышу, Тавде).

Примерно так же, как и в XVI в., расселялись ханты и манси на территориях Урала и Западной Сибири в XVII в. Вогулы упоминаются еще на Косьве и Уфе (Долгих, 21—22, 25—35). Остяки дополнительно упомянуты на Вахе, Васюгане, Югане, Салыме, Пиме, Агане, Тром-Югане (Долгих, 56—86). В низовьях Васюгана Б. О. Долгих помещает селькупов. Однако в ряде волостей население названо русскими источниками по-разному: то

остяками, то вогулами, то татарами. Это население верховий Чусовой, Уфы, Аят-озера, Сылвы, Ирени, Тавды, Пелыма и Туры (Долгих, 21, 22, 28, 29). Остяками названо население Северной Сосьвы и Ляпина, Мулгая, Невьи, Туры, Тагила и Аят-озера (Долгих, 21—25, 34).

Освоение Западной Сибири русскими началось в XVII в. В конце XVI — начале XVII в. здесь были сооружены основные центры оседания русских казачьих отрядов — остроги Лозьвинский, Пелымский, Верхотурский, Туринский, Обский, Тарский, Березов, Обдорск, Тюмень, Тобольск, Сургут, Кетск, Нарым, Томск (История Сибири, II, 32—37), большинство которых превратилось в города. В Сибирь стали переселяться русские крестьяне, к концу XVII в. русское население по численности уже преобладало по сравнению с коренным населением (История Сибири, II, 56, 72).

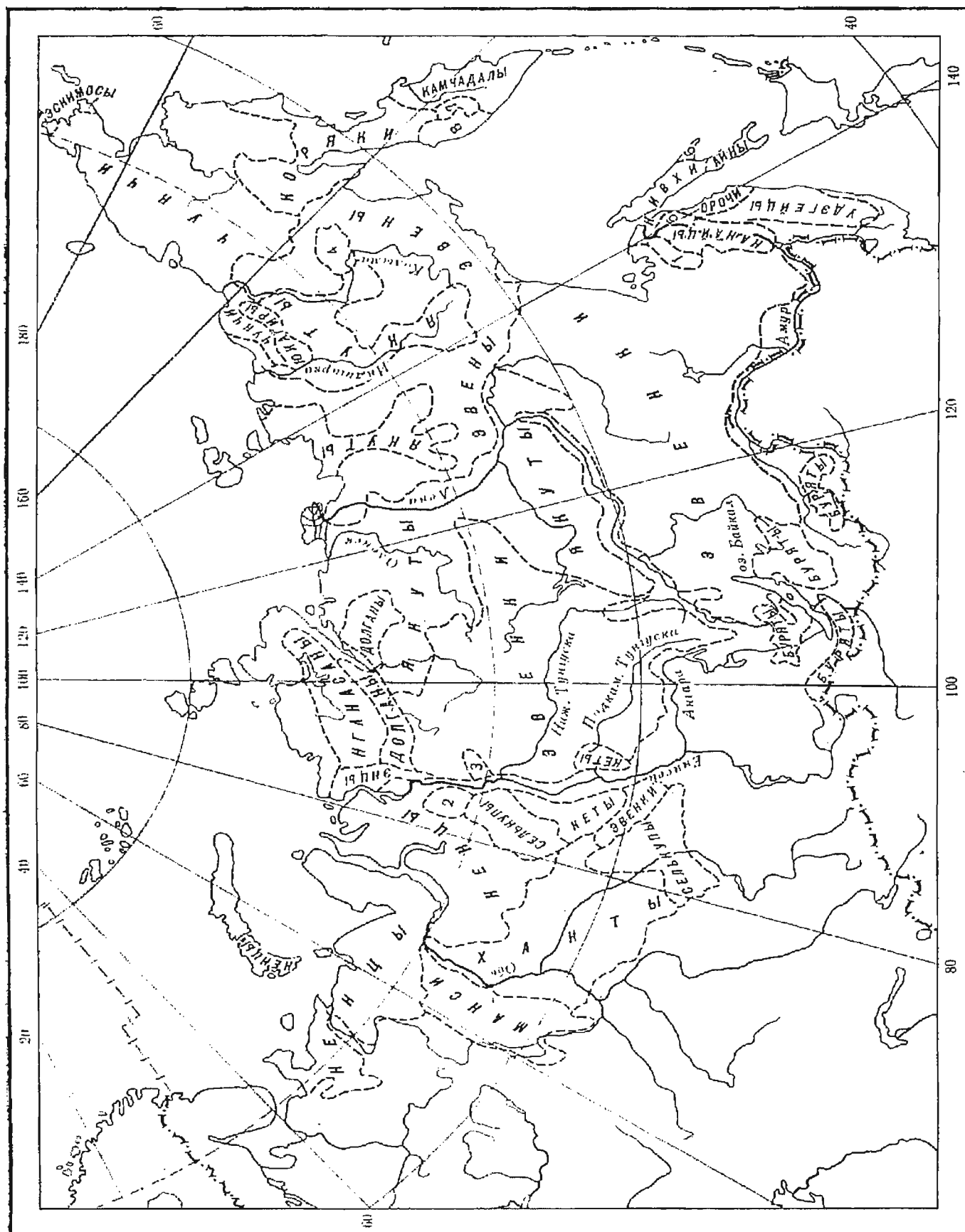
Ханты и манси были обложены ясаком, налогом, унаследованным русской администрацией от татар. Ясак в Западной Сибири был довольно велик: по пяти соболей с человека у северных хантов, по семи соболей — у пелымских манси, по десяти соболей — у манси в Верхотурском у. (Бахрушин, 1955 а, 80).

В начале XVIII в. (1712—1715 гг.) состоялись первые миссионерские экспедиции Ф. Лещинского, Тобольского митрополита, на Иртыш, Обь, на ее северные притоки — Казым, Куноват, Северную Сосьву, Ляпин, а также на запад — на Конду, Пелым, Лозьву, Сосьву (Огрызко, 34—45). Христианизация в ряде мест была насильственной, сопровождалась массовым уничтожением изображений духов, почитавшихся хантами и манси.

Под влиянием этих исторических процессов усилились миграции обско-угорского населения в глухие места. Это отражало большие изменения в численности обско-угорского населения, происходившие в XVII в. (см. табл. 1—8). В табл. 1 и всех последующих таблицах при определении численности населения в XVII — начале XVIII в. по методике, предложенной Б. О. Долгих (Долгих, 1960), число ясачных плательщиков умножалось на коэффициент, вычисленный нами по данным исповедных росписей церковных метрических книг конца XVIII в. (учитывалось соотношение мужского населения в возрасте от 15 до 59 лет с остальной частью населения). Для Березовского и Туринского уездов этот коэффициент оказался равным 3,2, для Сургутского — 3,1, для Тобольского — 3,6. У нас не было данных о возрасте населения Верхотурского у. и всех волостей Пелымского у. — на Пелыме, Сосьве и Лозье. Данные о численности населения этих территорий в наших таблицах выполнены с предложенным Б. О. Долгих коэффициентом 4.

Карта-схема расселения народностей Севера в XVII в.:

1 — негидальцы; 2 — эвенки; 3 — кеты; 4 — юкагиры; 5 — ульчи; 6 — ороки; 7 — эвены; 8 — ительмены

В начале XVII в. во всех уездах Пермской и Tobольской губерний было более 12 тыс. населения, из них условно — 4806 манси и 7859 хантов¹. К середине XVII в. численность всего населения увеличилась на 20% (на 2,5 тыс. чел.)². По всей вероятности, это произошло в основном за счет приискания новых ясачных плательщиков, так как средний естественный прирост обско-угорского населения в конце XVIII—XIX в. был небольшим. Так, по данным исповедных росписей метрических книг Березовского у. (ГАТот, ф. 156, оп. 20, св. 461, № 702; св. 462, № 709) с 1794 по 1801 г., численность населения увеличилась на 838 чел. (приобщей численности около 9 тыс. чел.), т. е. естественный прирост населения составил 13 человек на тысячу в год, или 1,3%.

По данным ревизской переписи населения 1782 г. и исповедным росписям метрических книг за 1790, 1809, 1819, 1829 и 1847 гг. (ГАТот, ф. 154, оп. 8, св. 30, д. 44; ф. 156, оп. 20, св. 180, № 279) численность жителей трех Юганских волостей (Юганской Подгородной, Большеюганской и Малоюганской) уменьшилась на 203 чел. (с 1299 до 1096 чел.). В тех же волостях с 1847 по 1898 г. (СЗ, 1898) население уменьшилось на 92 чел. (около 2 чел. в год на тысячу). В Тром-Юганской, Аганской и Ваховской волостях с 1782 по 1861 г. (ГАТот, ф. 154, оп. 8, св. 30, д. 44; ф. 156, фонд Ваховской церкви за 1861, 1884 гг.) население увеличилось на 1 чел., в 1884 г. — на 83 чел. В целом за 102 года на 10 тыс. чел. население увеличивалось на 8 чел. в год (в конце XVIII — начале XIX в. оно уменьшалось, во второй половине XIX в. увеличивалось более чем на 3 чел.). Если же мы посмотрим данные рождений и смертей по этим же волостям (в разделах метрических книг), то получим более низкие показатели: с 1861 по 1884 г. в этих волостях родилось 358, умерло 318 чел., т. е. на тысячу чел. естественный прирост населения составил лишь 2 чел.

По данным метрических книг Ларьякской Знаменской церкви, в Лунпукольской и Салтыковой волостях по р. Вах, где проживало около 1 тыс. человек хантов, за 5 лет (1841—1846 гг.) родилось 255, умерло — 126 чел. Естественный прирост населения составил таким образом 0,5% (ГАТот, ф. 706, оп. 1, св. 3).

По данным метрических книг Сургутской Троицкой церкви, в Тром-Юганской, Балытской, Пимской, Больше- и Мало-Юганской, Аганской, Салымской и Тарханской волостях, где проживало около 2 тыс. чел. хантов, за 8 лет (1863—1870 гг.) родилось 277, умерло 153 чел. Естественный прирост населения составил 0,75% (СЗ, 1863—1870).

Таким образом, можно считать, что максимальный естественный прирост обско-угорского населения в XVII—XIX вв. составлял не более 1,5%. Чаще всего он был ниже — от 0,2 до 0,7%; а численность населения оставалась почти неизменной (см. об этом также Миненко, 149).

Карта-схема расселения народностей Севера к концу XIX в.:

1 — буряты; 2 — байкотовцы; 3 — яринцы; 4 — камасинцы; 5 — карагасы; 6 — кайсоты

Таблица 1. Численность населения этнографических групп обско-угорского населения в XVII—XIX вв.¹

Народность	Начало XVII в. (1607, 1624, 1629, 1631 гг.) ²	Середина XVII в. (1660 г.)	Конец XVII в. (1691, 1692, 1694 гг.)	Начало XVIII в. (1706, 1710, 1712, 1717 гг.)	Конец XVIII в. (1782, 1789, 1794, 1798 гг.)	Конец XIX в. (1897 г.)
<i>Манси</i>						
Западные	1 784 ³	1 120	1 104	1 244	754	777
Южные	1 922	1 865	1 452	1 568 ⁴	1 058	1 681
Восточные	1 100	1 381	1 179	1 406	1 891	2 080
Северные	1 498	2 269	2 541	2 339	2 713	2 483
<i>Ханты</i>						
Северные	2 579	3 109	4 710	5 091	6 263	7 534
Южные	1 576	2 459	2 263	2 579	4 088 ⁵	2 758
Восточные	2 206	2 967	2 074	2 245	4 578 ⁶	5 964
Всего	12 665	15 170	15 323	16 472	21 345	23 277

¹ Материалы по XVII — началу XVIII в. взяты из книги Б. О. Долгих (1960) из соответствующих таблиц. Число ясачных плательщиков умножено на коэффициент 4. Данные за 1782 г. взяты из ревизской сказки (ГАТот, ф. 154, оп. 8, св. 30, д. 43, 44), за остальные годы — из исповедных росписей метрических книг (1789 г. — ГАТот, ф. 156, оп. 20, св. 263; 1794 г. — ГАТот, ф. 156, оп. 20, св. 461; 1798 г. — ГАТот, ф. 156, оп. 20, св. 10, 22, 751). Материалы за 1897 г. взяты из книги С. К. Патканова (1911, II) из соответствующих таблиц.

² Сведения о численности тех или иных групп хантов и манси приведены в указанных источниках на разные годы (1607, или 1624, или 1629 и т. д.), так как данные о числе хантов и манси в целом по всем группам имеются лишь на 1660 и 1897 гг. Это относится и к другим таблицам. Исчисление во всех таблицах дано в количестве человек.

³ Условно сюда добавлены 460 манси с Вишеры, Ирени и Сылвы (Долгих, 26), относившихся к западным и южным манси.

⁴ На Средней Туре предположительно проживало еще до 50 чел.

⁵ В Уватской вол. в это время могло проживать еще до 200 человек.

⁶ На Васюгане в это время могло жить еще 450 чел.

К середине XVII в. в Верхотурском у. угорское население уменьшилось на 15% (табл. 2, 3); часть его, вероятно, ушла на Конду, где население выросло на 25% (табл. 4); сюда же пришла и часть населения Пелымского у. с Пелыма, Лозьвы, Сосьвы, Тавды. В то же время значительно увеличилось население в Березовском, Сургутском и Тобольском уездах — на 32—55% (табл. 5—8). В уездах, где жили манси, население уменьшилось на 9%, где жили ханты — выросло на 37%.

В конце XVII в. численность населения осталась почти неизменной, она возросла лишь на 1%, что можно считать результатом естественного прироста населения. Но внутри уездов и волостей численность населения по-прежнему менялась в результате миграций населения. Она снова уменьшилась в Верхотурском, Пелымском и Туринском уездах от 2 до 22% и увеличилась в Березовском и Тобольском уездах (от 12 до 50%). Уменьшилась она и в Сургутском уезде (на 30%). По всей видимости, населе-

ние из западных уездов и из Сургутского уезда уходило на восток и север, пытаясь укрыться от ясачного обложения и христианизации. В уездах, где жили манси, население уменьшилось на 14%, там, где жили ханты, — выросло на 7%.

Те же тенденции в изменении расселения и численности хантов и манси наблюдаются в XVIII—XIX вв.

В XVIII в., по данным ревизских переписей (сказок) и исповедных росписей церковных метрических книг, остяки уже упоминаются на Северной Сосьве и Ляпине, притоке Конды Карыме, при этом не совсем ясна этническая принадлежность населения Туры (остяки или вогулы? Они названы ясашными). Вогулы жили на Тавде, Пелыме, Сосьве, Лозье, незначительное число вогулов продолжало жить на Вишере и Чусовой. Ханты жили на своей прежней территории по Оби и Иртышу с притоками (ГАТОН, ф. 154, 156).

К концу XIX — началу XX в. население Северной Сосьвы и Ляпина, а также Карыма считало себя манси. Манси появились на Оби в районе Березова и чуть выше его, кроме того, на Нижней Оби, Казыме; на Тавде они концентрировались только по среднему ее течению, уменьшилось их число на Пелыме, Лозье, Сосьве. Исчезло угорское население с Туры (ГАТОН, ф. 156; Kannisto, 1970). На Вишере кочевало лишь несколько семей оленеводов манси.

Большие изменения происходили в численности хантов и манси в XVII—XIX вв. Эти изменения показывает табл. 1.

К концу XVIII в. численность обско-угорского населения в целом снова возросла на 1149 человек, или на 7%. Возможно, это происходило за счет приискания новых ясачных плательщиков из числа некрещеного населения (Миненко, 149). Обско-угорское население увеличилось везде, кроме северных волостей Березовского у. и Демьянки: в западных волостях и уездах (Верхотурском, Пелымском и Туринском) почти так же, как в северных и восточных уездах (Березовском, Сургутском и Тобольском). В уездах, где жили манси, население выросло на 13%, там, где жили ханты, — на 6%. Возможно, в это время снова были приисканы новые ясачные плательщики, часть нового населения (манси) могла переселиться из-за Урала, из Прикамья. Начало XVIII в. — время массовой христианизации населения, которая проводилась на Оби, Конде. В это время население уходило в глухие места, на притоки Оби и Иртыша.

К концу XVIII в. численность обско-угорского населения еще более возросла — почти на 5 тыс. чел. (на 29,5%). На Северной Сосьве и Ляпине в это время уже завершались процессы ассимиляции оставшегося хантыйского населения пришлыми манси, о чем мы еще будем говорить. В данный период отмечается массовый уход населения из Верхотурского и Туринского уездов (более 1000 человек), уходило население с Пелыма, Лозьвы и Сосьвы. Часть его ушла, видимо, на Конду и Тавду, часть — на Северную Сосьву и Ляпин. Очень сильно возросло население в

Таблица 2. Численность угорского населения в Верхотурском и Пелымском уездах в XVII—XX вв. (западные манси)¹

Уезд, волость	Годы						
	1626, 1629	1660	1691, 1694	1710	1789	1897	1901
<i>Верхотурский</i>							
На Сосьве	260	232	316	256	—	—	—
На Лозьве	104	60	68	84	—	—	—
На Лялс	144	100	84	104	—	—	—
На Косьве	32	20	4	—	—	—	—
<i>Пелымский</i>							
На Сосьве	260	192	152	176	145	197	110
На Лозьве	168	168	136	172	217	226	118
На Пелыме	356	348	344	452	392	354	241
Всего	1324	1120	1104	1244	754	777	469

¹ Таблица составлена по тем же источникам, что и табл. 1. Данные 1901 г. взяты из работы А. Каннисто (см. список литературы). Численность населения в XVII — начале XVIII в. дана по числу ясачных плательщиков, умноженному на коэффициент 4.

Сургутском и Тобольском уездах. Сюда прибывало население из западных уездов и северных волостей Березовского у. (с Оби).

Наконец, в конце XIX в. исчезло угорское население на Туре, мало его осталось в Верхотурском у., оно уменьшилось на Конде, Оби, Иртыше, Демьянке, зато сильно выросло на Тавде, в низовьях Конды, в восточных волостях Сургутского у. В это время продолжался перелив населения с запада на восток и отчасти — с юга на север. Манси в это время насчитывалось 7021 чел., хантов — 16 256 чел. Завершились процессы ассимиляции манси-хантыйского населения на Северной Сосьве, Ляпине, Карыме.

Эти изменения отражает табл. 1, она рисует картину значительных миграций обско-угорского населения в XVII—XIX вв., ухода хантов со своих территорий, а также процессы ассимиляции манси-хантыйского населения.

В связи с тем, что этнические судьбы отдельных групп обских угров были вследствие этих событий различными, рассмотрим этническую историю основных групп хантов и манси. Как показывают исторические документы, ханты и манси издавна расселялись на обширной территории и распадалась на отдельные этнографические группы, довольно значительные по численности, — это западные, южные, восточные и северные манси, северные, южные и восточные ханты (Соколова, 1975).

Западные манси. Ранее всего начали осваиваться русскими западные и южные территории Западной Сибири и Приуралья. Под воздействием этого освоения этническая история западных манси претерпела изменения ранее других групп. К западным манси условно мы относим манси, живущих к западу от р. Конда

и Тавда. Это манси, известные по данным XVI—XVIII вв. и жившие по рекам Пелым, Лозьва (кроме ее верховий), Сосьва с Лялей, Кама с Колвой, Косьвой и Вишерой (Gulya, см. карту). В XVII в. это была территория Чердынского у. Пермской губ., Верхотурского и Пелымского уездов Тобольской губ. Возможно, к западной группе принадлежали манси, жившие в прошлом по Печоре, Вычегде и другим рекам Восточной Европы. Верхнепечорские манси в XVII в. были известны под именем остяков (Долгих, 1960, 25); в XVIII в. они были отнесены лингвистами к северной группе манси, образовавшейся в результате слияния манси и хантов, о чем мы будем говорить далее.

Возможно, еще в XIV—XV вв. на Пелыме жили ханты (остяки), а не манси (вогулы): А. Каннисто не обнаружил здесь мансийской топонимики (Kannisto, 1927, см. карту). Население Пелыма в XVI в. называлось по-разному: вогулами (Миллер, 1937, 341, 373), остяками (там же, 410), пелымцами (там же, 342—343). Пелымский князь Аблегерим, ходивший походом в Пермскую землю, носил татарское имя. Очевидно, племенная верхушка у пелымцев в то время была татарского происхождения (Долгих, 29; Симченко, 44).

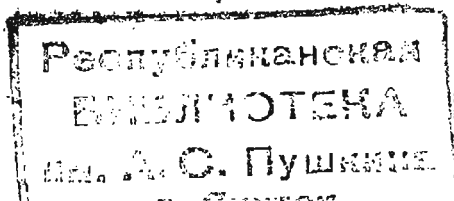
На Сосьве и Лозьве в XVI в. жили манси, здесь всюду, кроме верховий Лозьвы, есть мансийская топонимика. Ю. Б. Симченко отмечает наличие тамг «остяцкого стиля» в Верхотурском у., в частности на р. Сосьве (Симченко, 23, 25, 27), похожие тамги есть и в Пелымском у. (там же, табл. 24). Он считает, что это — следствие миграций березовских и белогорских хантов на запад. Думается, однако, что было наоборот. В связи с этим вспомним приведенное им свидетельство Н. И. Кузнецова о населении Сосьвы: тому сообщили местные жители Лозьвы и Сосьвы, что в верховьях Лозьвы живут вогулы (манси), а на Сосьве — остяки (ханты) (Симченко, 39—40).

С другой стороны, в именном фонде населения этих территорий немало имен и фамилий, общих с фамилиями хантов восточных территорий (по Оби с притоками): Кырысь (сравни Кырысов), Палка (сравни Палкин), Алеметко — Алеметов (сравни Алметьев), Чюм (сравни Чумов, Чумин), Няркумов, Чотов, Тоболтай, Сандра (сравни Сандрин), Шульга (сравни Шульгин — Чульгин), Калмыков — Калманов, Ленги — Ленгин — Лангин (ЦГАДА, ф. 214, оп. 5; кн. 10, л. 11, 14, 18; кн. 53, л. 440, кн. 144, л. 724; стб. 58, л. 26) ³.

На основании этих материалов можно сделать вывод, что тут прежде жили ханты, а позднее часть мансийского населения переселилась на остяцкие территории. Об этом свидетельствуют материалы с соседних территорий Верхотурского и Пермского уездов.

К сожалению, у нас нет данных о численности угорского населения Пермского, а впоследствии Чердынского уездов Пермской губ. с середины XVII по XIX в. Известно лишь, что в конце XIX в.

1160861

здесь оставалось очень мало манси, а в середине XX в. по Вишер-ре кочевала лишь одна семья манси Бахтиаровых. О переходе вишерских манси в Верхотурский у. и обратно писал С. В. Бахрушин (1955, 97).

Табл. 1 и 2 показывают изменения в численности населения в этом районе, а также на Пелыме⁴. С начала XVII в. по конец XIX в. численность населения здесь уменьшилась в три раза. Особенно сильно сократилась она в XVIII—XIX вв. Исчезло угорское население с Косьвы, Ляли, значительно сократилось оно на Лозьве и Сосьве, в районах, входивших в XVII в. в состав Верхотурского у.

Таким образом, в XVII в. население, видимо, уходило из этих мест на Конду, Северную Сосьву. К началу XVIII в., вероятно, сюда прибыла часть населения из Прикамья. В конце XVIII в. население западной группы снова сократилось, возможно, как следствие массовой христианизации населения в начале XVIII в. В конце XIX в. уменьшение населения в целом — это проявление тенденции переселения манси на север в связи с освоением Пелымского края русскими; в это время население переселялось в основном на Лозьву, а с нее — на Северную Сосьву и Ляпин. Об этом у нас есть свидетельства метрических книг: это были Укладовы, Бахтиаровы, Самбильталовы, Елесины. Уменьшение населения в начале XIX в., частичное обрусение его, отмеченное А. Каннисто (1970, 56—57), говорят об усилении процессов переселений манси на север и восток, на Обь, Казым. Об этом свидетельствует и Миллер: «Вогулы пелымские», жившие около дороги из России в Тобольск «перешли жить дальше от дороги» (Миллер, 1941, 17).

По всей видимости, еще в начале II тыс. н. э. по Пелыму, Лозьве и Сосьве жили ханты. Уже в XI—XIII, особенно в XIV вв. они стали отступать на восток под напором коми-зырян и русских, осваивавших этот край. На Ляле и Косьве манси обрусели (Долгих, 24). С Вишеры, Чусовой, Сылвы, Ирени они уходили сначала на Сосьву, Лозьву, Пелым, затем дальше на восток, на Конду, и север — на Северную Сосьву с Ляпиным, а еще позднее на Иртыш и Обь. Свидетельством этого являются, во-первых, название населения ряда этих волостей в прошлом «остяками», а не «вогулами», во-вторых, остяцкий характер имен и фамилий, а также тамг этого населения в XVI—XVII вв., в-третьих, отсутствие мансийской топонимики на Пелыме и Верхней Лозьве, куда манси пришли, вероятно, позднее, чем на Сосьву, Среднюю и Нижнюю Лозьву.

Распространение сходных имен и фамилий (Соколова, 1979а), названий населенных пунктов дает представление о переселении населения с запада на восток и северо-восток. Так, из западных волостей Верхотурского у. на Пелым пришли, вероятно, Дунайковы, Муратковы, Сандрины, Мумовы, Куземкины, на Конду — Баяндины, Елышевы, Ендыревы, Алакуловы, Лангины, Колмановы, Нермакумовы, Тургаевы, Мумовы, с Лозьвы на Пе-

лым — Шешковы, а на Конду — Терешкины; с Пелыма на Конду — Елпины, Нахрачевы, Пакисевы, из Верхотурского у., с Пелыма, Лозьвы, Сосьвы и Конды в Березовский у. на Северную Сосьву с Ляпиным переселились Елины, Елкины, Ендыревы, Каслипаевы, Награчевы, Нетины, Палкины, Пакины, Чотовы, Шешкины; еще далее на север, на Сыню — Еврины (сравни Евринские юрты), на Обь и Куноват — Кондины, Муратовы, Награчевы, Сандрины, Чульгины, Чумовы, Шешкины, на Казым — Кырысховы, Леигины. Из этих западных волостей на Иртыш и Обь (выше и ниже Самарова) переселились, по всей видимости, Ахтины, Баяндины, Еврины, Сабанчины, Ерганкины, Востыкины, Ляхтины, Нерымковы, Нипуровы, Каюковы, Кармашаковы, Чумины, Тоболдины, Базьяновы, Тайлаковы и др.

Возможно, манси-переселенцами были носители фамилии Вогаль — Вогалев — Вогалков — Вогулков — Воголков — Вогуляк, жившие в XVIII в. на широкой территории Западной Сибири, на Нижней и Средней Оби, Казыме (Березовский и Сургутский уезды).

В 1897 г. в инородческих волостях на Сосьве, Лозьве и Пелыме числились 181 человек русского населения (на 777 манси). В XIX в. часть мансийского населения — представители десяти фамилий (Картаевы, Востоковы, Толмачковы) — перешла из ясачного в крестьянское сословие. Со второй половины XVIII на первую половину XIX в. в волостях по Пелыму отмечено 22 брака с русскими (6% от общего числа браков), в волостях по Лозьве — 11 браков с русскими (14,5%), в волостях по Сосьве — 36 таких браков (17%).

В начале XX в. А. Каннисто обнаружил, что по Пелыму из 241 манси 62 чел. (25,5%) уже не говорили по-мансийски, по Лозьве из 279 манси 87 не говорили по-мансийски (31%), кроме того, здесь жили еще 31 полностью обрусевших манси. На Сосьве мансийских селений он уже не обнаружил (Kannisto, 1970, 49—61) ⁵.

Южные манси. К ним мы условно относим манси рек Тавда, Тура с притоками Ница и Тагил, а также Средняя Кама с Иньвой и Чусовой, верховьев Уфы (Gulya, см. карту) ⁶.

По данным топонимики, манси жили в прошлом по рекам Тура (верховья) с притоками Мулгай, Тагил и Нейва, Кама, Чусовая, Сылва, Ирень, Иньва, Уфа и Буй (верховья), Печора (верховья), Сысола, Вычегда, Пинега, Мезень (верховья), Вятка, Чепца, достигая притоков Волги в районе Космодемьянска (Kannisto, 1927, см. карту).

Переселение манси с Печоры, Вычегды, Мезени, Вятки и их притоков на запад, поглощение их коми-зырянами и русскими происходило, видимо, до XVI в. В XVI в. манси жили по Тагилу, Нейве, верховьям Туры и Уфы, Чусовой и Серебрянке, Мулгаю, на Аят-озере, Сылве, Ирени (Миллер, 1937, 220, 380, 405). В то время они были, видимо, довольно многочисленны и гораздо более воинственны, чем в XVIII в., оказывая активное и упорное

сопротивление отрядам русских, ходившим походами на Урал и в Сибирь (Миллер, 1937, 203). В XVII в. они жили примерно там же (Бахрушин, 1955, 87—88; Долгих, 20—33).

В XVII в. на Сылве и Ирени русские документы фиксируют то остяков, то татар (Бахрушин, 1955, 88; Долгих, 20, 22): остяками в документах названы жители Мулгае, волости «в поле над Аят-озером», на Невье (Долгих, 21): татарами названо население верховий Чусовой, Уфы, отчасти волости «в поле над Аят-озером» (Долгих, 21, 25).

Ю. Б. Симченко находит сходство в тамгах с «остяцкими» в волостях на Чусовой, Уфе, Мулгае, Туре, «в поле над Аят-озером» и татарскими — на Сылве, Ирени, Шакье, Мулгае, Аят-озере и в Низтуринской вол. (Симченко, 23, 25—30, 40).

Татары продвинулись сюда, очевидно, еще в XIII—XIV вв., когда они широко расселялись по территории юга Западной Сибири и Южного Урала. Видимо, к XVI—XVII вв. процессы тюркизации жившего здесь угорского населения завершились.

Среди имен и фамилий населения этих территорий также немало общих с хантыйскими: Сабанча (сравни: Сабанчин), Елеса — Елисов, Колмак (сравни: Колманов), Муратов, Челков (сравни с фамилией Чалковы или названием сел. Чалкины юрты), Баянко — Баяндин (сравни: Баяндин), Бердин, Муратов, Ендерев (ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, кн. 10, л. 11, 18, 24, 36, 41 об; кн. 53, л. 440, кн. 144, л. 687 об., 693, 713); Симченко, 10—12, 18—19, 26, 28). Интересно в связи с этим привести и названия притоков Сылвы и Ирени рек Таз и Барда, имеющие аналоги в названиях рек и фамилиях хантов Западной Сибири (сравни: река Таз в Западной Сибири, ханты Бардины на Васюгане).

С. В. Бахрушин упоминает «остяцкий молебный камень» на р. Шакве, притоке Сылвы (Бахрушин, 1955, 105). В связи с почитанием жертвенного места на Чусовой упоминаются остяки («востяки») на реках бассейна Камы — Очере, Тулве и Сылве (Бахрушин, 1955, 106).

Если в XVII в. на Мулгае и Аят-озере, вероятно, было еще смешанное мансийско-хантыйское население (Долгих, 21), то в XVIII в. в западных волостях по Чусовой, Тагилу, верховьям Туры население говорило по-мансийски (Gulya, 41—45).

Численность населения в Верхотурском у. (кроме волостей на Сосьве, Ляле, Косьве и Лозье, о которых мы уже говорили ранее) в XVII — начале XVIII в. уменьшалась (табл. 3): в середине XVII в. — на 14%, в конце XVII в. — на 27, в начале XVIII в. — на 3%, в целом за этот период — на 308 чел., или почти на 40%. Это уменьшение населения связано с обрусением населения (на Мулгае), тюркизацией его (на Уфе и Аяте) (Долгих, 24). Но часть населения, вероятно, ушла в другие места: частично — на Вишеру (с Лозьвы — Долгих, 24), частично — на восток. К началу XVIII в. исчезло угорское население с Уфы, Аят-озера. К этому времени, очевидно, полностью закончились процессы тюркизации части угорского населения на Уфе, Мулгае,

Таблица 3. Численность угорского населения в Верхотурском, Пелымском, Туринском и Тобольском уездах в XVII—XX вв. (южные манси) ¹

Уезд, волость	Годы						
	1626, 1629	1660	1691, 1694	1710, 1717	1789	1897	1901
<i>Верхотурский</i>							
На Мулгае	72	36	—	4	—	—	—
На Туре	332	276	256	292	—	—	—
На Чусовой	120	156	248	172	—	—	—
На Аят-озере	172	176	—	—	—	—	—
В верховьях Уфы	80	52	—	—	—	—	—
<i>Туринский</i>							
На Средней Туре	484	524	296	336	—	—	—
<i>Пелымский (на Тавде)</i>							
Чернавская	64	38	70	96	106	183	—
Табаринская	326	278	256	275	298	642	93
<i>Тобольский (на Тавде)</i>							
Кошутская	272	329	326	393	654	856	565
Всего	1922	1865	1452	1568	1058	1681	658

¹ Таблица составлена по тем же источникам, что и табл. 1. Данные 1901 г. взяты из работы А. Каннисто (см. список литературы). Численность населения в XVII — начале XVIII в. определена по числу ясачных плательщиков с коэффициентом 4 (для Верхотурского у.), 3,2 (для Туринского и Пелымского уездов) и 3,6 (для Тобольского у.)

в верховьях Чусовой и начались процессы обрусения его по верховьям Туры.

На большей части Тавды, по данным А. Каннисто, была мансийская топонимика, отсутствовавшая в ее низовьях (Kannisto, 1927, см. карту). В XVI в. русские документы фиксируют на Тавде вогулов (манси) и татар (Миллер, 1937, 251—252, 281—283). Князь Ишбердей, носивший татарское имя и известный по походу Ермака в 1581 г., возможно, был с Тавды (там же, 235). Во время похода Ермака в 1583 г. на Тавде упоминаются вогулы с «князцами» Кошуком и Тобором во главе, а в ее низовьях (Красноярская и Кылымская волости) — татары (Миллер, 1937, 251—252). С другой стороны, известно, что население Тавды — кошуки и табаринцы — уже занимались в это время хлебопашеством (Миллер, 1937, 253), возможно, это были татары и подвергшиеся их влиянию вогулы: табаринские и кошуцкие татары упоминаются в 1593—1594 гг. (там же, 281—282). По всей видимости, к концу XVI — началу XVII в. на Тавде вогульское население подверглось татарскому влиянию (Бахрушин, 1955, 88, примеч. 3).

В XVII в. население волости Кошуки Тобольского у. Б. О. Долгих относит к татарам, но не без основания считает, что в прош-

лом это население было вогулами (Долгих, 58). С. В. Бахрушин считал, что табаринские вогулы были ассимилированы татарами в течение XVII в. (Кошуки, Чандырь, Ясколба и Лоймытамак) (Бахрушин, 1955, 88, примеч. 3). В городке Кошуки в 1629 г. отмечен «лучший человек», «князец» Сантангул Туасков (ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, кн. 98, 19, л. 384 об.). Имена и фамилии, оканчивающиеся на -гул, видимо, уральского происхождения. В XVII же веке на Тавде описан современниками «вогульский» или «хангский» (?) шайтанщик (Миллер, 1937, 226; Бахрушин, 1955, 108). В XVIII в. на Тавде в трех волостях — Чернавской, Табаринской и Кошутской — жили манси.

Неясен этнический состав населения волостей Лобутан и Калыма в низовьях Тавды (Долгих, 58), но есть некоторое сходство в именах тавдинского «князца» городка Лабута (Миллер, 1937, 251), Лобутана (Долгих, 1960, 59) и князца Лабады (Лябы) из числа югорских и кодских «князцов», взятых в плен во время похода воевод Ивана III в 1483 г. (Бахрушин, 1955, 113). В волости Калым в 1629 г. зафиксирован «лучший человек» Мултанчей Кутупбердеев (ЦГАДА, кн. 19, л. 386 об.). Его имя, возможно, близко по происхождению имени и фамилии ханты Молдан (Обь), Молданов (Казым), Мултанов (Юган). Кроме того, Ю. Б. Симченко находит в волостях Лобутан и Комуцкой (Кошутской или Калымской?) тамгу гребень, аналогичную тамге жителей Уватской вол. (Симченко, 68, табл. 33, 15, 16). По нашему мнению, она может восходить к зооморфной тамге угорского происхождения.

Численность населения Тавды в XVII—XIX вв. постоянно менялась (табл. 3). В XVII в. население волости Кошуки имело, вероятно, смешанный этнический состав — здесь жили татары и ассимилированные ими остяки или вогулы. В табл. 3 итоговое число населения Тавды мы показываем с учетом волости Кошуки. Думается, правильнее учитывать это население вместе с остальным угорским населением Тавды, хотя надо помнить, что часть этого населения Кошуков была уже полностью ассимилирована татарами. Население Тавды все время, до начала XX в., росло, причем значительно. Оно уменьшилось лишь в середине XVII в. (на 7%). Далее оно растет на 6—18—38—58% (к концу XIX в.) (см. табл. 3). Особенно значителен рост населения в XVIII—XIX вв. Миллер сообщает, что в XVIII в., когда на Тавде образовались русские деревни, татары переселились отсюда на Тобол (Миллер, 1937, 251). Росло здесь и число русских в XVIII в. и особенно в XIX в. Представители семи мансийских фамилий перешли в крестьянское сословие. Усилились контакты манси и русских посредством заключения браков. В Чернавской вол. в 1765—1838 гг. заключено 36 мансийско-русских браков (29% от общего числа браков). В XIX в. число таких браков по сравнению с XVIII в. возрастает в шесть раз. В Табаринской вол. за это же время заключено 135 таких браков (35% от общего числа браков). В XIX в. их в четыре раза больше, чем в

XVIII в. В Кошутской вол. за это же время заключен 151 брак с русскими (19% от общего числа браков), в XIX в. число их возрастает в три с половиной раза по сравнению с XVII в.

С. К. Патканов в конце XIX в. упоминает в Куртумовской вол. Туринского у. вогулов, живущих среди обруселых татар, но, видимо, речь здесь идет в основном о тавдинских, табаринских манси (Патканов, II, 128). Он сообщает также, что вогулы Табаринской и Кошукской волостей смешаны с русским населением, русские крестьяне живут рядом с вогулами или на местах их прежнего жительства (там же).

В конце XIX в. число русского населения (в мансийских волостях) на Тавде достигло 279 человек (на 1681 манси), а в начале XX в. (1901 г.) А. Каннисто отметил мансийское население только в среднем течении Тавды в восьми селениях (одно — бывшей Табаринской вол., 7 — Кошутской). Численность этого мансийского населения сильно уменьшилась — до 658 чел., из них 327 уже не говорили по-мансийски (Kannisto, 1970, 9—17). Таким образом, на Тавде за пять столетий (XVI—XX вв.) население сменило этническую принадлежность четыре раза: еще до XVI в. здесь жили вогулы, в XVI—XVII вв. они были поглощены пришлыми татарами, в XVIII в. здесь снова возобладало мансийское население, а с начала XIX в. целое столетие длился процесс обрусения населения, закончившийся к середине XX в.

Именной и фамильный состав населения Тавды указывает на возможность присутствия здесь и остяцкого населения (в XVI—XVII вв.). Часть его пришла сюда из западных волостей, с Верхотурья, Пелыма, Сосьвы, Лозьвы (Алметевы, Манзыревы, Глазуновы, Муратовы, Тургаевы). Часть населения, как мы уже указывали ранее, переселялась на Конду, а также на Обь, Иртыш, Демьянку (Манины, Миткины, Кулебакины, Карабашевы), Северную Сосьву (Сергушкины). Переселялись они и из-за голода на (Конду) и под давлением татар.

Процессы этнического смешения и ассимиляции населения Тавды были облегчены и проходили довольно быстро, очевидно, потому, что население длительное время не имело четкого этнического характера (начиная с XVI в. это были то вогулы, то остяки, то татары).

Тюркизация и обрусение населения отчасти объясняют значительный рост населения здесь: естественный прирост населения тут был, вероятно, значительно выше, чем у остальных обских угров. Кроме того, увеличение здесь населения в XVIII—XIX вв. объясняется, скорее всего, приходом сюда части угорского населения с Туры (Илтеевы, Макаровы, Новоселовы). Лингвисты относят население Средней и Нижней Туры в XVIII в. также к манси (вогулам) (Gulya, 1958, см. карту), но, по всей вероятности, еще в XVII в. здесь было смешанное остяcko-вогульско-татарское население (Бахрушин, 1955, 88).

В XVI в. на Туре (Туринский у.) русские документы отмечают и вогулов, и остяков, и татар. Татары жили в низовьях Туры

(Миллер, 1937, 223, 225). Вогулы чаще всего упоминаются в верховьях Туры и по ее притоку Тагилу, т. е. на территории не Туринского, а Верхотурского у. (Миллер, 1937, 386, 405, 407). В среднем течении Туры (Туринский у.) упоминаются и остяки, и татары. Так, князец Япанча назван то татарин, то остяком (там же, 221, 386). Его брат Тувонга Кувандыков назван остяком (там же, 393), в Япанчиных юртах живут «татаровя да остяки» (там же). В 1574 г. в Тахчеях (?) на Туре жили остяки (Бахрушин, 1955, 114; Миллер, 1937, 339).

Тура (Туре) по-татарски — укрепленный городок. Башкиры называли тюменских и тобольских татар «турали» (Миллер, 1937, 193). Миллер приводит и вогульское название Туры — «Тере», «Тере-я», считая, что вогулы поселились здесь ранее татар (там же, 194). Но, возможно, в прошлом, еще до прихода сюда татар (V—VIII вв.), на Туре жили предки остяков. На это указывает как фамильный состав населения Туры, так и название его «остяками», а также остяцкий характер тамг жителей Туры (Симченко, 25, 27, 54—55). Наряду с татарскими тамгами здесь были и зооморфные тамги, похожие на остяцкие (лиса, медведь, журавль, олень, утка). Кроме того, есть еще некоторые косвенные данные. Название татарского городка Чимги как будто связано с именем Чингис-хана (Миллер, 1937, 192). Но есть еще одно написание названия этого города — Цымги (Миллер, 1937, см. карту). Оно весьма похоже на название волости Цынга, Цынгинских, Цынгалинских юрт на Иртыше, где жили ханты.

Этнический состав населения низовьев Туры изменился с приходом сюда татар и основанием Чимги-тура, вероятно, еще до XIII в., а в верховьях Туры, возможно, в XIII в., когда часть вогулов стала уходить из Пермской земли на земли остяков. На Средней Туре и Нице в XV—XVI вв. жили татары и остяки, остяцкая племенная верхушка была, видимо, связана браками с татарами.

В XVII в. Б. О. Долгих на Средней Туре в 16 селениях-юртах находит ассимилированных татарами вогулов, отмечая, что население тут называлось по-разному — остяками, вогулами и татарами (Долгих, 1960, 35). Миллер считал, что это были подвергшиеся татарскому влиянию вогулы или вогулы, возглавляемые татарским князем (Миллер, 1937, 476—477). Бахрушин писал: «Если верить русским источникам, и в вогульских юртах Туринского уезда в конце XVI в. еще жили остяки. Но если мы не имеем здесь смешения хантов с мансями, то это были лишь обломки прежнего хантского населения» (Бахрушин, 1955, 88).

В начале XVII в. в 16 юртах жило 484 чел. (табл. 3). К началу XVIII в. сохранилось лишь 7 юрт и в них — 336 чел. Б. О. Долгих считает, что причиной уменьшения населения были набеги калмыков и «измена» населения. Вероятно, часть населения уже в это время уходила на Тавду и Иртыш. На Нижней Туре Долгих (1960, 41—48) и Симченко отмечают в XVII в.

татар, но Симченко фиксирует у них вогульские тамги (крест, птичья лапа, круг, лук), подчеркивая связь предков здешних татар с уграми Урала (Симченко, 63).

В XVIII в. на Средней Туре среди русских деревень сохранились несколько селений с населением неясного этнического состава (в метрических книгах оно названо «ясашным»). Состав фамилий — остяцкий, русский и татарский. У нас нет полных данных о численности этого населения в то время. В Коркинской вол. было 22 чел., а в XIX в. здесь уже совсем не было угорского населения. Таким образом, тюркизация на Туре закончилась к XVII в., а обрусение угорского населения — к началу XIX в.

Восточные манси. Эта группа манси жила по р. Конда с притоками⁷. Возможно, в прошлом население р. Конда тоже было хантыйским. Еще и сейчас население низовьев Конды — ханты. А. Каннисто не обнаружил на Конде мансийской топонимики (Kannisto, 1927, см. карту). Интересно также проследить связь названия р. Конды и самоназвания хантов в XVII—XVIII вв. «кандаях» (Миллер, 1937, 87), особенно в связи с хантыйской фамилией Кондин — Кундин.

В XVI в. русские застали здесь вогулов и, очевидно, отчасти татар. Последние были здесь, по всей вероятности, немногочисленны, скорее всего это была лишь племенная верхушка, связанная с татарами браками (Долгих, 1960, 28—29; Симченко, 44). Состав имен и фамилий большинства жителей кондинских волостей Леуши и Большая Конда, за исключением имен князцов и мурз, угорский, а не татарский. Среди них есть такие, которые широко распространены среди хантов: Нерымкум, Сайнаков, Миткин (ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, стб. 58, л. 31—34, 1633—1634 гг.).

В 1596 г. в царской грамоте в волости Большая Конда упомянуты ясачные татары и их мурза Курманак (Миллер, 1937, 373). В челобитной 1600 г. сам мурза Курманак Танаев и сотник Калтай Еусев называют себя вогуличами (Миллер, 1937, 385). В 1604 г. в грамоте по челобитью Михаила Алачева упомянут пелымский остяк Курманак. Вряд ли Алачев мог ошибиться в определении этнической принадлежности жителя Конды, куда кодские остяки часто ходили походами. Вероятно, он назвал его остяком по традиции. В фольклоре ляпинских манси население Конды в XVI в. названо хантами, а не манси.

Относительно жителей притока Конды Карыма (Большуюкондинская вол. в XVIII в.) можно уверенно сказать, что они были в прошлом хантами и сменили свою этническую принадлежность в связи с ассимиляцией их манси в конце XVIII — начале XIX в. Метрические книги с 1770 по 1798 г. фиксируют здесь остяков. В записях браков с 1799 по 1802 г. этническая принадлежность населения не указана, а с 1803 г. вместо остяков здесь показаны вогулы (Соколова, 1979б). Часть населения волости, жители Ландинских юрт Косяковы в брачных

записях XIX в. фиксируются по-разному: то остяками, то вогулами. В 1901 г. уже все Косяковы считали себя манси (Kannisto, 1970, 26). О том, что в Юконде «манси жили в начале XVIII в. смешанно с хантами», писал Бахрушин (1955, 88). К тому же у жителей Карыма в XVII в. и тамга была общей с хантами Меньше-Кондинской вол.— что-то вроде бобра или выдры (Симченко, 21—22, табл. 33).

Табл. 4 (волости на р. Конда) дает представление о миграциях населения в XVII—XIX вв. на Конде. В XVII—начале XVIII в. численность населения была почти стабильна на Средней Конде (Б. Конда) и на Карыме (Б. Юконда) и возросла на 36,5% в верховьях Конды. К концу XVIII в. численность населения в верховьях Конды уменьшилась, возросла в два раза по Карыму, в пять с лишним раз увеличилась по Средней Конде. К концу XIX в. она в полтора раза увеличилась на Карыме, немного возросла по Средней Конде и снова уменьшилась по Верхней Конде. Эти колебания численности населения объясняются постепенным оттоком населения с верховий Конды в ее низовья и на Карым, а также переселением сюда населения с Тавды, Пелыма, Лозьвы, Туры.

В. Н. Чернецов (1939, 27) сообщает о предании, согласно которому тридцать человек с Тавды пришли на Конду, где основали селение Леуши (Леушская вол. числилась по Тавде в XVII в.— Миллер, 1941, см. схему). На Конде и Карыме встречается немало фамилий, общих с пелымскими, тавдинскими, лозьвинскими, сосьвинскими и туринскими — Алакуловы, Ендыревы, Илкины, Копыловы, Кучуковы, Лангины, Ложевы, Нерловы, Тохтаровы — Тохтаховы — Техтеревы, Тургаевы.

В начертании тамг кондинских вогуличей есть сходство с сосьвинскими и лозьвинскими (Симченко, 48), некоторые тамги, например земля, могли попасть сюда с запада.

На Конде хранились некоторые изображения духов, принесенные сюда из-за Урала. Одна из легенд о Золотой бабе гласит: сначала она почиталась в легендарной Биармии, затем была перенесена за Урал, будто бы хранилась на Конде, потом была унесена и спрятана в другом месте.

О знаменитом Мастерковом шайтане также сообщали, что он прежде был известен и почитаем в Пермской земле, потом был перенесен на Конду, затем — в Белогорье, на Обь или наоборот — с Оби на Конду (Бахрушин, 1955, 106—108; Миллер, 1937, 247—248). Описывая идол кондинского шамана Нахрача Евплаева, Г. Новицкий говорит, что он славился «во всей остяцкой земле» (Новицкий, 99, 101), а свою книгу, в которой описаны и кондинские жители, он назвал «Краткое описание о народе остяцком».

Вогульское население, прибывавшее на Конду с запада, очевидно, частично потеснило местных жителей на восток и север. О Пакиных, Елиных на Северной Сосьве мы уже писали.

Таблица 4. Численность угорского населения в Пелымском и Тобольском уездах в XVII—XX вв. по р. Конда (восточные манси)¹

Уезд, волость	Годы						
	1629	1660	1691, 1694	1710, 1717	1758	1897	1901
<i>Пелымский</i>							
Конда, Леуши	877	1107	988	1197	1338	1382	1487
<i>Тобольский</i>							
Большая Юконда	223	274	191	209	503	696	731
Всего	1100	1381	1179	1406	1891	2078	2217

¹ Таблица составлена по тем же источникам, что и табл. 1 (см. примеч. 1).

Ряд других имен и фамилий также свидетельствует о приходе населения с Конды на Обь, Иртыш, Юган, Демьянку: Тайлаковы — Тойлаховы (Конда, Демьянка, Юган, Нарымская Обь), Сасымовы — Сасыновы (Конда, Иртыш), Киприны (Конда, Иртыш, Вах), Нахтымовы — Нартымовы — Нертымовы (Конда, Иртыш, Вах, Васюган). Ахманай Курманаков (сравни с Курманаком на Конде) известен в Тобольской губ. с 1645 г. (ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 60, л. 3). Возможно, выходцы с Конды основали Леушинские юрты на Оби в Мало-Атлымской вол. Среди этих переселенцев могли быть и родственники и потомки Нахрacha Евплаева. Интересно, что сама фамилия Нахрачевых с 1791 г. исчезает на Конде, Нахрачевы с этого времени пишутся Пакиными (ГАТот, ф. 156, оп. 20, св. 751). Зато Нахрачевых — Награчевых мы встречаем в XVIII в. на Ляпине, Нижней и Средней Оби, Награчевские юрты были в Куноватской вол. в XIX в. Нахрачевы юрты существовали в XVIII—XIX в. в Лумпокольской вол. на Оби (Патканов, II, 59).

В то же время на Конду приходили ханты и с Оби. Это было связано с массовой христианизацией населения в начале XVIII в., когда некоторые изображения духов (кондинский кумир, каменная баба из-под Самарова) укрывались в верховьях Конды и ее притоков (Симченко, 96—97; Абрамов, 1851, 3). Но эти волны переселений были менее значительны, чем миграции с запада и юга. Таким образом, если на Конде процесс ассимиляции хантов переселенцами манси произошел, видимо, до XVI в. (возможно, в XIII—XIV вв.), то на Карыме он завершился лишь в XIX в. В XVIII в. межволостные брачные связи населения Карыма в значительной степени были ориентированы в сторону хантыйского населения Оби и Иртыша, таких браков заключено 27. С манси Туры и Конды они за это время заключили 30 браков. В XIX в. картина меняется: с жителями соседних хантыйских волостей заключено только 14 браков, с манси Конды — 42 брака.

Т а б л и ц а 5. Численность угорского населения Березовского у. в XVII—XX вв. по рекам Сев. Сосьва, Ляпин, Обь (северные манси)¹

Волость	Год										
	1629	1660	1691	1712	1794	1897 ²			1901		
						манси	ханты	ненцы	коми-зыря- не	русские	манси
Ляпинская	477	742	803	883	1107	897	9	156	445	42	922
Сосьвинская	893	1175	1373	1082	716	885	15	2	—	58	810
Подгородная	128	352	365	374	890	333	459	8	35	1	—
Всего	1498	2269	2541	2339	2713	2115	483	165	450	101	1732

Своеобразие этнической истории карымской группы манси объясняет наличие особенностей в языке этой группы по сравнению с остальными манси Конды, как это отмечают лингвисты, выделяя карымский диалект особо.

В конце XVIII в. на Конде и Карыме было немного русских — до 30 чел. В это время мало и браков с русскими — всего 10. В конце XIX в. Патканов указывает на Карыме 176 чел. русских, на Конде — 136 чел. (Патканов, II, 10—13, 81—82). А. Каннисто пишет, что в начале XX в. (1901 г.) из 2217 манси Конды и Карыма 181 чел. (10%) не говорили по-мансийски (Kannisto, 1970, 17—33, 38—39, 41—48). Здесь появились переселенцы манси из других мест (с новыми, неизвестными ранее фамилиями), а также обрусевшие ханты с Иртыша Бабкины.

Северные манси. Интересна проблема формирования этой группы манси. В бассейне Северной Сосьвы и Ляпина в XVI—XVII вв. жили ханты (Соколова, 1971, 214; 1975а, 202—203; 1976, 174; 1976а, 31, 34; 1977, 135—136; 1979, 1979б). В пользу этого говорит довольно много фактов: наличие в бассейне Северной Сосьвы памятников древнехантыйской усть-полуйской культуры (Чернецов, Мошинская, Талицкая, см. карту); хантыйская топонимика на этой территории (Rombandyejeva, 1967, 85—99; Старков, 208), фиксация А. Регули на этой территории в 1840-х годах хантыйских шаманских текстов (Munkácsi, 1952), сходство фонетической структуры языков сосьвинских манси и северных хантов, общность именного и фамильного фонда населения этой территории и северных хантов, а также групп более южных манси (Соколова, 1979, 1979 б), заключение браков населением данной территории еще в XVIII—XIX вв. с северными хантами, отсутствие таких брачных связей с южными и западными манси (Соколова, 1976б, 34 табл. 2, 1979), «остяцкий характер» тамг населения этой территории в XVII в. (Симченко, 82—86, 105—107), сходство в материальной и духовной культуре, религиозных представлениях, социальной организации северных манси и хантов (Соколова, 1975а, 204; 1976б; 1977, 136—137), название для населения этой территории в XVI—XIX вв. «остяки», а не «вогулы» (Бахрушин, 1955, 87; Долгих, 64), вхождение волостей Ляпин и Сосьва в одно княжество хантов Куноват или Ляпин (Миллер, 1937, 344), приток нового населения в бассейн Северной Сосьвы и Ляпина с юга и запада в XVII—XVIII вв.

Табл. 5 показывает, как изменялась численность населения этой территории в XVII—XIX вв. С начала XVII в. до конца XVIII в. население здесь удвоилось, постепенно увеличиваясь каждые 30 лет. Некоторое уменьшение населения отмечено лишь в 1712 г. (на 9% по сравнению с 1691 г.). Возможно, это уменьшение связано с массовой христианизацией обско-угорского населения в начале XVIII в. и оттоком его на север. Увеличение населения в XVII в. отчасти, вероятно, объясняется притоком новых ясачных плательщиков, но большей частью —

приходом сюда групп населения с Конды, Пелыма, Сосьвы, Лозьвы, Вишеры.

Архивные документы XVII в. неоднократно сообщают о переселениях манси с западного склона Урала на восточный и наоборот. Так, в 1643 г. один человек перешел с Косьвы на оз. Вагран (на притоке Сосьвы Ляле), второй — на Лозьву (ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, кн. 10, л. 9, 20). Два человека тогда же перешли с Чусовой на Салду, один с Салды «сшел из юртов безвесно» (там же, л. 41, 43). В 1642 г. числящиеся по Лозьвинской вол. братья Бархатовы «сошли» в Чердынью по Вишере (там же, кн. 144, л. 735, 738).

Не случайно, очевидно, березовские ханты почитали чердынский идол, находившийся в Пермской земле, которому приносили и человеческие жертвы (Бахрушин, 1955, 109). Манси Северной Сосьвы почитали духов, по преданиям находящихся в родственных связях с духами рек Пелым, Лозьва (Чернецов, 1939, 24—25). Возможно, есть связь и между именем сосьвинского остяка Келасова, или Кыласова (ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, кн. 816, л. 4) с названием старинного городища Кыласово в Прикамье на реке Иньве; может быть, это следы все тех же переселений с запада на восток.

Свидетельством прихода на Северную Сосьву и Ляпин населения из южных волостей является общность ряда фамилий: Елины (Конда, Ляпин), Елкины (Лозьва, Северная Сосьва), Пакины (Карым, Северная Сосьва), Шешкины — Шешковы — Шишкины — Шешуковы (Ляпин, Пелым, Лозьва, Верхотурье). Некоторые имена и фамилии попали на Северную Сосьву и Ляпин с запада, но ранее были характерны для южных районов расселения обских угров; например, имена Елеса и Дунай, давшие впоследствии фамилии Елесин и Дунаев, известны в XVII в. на Аят-озере и Туре, фамилии Елесин и Дунаев в XVIII в. известны по Пелыму и Вишере, позднее, в XIX в., — по Лозьве и Северной Сосьве. В связи с этим напомним заключение Г. М. Давыдовой о том, что, по некоторым антропологическим данным, жители среднего течения Северной Сосьвы и Ляпина ближе к населению Пелыма, а жители верховьев Северной Сосьвы — к населению Конды, причем у населения верховьев Северной Сосьвы прослеживаются черты тюркизации (Давыдова, 1976, 5, 6, 15—16). Возможно, следы этой тюркизации остались от кондинского населения, в прошлом испытывавшего тюркское влияние.

Помимо основных тамг, характерных для населения Северной Сосьвы и Ляпина (плишки, орла, медведя, журавля, дятла — Симченко, 107), здесь встречаются тамги, общие с южными группами обских угров (Верхотурье, Уфа, Пелым, Конда), — крест, птичья лапа, земля, солнце и др.

Из 428 браков, заключенных ляпинцами и сосьвинцами во второй половине XIX в. с жителями соседних волостей, только один заключен с манси Лозьвы, остальные — с хантами север-

ных волостей Березовского у. Это доказывает эндогамное единство группы северных хантов в XVII—XVIII и даже первой половине XIX в. и может служить аргументом в пользу их этнического единства.

В конце XIX в. в обеих волостях и прилегающей к данной территории Подгородной вол. проживало 2115 манси и 483 хантов, всего 2598 чел. В целом численность населения этого региона уменьшилась с 1794 г. на 7,5%. Население уходило на север, в низовья Оби, и на восток, на Казым, о чем мы уже говорили. Тем не менее на Северную Сосьву и Ляпин продолжали переселяться манси с Лозьвы (Самбильталовы, Бахтияровы, Елесины, Дунаевы, Тасмановы — Соколова, 1979). Некоторые из них на Лозьву переселялись с Вишеры (Чернецов, 1971, 55).

В то же время с Северной Сосьвы население переселялось на Обь. Это хорошо видно из табл. 5 и 6. К концу XVIII в. население Подгородной вол. более чем удвоилось, а в Естыльской увеличилось в три раза, тогда как на Ляпине население увеличилось на 24%, а на Северной Сосьве уменьшилось на 34%. Видимо, с этого времени на Оби стали расселяться манси по соседству с хантами.

На Северную Сосьву и Ляпин переселялись и ханты (Миненко, 145; см. также нашу табл. 5 — данные за 1897 г.), но эти переселения не носили массового характера. К началу XIX в. численность мансийского населения Ляпина и Северной Сосьвы еще уменьшилась (табл. 5). Продолжался процесс переселения манси на Обь и Казым. Таким образом, ясно, что мансийское население Северной Сосьвы и Ляпина сформировалось на основе смешения части местного хантыйского населения, не ушедшего на север и восток, и пришлого с юга и запада населения. Это пришлое в разное время население состояло из разных этнических групп: с Конды в XIII—XIV вв. сюда могли прийти остяки (ханты), в XVII—XVIII вв. — манси и смешанное хантыйско-мансийское население.

Формирование северной группы манси, по мнению П. Вереща, происходило с XIII в. (Верещ, 1975; 1978, 111). Н. А. Миненко относит этот процесс к первой половине XVIII в., полагая, что он мог завершиться в очень короткое время (Миненко, 144—145). Однако процесс сложения северных манси был более длительным (Соколова, 1976, 174).

Наиболее сильный приток населения в этот район, по данным табл. 5, приходится на XVII—XVIII вв. Возможно, он начался много раньше, в XIII—XIV вв., в связи с расселением татар на юге края и христианизацией прикамского населения Стефаном Пермским, но не был столь мощным. Безусловно, ряд имен и фамилий, сходных с известными в более южных и западных районах, появился тут ранее XVIII в.

Г. Ф. Миллер, исходя из языка населения Северной Сосьвы и Ляпина, называет его вогулами: «Река Сосьва до самых сво-

Таблица составлена по тем же источникам, что и табл. 1. Численность населения в XVII — начале XVIII в. рассчитана по числу ясачных плательщиков, умноженному на коэффициент 3,2.

О смешении вогулов и остяков на Северной Сосьве и Ляпине писали Н. А. Абрамов (1857, 332) и С. К. Патканов (II, 121). Еще в XIX в. население этого района называли остяками (Патканов, II, 121). К. Д. Носилов обратил на это внимание и объяснял следующим образом. Название «вогул» дано манси «русскими со стороны р. Лозьвы. Русские же р. Оби их называют маньсы и также остяками, но по привычке называя так обского остяка, с которым они живут» (Носилов, 1890, 531). В другой работе он пишет: «Маньсы не различают себя совершенно от жителей р. Лозьвы — вогул, и даже кладут одновременно с ними ясак, носят те же

фамилии, имеют тот же язык и находятся в постоянном сношении и родстве. Это доказывает, что маньсы — вогулы, но не остяки, от которых они различаются по языку, типу, верованиям и образу жизни» (Носилов, 1890а, 564).

Однако более прав, на наш взгляд, Н. А. Абрамов, считавший, что березовские манси образовались в результате смешения местных хантов и пришлых манси (Абрамов, 1857, 332). И. И. Огрызко считал, что еще в XVIII в. в бассейне Северной Сосьвы жили ханты (Огрызко, 5). Остяцким считает это население и Ю. Б. Симченко (70). С. В. Бахрушин и Б. О. Долгих относили это население к числу вогулов (в основном потому, что позднее здесь жили манси — Бахрушин, 1955, 87, 89, 93; Долгих, 64).

Очевидно, основные процессы формирования северных манси проходили в XVII—XIX вв. В XVIII в., вероятно, здесь уже распространился мансийский язык, хотя самосознание было еще не очень устойчивым. В XIX в. А. Регули, Б. Мункачи, И. Папай застали здесь уже мансийское население. По всей видимости, самосознание его уже сформировалось, но брачные связи в XIX в. по традиции по-прежнему ориентированы в сторону северных хантов. Правда, уже в первой половине XIX в. сокращается число браков, заключенных с жителями соседних волостей (с 24,4% в XVIII в. до 17,6% — в первой половине XIX в.). Во второй половине XIX в. этот процесс усиливается: число межволостных брачных связей сокращается до 8% (Соколова, 1979, 1979 г). Это свидетельствует, на наш взгляд, о завершении процессов формирования северных манси. За счет прихода манси из других мест увеличилась степень эндогамности, а следовательно, и этнической монолитности группы.

В XVIII—XIX вв. здесь отмечены лишь единичные случаи смешанных браков с русскими (семь браков по трем волостям). В конце XIX в. здесь проживали 101 русский, 166 ненцев и 450 коми-зырян. Ненцы известны на Ляпине еще с XVII в. (Васильев, 1974). В верховьях р. Ляпин в середине XIX в. был основан зырянский поселок Саранпауль. Массовое переселение сюда коми-зырян происходило в конце XIX в., но брачные связи между манси и ненцами, с одной стороны, манси и коми-зырянами — с другой, были редки. Чаще заключались браки между ненцами и коми-зырянами. Они были в более тесных взаимоотношениях: ненцы нередко работали пастухами у богатых коми-зырян. Мансийско-ненецкого происхождения могут быть носители фамилий Немдазины, Пузины и Яптины (Соколова, 1970а, 121; Васильев, 1974, 19—20).

Северные ханты. К ним мы относим хантов, живших в XVII—XIX вв. по Оби с притоками Сыня, Куноват, Казым, от Нижней Оби у Обдорска до Мало-Атлымских юрт⁸. В прошлом в их число входили и остяки Северной Сосьвы и Ляпина.

Ханты издавна жили в низовьях Оби с притоками Казым, Куноват, Сыня, Войкар, Полуй. Усть-Полуйская культура кон-

ца I тыс. до н. э., изученная В. Н. Чернецовым и В. И. Мошинской (Чернецов, Мошинская, Талицкая; Мошинская, 1965), по их мнению, — древнехантыйская культура.

Г. Ф. Миллер указывает на хантыйский Пантуев городок в Обской губе в XVI в. (Миллер, 1937, 310). Вероятно, в XV—XVI вв. ханты жили в низовьях Оби по соседству с ненцами.

Табл. 6 свидетельствует о значительном изменении численности хантыйского населения в трех самых северных волостях Березовского у. — Обдорской, Куноватской и Казымской. В XVII в. она более чем удвоилась (возросла с 1178 до 2803 чел.), увеличиваясь каждые полвека на 50—60%. К началу XVIII в. численность населения здесь возросла на 1789 чел., а за 80 лет XVII в. она увеличилась на 1497 чел. (на 50,5%).

Столь значительное увеличение численности населения можно объяснить приходом сюда хантов с Оби (выше Березова), Северной Сосьвы, Ляпина, Конды, которые уходили под давлением передвигающихся с запада манси, а также от ясачного обложения и христианизации. Именно на Крайнем Севере уезда в конце XVIII в. концентрировалось некрещеное хантайское население. Так, по данным исповедной росписи метрической книги 1794 г., в Обдорской вол. было 710 чел. крещеного хантыйского населения, а по ревизской сказке 1795 г. в волости насчитывалось 1624 чел., крещеных и некрещеных хантов (некрещеных среди них было примерно 1263 чел.).

Свидетельством перемещения населения на север являются некоторые общие для низовьев Оби и других территорий имена и фамилии, нередко совпадающие с географическими названиями. Например, среди некрещеного населения Обдорской вол. конца XVIII в. известны ханты с именами Винзили (сравни с названием г. Винзили на р. Пышма под Тюменью), Сургунт (сравни с фамилией Сургутков из Тобольского у. 1645 г. и названием городка и уезда — Сургут, Сургутский; ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 60, л. 1), Шигари (сравни с фамилией Шигирев из Сосьвинской вол. Верхотурского у. 1626 г.), фамилией Шигирков Верхуфинской вол. того же уезда 1642 г. и названием археологического памятника на Урале Шигирский торфяник; ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, кн. 10, л. 11, кн. 144, л. 823), Шешка (сравни с фамилиями Шешкин, Шишкин, Шешков, Шишкин из волостей на Лозье, Пелыме, Ляпине, Иртыше) и т. д.

Конечно, часть этих имен могла появиться здесь раньше, в том числе и тогда, когда заселялся север Западной Сибири. Некоторые из этих имен могут быть общеуральского происхождения, например, такие, как Пасторов — Паштеров⁹, или Винзили, или такие, как фамилия Пырчин — Пырсин — Першин — Пирчин — Пурчин — Пуртин (сравни с Першиными юртами на Лозье, Иртыше и в правобережье Тобола, а также с названием Пирчина вол. в Сургутском у.), известная у хантов и манси шести разных волостей на Лозье, Пелыме, Конде, Иртыше, Средней Оби, а также у селькупов (Пырчин — Пыршин). Но

целый ряд имен и производных от них фамилий появился здесь с более поздними переселенцами. Среди жителей Обдорской вол. в XVIII в. и позднее мы встречаем много фамилий, характерных для Северной Сосьвы, Ляпина, обских волостей, расположенных выше по течению, а также Иртыша: Адимховы, Алмины, Анимовы, Вогаль, Каулевы, Кондины, Костины, Макаровы, Немчинховы, Нетины, Огины, Поймаковы (сравни Байманковы), Пасторовы — Паштеровы, Семлаховы, Хотановы, Шешкины, Янасовы.

Ю. Б. Симченко считает характерными для Нижней Оби тамги птица, олень, воробей, дятел (Симченко, 79, 81). Вместе с тем тамга дятел встречается также в Сосьвинской, Подгородной и Белогорской волостях. Тамга олень еще шире бытовала в более южных районах от Средней Туры до Белогорья и от Сургута и Агана — до Средней Оби и Парабели. Как тамги дятел, человек, так тамга олень могла попасть сюда вместе с переселенцами.

За столетие с конца XVIII в. хантыйское население низовьев Оби увеличилось на 1237 чел. (на 27,5%). Если же рассматривать в это время весь Березовский у., то обнаружится интересная деталь: с 1794 по 1897 г. население всех волостей уезда, кроме Казымской и Обдорской, уменьшилось на 1220 чел. За это же время численность населения этих обеих волостей возросла на 1250 чел. Население уходило с Оби и некоторых ее притоков (Северная Сосьва, Ляпин) на север и восток. Это было вызвано интенсивным освоением русской промышленностью обского края, эксплуатацией и притеснением населения. Это видно из табл. 5: население Куноватской вол. в это время остается неизменным (сколько приходило сюда, столько, вероятно, и уходило), а население Обдорской и Казымской волостей увеличивается.

В памяти хантов Оби сохранились предания о переселении их предков с Северной Сосьвы и Ляпина (Чернецов, 1939, 25—26). Одного и того же духа в образе тетерки — Великой женщины — почитали северные манси и сынские ханты (Соколова, 1975б, 149—150).

Об этих переселениях говорят также имена и общие фамилии, известные в XVIII в. среди хантов Нижней Оби и манси Северной Сосьвы с Ляпиным — Палат — Палатов, Куноват (сравни с названием р. Куноват), Амосов — Амысев — Аммосов, Лангин — Ленгин, Енов.

О заселении Казыма и этнической истории населения этой территории мы уже писали (Соколова, 1977, 135—136). Здесь прослеживается немало имен и фамилий, общих с антропонимами обских хантов, населения Северной Сосьвы и Ляпина. Именно оттуда шел поток населения на Казым в XVII—XIX вв. К числу таких фамилий можно добавить Вогалевых, Нигылевых, Рукиных.

Характерными для Казыма Ю. Б. Симченко считает тамги олень, медведь, тетеря, росомаха, соболь, лисица, белка (Симченко, 91). Но не только тамга олень, как мы уже видели, имела широкое распространение, но и тамги медведь (Ляпин, Белогорье, Иртыш), тетеря (Белогорье, Юган), соболь (Сургутская Обь, Салым, Нарымский край). Кроме того, на Казыме были известны тамги рыба, стрела, птица, бытовавшие на Оби (в Селиярской, Кодской и Лунпукольской волостях), на Северной Сосьве и Ляпине. Они могли появиться на Казыме также в результате переселения сюда части населения из этих мест.

В XIX в. браки с ненцами жителей Березовского у. отмечены метрическими книгами лишь во второй половине века. Их всего 7 (0,9% от общего числа браков). В конце XIX в. в трех северных волостях было 4245 ненцев. Возможно, в Обдорской вол. ханты по-прежнему заключали браки с частью некрещеных ненцев (они не попали в метрические книги), но их было, вероятно, уже немного. Основной процесс ассимиляции этой части хантов ненцами закончился в конце XVIII в.

Коми-зыряне издавна, задолго до прихода в Сибирь русских, приходили из-за Урала на Обь и ее притоки для промысла пушного зверя и торговли. На постоянное же жительство в Сибирь они стали переселяться позднее, уже во второй половине XIX в. В конце XIX в. здесь, в трех северных волостях, проживало 1389 коми-зырян. Больше всего их было в Куноватской вол., в с. Мужи, которое было основано рядом с хантыйскими (Мужигорскими) юртами, вероятно, в середине XIX в. (Метрические книги Мужевской церкви начаты в 1863 г.), но браков с коми-зырянами ханты в XIX в. не заключали.

В трех северных волостях в конце XIX в. было всего 185 русских. Больше всего (71%) их было в Куноватской вол. С русскими в XVIII—XIX вв. было заключено только три брака.

В более южных волостях Березовского у. (в Чемашевской, Шеркальской, Естыльской и Малоатлымской), где также жили северные ханты, процессы миграций населения были несколько иными. Если в XVII и первой половине XVIII в. население здесь увеличивалось за счет переселенцев с запада, то с конца XVIII и в XIX в. оно здесь значительно уменьшилось: ханты стали переселяться на север, на Нижнюю Обь, и на восток, на Среднюю Обь с притоками (см. табл. 6).

Так, в XVII — начале XVIII в. численность хантыйского населения здесь увеличилась более чем на 40%, сюда пришла часть населения с Конды, Пелыма, Сосьвы и Лозьвы (табл. 6, южные волости Березовского у.). Это могли быть Базьяновы, Баяндины, Вогулковы, Ендырховы, Кулиховы, Ленгины, Сабанчины, жители Леушинских юрт Малоатлымской вол.

На Обь переселялись ханты и из других районов, например, с Иртыша, Салыма. Это были скорее всего Намбаровы, Тазинковы. В XVIII в. хантыйское население стало выселяться из этих мест на север и восток: к концу XVIII в. численность населения

уменьшилась тут на 14%, в конце XIX в. — на 17% (табл. 6). Это было связано как с христианизацией, проводившейся особенно активно в начале XVIII в. в Белогорской вол., так и в связи с земледельческим освоением территории. Возможно, из белогорских и кодских селений попали вместе с переселенцами на Нижнюю Обь и Казым тамги олень, рубежи, человек, рыба. Туда переселились Адины, Кенховы, Костины, Мулимховы, Разбойниковы, Рукины, Шадрины.

До XVII в. на Среднюю Обь с притоками выселились, по всей видимости, Бардаковы, Алачевы, в XVIII в. — Рукины.

В XVIII — первой половине XIX в. здесь заключались смешанные хантыйско-русские браки (их 21, или 0,5% от общего числа браков). Процессы слияния с русским населением усилились в конце XIX — начале XX в. В конце XIX в. сюда переселилась и часть манси с Северной Сосьвы, Конды. В 1897 г. в южных инородческих волостях Березовского у. их было 78 человек (Патканов, II, 29, 31).

Южные ханты. Они в XVII—XVIII вв. жили по Иртышу, Демьянке, Нижней Конде и Оби¹⁰. В прошлом территория их расселения была, вероятно, гораздо шире, захватывая как притоки Иртыша Тару и Омь вплоть до Барабинских степей, так и бассейн р. Туры, о чем мы уже говорили.

Еще Страленберг (Ф. Табберт) считал барабинских татар по происхождению остяками (Миллер, 1937, 188). На угорское происхождение население Тарского у. указывал и Б. О. Долгих (Долгих, 49). Исследования последних лет подтверждают эту точку зрения (Титова, 114—115, 142—143). Интересно, что именно барабинские татары еще в XVIII в. оставались язычниками (Миллер, 1937, 199). В Барабинской степи в XVI—XVII вв. была волость Лугуй (Миллер, 1937, 370; Долгих, 50, табл. 13); это название, возможно, имеет связь с остяцким именем Лугуй (князец одной из северных вол. Березовского у. в XVI в.). Отметим также два названия, оканчивающиеся на -гул: волость Чангула и Карагала, примыкающие к Нарымскому у. (к Парабельской и Васюганской волостям, последняя — остяцкая), а также название д. Мумраковой в волости Бараба (Долгих, 53), имеющей аналогии с хантыйскими фамилиями и именем Мамрук (обдорский князец), Мамруковы — Мумраковы (Средняя Обь, Балык), и д. Ачимовской в волости Тураш (Долгих, 53), возможно, близкой по происхождению к хантыйской фамилии Ачимов (Юган).

Очевидно, остяками до татар был также населен Иртыш от Тары до Тобола. Отметим ряд географических названий, общих с известными на хантыйских территориях. Это волость Супра к северу от р. Шиш, притока Иртыша (Миллер, 1941, см. карту). Супринские юрты известны на Конде, «супра» — один из этнонимов угров. Это также приток Оми р. Тартас (сравни: р. Туртас, правый приток Иртыша), оз. Увацкое при устье Ишима, волость Уват (сравни: волость и юрты Уват, Уватские

на Иртыше), волости Саргач при Ишиме и Саргатская при Иртыше (сравни: хантыйская фамилия Саргацкий, Саргатские юрты на Иртыше), Салымская вол. от юрт Салы-Залы (Миллер, 1937, 278) на Иртыше выше устья Вагая (сравни с р. Салым, Салымской вол. в Сургутском у.), городок Кысым-тура на Иртыше при устье Тобола (сравни с р. Казым — Касум по-хантыйски, фамилией Касымовы, именем Касыя). Возможно, часть этих названий татарского происхождения, но такие, как Супра, Касым, очевидно, все же угорские.

Остяцкими были, вероятно, в прошлом волости Ясколба и Вачнер (Долгих, 58). Правда, С. В. Бахрушин считал, что волости Ясколба и Лоймытамак в Тобольском у. (по р. Лойме) были мансийскими (Бахрушин, 1955, 88), но в волости Вачиер в 1629 г. отмечен «лучший человек» Айдаров (ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, кн. 19, л. 372), а ханты Айдарковы жили в XVIII в. в Тарханской вол. Население иртышских волостей Аремзян, Надцы, Карбина, Ук, Би-Туртас, Кул-Туртас и Уват Б. О. Долгих считал хантыйским по происхождению (Долгих, 58). По всей видимости, и примыкающая к Иртышу территория низовьев Тобола была в далеком прошлом занята остяками.

Иртышские (аремзянские) татары еще в XVI в. были язычниками и, давая клятву верности, целовали саблю, обрызганную кровью (Миллер, 1937, 199), — обычай широко распространенный у хантов.

В XVI в. в волости Тархан проживало население, считавшее, что они происходят от тобольских татар (Миллер, 1937, 245). Название Тарханской вол. Миллер связывает с татарским словом «тархан» — вольный господин. Татарский город Тарханкала (Тарханский острог) существовал в XVI в. недалеко от устья Туры, на правом берегу Тобола (Миллер, 1937, 222). Вероятно, отсюда и ушли на Иртыш татары волости Тархан. Это была самая северная по Иртышу группа татар. В XVII в. в волости Тархан (Колпугол) жили ханты (Долгих, 60, табл. 18).

Уватских волостей в XVII в. было две, во главе одной стоял «лучший человек» Бетко Ебашев, во главе другой — Алаберды Кускунчаков (ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, кн. 19, л. 347 об., 401). Ханты Алабердины известны в конце XVIII в. в Тарханской вол. Возможно, это были потомки хантов, подвергшихся в XV—XVI вв. татарскому влиянию. В XVIII в. в Уватских юртах Назымской вол. жили ханты. Тамга уватского населения — гребенка — похожа на зооморфную тамгу, общую с верхотурской, пелымской и тавдинской (сравни у Симченко, табл. 6—26, 35; 9—4, 32; 24—3, 8, 11, 44; 33—15, 16).

По всей вероятности, остяцкое население Иртыша Уватской и Колпуховской волостей в XV—XVI вв., а может быть, и ранее подверглось татарскому влиянию. В конце XVII в. в связи с разгромом Сибирского ханства татары ушли из этих мест к югу. На их место пришли ханты из западных районов.

В остальных волостях по Иртышу и Демьянке, в низовьях

Таблица 7. Численность угорского населения Березовского и Тобольского уездов по рекам Обь, Иртыш, Конда, Демьянка (южные ханты) ¹

Уезд, волость	Годы							
	1629, 1631	1660	1691	1713, 1717	1794, 1798	1897		
						ханты	манси	русские
<i>Березовский</i>								
Ендыр, Васпукол	230	717	297	346	647	439	2	4
Белогорская	262	298	269	406	422	324	—	29
<i>Тобольский</i>								
Самаровская	—	—	—	—	227	179	—	8
Нарым, Цынга ²	252	352	424	368	1380	535	—	216
Назымская	240	252	356	328	132	222	—	181
Уватская	108	112	136	216	—	—	—	—
Тарханская	152	188	180	292	158	101	—	—
Меньше-Кондинская	148	266	288	328	596	807	—	129
Верх-Демьянская	184	274	313	295	526	151	—	16
Всего	1576	2459	2263	2579	4088	2758	2	583

¹ Таблица составлена по тем же источникам, что и табл. 1. Численность населения в XVII — начале XVIII в. рассчитана по числу ясачных плательщиков, умноженному на коэффициент 3,2 (в Березовском у.) и 3,6 (в Тобольском у.)

² В XVIII—XIX вв. Нарымская вол.

Конды, а также на Оби ниже Самарова жили ханты. Численность населения здесь в XVII—XIX вв. постоянно менялась (см. табл. 7). В табл. 1 и 7 мы даем общий итог с волостью Уват, считаем, что правильнее рассматривать эту территорию вместе с волостью Уват. В XVII в. численность иртышского населения возросла на 40%, к началу XVIII в. — еще на 10%. Особенно выросла она к концу XVIII в. — на 93%, но по волостям изменялась неравномерно: очень сильно выросла в Нарымской вол. и почти неизменной оставалась в волостях Назымской (в нее в XVIII в. входила территория бывшей волости Уват) и Тарханской. В XVIII в. территория Нарымской вол. значительно увеличилась (за счет Тарханской), изменились границы Тарханской вол., появилась Самаровская вол. (на месте и за счет Темличеевой вол.). На Иртыш в XVII—XVIII вв. прибыла часть населения с запада — с Конды, Пелыма, а также, вероятно, из южных волостей Березовского у., с Оби ниже Самарова, с Туры. По всей видимости, этот приток населения связан с уходом населения от массовой христианизации в начале XVIII в. В Нарымской вол. отмечена тамга медведь, которая известна и в волости Белогорье (Симченко, табл. 34, 54). Быть может, это свидетельство миграции населения из одной волости в другую еще в XVII в. О приходе населения из западных и южных районов на Обь, Иртыш и Демьянку говорят тамги 'гребенка (животное?),

птичья лапа, а также фамилии Алимов, Шишкин, Нахтымов, Санкин, Сатыгин, Тайлаков, Кончин, Кослыпаев, Щепкин, Янышкин, Яркин, Ярков, названия населенных пунктов — д. Першина, Базьяны, название самой Нарымской вол.

На Обь в XVII — начале XVIII в. пришли труппы населения с Конды, Пелыма, Сосьвы, Лозьвы — Ахтины, Вогалковы, Кулековы, Кослыпаевы, Муратовы, Нюрымковы. С Иртыша и Салыма сюда переселились Айтовы, Бандины. В XVIII—XIX вв. с Оби на север (на Нижнюю Обь с притоками) стали переселяться ханты (Итармины, Необтины и др.).

Очень разнообразны белогорские тамги — олень, рыба, лодка, весло, лук, солнце, месяц, дерево, тетеря, бобр, скобель и др. (Симченко 100—103). Видимо, здесь было много пришлого населения. Ю. Б. Симченко считает, что тамгу лук сюда принесли жители Ваховской и Темличеевой волостей (Симченко, 103). Однако вполне может быть, что это были жители западных уездов и волостей, переселившиеся на восток (в Белогорскую, Темличееву и Ваховскую волости). Тамга лук была известна и на Конде, и на Пелыме, и в Верхотурском у., тамга ель — у верхотурского населения, солнце — у жителей Пелыма, Сосьвы, Конды.

В XVII — начале XVIII в. так же, как и в конце XVIII в., численность населения на Нижней Конде удвоилась (табл. 7). Продолжала увеличиваться она и в конце XIX в. (в полтора раза). Это объясняется оттоком населения с верховий Конды в низовья, а также переселением сюда групп населения с Тавды, Пелыма, Лозьвы, Туры. Об этом говорят фамилии нижнекондинского населения, общие с фамилиями жителей этих западных районов — Елпины, Тайлаковы, Тохтаровы.

Происхождение названия волости Нарым крайне интересно и говорит, по нашему мнению, в пользу нашей гипотезы расселения предков остяков в прошлом на всей территории Западной Сибири. В древности, пишет Миллер, на речке Неромке, впадающей в Туру, стоял вогульский городок Неромкарра (Миллер, 1937, 305). Он считает название этого городка пермским или зырянским. На месте этого городка был построен город Верхотурье. В грамотах 1597, 1601 гг. это место названо городище, юрт Неромкары или Неромкура, Неромкур («роспись городища Неромкуру») — (Миллер, 1937, 375, 377, 405). В другом месте Г. Ф. Миллер связывает это название со словом «нерым» — «нарым», что значит по-остяцки «болотистая местность» (Миллер, 1937, 245). «Няр» — болото и по-мансийски, и по-селькупски (Воробьева, 1977, 94, 96; Беккер, 1971, 414).

По всей видимости, с этим словом, возможно, уральского происхождения, связаны остяцкие имена и фамилии Нярко, Нерымкум, Няркумов, Нерымко, Нирымко и др. на широкой территории Западной Сибири (Соколова, 1979 в).

В XVII—XVIII вв. в Тобольском у. существовали Нарымский (Нерымский) городок и волость Нарым, Нерымская (на

Иртыше, ниже устья Демьянки) (Миллер, 1937, 437—438, см. карту). В то же время восточнее, на Оби, был сооружен Нарымский острог, впоследствии здесь существовал Нарымский у. По-хантыйски селькупы — «нерам-ях», сургутские остяки называют нарымских остяков — «норым», «норынг-ях» (Лукина, 1972, 70, 88; Миллер, 1937, 302).

Это не единственный случай столь широкого распространения одинаковых географических названий, имен и фамилий. Можно привести и другие подобные примеры — Першин — Пирчин — Пырсин — Пурчин — Пуртин и Першины юрты, Пирчина вол.; Сайнаков — Сайнахов, Сайнаковы юрты; Тоболтай — Тоболдин — Тоболжин, Тоболдинские юрты, Кондин — Кундин, р. Конда; Награчев — Нахрачев — Нахрач, Награчевы и Нахрачевы юрты и т. д. При этом могут существовать два пути распространения этих названий и имен с миграцией населения: первый путь, более ранний, — с уграми,двигающимися по Иртышу на север, а затем с Иртыша — на запад и восток; второй путь, более поздний, — с уходом населения из западных волостей на север и восток.

На Демьянке население также увеличивалось в XVII—XVIII вв. Оно уменьшилось только в начале XVIII в. (табл. 7), возможно, часть его ушла в это время на Иртыш (Лонкоткины, Полины, Усаевы). В конце XIX в. уменьшилось население в волостях по Оби Березовского у. (табл. 7).

В XIX в. хантыйское население Тобольского у. значительно сократилось — на 27,5%, а без Конды — на 45%. В это время часть населения обрусела, часть ушла в Сургутский у. На Иртыше уже в XVIII в. было много русских сел и деревень, часть угодий переходила в руки русского населения (Лопарев, 1892). В XVIII — первой половине XIX в. хантыйским населением уезда заключено 26 браков с русскими (2,5% от общего числа браков). Связи с русским населением во второй половине XIX в. еще более усилились (Соколова, 1979б).

Таким образом, в некоторых волостях на Иртыше (Уват, Ясколба, Вачиер, возможно, Тархан) этническая принадлежность населения менялась несколько раз. Сначала здесь жили остяки, потом пришли татары, затем снова прибыло хантыйское население и, наконец, в конце XIX—XX в. оно было ассимилировано русскими. Процессы ассимиляции, как и на Тавде, Туре, были облегчены этой частой сменой этнической принадлежности населения.

Восточные ханты. Они расселились по Средней Оби с притоками Салым, Пим, Аган, Тром-Юган, Юган, Вах, Васюган¹¹. В западной части Сургутского у. на Средней Оби с притоками Назым, Пим, Тром-Юган, Салым, Юган ханты жили задолго до прихода в Сибирь русских. Лишь на р. Балык только в конце XVIII — начале XIX в. ханты выселились с Югана. Поздно, уже в конце XIX — начале XX в., стал осваиваться хантами и Лямин.

Численность населения в западных волостях Сургутского у. (табл. 8) также менялась на протяжении XVII—XIX вв. К середине XVII в. она возросла на 25%, почти настолько же уменьшилась в конце XVII в., снова возросла в начале XVIII в. (на 11%) и сильно увеличилась в конце XVIII в. — на 11%; в конце XIX в. вновь уменьшилась на 18,5%. Эти изменения также связаны с переселением хантов с Иртыша на Среднюю Обь с притоками, а также, вероятно, из южных волостей Березовского у., в XIX в. — со Средней Оби и ее притоков в восточные волости Сургутского у.

О переселении хантов с Иртыша на Среднюю Обь с притоками Аган, Юган, Пим и далее на восток говорят предания этой народности (Kannisto, 1927, 59). Возможно, об этом же свидетельствует созвучие фамилии среднеобских хантов Насиных и названия одноименных юрт с юртами на Иртыше Насингаул, где жил вождь Назинг. Небезынтересно в этой связи и сходство тамг у прииртышских (нижнекондинских), юганских и васюганских хантов. Среди этих переселенцев могли быть также Апчины, Ахтины, Кайновы, Тайлаковы; с запада, с Конды, Лозьвы, Пелыма могли переселиться сюда Востыкины, Ляхтины, Кармышаковы, Каюковы, Нипиловы, Сохтановы и др.

В XVII в. здесь известны тамги олень, бобр, выдра, соболь, тетеря, лисица, солнце, месяц. Тамга олень очень широко распространена в Приобье: от Средней Туры до Нижней Оби, от Белогорья до Нарымского Приобья. Возможно, она связана с первыми, очень ранними переселенцами с Туры и Оби. Тамга тетеря могла попасть сюда с Казыма и Нижней Оби. Переселения на Аган казымских хантов предания фиксируют в XIX в. (Лукина, Кулемзин, Титаренко, 131), но начались они, вероятно, раньше. Так, Казымовы (впоследствии Казымкины) живут на Агане уже в конце XVIII в. С Казыма переселились сюда, вероятно, и Тырлины, Рандыковы, с Нижней Оби — Кантюровы, Лобановы.

В XIX в. в северных волостях Сургутского Приобья, главным образом на Агане, появились ненцы. Но браков с ними ханты заключали очень мало. Так, в XVIII—XIX вв. население трех волостей — Аганской, Юганской Подгородной и Тром-Юганской заключило с ненцами всего три брака, что составило менее 3% от общего числа браков, заключенных жителями этих волостей. С русскими браки также были редки. За тот же период жителями всех западных волостей Сургутского у. заключено 13 таких браков, или 0,2% (Соколова, 1979а). Хантыйское население все время держалось здесь обособленно, не смешиваясь ни с ненцами, ни с русскими, последних, правда, здесь было немного.

Задолго до прихода русских ханты жили и на Средней Оби, выше устьев рек Юган и Тром-Юган. Вероятно, остяцкое население проживало и на местах современного расселения селькупов — в низовьях Васюгана, по Оби (выше устья Тыма). Об

Таблица 8. Численность угорского населения Сургутского и Тобольского уездов в XVII—XIX вв. по р. Обь с притоками Салым, Юган, Пим, Аган, Тром-Юган, Вах, Васюган (восточные ханты) ¹

Уезд, волость	Годы						
	1624	1660	1692	1706	1782, 1798	1897	
						ханты	русские
<i>Тобольский</i>							
Салымская	235	242	149	174	262	214	—
Темличеева	130	220	170	232	145	184	—
<i>Сургутский</i>							
Юганские	372	533	434	459	1274	830	—
Селиярская	96	84	40	53	88	68	—
Аслыпская	9	3	6	9	—	—	—
Бардакова ²	276	316	217	205	658	684	—
Ваховская	214	335	174	149	520	846	59
Лунпукольские ³	546	843	530	595	1494	2550	49
Васюганская	260	310	270	282		588 ⁴	32 ⁵
Қараконская по Ваху	68	81	84	87	137	—	
Всего	2206	2967	2074	2245	4578	5964	140

¹ Таблица составлена по тем же источникам, что и табл. 1. Численность населения в XVII — начале XVIII в. вычислена по числу ясачных плательщиков, умноженному на коэффициент 3,1; ² В XVIII—XIX вв. Аганская, Пимская, Тром-Юганская волости;

³ В XVIII—XIX вв. это волости: две Лунпукольские — по Оби и Ваху, две Салтыковы — по Оби и Ваху, Пирчина, Тымская — по Ваху и Куль-Егану; ⁴ Два ханта из соседней Ларьякской вол.; ⁵ Еще девять селькупов.

этом говорит сходство географических названий (о термине Нарым мы уже говорили — см. с. 40; Сайнаковы юрты на р. Шегарка; Ларьятская вол. на р. Вах, Ларьятская вол. на р. Васюган, Ларьятские юрты на реках Вах и Карым) и фамильного состава селькупов и хантов (Игляковы, Кучуковы, Пыршины, Питасовы, Сайнаковы, Сегондины, Саргаевы, Сондоровы, Тоболжины и прочие селькупские фамилии имеют прямые аналогии среди хантыйских фамилий).

Численность населения восточных волостей Сургутского у. также менялась в XVII—XIX вв., как и в западных волостях того же уезда (табл. 8). Здесь тоже отмечен значительный прирост населения в середине XVII в., уменьшение его в конце XVII в., очень большой прирост в конце XVIII в. Однако в отличие от западных волостей население продолжало увеличиваться здесь и в XIX в. (табл. 8). Это объясняется тем, что население из западных волостей уезда уходило в это время далее на восток, в менее доступные для освоения русским населением места. Табл. 8 показывает вместе с тем исчезновение хантского населения в Караконской вол. на Вахе в составе Сургутского у. Вместе с селькупами с Ваха на Таз ушла и часть хантов (Алексеев, 34).

Итак, мы рассмотрели этническую историю всех групп хантов и манси в XVII—XIX вв. Главные тенденции в этнических процессах — это смешение различных групп хантов и манси между собой, которое происходило еще задолго до XVII в. под влиянием переселения части манси на восток и север, а также смешение их с соседними народами. В XVII—XIX вв. все этнографические группы хантов и манси были уже сильно смешаны и продолжали смешиваться (см. об этом у Бахрушина, 1955, 87). Южномансийские и южнохантыйские группы смешались с татарами, западномансийские — с русскими, хантами, северохантыйские — с ненцами и хантами более южных районов, среднеобские ханты — с иртышскими хантами и, возможно, западными манси, с селькупам, ваховские ханты — с селькупам, отчасти с кетами. Угорское население двигалось на протяжении веков в разные стороны, но основные тенденции переселений были на север и восток. Наши таблицы выявляют постепенное переливание населения на север и восток, постепенное продвижение границ расселения манси на восток, смену хантыйского населения мансийским.

Культура хантов и манси, какой мы ее знаем по материалам XVIII—XIX вв., уже достаточно нивелированная. Современные манси — это поздно сложившаяся этническая общность. Различные этнографические и территориальные группы этой общности складывались в разное время: карымская и северная завершили свое формирование в конце XVIII — начале XIX в., кондинская, вероятно, в XIII—XV вв., тавдинская, туринская, возможно, еще ранее.

По всей видимости, в далеком прошлом, еще до прихода в Сибирь татар почти вся огромная территория Западной Сибири была занята остяками. Они жили в бассейне Оби и Иртыша от Барабинской степи до Обской Губы, от Енисея до Урала, заходя и на западные склоны Урала. В. А. Могильников считает, что ханты сложились как этническая общность в конце I тыс. до н. э. (Могильников, 17). Возможно, первоначально остяки были еще не совсем оформившейся этнической общностью, но самоназвание «остяк», происходящее от «ас-ях», уже оформилось.

Что значит «ас-ях»? Это люди (большой) реки. «Ас» похантыйски — это и Обь, и Иртыш, и Енисей (Яныг-Ас — большая река (Воробьева, 92), так называется Обь, Аг-Пал-Ас — Иртыш, Хопи-Пал-Янаг-Ас — Енисей).

Вопрос о происхождении слова «ас» сложен. По мнению А. П. Дульзона, «ас» — древнее угорское слово, потерявшее свое значение, или же заимствованное слово (Дульзон, 367). Но может быть, это еще более древнее слово уральского происхождения?

Возможно, «ас-ях» — это самоназвание западносибирской части уральского населения (уральской общности). Ведь, наверно, не случайно не только ханты, но и селькупы и кеты назы-

вались в старину остяками (остяко-самоедами и енисейскими остяками). А расселялись уральцы в Западной Сибири, конечно, по большим рекам — Оби, Иртышу, Енисею и их притокам.

Предки манси первоначально, вероятно, жили не в Сибири, а на Южном Урале и его западных склонах; отсюда сходство их антропологического типа с поволжскими народами (Давыдова, 1976, 7) и лишь потом, в процессе многовекового переселения, оказались на современной территории.

Предложенная нами гипотеза основных этапов этнической истории хантов и манси, разумеется, еще нуждается в дополнительной аргументации. Но нам кажется, что она объясняет многое из того, что до недавних пор было предметом споров или оставалось совершенно неясным: самостоятельность языка и самосознания обоих народов и поразительное, почти идентичное сходство их материальной, духовной культуры, социальной организации, тамг, религии, именное и фамильное сходство; название предков современных манси «остяками» в прошлом; изменения в численности и расселении хантов и манси.

Вместе с тем сложность этнической истории, поздний характер формирования мансийских групп, неустойчивость их этнической целостности в прошлом (образования типа «многослойного пирога» — остяки — татары — вогулы) объясняют и быстроту происходящих в их среде процессов ассимиляции в XIX—XX вв. (обрусение населения).

Примечания

- ¹ Условно к манси мы относим население Пермского, Верхотурского, Пелымского и Туринского уездов.
- ² У нас нет данных по Пермскому у. с середины XVII до XIX в. Известно лишь, что к началу XIX в. в уезде оставались единицы манси.
- ³ Здесь и далее дается сравнительный материал по фамильному составу хантов и манси XVIII в. (Соколова, 1979б).
- ⁴ Население, жившее по рекам Сосьва и Лозьва, входило в два уезда — Верхотурский и Пелымский.
- ⁵ А. Каннисто помещает Сосьвинскую вол. в низовья Лозьвы.
- ⁶ Территория Верхотурского, Пелымского и Тобольского уездов Тобольской губ. в XVII в.
- ⁷ Территория Пелымского и Тобольского уездов Тобольской губ. в XVII в.
- ⁸ В XVIII в. это территория Обдорской, Куноватской, Казымской, Шеркальской, Чемашевской, части Подгородной (по Оби), Естыльской и Малоатлымской волостей. Ханты Малоатлымской вол., судя по ориентации брачных связей, занимали промежуточное место между северными и южными хантами (Соколова, 1979). В XVII в. селения Чемашевской, Шеркальской, Естыльской и Малоатлымской волостей входили в состав так называемого княжества Кода. Часть Естыльской вол. входила в волость Сосьва (Долгих, табл. 19; Соколова, 1976б, с. 28).
- ⁹ По преданию, люди рода Паштер прежде жили на юге, там, где начинается р. Обь (Sibirische Märchen, 1968, 24—26).
- ¹⁰ В XVII—XVIII вв. это в основном территория Тобольского у., а также Ендырской, Сухоруковской и Белогорской волостей Березовского у.
- ¹¹ В XVII—XVIII вв. это территория Сургутского у. Тобольской губ.

Литература

- Абрамов Н. А. 1851. О введении христианства у березовских остяков.—ЖМНП, I, № 12.
- Абрамов Н. А. 1857. Описание Березовского края.—Зап. РГО, т. XII.
- Алексеев Е. А. 1978. Этнические взаимодействия коренного населения Туруханского Севера и Верхнего Таза.—В кн.: Народы и языки Сибири: Архивные исследования. М.
- Бахрушин С. В. 1955. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв.—В кн.: Бахрушин С. В. Научные труды. М., т. III, ч. 2.
- Бахрушин С. В. 1955а. Ясак в Сибири в XVII в.—В кн.: Бахрушин С. В. Научные труды. М., т. III, ч. 2.
- Беккер Э. Г. 1971. Топонимический словарь: Российская федерация. Западная Сибирь. М. (Сер. Советский Союз).
- Васильев В. И. 1974. Ляпинские ненцы: Этническая судьба одной самодийской группировки.—В кн.: Новое в этнографических и антропологических исследованиях. М.
- Вереш П. 1975. Общественные и этнические группы манси в XVII—XIX вв.: Тезисы.—В кн.: Congressus Quartus Internationalis Fenno—Ugristarum. Budapest.
- Вереш П. 1978. Этнокультурное развитие угорских народов.—В кн.: Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск.
- Воробьева И. А. 1977. Топонимика Западной Сибири. Томск.
- Давыдова Г. М. 1976. Антропологическое исследование северных манси и некоторые вопросы их расо- и этногенеза: Канд. дис. М.
- Долгих Б. О. 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке.—ТИЭ, т. LV.
- Дульзон А. П. 1961. Дорусское население Западной Сибири.—В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
- История Сибири. 1968. Л. Т. 2.
- Лопарев Хр. 1892. Самарово, село Тобольской губернии и округа: Материалы и воспоминания о его прошлом. СПб.
- Лукина Н. В. 1972. Об этнических связях васюганско-ваховских хантов.—В кн.: Материалы по этнографии Сибири. Томск.
- Лукина Н. В. 1976. Некоторые вопросы этнической истории восточных хантов по данным фольклора.—В кн.: Языки и топонимия. Томск.
- Лукина Н. В., Кулемзин В. М., Титаренко Е. М. 1975. Ханты р. Аган.—В кн.: Из истории Сибири. Томск, вып. 16.
- Миллер Г. Ф. 1937. История Сибири. М.; Л. Т. 1.
- Миллер Г. Ф. 1941. История Сибири. М.; Л. Т. 2.
- Миненко Н. А. 1975. Северо-Западная Сибирь в XVIII—первой половине XIX в. Новосибирск.
- Могильников В. А. 1964. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I — начале II тысячелетия н. э.: Автореф. канд. дис. М.
- Мошинская В. И. 1965. Археологические памятники Северо-Западной Сибири.—САИ, вып. Д 3—8.
- Новицкий Г. 1941. Краткое описание о народе остяцком. Новосибирск.
- Носилов К. Д. 1890. Антропологический очерк вогулов.—Изв. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. 49, вып. 5.
- Носилов К. Д. 1890а. Исторические памятники племени маньсы.—Изв. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. 49, вып. 5.
- Огрызко И. И. 1941. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. М.
- Патканов С. К. 1911. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. II.—Зап. РГО по отдельности статистики, т. XI, вып. 2.
- Прокофьева Е. Д. 1952. К вопросу о социальной организации селькупов.—В кн.: Сибирский этнографический сборник. М. Т. 1.
- Симченко Ю. Б. 1965. Тамги народов Сибири в XVII в. М.
- Соколова З. П. 1961. О некоторых этнических процессах, протекающих у селькупов, хантов и эвенков Томской области.—СЭ, № 3.

- Соколова З. П. 1970. Современные этнические процессы у обских угров.— В кн.: Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М.
- Соколова З. П. 1970а. Социальная организация обских угров и селькупов.— В кн.: Общественный строй у народов Северной Сибири. М.
- Соколова З. П. 1971. Ханты.— ВИ, № 8.
- Соколова З. П. 1973. О сложении этнографических и территориальных групп у обских угров.— В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. М.
- Соколова З. П. 1975. Формирование ареалов этнографических групп хантов и манси.— В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л.
- Соколова З. П. 1975а. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров.— В кн.: Этногенез и этническая история народов Севера. М.
- Соколова З. П. 1975б. Находки в Шишингах: (Культ лягушки и угорская проблема).— СЭ, № 6.
- Соколова З. П. 1975в. Наследственные, или предковые, имена у обских угров и связанные с ними обычаи.— СЭ, № 5.
- Соколова З. П. 1976. Рец. на кн.: Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в.: Ист. очерк. Новосибирск, 1975.— СЭ, № 3.
- Соколова З. П. 1976а. Страна Югория. М.
- Соколова З. П. 1976б. Проблема рода, фратрии и племени у обских угров.— СЭ, № 6.
- Соколова З. П. 1977. Загадка Юильского городка.— СЭ, № 4.
- Соколова З. П. 1979. Ляпинско-Сосьвинская группа манси по материалам брачных связей в XVIII—XIX вв. Томск.
- Соколова З. П. 1979а. Численный, семейный и брачный состав хантов и манси в XVIII—начале XX в.: (Материалы). Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР, № 3513.
- Соколова З. П. 1979б. К происхождению современных манси.— СЭ, № 6.
- Соколова З. П. 1979в. Миграционные процессы и их факторы у обских угров.— В кн.: Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск.
- Соколова З. П. 1979г. Формирование этнографических групп северных хантов и манси.— В кн.: К истории малых народностей Европейского Севера СССР. Петрозаводск.
- Старков В. Ф. 1973. Новые находки плоского литья в Нижнем Приобье.— В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М.
- Титова З. Д. 1976. Барабинские татары: (Ист.-этногр. очерк).— В кн.: Из истории Сибири. Томск, вып. 19.
- Чернецов В. Н. 1939. Фратриальное устройство обско-югорского общества.— СЭ, № 2.
- Чернецов В. Н. 1971. Наскальные изображения Урала.— САИ, вып. В4—12.
- Чернецов В. Н., Мошинская В. И., Талицкая И. А. 1953. Древняя история Нижнего Приобья.— В кн.: МИА. М., № 35.
- Gulya J. 1958. Egy 1735—ből származó manysi nyelvemlék. Különnyomat a Nyelvtudományi Közlemények LX. Kötetének 1. Számából. Budapest.
- Kannisto A. 1927. Über die früheren Wohngebiete der Wogulen im Lichte der Ortsnamenforschung.— Finno-Ugrische Forschungen, Bd. XVIII, H. 1—3. Helsingfors.
- Kannisto A. 1970. Statistik über die Wogulen.— Journal de la Société Finno-Ougrienne, 70. Helsinki.
- Munkácsi B. 1952. Obi-ugor medvetiszlelet. Budapest.
- Rombandjeva J. I. 1967. Néhány vogul nélynev etimológiája.— Magyar Nyelvújráások.
- Sibirische Märchen. 1968. Köln. Bd. 1.
- Sokolowa S. P. 1977. Zur Frage der Entstehung der ethnographischen und territorialen Gruppen der Obugrier.— Acta Ethnographica, T. 26.3 (1—2). Budapest.

Ненцы и энцы

В Первоначальной русской летописи, иначе называемой Повестью временных лет, в записях, относящихся к 1096 г., помещен рассказ новгородца Гюряты Роговича, отправившего одного из своих людей на Печору к новгородским данникам — югре. Среди известий, принесенных посланцем, есть и такое: «Югра же людье есть язык нем и соседят с Самоядью на полунощных странах» (Повесть временных лет, 1926, 227).

Сообщение новгородца — первое упоминание о «самоедах» в исторических документах. В нем идет речь о ненцах Европейского Севера. Ненцы, кочевавшие по ту сторону Уральского хребта, фактически оставались вне пределов русского административного влияния вплоть до начала XVII столетия, когда усилиями двух военно-торговых экспедиций в низовьях Таза был возведен ставший впоследствии знаменитым Мангазейский острог, которому на несколько десятилетий было суждено стать важнейшим форпостом русских в освоении Севера Сибири. Отправлявшиеся оттуда отряды казаков и других служилых людей в сравнительно короткий срок привели «под государеву руку», т. е. обложили данью (ясаком) все основные этнотерриториальные группы ненцев и энцев.

Таких групп, по материалам XVII в. и последующих двух столетий, устанавливается пять (три в составе ненцев: европейская, сибирская тундровая и сибирская лесная — и две в составе энцев: тундровая и лесная). Все эти этнотерриториальные группы сложились на основе синтеза различных самодийско-язычных и аборигенных элементов, что нашло отражение в специфике их родовой структуры, имели достаточно четкие границы расселения, обладали диалектными или говорными особенностями. Поэтому в настоящей главе история этнического развития ненцев и энцев рассматривается через призму этнической истории каждой из названных групп, которая, в свою очередь, подразделяется нами на два больших хронологических отрезка: XVII—XVIII столетия и XIX — начало XX в.

Основными источниками для установления численности, фамильного и родового состава, территории расселения ненцев и энцев на протяжении XVII и XVIII столетий являются списки ясачных плательщиков и материалы ревизий.

Местом кочевий европейских ненцев служили обширные тундровые пространства между р. Мезенью и Уральским хребтом, причем некоторые их группы заходили гораздо западнее, в бассейны рек Пинеги и Северной Двины и даже в низовья Онеги (Калинин, 79—80; Чаев, 46; Колычева, 76).

Тундровая зона Европейского Севера с точки зрения ее географии обычно подразделяется на три неодинаковых по размерам подзоны, или «тундры»: канинскую, тиманскую и больше-

земельскую. В рассматриваемое время каждый из названных регионов являлся местом кочевий одной или нескольких групп ненецких родов. В архивных документах XVII—XVIII вв. нередко можно встретить записи, относящиеся к «самоедам» Канинского и Тиманского (Тиунского) берега, которые кочевали на Канинском полуострове и в Тиманской тундре. Канинские и тиманские ненцы вносили ясак непосредственно в г. Мезени, центре одноименного уезда.

На пространствах Большеземельской тундры кочевали три группы ненцев. По названиям слободок, к которым они были приписаны для уплаты ясачного сбора, их именовали пустозерскими (вносили дань в Пустозерский острог на Печоре), или югорскими, усть-цилемскими и ижемскими «самоедами». Последние две слободки также располагались на Печоре, но в южной части Большеземельской тундры, где открытые тундровые пространства перемежаются с островами лесных массивов. Поэтому в дореволюционной литературе усть-цилемские и в особенности ижемские «самоеды» нередко именовались также лесными, или лесовыми.

Наиболее ранние по времени сведения о численности европейских ненцев относятся к XVI столетию. В жалованной грамоте царя Ивана Васильевича Грозного канинским и тиманским (тиунским) «самоядцам», датируемой 1545 г., сказано, в частности: «... а те де самоядцы с своих с пятидесят луков с того ж места дают мне же Великому Князю в казну по три ж рубля на год» (Сб. РИО, 1907, 331). Поскольку количество луков соответствовало количеству взрослых мужчин — плательщиков ясака, общая численность населения на Канинском и Тиманском берегу, пользуясь коэффициентом 4, предложенным Б. О. Долгих (Долгих, 1960, 13—14), может быть условно определена в 200 чел. Представление о численности ненцев Большеземельской тундры в XVI в. дают записи в писцовой книге Пустозерской вол. за 1574 г., где о «самояди Пустозерской царя и великого князя тягловой некрещенной» сказано, что «они прежде сего царю и великому князю давали дани... с сорока пяти луков... а впредь им давати в казну дани с сорока девяти луков...» В том же документе говорится, что «югорские Самояды и Самояды других земель» в указанном году платили ясак с 240 луков (Вениамин, 50). Общая численность большеземельских ненцев в рассматриваемое время может быть определена (путем умножения на 4) в 1156 чел.

Для второй половины XVII в. численность тиманских ненцев устанавливается в количестве 40 (1688 г.), пустозерских — 153 (1693 г.), усть-цилемских — 18 (1693 г.) и ижемских — 140 (1683 г.) плательщиков ясака (Колычева, 83; Долгих, 1970, 16, 17). Но наиболее полные данные о численности ненецкого населения Архангельской губ. содержат первичные материалы V (1795 г.) ревизии. Этой ревизией в Канинской земле было уч-

тено 336, в Тиманском берегу — 292, в Пустозерском, Ижемском и Усть-Цилемском ведомствах соответственно 514, 268 и 102, а всего по губернии 1512 «душ» мужского пола (ГААО, ф. 51, оп. 11, т. III, д. 3258).

Архивные материалы позволяют прийти к заключению, что уже в конце XVII в. территориальное, а стало быть, и хозяйственное единство рода у ненцев Большеземельской тундры было существенно нарушено. Члены родов Выучи и Хэтанзи, например, вносили ясак в трех административных ведомствах, а члены рода Вэли — в двух. Данные середины XVIII столетия свидетельствуют о дальнейшем углублении этого процесса. В Книге ясачного сбора 1743 г. в составе Пустозерского ведомства, кроме основного рода Тысяя в количестве 40 ясачных плательщиков, фигурируют два его подразделения — Нохо-Тысяя (Ноготысый) и Яв-Тысяя (Явтысый): 15 и 10 ясачных людей соответственно (ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 3223). О том, что дробление основных родов большеземельских ненцев интенсивно продолжалось и в последующие годы этого столетия, говорят и материалы IV и V ревизий.

В книге И. Лепехина приводятся ответы на вопросы «о быте канинских, тиманских, пустозерских, устьцилемских и ижемских Сямоедов», заверенные подписями и личными тамгами «лучших людей» всех пяти поименованных ведомств. В их числе встречаются клейма (тамги) «Сямоедов» Пустозерского ведомства Васьки, Хасовея и Сядея Талеевых рода Тысяя и приводится имя старшины этого рода Единдомы Ледкова (Лепехин, 286). Ранее в ясачной книге 1743 г. упоминался Васка Летков также в составе рода Тысяя (ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 3223, л. 3 об.). В настоящее время Талеев и Ледков — одни из наиболее распространенных ненецких фамилий Европейского Севера. Первая из них встречается главным образом в Малоземельской тундре, вторая — там же и в северной части тундры Большеземельской. Таким образом, приведенные материалы свидетельствуют о продолжающемся дроблении пустозерского рода Тысяя на патронимии, дожившие в виде фамилий вплоть до нашего времени — Талеевы и Ледковы¹.

Менее выражен процесс выделения патронимий, или больше-семейных коллективов, был у усть-цилемских и ижемских ненцев. И все же, по материалам ясачной книги 1743 г., можно упомянуть братьев Тагану и Року Алеевых — основателей позднейших патронимий Дзиэль-Тагановы и Рока — в составе рода Хэтанзи.

В ответах «сямоедов», помещенных в книге И. Лепехина, впервые встречаются родовые названия тиманских и канинских ненцев. Так, к ответу «сямоедов» Тиманского берега приложили клейма «сямоедский старшина роду Ванойты Марсала Соболев» и «сямоеды» того же рода «Пронька и Климка Варницыны, Мишка и Ванька Соболевы и Ефимка Хабаров». Ответ

«самоедов» Канинской земли заверен клеймами членов «роду Лохейского Афоньки, Тимохи и Ваньки Батуриных, Кирилки Сулентьева и Ваньки Ардеева из роду Вaleyского» (Лепехин, 287—288).

Материалы, приведенные в книге И. Лепехина,— один из немногих источников по родовому составу канинских и тиманских ненцев. Кроме того, сообщаемые И. Лепехиным данные о родовой принадлежности отдельных канинских и тиманских фамилий заставляют, на наш взгляд, критически отнестись к высказывавшемуся в литературе мнению о том, что уже к началу XVIII в. родовая организация у этих групп европейских ненцев была окончательно разрушена (Терентьев, 16). Вероятно, завершение этого процесса следует передвинуть по крайней мере на столетие ближе к нашему времени.

В целом же архивные и литературные материалы о европейских ненцах свидетельствуют о том, что на протяжении XVII—XVIII вв. их родовой состав не претерпел существенных изменений. Появление в ясачных книгах или ревизских документах новых родовых подразделений было связано с дроблением ряда «первоначальных» родов на дочерние коллективы — патронимии, не утратившие окончательно тесных контактов с отцовским родовым стволом. Внешне это нашло выражение даже в сохранении частью из них в своем названии имени основного рода.

В отношении общей численности европейских ненцев в связи с определенными пробелами в учете западной (канинско-тиманской) группы материалы конца XVII и конца XVIII в. трудно сопоставимы. Остается неизвестной также численность членов европейско-ненецких родов, плативших в конце XVII—XVIII столетия ясак за Уралом. Отдельные имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют сделать заключение, что количество таких лиц было достаточно велико. По источникам, относящимся к 1695 г., известно, например, что в указанное время в Обдорском городке внесли ясак 126 чел. из числа европейских тундровых ненцев и не менее 18 чел. заплатили ясачную дань в Войкарском городке (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1095, л. 140—268). Со второй половины XVIII в. усилился отток за Урал девушек из числа европейских ненков, выдававшихся замуж в кочевья сибирских тундровых ненцев Каменной стороны. По нашим подсчетам, в 1783 г. у «самоедов» Каменной стороны браки с европейскими ненками составляли более 1/3 или 39,3% от общего числа (Васильев, 1979, 122).

Имея в виду все эти обстоятельства, при сравнении материалов IV (Долгих, 1970, 19) и V ревизий мы можем определенно констатировать численный прирост этнотерриториальной группы европейских ненцев на протяжении рассмотренного исторического периода.

Сибирские тундровые ненцы в архивных документах XVII—XVIII вв. чаще всего фигурировали под именем обдорских «самоедов».

Обдорский острог, основанный в 1584 г. в дельте Оби, близ устья Полуя, в конце XVII в. был самым северным волостным центром Березовского у. Обдорская вол. простиралась на многие сотни километров от восточных отрогов Уральского хребта до водораздела между Тазом и Енисеем. На севере кочевья обдорских «самоедов» достигали побережья Карского моря, южной зоной их освоения были бассейны рек Таза, Пура и Надыма.

Особую группу в составе сибирских тундровых ненцев составляли так называемые войкарские «самоеды». Они кочевали по территории Куноватской и Ляпинской волостей Березовского у., где преобладающим населением были ханты и манси, и вносили ясак в Войкарский городок, стоявший на Оби примерно в 100—120 км выше Обдорска. Войкарские «самоеды» делились на сынских (сыневских) и ляпинских, исходя из чего можно заключить, что зоной их расселения были бассейны уральских притоков Оби, рек Сыня и Ляпин (Долгих, 1970, 74).

Сибирские лесные ненцы в архивных документах XVII столетия обычно именовались казымскими, или кунными, «самоедами». Первое из этих названий восходит к названию Казымской вол. Березовского у., к которой в административном отношении принадлежали лесные ненцы на протяжении XVII—XIX вв.; второе, по мнению Б. О. Долгих, связано с тем, что основным видом ясака, который они вносили в казну, были «куны», т. е. беличьи шкурки.

Под именем казымских «самоедов» лесные ненцы известны и в этнографической и географической литературе дореволюционного времени. Название же кунные «самоеды» исчезает к началу XVIII в.

На карте, приложенной к работе Б. О. Долгих, территория лесных ненцев включает бассейн Верхнего и Среднего Пура, верховья и среднее течение Надыма, а также верховья некоторых правых притоков Сургутской Оби, в частности Лямина и Агана. С этим можно согласиться, правда, с небольшими коррекциями, касающимися среднего течения Надыма и верховьев Агана. Собранные нами полевые материалы позволяют утверждать, что компактные группы лесных ненцев появляются в названных местностях сравнительно поздно.

Наиболее ранние сведения о численности и родовом составе ненецкого населения Обдорской волости содержатся в «Книге обдорской самоеди» 1695 г. (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1095, л. 140—268). Согласно этому документу, в указанном году ясак внесли 1319 «самоедов», из них 1193 собственно обдорских², что, пользуясь коэффициентом, предложенным Б. О. Долгих, позволяет установить общую численность ненецкого населения названной волости в количестве 4772 чел. обоего пола.

Численность сынских (сыневских) «самоедов» на тот же 1695 г. определяется в 212, а ляпинских — в 76 чел. обоего пола.

В составе лесных ненцев в 1695 г. было учтено 192 ясачных плательщика, т. е. 768 чел. обоего пола.

Численный состав сибирских тундровых ненцев во второй половине XVIII в. характеризуют материалы ясачной комиссии 1763 г., а также IV (1783 г.) и V (1795 г.) ревизий (ТФ ГАТО, ф. 154, оп. 8, д. 43, 72). Ясачная комиссия учитывала только трудоспособное мужское население; материалы ревизий дают представление об общей численности.

Ясачная перепись 1763 г. выявила у обдорских «самоедов» 1643 плательщика, ревизия 1783 г. зарегистрировала их в количестве 3387 (1914 муж. и 1473 жен), а ревизия 1795 г. — в количестве 3543 (2039 муж. и 1504 жен.) чел. обоего пола.

Войкарские «самоеды» ревизскими переписями второй половины XVIII в. учтены раздельно (ТФ ГАТО, ф. 154, оп. 8, д. 43, 270 — Куноватская вол.; д. 43, 272 — Ляпинская вол.) в числе коренных жителей Куноватской и Ляпинской волостей. В первой из них в 1763 г. насчитывалось 18, во второй — 45 ясачных плательщиков, а общая численность самодийского населения составляла по IV ревизии 41 (22 муж., 19 жен) и 162 (85 муж., 77 жен.), а по V ревизии 66 (40 муж., 26 жен.) и 179 (93 муж., 86 жен.) чел.

Сибирские лесные ненцы в 1763 г. были учтены в числе 263 ясачных плательщиков. Ревизии конца XVIII в. регистрировали их в количестве 504 (300 муж. и 204 жен.) — 1783 г. и 476 (244 муж. и 232 жен.) — 1795 г. чел. обоего пола (ТФ ГАТО, ф. 154, оп. 8, д. 43, 75³).

Сравнение численного состава сибирских тундровых ненцев за истекшее столетие (1695—1795 гг.) дает следующие показатели в разрезе административных волостей: Обдорская — 4772 и 3543 чел., Куноватская — 212 и 66, Ляпинская — 76 и 179 чел. В отношении обдорских ненцев уменьшение численности, по-видимому, во многом объясняется недостатками учета, что отметила в своей работе Н. А. Миненко (Миненко, 1975, 20). Существовали и другие причины, например переселение части обдорских «самоедов» и даже целых родов на Европейский Север и в низовья Енисея, различные эпидемии, военные столкновения и т. д. Именно второй половиной XVII в. датируются, например, события двух «больших войн» между ненцами и энцами, в результате которых энцы были потеснены с левобережья Енисея и низовьев Таза на восток (подробнее см.: Васильев, 1975, 1977).

Имея в виду все перечисленные факторы, закономерно прийти к заключению, что говорить о сколько-нибудь резком сокращении численности сибирских тундровых ненцев Обдорской вол. за период XVII—XVIII вв. нет оснований. Что же касается куноватских и ляпинских ненцев, то здесь, кроме вышеназванных причин, безусловно, большое влияние оказывал постоянный перелив населения из одной группы в другую и на Европейский Север.

Ясачная книга 1695 г. является наиболее ранним по времени источником, где нашла отражение родовая структура ненецких групп Сибирского Севера. Из перечисленных в списке 1695 г. 19 ненецких родов 5 — Харючи (Карачея), Нгано-Харючи (Ану-Карачея), Сяхунэй (Сигуней), Нгадер (Адеры), Ладукай (Лодокуйский) принадлежат к фратрии Харючи, а 7 — Вануйта (Ванюты), Луца-Вануйта (Луца-Ванюта), Соль-Вануйта (Соль-Ванюта), Вэнонгка (Вынги), Яр (Яры), Сабы и Яптик (Сабе и Яптики), Сопли и Япти — к фратрии Вануйта.

Архивные материалы достаточно рельефно иллюстрируют процесс распада первоначальных родов сибирских тундровых ненцев: Харючи (Карачейского) и Вануйта (Ванюты) вместе с Яптик (Сабе и Яптик) — на дочерние родовые подразделения — процесс, в результате которого произошло последующее оформление их фратриально-родовой организации. В то же время еще очень значительная по сравнению с остальными численность основных корневых родов позволяет предполагать, что в конце XVII в. указанный процесс находился лишь в начальной стадии (Васильев, 1970, 179) ³.

Из числа оставшихся семи родов четыре: Нгэваседа (Айвасида), Пяк (Пяки) и Пучи-Юуси (Пучей, Югучейской), — вероятнее всего, представляют выходцев из лесных ненцев. Роды Паравы (Парабы) и Нгаседа (Асида) генетически связаны с энцами, кочевывшими в бассейне р. Таз (Васильев, 1979, 86, 88, 102). Род Обдорской, как думает Б. О. Долгих, можно отождествлять с родом Саландер (Долгих, 1970, 73—74), позднейшим угорским компонентом в составе сибирских ненцев.

Родовой состав сынских (сыневских) и ляпинских «самоедов» в ясачном списке 1695 г. не нашел отражения.

Что же касается сибирских лесных ненцев, то они были представлены в этом документе следующими родовыми подразделениями: Нгаэващата, Нгэваседа (Айвасида) — 20, Карсы — 19, Недевятковой станицы — 27, Ракай — 39, Ватцыны станицы — 22, Ниримовы Логочи — 65 ясачных плательщиков. За исключением Нгаэващата, ни одно из родовых названий из этого списка не находит аналогий с теми, которые были установлены у лесных ненцев в более позднее время (Вербов, 1936) и ныне сохраняются в виде фамилий.

Материалы ясачной комиссии 1763 г. и списки IV и V ревизий свидетельствуют об определенной стабилизации родового состава обдорских ненцев. В списках второй половины XVIII в. отсутствуют такие родовые подразделения из ясачной книги 1695 г., как Пяк (Пяки), Пучи (Пучей), Вэнго (Вынги), Ладукай, Югучейской, Обдорской.

Наоборот, в составе обдорских ненцев во второй половине XVIII столетия появляются новые родовые подразделения: Езынггы (Езынгей), Нареця (Наречи), Муртюки, Тазу-Харючи (Тазу-Карачея). Относительно двух первых можно согласиться с Н. А. Миненко, которая считает, что к рассматриваемому вре-

мени они выделились из основного рода фратрии Харючи в качестве самостоятельных подразделений (Миненко, 1969, 80). Региональной группировкой того же рода являлся, судя по его названию, и Тазу-Харючи (Тазу-Карачея). Род Муртюки, как будет показано ниже, относился к фратрии Вануйта.

Как свидетельствуют ревизии второй половины XVIII в., к указанному времени сибирские тундровые ненцы достаточно четко подразделялись на две географически разобщенные группы: «Каменную» и «Низовую». По сведениям В. Зуева, «каменные» («закаменные») «самоедцы» осваивали территорию «по левую сторону Обской губы» до границ с Пустозерским у., а в меридиональном направлении «от вершины реки Соби через камень до Карского залива». Низовая же группа «самоедцев», как пишет тот же автор, «от Тазовской губы по Туруханское ведомство границы свои расположила» (Зуев, 22).

В этих же материалах нашел отражение и дальнейший процесс распада первоначальных родов обеих тундрово-ненецких фратрий. Род Харючи (Карачея) к указанному времени распался на несколько самостоятельных, территориально не связанных между собой подразделений. Но его представительность в обеих территориально-географических ненецких группировках по-прежнему остается очень значительной. Так, среди ненцев Каменной группы члены рода Харючи (Карачея) насчитывают, по данным V ревизии (1795 г.), 997 чел., что вместе с подразделением Нгано-Харючи (Ану-Карачея) составляет более половины всего населения этого северосамодийского региона. В Низовой группе положение было совершенно идентичным. В противостоящей Харючи фратрии Вануйта наиболее многочисленными были род Вануйта (Ванюты) — 488 чел. (Каменная сторона) и род Яр (Яры) — 214 чел. (Низовая сторона).

Общая численность ненецкого населения Каменной стороны составляла в 1783 г. 2075 чел., а в 1795 г. — 2212, а Низовой стороны за те же годы — 1212 и 1231 чел.

В ясачных и ревизских документах второй половины XVIII в. самодийское население Куноватской и Ляпинской волостей записано не по родам, а по фамилиям. В Куноватской вол., по нашим подсчетам, таких фамилий оказалось 12, в Ляпинской — 8. Большинство из них ведет свое начало от имен глав отдельных патронимий или даже малых семей (Тыткин — у куноватских «самоедов», Верцепов, Селмин, Пинялиев, Хымин, Немдазин и др. — у ляпинских «самоедов»).

Архивные материалы и опросные этнографические данные позволяют судить и о родовой принадлежности носителей ряда куноватских и ляпинских ненецких фамилий. Так, например, Сея Помины, переведенные после 1763 г. в Ляпинскую вол. из Обдорской, принадлежали к роду Пучи (Юуси), Тыткины — к роду Хэтанзи и т. д.⁴

О родовой принадлежности таких фамилий ляпинских «самоедов», как Немдазин, Селмин, Пинялиев и некоторые другие,

нам приходилось писать в специальной работе (Васильев, 1974). В той же публикации относительно ляпинской фамилии Верцецов (современная Варсаков, Варсапов) было высказано предположение о возможной принадлежности ее носителей к роду Вануйта. Материалы, собранные в последующие полевые сезоны, заставляют пересмотреть эту точку зрения и отнести Варсаковых к роду Нгэвай. Что же касается генезиса куноватской и ляпинской группировок сибирских ненцев, то нам представляется наиболее вероятным рассматривать их как осколок этнической общности, возникшей на восточных склонах Урала в процессе продвижения самодийцев на север Сибири.

Родовой состав сибирских лесных ненцев на протяжении XVIII столетия по сравнению с 1695 г. не претерпел изменений.

Б. О. Долгих считал все роды лесных ненцев (кроме Нгаэващата, Нгэваседа) подразделением одного большого первоначального рода Пяк (Долгих, 1960, 71—72). Этот род действительно известен с очень раннего времени. Его название встречается уже в Книге Большому чертежу 1627 г. (Книга Большому чертежу, 1950, 168) и других документах первой половины XVII столетия (Долгих, 1960, 71). В настоящее время Пяк наряду с Айваседа (Айвасида) является наиболее распространенной фамилией у лесных ненцев.

Проведенный нами по материалам ревизий 1783 и 1795 гг. анализ браков лесных ненцев не подтверждает гипотезу Б. О. Долгих (Васильев, 1979, 104—105). В то же время устанавливается наличие брачной экзогамии между родом Нгаэващата (Айвасида) и родами Недевятковой станицы и Ванцын, что позволяет рассматривать оба последних подразделения как части рода Нгаэващата, выделившиеся в силу каких-то (скорее всего территориальных) причин в самостоятельные учетно-переписные единицы.

К этой же группе мы причисляем и род Логачи. Хотя он не слишком связан брачными запретами с Нгаэващата и его ответвлениями, название этого рода очень напоминает современную фамилию Логаны, встречающуюся у лесных ненцев, живущих у истоков р. Надым. Из этнографических материалов известно, что название «Логаны» восходит к Нгаханы (Нгаханэй), как именуется на ляминском говоре лесного диалекта ненецкого языка одно из подразделений рода Нгаэващата. Таким образом, если терминологическое сопоставление Логаны — Логачи допустимо, это обстоятельство также дает определенные основания считать род Логачи казымских «самоедов» XVII—XVIII вв. частью рода Нгаэващата.

Взаимосвязь двух оставшихся подразделений лесных ненцев из списков XVII—XVIII вв. с их позднейшей родовой структурой устанавливается на основе анализа имен отдельных членов этих родов. Пользуясь этим приемом, мы сочли возможным сопоставить род Карцы с родом Пяк, а род Ракли — с родом Вэла.

Как свидетельствуют материалы полевых экспедиций последних лет, Вэла входят в основной этнический массив лесных ненцев как на Пуре; так и в бассейне Надыма (Васильев, 1973). По этой причине ревизские переписчики в XVIII в., как и ясачные сборщики, не должны были пропустить этот род. Что же касается родовых подразделений Юуси и Нечу, кочевавших на периферии расселения лесных ненцев и, как можно полагать, в определенной изоляции от основного этнического ядра этой группы, то они, по-видимому, ясачными сборщиками и переписчиками XVIII в. были пропущены и не вошли в документы, характеризующие численный и родовой состав казымских «самоедов». Таким образом, есть основания думать, что ясачные списки и ревизские переписи XVII—XVIII вв. отразили родовой и численный состав лесных ненцев не с исчерпывающей полнотой.

Предки современных энцев в XVII столетии входили в состав ясачного населения Мангазейского у. В архивных документах этого периода они чаще всего именуются по названиям зимовий, куда платили ясак представители определенных родов, но иногда и по названиям местности, где кочевали те или иные родовые группы.

Тундровые энцы в наиболее ранних ясачных списках 1607—1615 гг. названы мангазейской «самоядью», а с 1618 г. применительно к отдельным родовым подразделениям этой группы употреблялись также названия «тундряная» (тундровая. — В. В.) «самоядь» и «самоядь нового зимовья Леденкина шара». Название хантайская «самоядь» («самоеды») ⁵ встречается впервые в 1620 г. Отдельные роды тундровых энцев в разные годы, кроме того, вносили ясак вместе с предками лесных энцев и нганасан.

Лесные энцы впервые упоминаются в ясачных документах также начиная с 1607 г. под именем туруханской «самояди». С 1614 г. в ясачных списках появляется и название «верхотанская» (искаженное верхотазская. — В. В.) «самоядь». Кроме того, часть родов лесных энцев в первой половине XVII в. была переписана под именами тазовской и худосейской «самояди» ⁶.

Территория кочевий тундровых энцев в первой половине XVII в., по данным Б. О. Долгих, включала обширные пространства тундры и северной тайги от бассейна Нижнего и частично Среднего Таза на юго-западе до правобережья Енисея и Енисейской губы — на северо-востоке. Кочевья лесных энцев простирались от Среднего и Верхнего Таза на северо-восток через водораздел между Тазом и Енисеем, включая на востоке правобережье Енисея в районе устьев рек Нижняя Тунгуска и Курейка (Долгих, 1960, см. карту).

Ясачные документы начала (1614 г.) и середины (1640 г.) XVII столетия фиксируют число плательщиков в составе тундровых энцев в количестве 196 и 104 чел., а у лесных энцев — в количестве 161 и 131 чел. (ЛО ААН, ф. 21, оп. 4, д. 21; ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 150). С помощью коэффициента 4 общая чис-

ленность населения в этих самодийских группировках может быть определена соответственно в 784 и 416 чел. (тундровые энцы) и 644 и 524 чел. (лесные энцы).

Переписью 1681 г. хантайские «самоеды» были учтены в 114 (456 чел. обоего пола. — В. В.), а тазовские и туруханские — в количестве 82 (328 чел. обоего пола. — В. В.) и 27 (108 чел. обоего пола. — В. В.) ясачных плательщиков (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732).

Заметное уменьшение численности обеих рассматриваемых самодийских групп сравнительно с началом XVII столетия мы склонны объяснять эпидемией оспы 1630—1631 гг., а также событиями этнической истории энцев конца XVII — первой половины XVIII в. В указанное время под давлением ненцев с запада, селькупов, а также кетов и эвенков с юга, энцы утрачивают свои прежние территории в бассейне Таза и Турухана, а также в низовьях рек Курейки и Нижней Тунгуски и смещаются на северо-восток, преимущественно на правобережье Енисея.

Во второй половине XVIII в. хантайские «самоеды» вносили ясак в зимовье Заостровское, или, как оно нередко именуется в архивных документах, Заостровошное, расположенное на левобережье Енисея, несколько выше устья Малой Хеты. В качестве ясачного зимовья оно впервые упоминается в 1768 г. в окладных книгах Первой ясачной комиссии. Этими же материалами численность хантайских «самоедов» устанавливается в количестве 142 чел. мужского пола (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1648, л. 34—41).

Территория расселения лесных энцев претерпела наиболее существенные изменения в течение первых десятилетий XVIII в. Именно в этот период произошло смещение вниз по Енисею ряда энецких родов и их подразделений. В 1728 г. 20 лесных энцев внесли ясак в Карасинском зимовье на Енисее (ЛО ААН, ф. 21, оп. 4, д. 27, л. 69—73), которое, начиная с этого времени, постоянно упоминается в ясачных документах. К 1730 г. число лесных энцев, плативших ясак в Карасинском зимовье, составило уже 28 чел. (ЛО ААН, ф. 21, оп. 4, д. 27, л. 85—92).

К названию этого зимовья несомненно восходит термин карасинские «самоеды», под которым лесные энцы фигурируют в документах и литературе XIX — начала XX в. Во второй половине XVIII в. это название распространялось только на ту группу лесных энцев, которая вносила ясак непосредственно в Карасинском зимовье. Те энецкие роды, которые платили ясак в Туруханском зимовье, в указанное время именовались подгородными «самоедами». В 1728 г. в числе подгородных «самоедов» состояло 23, а в 1730 г. — 22 плательщика ясака (ЛО ААН, ф. 21, оп. 4, д. 27, л. 69—73, 85—92). Наконец, значительная группа лесных энецких родов в первой половине XVIII в. продолжала платить ясак на Тазу. В 1728 г. там было зарегистрировано 48, а в 1730 г. — 39 ясачных плательщиков (ЛО ААН, ф. 21, оп. 4, д. 27, л. 69—73, 85—92).

В материалах Первой ясачной комиссии (1763 г.) численность карасинских и подгородных «самоедов» дана суммарно — 75 человек (мужского пола). Кроме того, 57 мужчин из числа лесных энцев было учтено в числе так называемых тазовских «самоедов», кочевавших в указанное время в низовьях р. Таз (АГО, разр. 55, оп. 1, д. 74, л. 50—51).

Ревизия 1763 г. зафиксировала у самодийцев низовьев Енисея также новое этническое образование — так называемых береговых «юраков», которые в количестве 70 чел. мужского пола (АГО, разр. 55, оп. 1, д. 74, л. 50—51) вносили ясак в зимовье Хетском (оно же, вероятно, и зимовье Юрацкое)⁷. В основе своей эта самодийская группировка составила из энецких по происхождению, но испытавших сильное языковое и культурное влияние родовых элементов ненцев, на чем мы подробнее остановимся ниже.

В ясачных и ревизских документах нашел отражение и родовой состав тундровых и лесных энцев в XVII—XVIII вв. В первой половине XVII в. (1614 г.) тундровые энцы были учтены «служилыми людьми» в составе следующих родов: Сонуко (Тынгин, Пыдуев) — 35, Мундеда (Юндучей, Выруй, Санеев, Хоруев) — 55, Сойта — 29, Ныной — 22, Ярудиев — 14, Яши Вологжанина — 15, Лоббео (Ломбуев) — 26 плательщиков ясака. Всего 196 «ясачных людей». В последующие годы этого столетия в их составе появились также роды Лодоседа (Тыдасидин, Тыдасидин Тягоров), Тидирис, Сыруев и др.

Лесные энцы в том же году были представлены в ясачных книгах родами Бай — 23, Харасидин — 38, Вангутин — 71, Муггади (Мангазея) — 3, Мундеда ((Мундутский) — 11, Красной — 15 ясачных плательщиков. Всего 161. В последующие годы этот список дополнили роды Селирта (Салерта), Аседа (Асида), Ючи и др.

Родовые подразделения, входившие в первой половине XVII столетия в состав тундровых и лесных энцев, довольно заметно различались по численному составу. Наряду с крупными коллективами: Сойта, Мундеда (Юндучей), Сонуко (Тынгин), Бай и др., насчитывавшими в отдельные годы до нескольких десятков ясачных плательщиков каждое, в состав обеих названных северосамодийских группировок входили сравнительно малочисленные роды, состоявшие всего из нескольких плательщиков ясака. Некоторые из них, как показывает анализ поименных списков, представляли собой подразделения больших родов, хотя вносили ясак отдельно от них и под самостоятельными названиями. Таковыми мы считаем, например, роды Выруй, Санеев и Хоруев по отношению к роду Мундеда (Юндучей), род Пыдуев по отношению к роду Сонуко (Тынгин) и др. В роде Сойта в течение ряда лет (1625—1629 гг.) в качестве самостоятельной платежной единицы в ясачных книгах выделялся род Вокупин.

Еще один вывод, который может быть сделан из анализа

материалов ясачных книг первой половины XVII в., заключается в том, что на протяжении рассматриваемого периода родовой состав обеих энцевских группировок окончательно не установился. В 1614 г., например, часть родов, вошедших впоследствии в состав хантайских «самоедов», вносила ясак вместе с лесными энцами. В то же время несколько человек из состава рода Салерта (Селирта) были зафиксированы в числе ясачных плательщиков Хантайского зимовья.

Лишь к середине XVII столетия, как об этом можно судить на основании архивных документов, родовой состав хантайских, тазовских и туруханских «самоедов» в значительной степени стабилизировался. Часть родовых подразделений из ранних ясачных списков, по-видимому, вымерла в результате опустошительной эпидемии оспы 1630—1631 гг. Как явствует из архивных документов, включенных в качестве приложений в «Историю Сибири» Г. Ф. Миллера, в 1631 г. в результате эпидемий оспы «хантайской самоеди пропало 46 человек», а про «тундровую самоедь и вести нет» (Миллер, 1941, II, прилож. док. 297, с. 387). В этом же году «...на Тунгуском песке и по Турухану реке розных родов туруханской ясачной самоеди померли больше 20-ти человек оспою» (Там же, док. 289, с. 380). Можно предполагать, что именно оспенная эпидемия явилась причиной исчезновения таких родовых подразделений, как Ярудиев у хантайских «самоедов», Красной у туруханских «самоедов». Другие малые роды — Выруй, Санеев, Хоруев — к середине XVII в., вероятно, влились в состав более крупных родов.

В ревизских материалах второй половины XVIII в. хантайские «самоеды» записывались не по родам, а по фамилиям, многие из которых, как показывает сравнительный анализ, восходят по происхождению к личным именам тундровых энцев из более раннего списка 1681 г. Так, Горластик (род Горластиков в окладных книгах 1768 г.), Пелюко (род Пелюгов), Барей (род Бареев) и другие в 1681 г. являлись главами семей; Сувало (род Совалов) и Сыробуй (род Сыробуев) — родными братьями глав семей; Пикулай (род Пикулаев), Ори (род Орин) и другие — сыновьями глав семей или их братьев (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 708, л. 99—116).

Как мы полагаем, материалы 1768 г. зафиксировали у тундровых энцев не родовые, а патронимические названия. Правда, судя по этим данным, в указанное время патронимии хантайских «самоедов» были немногочисленны и, как правило, состояли только из одной большой или даже малой семьи. Можно предположить и то, что отдельные патронимии по своему составу совпадали с кровнородственными родами.

Интересно отметить, что некоторые патронимические названия из окладных книг 1768 г. сохраняются (хотя и в несколько измененном написании) у тундровых энцев в качестве фимилий и в настоящее время. Таковы, например, Смирных (современная фамилия Мирных), Пелюгов (Пилько), Совалов, Туголуков

и др. Зная на основании материалов полевых сборов родовую принадлежность тундрово-энецких фамилий, мы можем установить, что в составе хантайских «самоедов» во второй половине XVIII в. входили представители родов Сабо (Пелюговы), Тадобэ (Соваловы), Сойта (Горластикovsky), Лодоседа (Туголуковы, Тягиревы и Лебедины). Относительно носителей фамилии Оловин известно, что они принадлежали к роду Солда⁸. Фамилии Мудателин и Бареев, по-видимому, следует отнести к роду Сонуко (Сонарэ)⁹.

О родовом составе лесных энцев во второй половине XVIII в. можно судить на основании материалов о крещении карасинских и подгородных «самоедов», относящихся к 1755 г.¹⁰, и более поздних по времени (1768 г.) записей в окладных книгах Первой ясачной комиссии. Необходимо, однако, иметь в виду, что и в том и в другом документе они были учтены не под родовыми, а под патронимическими названиями. Поэтому родовую принадлежность тех или иных патронимий карасинских и подгородных «самоедов» второй половины XVIII в. мы определяем путем сопоставления их названий с современными энецкими фамилиями. Так, Егорко и Боля Тюретины указаны в качестве глав отдельных семей и в материалах о крещении карасинских «самоедов» 1755 г., а Ятера Тюретин являлся, судя по данным 1768 г., «князем» карасинских «самоедов».

Поскольку Турутин — современная фамилия части лесных энцев рода Муггади, можно предположить, что все перечисленные лица также принадлежали к данному роду. От имени Боли Тюретина, вероятно, происходит вторая современная фамилия энцев Муггади — Болин. Во всяком случае, Василий Болин упоминается уже в списке 1768 г. В тех же материалах встречается и название еще одной энецкой патронимии — Каярин, или Наярин (Пашко Каярин — в 1755 г., Боро и Максим Наярины — в 1768 г.), которое ныне сохранилось в качестве фамилии у энцев рода Ябне. От имени некоего Ошляпки из списка 1768 г. произошла, по-видимому, современная фамилия энцев рода Ючи — Ашляпкин.

У подгородных «самоедов» по материалам второй половины XVIII в. выявляется несколько патронимических названий: Совадин, Тырков, Тадеков, Заякин, ни одно из которых не может быть сопоставлено с современной фамилией энцев рода Бай — Силкин. Есть, однако, основание полагать, что эта фамилия произошла от имени некоего Силы Совадина, являвшегося в 1768 г. «князем» подгородных «самоедов». Фамилия Силкин окончательно установилась у этой группы энцев относительно поздно, только к середине XIX в. По данным Б. О. Долгих, «князец» карасинских «самоедов» Тимофей еще в 20-х годах XIX в. упоминался в русских документах то с фамилией Совадин, то с фамилией Силкин (Долгих, 1946, 116).

Представление о родовом составе лесных энцев, которые во второй половине XVIII в. продолжали кочевать в низовьях

Таза, дает документ под названием «О восприявших святое крещение Мангазейского ведомства о живущих в Тазовской стороне... разных родов самоедцах», присланный в Тобольскую духовную консисторию в 1755 г. священником Василием Поповым. В нем названы имена 65 чел., из которых 61 чел. принадлежал к роду Аседа (Асидскому), а 4 чел. — к роду Салерта (Салярскому). С учетом некоторых глав семей, крещенных ранее, можно определить приблизительную численность первого из названных родов в 71 чел., а второго — в 6 чел. (ТФ ГАТО, ф. 156, оп. 1, д. 188, (1755), л. 3—4). В окладных книгах 1768 г., наоборот, все 20 тазовских «самоедских» семей отнесены к роду Салерта (Селиртину) (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1648). Между тем Непеда 49 лет из списка 1755 г. и Непеда 60 лет из списка 1768 г. несомненно одно и то же лицо, но первый из них записан как член рода Аседа (Асидского), а второй — как член рода Салерта (Селиртина). То же можно сказать и о других главах семей — Василие Лырме, Прокопие Невейке, Прохоре Коге (Когылеве), имена или прозвища которых встречаются в списках обоих тазовских родов за указанные годы. Многие из них явились родоначальниками одноименных патронимий, выступавших в первой половине XIX в. уже под самостоятельными названиями. Некоторые из таких патронимических имен (например, Лырма, Ямка), превратившись в фамилии, дожили до настоящего времени.

Основу группировки береговых «юраков» составляли члены рода Лампай. В уже цитированном нами архивном документе о крещении «самоедцев» фигурируют «Лампаевского роду юрацкие самоеды, живущие внизу по Енисею реки неокладные», Ика 73 лет с женой, сыном, внуком и прочими домочадцами (ТФ ГАТО, ф. 156, оп. 1, д. 188, (1755), л. 6). От имени этого Ики, по-видимому, и произошла фамилия Икин, фиксировавшаяся у членов рода Лампай на протяжении всего XIX в. Как мы предполагаем, родовое подразделение Лампай в составе группы береговых «юраков» связано по происхождению с тундрово-энецким родом Лоббео (Ломбуев) (Васильев, 1975, 116—118).

Еще один родовой компонент в составе береговых «юраков» был представлен членами рода Аседа (Нгаседа). Как считает Б. О. Долгих, эти Аседа являлись потомками участников известного нападения на русских ясачных сборщиков в 1695 г. (Долгих, 1970, 185—186, 190—191). Опасаясь возмездия, многие члены рода Аседа бежали в Березовский у., но довольно скоро стали возвращаться обратно. В 1728—1730 гг. они фигурируют в числе ясачных плательщиков Карасинского зимовья на Енисее, откуда затем, как думает Б. О. Долгих, перешли в Юрацкое зимовье, где уже платили ясак члены рода Лампай (Долгих, 1970, 197—198).

Так, к середине XVIII столетия на левобережье Енисея, в бассейне рек Большая и Малая Хета, сложилась группировка береговых «юраков», состоявшая по преимуществу из энецких

по происхождению, но находившихся под столь сильным ненецким влиянием родов, что даже в русских документах указанного периода зимовье, куда члены этих родов являлись для уплаты ясака, именовалось Юрацким.

Приведенные выше материалы свидетельствуют о том, что на протяжении второй половины XVII—XVIII столетий численный и родовой состав обеих этнотерриториальных энецких группировок существенно изменился. В результате эпидемий, из которых самой губительной была вспышка оспы в 1630—1631 гг., произошло заметное сокращение численного состава и даже полное исчезновение некоторых родов. Важную роль в сужении этнической территории расселения обеих групп энцев сыграли ненецко-энецкие военные конфликты второй половины XVII столетия, в итоге которых части отдельных энецких родов и даже целые роды оказались в зоне языкового и культурного влияния ненцев.

Материалы второй половины XVIII столетия выявляют дальнейшее развитие процесса разложения патриархально-родовых отношений у энцев. Процесс дробления на большесемейные коллективы в одинаковой степени затронул и первоначальные и малые энецкие роды. И у тундровых и у лесных энцев патриархальный род, продолжая сохранять за собой определенные общественные и религиозные функции, к концу XVIII столетия утратил былое значение производственной единицы, уступив эту роль патронимии или большой патриархальной семье. Следует, однако, иметь в виду, что у названных выше энецких группировок этот процесс протекал с разной степенью интенсивности¹¹.

В течение XIX—начале XX в. территория расселения ненцев на Европейском Севере довольно существенно расширилась. На протяжении этого периода они освоили два крупных острова арктического бассейна: Колгуев и Новую Землю и проникли в Ловозерскую тундру восточной части Кольского полуострова.

Первые попытки заселить о-в Колгуев относятся еще к 70-м годам XVIII столетия, но они оказались неудачными (Лепехин, 194—195). В середине XIX в., по данным В. Н. Латкина, на острове постоянно жило «несколько семей самоедов, нанимаемых Мезенцами и Пустозерцами для производства промыслов рыбных, звериных и птичьих. Хозяева, приезжая туда весной, привозят припасы и все нужное для зимовщиков и вместе с ними ловят лебедей, уток и гусей» (Латкин, 1853, ч. II, с. 44—45). Как сообщает тиманский священник В. Исадский, в их числе были «самоеды всех трех тундр» Европейского Севера в количестве «105 душ мужска и женска пола...» (ГААО, ф. 29, оп. 1, т. II, д. 1611, л. 9). Для предреволюционного времени А. А. Жилинский определяет численность самодийского населения острова в 150 чел. (Жилинский, 195). Записи церковных метрических

книг позволяют установить фамильный состав колгуевских ненцев, которые включали выходцев из всех «самоедских» административных ведомств Архангельской губ. Канинцы были представлены Ардеевыми, Баракулевыми, Майковыми, Ельцовыми и Ванэита, тиманцы — Апицыными, Большаковыми, Варницыными, Марюевыми и Евсюгиными, пустозерцы — Ледковыми, Амгылевыми, Тайбарей, Ноготысыя, Талей, Пырерка и Вылка, ижемцы — Хатанзей, усть-цилемцы — Выучейскими (АНОЗ МК Тельвисочного прихода, 1910—1912, л. 35 об. — 162 об.; 1913—1916, л. 25 об. и далее).

Освоение Новой Земли началось столетием позже, в 70-е годы XIX в., когда на южном острове было основано становище Малые Кармакулы. По сведениям А. А. Жилинского, в предреволюционные годы население Новой Земли составляло 120 чел. «самоедов» и отчасти русских промышленников (Жилинский, 202). Представление о фамильном составе новоземельских «самоедов» дают церковные метрические книги того времени. В качестве «коренных» фамилий в них фигурируют Ледковы, Сядэй, Логей (Лэхэ) и Немчиновы. Тайбарей, Вылка, Вэли и Соболев записаны как переселенцы с о-ва Вайгач; Ардеев и Лаптан-дер — как переселенцы с о-ва Колгуев (АНОЗ МК Тельвисочного прихода, 1913—1916, л. б/н, 39 об., 40 об. — 41 об., 44 об.).

Подавляющее большинство «самоедских» семей перебралось на острова по причине потери оленей из-за эпизоотий, неблагоприятных весен и зим и т. д. По подсчетам специалистов, только в Большеземельской тундре в 1896—1897 гг. от копытки (некробациллез) и сибирской язвы пало 194 тыс. оленей (Терлецкий, 35).

Те из европейских ненцев, которые, лишившись оленей, не хотели покидать тундру, были вынуждены наниматься пастухами к богатым сородичам и соседям или к коми-ижемцам, которые в XIX столетии окончательно утверждаются в оленеводстве Европейского Севера. Как писал В. Н. Латкин, еще «в конце минувшего столетия они (коми-ижемцы. — В. В.) едва ли имели 10 000 своих оленей, тогда как Самоеды Большеземельской тундры владели многочисленными стадами, число которых простиралось до 150 000 голов... Но с того времени, как в тундрах начали усиливаться Ижемцы стада Самоедов постепенно стали уменьшаться. В настоящее время (середина XIX столетия. — В. В.) у Самоедов считают не более 30 000 оленей, а у Ижемцев около 124 000, а может быть и гораздо больше» (Латкин, 1853, ч. 1, 106). Вл. Иславин также отмечает, что в руках «самоедов» осталось только 1/7 всего числа оленей, пасущихся в Мезенской тундре, остальные перешли во владение коми-ижемцев (Иславин, 21).

В конце зимы 1887 г., когда в Большеземельской тундре разразились губительные для оленеводства эпизоотии сибирской язвы и ящура, четыре семьи коми-ижемцев со своими стадами перешли по льду Кандалакшскую губу и оказались на Коль-

ском полуострове. В дальнейшем этим же путем сюда проникли и другие ижемские семьи. Пастухами в их стадах были, как правило, ненцы — выходцы из Большеземельской тундры. В выписках из метрических книг Ловозерского и Понойского погостов, относящихся к концу XIX в., чаще всего фигурирует фамилия Хатанзей (Хэтанзи). Реже встречаются другие: Выучей (Выучи), Немчиновы рода «Уйвичей» (то же — Выучи), Маегины, Ледковы (АПГЗ МК Колвинской церкви, 1895—1898, л. 9 об., 19 об., 115; 1899—1904, л. 310 об., 324 об.; АНОЗ МК Тельвисочного прихода, 1913—1919, л. б/н).

Для второй половины XIX — начала XX в. западную границу кочевий европейских ненцев следует, очевидно, проводить по р. Кулой (Едемский, 33), хотя отдельные их семьи фиксировались даже в бассейне р. Кожа, левого притока Онеги (Калинин, 79—80). Южным пределом распространения ненцев по Мезени, судя по материалам метрических книг, было селение Большая Пысса (АНОЗ МК Тельвисочного прихода, 1903—1906 гг., л. 202, об.), а по Печоре и на восток от нее, на пространстве между Печорой и Уралом, — селения Троицко-Печорск, Поромово, Щугор. Все эти печорские селения находились уже за пределами Архангельской губ., в Усть-Сысольском р-не Вологодской губ. (АПГЗ МК Колвинской церкви, 1895—1900, л. 5 об.—7 об., 26 об.—27 об., 79 об., 88 об.—89 об. и др.).

Вместе с оленеводами коми-ижемцами некоторые семьи европейских ненцев перешли на сибирскую сторону Урала и обосновались в бассейнах Верхней и Средней Сосьвы и ее притока Ляпина и по Оби выше Обдорска. В записях метрических книг Мужевской и Градо-Березовской церквей за вторую половину прошлого столетия встречаются такие «самоедские» фамилии, как Хатанзеев (Хэтанзи), Валеев (Вэли), Лагаев (Лэхэ) и др. — Мужи; Выучи, Валей (Вэли), Федотков и др. — Березово (АШРЗ МК Мужевской церкви, 1869—1890; АБРЗ МК Градо-Березовской церкви, 1882—1892). Определенное число семей колвинских «самоедов» (Паньковы, Янзины, Зотовы и др.) в зимнее время постоянно кочевало вблизи Обдорска (АПГЗ МК Колвинской церкви, 1908—1913, л. 237 об.—238 об.).

Сведения о численном составе европейских ненцев в первой половине XIX в., по данным VII (1816 г.) ревизии, следующие (по ведомствам): Канинского берега — 782, Тиманского берега — 598, Пустозерское — 1106, Усть-Цилемское — 244, Ижемское — 613 чел. обоего пола. Всего 3323 чел. обоего пола¹².

Ревизия 1816 г. — по существу первая относительно полная сводка численного состава самодийского населения Архангельской губ. В то же время анализ первичных ревизских материалов убеждает, что при проведении переписи имели место неточности и пропуски, в результате чего был допущен определенный недоучет как мужского, так и в особенности женского контингента европейских «самоедов». Тем не менее сравнение данных VII ревизии с данными двух предыдущих показывает несомнен-

ный прирост численности мужского населения Европейского Севера по сравнению с концом XVIII столетия.

VIII (1835 г.) и IX (1851 г.) ревизии дают еще более высокие цифры численного прироста европейских ненцев. Первая зарегистрировала их в пределах Архангельской губ. в количестве 4372 чел. (2390 муж. и 1982 жен.), вторая — в количестве 5580 чел. (2330 муж. и 3250 жен.) (ЦГИА, ф. 468, оп. 9, д. 894; ф. 383, оп. 22, д. 33028).

Ревизские списки, церковные метрические книги и другие источники XIX — начала XX в. содержат материалы, позволяющие составить представление о фамильно-родовой структуре европейских ненцев. В ревизской сказке 1811 г. зафиксированы 33 фамилии канинских и 24 фамилии тиманских «самоедов», из которых наиболее значительными по численному составу являлись Ардеевы (8 семей, 47 чел.), Батурины (6 семей, 36 чел.), Баракулевы (4 семьи, 24 чел.), Богдашкины (4 семьи, 16 чел.), Двойниковы (4 семьи, 13 чел.), Сулентьевы (4 семьи, 12 чел.) — в Канинском берегу; Соболевы (17 семей, 71 чел.), Евсюгины (14 семей, 53 чел.), Апицыны (12 семей, 49 чел.), Белугины (5 семей, 24 чел.), Варницыны (5 семей, 23 чел.) — на Тимане. К сожалению, родовой состав обеих названных «самоедских» групп Европейского Севера в ревизских «сказках» не нашел отражения. Вероятно, к началу XIX в. родовая структура канинских и тиманских «самоедов» окончательно утратила свою социальную значимость. Основными социальными ячейками стали патронимии (в русских документах рассматриваемого периода они зачастую именовались «родами» — «род» Евсюгиных, «род» Соболевых, «род» Батуриных и т. д.), внутри которых активно развивались большие патриархальные семьи. На их основе нередко возникали новые патронимии, которые постепенно упрочивались и становились самостоятельными хозяйственными и социальными единицами (Канюковы и Воробьевы в состав Батуриных, Нюровы в составе Матовых, Бармины в составе Топеевых, Хамьяновы в составе Апицыных и т. д.)

Некоторые сведения о родах канинских и тиманских ненцев дают материалы духовной миссии архимандрита Вениамина, которая занималась в 20-х годах прошлого столетия крещением «самоедов» Европейского Севера. По этим записям устанавливается родовая принадлежность таких ненецких фамилий, как Юнгин — р. Лэхэ (Лахейский), Косков — р. Выучи (Выучейский), Горбунов — р. Лэхэ, Рубцов — р. Тысяя, Двойников — р. Тысяя, Болотин — р. Лэхэ, Щербаков — р. Лэхэ (ГААО, ф. 29, оп. 1, т. 1, д. 319). Некоторые данные о родовом составе канинских и тиманских ненцев удалось собрать путем полевого опроса. Из материалов полевых сборов устанавливаются, например, родовые имена Белугиных (Мыд-Вануйта), части Бобриковых (Сядей) и некоторые другие. Указанные материалы позволяют утверждать, что в первой половине XIX в. родовой состав этих двух групп европейских ненцев был более слож-

ным, чем это представлялось до недавнего времени (Долгих, 1970, с. 13). Канинские ненцы включали в свой состав представителей по крайней мере трех родов: Вэли (Ардеевы, Валей, возможно, Ханзеровы), Лэхэ (Батурины вместе с Павиными, Чудаковыми, Точилowymi, Канюковыми и Воробьевыми, Сулентьевы, Горбуновы, Болотины, Бобылевы) и Тысяя (Двойниковы). В составе тиманских ненцев устанавливаются следующие роды: Вануйта (Соболевы вместе с Марюевыми, Заонежскими, Ивановыми и Тутиными, Варницыны вместе с Булатовыми, Белугины, Хабаровы и, возможно, Евсюгины, а также Пильковы, часть Косковых (Косковы — Пильковы) и часть Апицыных (Вэра); Выучи (часть Косковых и часть Марюевых), Лэхэ (Щербаковы и Юнгины); Тысяя — (Рубцовы) и, наконец, Вэли (часть Апицыных).

В отношении ижемских и усть-цилемских ненцев уже материалы VI и VII ревизий фиксируют дальнейшее развитие процесса разложения первоначальных родов (Хэтанзи, Вануйта, Вэли) и достаточно четко выявляют контуры будущих патронимий, с которыми генетически связано большинство позднейших фамилий колвинских ненцев, хотя, в указанное время основатели этих фамилий, как правило, еще не являлись не только главами патронимий, но и самостоятельных семей. Это были очень молодые люди (Панко — родоначальнику Паньковых в 1816 г. было 24 г., Санде (Сандовы) — 23, Убке (Убковы) — 18 лет).

У пустозерских ненцев процесс дробления крупных первоначальных родов, зафиксированный еще по материалам предыдущего столетия, в XIX в. продолжался весьма интенсивно. Так, по данным VII ревизии, патронимия Ледковых в составе рода Тысяя состояла из трех семей в количестве 30 чел. (16 муж. и 14 жен.). Патронимия Талеевых из рода Нохо-Тысяя насчитывала 29 чел. (17 муж. и 12 жен.). При этом основная часть патронимии кочевала в Большеземельской тундре, а две семьи (10 чел., 6 муж. и 4 жен.) перешли в Малоземельскую тундру и к 1816 г. были переписаны из Пустозерского ведомства в Тиманский «берег». Для второй половины XIX столетия Иславин и Вениамин приводят названия еще трех подразделений Тысяя: Лаптандер-Тысяя, Паханседа (Паганседа)-Тысяя и Сивседа (Сиуседа)-Тысяя. В роде Лэхэ (Логей) теми же авторами выделяются четыре подразделения: Сядей-Лэхэ (Логей), Вэнокан (Уанакан)-Лэхэ (Логей), Вылка-Лэхэ (Логей) и Пырерка-Лэхэ (Логей). Наконец, в роде Выучи (Выучей) они называют подразделением Выучи (Выучей) Лаптандер (от «лаптандер» — «малоземелец», как поясняет Вениамин), которое кочевало отдельно от основного ядра этого рода в Малоземельской тундре (Иславин, 132—134; Вениамин, 51—52).

К важным событиям этнической истории европейских ненцев следует отнести появление у них в первой половине XIX в. постоянной и с каждым последующим десятилетием все более увеличивающейся прослойки оседлого населения. У истоков не-

нецкой оседлости, как правило, находились семьи, лишившиеся по причинам эпизоотий, гололеда или иных стихийных бедствий своих оленей, а также многодетные вдовы, сироты, инвалиды и т. п. В особенности усилилась тенденция к оседлости после массового крещения «самоедов» европейских тундр, осуществленного духовной миссией архимандрита Вениамина в 1825—1830 гг. Самым значительным центром оседлости на Архангельском Севере было селение Колва. Перепись 1897 г. учла в Колве 55 «самоедских» хозяйств с населением в количестве 354 чел., в том числе 53 хозяйства из состава Ижемского ведомства и 2 хозяйства из Пустозерского ведомства (ЦГИА, ф. 1290, оп. 11, д. 33).

Еще авторы середины XIX столетия отмечали, что колвинские ненцы, перейдя к оседлости, благодаря смешанным бракам быстро воспринимали ижемский диалект языка коми. Как писал Вл. Иславин, они «до того уже привыкли к зырянскому языку, что говорят между собой не иначе, как по-зырянски, а родной язык свой почти и забыли» (Иславин, 107). К началу нашего столетия победа языка коми над «самоедским» у колвинских ненцев была почти полной. По данным обследования, осуществленного в эти годы врачом Н. Мамадышским, из 50 посещенных им дворов селения Колвы только в двух оказались домохозяевами самоеды, владевшие родным языком. «В 41 дворе,— писал он,— совершенно нет знающих самоедский язык» (Мамадышский, 64).

Как и коми-ижемцы, оседлые «самоеды» Колвы разводили крупный рогатый скот, держали лошадей и овец, занимались огородничеством.

Материалы второй половины XIX в. свидетельствуют также о значительном упрочении контактов между различными группами европейских ненцев. Переселенческие волны распространялись в обоих направлениях, но миграционный поток, который шел с запада на восток, из Большеземельской тундры на Канин и в Тиманскую тундру, в численном отношении все же преобладал.

Одновременно архивные документы свидетельствуют об усилении связей между ненцами Европейского Севера и Зауралья. В указанное время сибирские ненцы ежегодно значительным числом семей переходили Урал, достигая Печоры, Тимана и даже юга Канинской тундры. В метрических книгах Пустозерского и Куйского приходов за 1890—1900-е годы неоднократно упоминаются обдорские «самоеды», принадлежавшие к родам Харючи (Карачей, Харачей, Кароцэй), Худя (Худе, Худэй), Хороля (Хороле, Хорле), Нгокатэта (Октэта, Могдета, Октета), Сэротэта (Сэредята) (АНОЗ МК Пустозерского прихода, 1880—1895, л. 102 об., 157 об., 158 об., 187 об., 199 об., 308 об., 309 об., 369 об. и далее; МК Куйского прихода, 1889—1892, л. 107 об., 140 об., 167 об. и далее). В метрических книгах Колвинской церкви за те же годы встречаются фамилии ляпинских «самое-

дов» главным образом из числа членов рода Нгывай (Ййвэ, Иовсей — по церковным документам) (АПГЗ МК Колвинской церкви, 1870—1875, 1881—1885, 1890—1895, л. 398 об.).

Судя по тем же материалам, хозяйственные и торговые взаимодействия между европейскими и сибирскими ненцами нередко закреплялись родственными узами.

Материалы второй половины XIX — начала XX в. свидетельствуют об окончательном крушении остатков первобытнообщинных отношений у европейских ненцев. Институт экзогамии — былая основа родового правопорядка — уже к середине XIX в. фактически утратил даже роль регулятора брачных взаимоотношений. В метрической книге Колвинской церкви за 1865 г. содержатся записи о браках между колвинскими «самоедами» Убковым и Пьянковой и Шаньгиным и Лукерич, хотя в обоих случаях представители названных брачных пар принадлежали к одному и тому же роду Хэтанзи (АПГЗ МК Колвинской церкви, 1865—1870, л. 27 об., 248 об.). Нарушения родовой экзогамии обнаруживаются не только у оседлых, но и у кочевых «самоедов» Ижемского и Усть-Цилемского ведомств. Так, в 1859 г. в Колвинской церкви был заключен брак между Хатанзейским и Хатанзейской (АПГЗ МК Колвинской церкви, 1858—1864, л. 63—64 об.). Аналогичный брак был зарегистрирован в Тельвисочном приходе в 1891 г. В том же году в Тельвисочном приходе вступили в брак Выучейский и Выучейская (АНОЗ МК Тельвисочного прихода, 1890—1897, л. 69 об. — 70 об.). У ижемских «самоедов» в 1895 г. и у канинских «самоедов» в 1917 г. зарегистрированы браки, в которых партнерами являлись члены одной патронимии — в первом случае Янгасовы, во втором — Ардеевы (АПГЗ МК Колвинской церкви, 1880—1885, л. 398 об.; АМРЗ МК Долгощельского прихода, 1917, 29 об. — 30 об.).

К концу XIX столетия свое территориальное, а следовательно, и хозяйственное единство утрачивает не только род, но и патронимия. Так, в указанное время часть тиманской патронимии Косковых оседло жила в Колве. И наоборот, среди «самоедов», постоянно кочевавших в зимнее время в лесах бассейна Мезени, встречаются фамилии Паньков и Тасин (АМРЗ МК Быченского прихода, 1900, 22 об., 1910, 5 об.), хотя ядро этих патронимий составляли оседлые жители селения Колва.

На смену родовым отношениям как главному фактору в экономической и социальной жизни не только ненцев Европейского Севера, но и всех народностей и этнографических групп Северной Сибири (Долгих, Левин; Гурвич) приходят отношения соседско-территориальные.

Территория расселения сибирских тундровых ненцев на протяжении XIX — начала XX столетия изменилась не существенно. Закрепившись в междуречье Таза и Енисея, обдорские ненцы в середине XIX в. предприняли попытку вытеснить энцев из лесотундры енисейского левобережья и перейти на противоположную сторону реки, что привело к новому военному конфликту.

Однако на сей раз, как свидетельствуют дошедшие до нас предания об этом событии, успех оказался на стороне энцев¹³. Потерпев неудачу, ненцы в дальнейшем оставили попытки расширения своей территории за счет соседей-энцев. Разграничение сфер в этом регионе было установлено окончательно, хотя отдельные ненецкие семьи, нанимаясь пастухами к богатым оленеводам-энцам или неводными рабочими к русским промышленникам, на протяжении конца XIX — начала XX столетия сумели закрепиться на правом берегу Енисея, составив более или менее постоянную, хотя и немногочисленную прослойку в среде местного населения.

Лесные ненцы в рассматриваемый период (по всей видимости, еще в первой половине XIX в.) проникают в бассейн Агана. В то же время осваиваемая ими территория в бассейнах Назыма и Лямина существенно сократилась. Как сообщает В. Л. Утговр, работавший в середине 1920-х годов инструктором по проведению Всесоюзной переписи населения на Уральском Севере, «лет 70—80 назад в бассейне Назыма была оспа, и они (ненцы.— В. В.) частью вымерли, частью ушли на северо-восток, оставив верховья Назыма. Сюда, в эти леса, затем потянулись остяки с Казыма. Передвинувшись от Назыма к Лямину, они вытеснили остатки „самоедов“, там кочевавших» (ГАСО, ф. 1812, оп. 2, д. 183, л. 16).

Представление о численном составе сибирских ненцев, кочевавших в пределах Тобольской губ. в первой половине XIX в., дают материалы VI (1811 г.) и VII (1816 г.) ревизий¹⁴. По данным последней переписи, которая учитывала и мужское и женское население, число обдорских «самоедов» по сравнению с концом предыдущего столетия (1795 г.) увеличилось на 850 чел.: 3543 чел. — в 1795 г. и 4393 чел. — в 1816 г. (в том числе 2057 муж. и 2336 жен.).

Наоборот, самодийское население Куноватской и Ляпинской волостей за тот же промежуток времени довольно заметно сократилось. В первой из этих волостей материалами VII ревизии было зарегистрировано только 45 «самоедов» (27 муж. и 18 жен.), т. е. почти на 1/3 меньше, чем в конце XVIII в. Ляпинские «самоеды», по данным той же переписи, насчитывали в своем составе 93 муж. и 71 жен., всего 164 чел.

Сибирские лесные ненцы Кызымской вол. материалами VII ревизии были учтены в количестве 416 чел. (218 муж. и 198 жен.).

Сведения о численном составе ненецких административных группировок, входивших в состав Туруханского края Енисейской губ. — Тазовской и Береговой, в первой половине XIX в. мы даем по материалам более позднего времени, поскольку обе эти группировки получили свое официальное оформление только после проведения в жизнь реформы управления Сибирью, осуществленной по проекту М. М. Сперанского. По данным Комиссии Восточной Сибири по обложению ясаком «инородцев»,

работавшей в начале 1830-х годов, в первом из этих административных «родов» числилось 329 чел. (166 муж. и 163 жен.), а во втором — 144 чел. (75 муж. и 69 жен.).

Источниками для численной характеристики сибирских ненцев на протяжении второй половины XIX в. служат материалы IX (1851 г.) и X (1858 г.) ревизий. По X ревизии обдорские «самоеды» насчитывали 5060 чел. (2687 муж. и 2373 жен.), что свидетельствовало о продолжающемся демографическом приросте этой ненецкой группы (увеличение на 700 чел. по сравнению с 1816 г.).

Одновременно ревизии второй половины XIX в. зафиксировали продолжающееся сокращение численности куноватских и ляпинских «самоедов». По данным X ревизии, куноватские «самоеды» состояли всего из 22 чел. (16 муж. и 6 жен.), а ляпинские — из 119 чел. (74 муж. и 45 жен.).

Сибирские лесные ненцы за период, истекший между VII и X ревизиями, выросли почти на 100 чел. (511 чел., в том числе 305 муж. и 206 жен. — в 1858 г.).

В Тазовской административной волости Туруханского края, по данным X ревизии, числился 291 чел. (156 муж. и 135 жен.) (Третьяков, 373). Увеличение численности населения этой волости за указанный промежуток времени мы склонны объяснять не столько его естественным приростом, сколько включением в ее состав семей, принадлежавших прежде к иным административным подразделениям (главным образом к Обдорской управе Березовского округа Тобольской губ.).

В Береговой вол. Туруханского края ревизией 1858 г. было учтено всего 53 чел. (29 муж. и 24 жен.) (Третьяков, 373). По сравнению с 30-ми годами XIX в. общая численность населения этой административной единицы сократилась почти на 2/3, что объясняется, по-видимому, последствиями эпидемий оспы и гриппа (горячки), свирепствовавших в низовьях Енисея незадолго до проведения X ревизии. Большинство береговых «юраков» круглый год кочевало в бассейне рек Большая и Малая Хета и их притоков. Ниже по Енисею заходили лишь отдельные семьи.

Родовой состав обдорских «самоедов» в первой половине XIX столетия по сравнению с концом прошлого века фактически не претерпел изменений. Ревизские переписи 1811 и 1816 гг. учли у каменных «самоедов» — 6 (Харючи, Езынггы, Вануйта, Нгано-Харючи, Яптик, Муртюки), а у низовых «самоедов» — 9 родов (Харючи, Яр, Нареця, Тазу-Харючи, Нгадер, Нгэваседа, Сопли, Сюхуней, Нгаседа), фигурировавших и в материалах X ревизии. При этом обращает внимание, что в численном отношении некоторые ненецкие роды довольно существенно выросли, а другие, наоборот, сократились. Особенно заметно прибавилось население в основных родах обеих ненецких фратий. Например, род Харючи (Карачея) Каменной стороны вырос на 335 чел., тот же род Низовой стороны — более чем на 70 чел.,

а его подразделение — Нгано-Харючи (Ану-Карачея) увеличилось почти в два раза. Почти на 200 чел. вырос род Вануйта (Ванюты).

IX и X ревизии на Тобольском Севере проводились по новому принципу: в 1851 г. обдорские ненцы учитывались по родам и по ватагам, а в 1858 г. — только по ватагам. Ватаги — это подразделения, на которые распались роды сибирских ненцев в процессе их естественного разрастания и в силу тех изменений, которые происходили в экономическом укладе ненецкого общества на протяжении первой половины XIX и конца предшествующего столетия. По социальному содержанию подавляющее большинство ватаг представляли собой патронимии. Специфической стороной этого процесса было то, что, обрета хозяйственную самостоятельность и выделившись из основного рода, патронимии сибирских тундровых ненцев почти сразу же приобрели функции малых родов.

Как следует из ревизских материалов середины XIX столетия, процесс дробления затронул прежде всего наиболее крупные роды, стоявшие во главе фратрий. Так, в роде Харючи Каменной стороны ревизией 1851 г. зафиксировано 7 ватаг, в роде Вануйта — 3, в роде Харючи Низовой стороны — 6 ватаг. Наряду с этим отмечается и совпадение некоторых немногочисленных ненецких родов с ватагами (Езынггы, Тазу-Харючи, Сяхуней, Содомы), в каждом из которых зарегистрировано по одной ватаге.

Материалы X ревизии свидетельствуют также о том, что целостность ватаг была достаточно непрочной: некоторые из них, в свою очередь, распадалась на более дробные подразделения — большие семьи, из которых затем вырастали новые патронимии. Так, путем поименного сравнения можно установить выделение 9-й и 10-й ватаг 1858 г. из 1-й ватаги рода Вануйта 1851 г. Укажем в этой связи также, что если ревизской переписью 1851 г. у обдорских ненцев было зарегистрировано 29 ватаг, то следующая ревизия, проведенная всего через семь лет (в 1858 г.), зафиксировала в их составе уже 33 ватаги.

Заслуживает быть отмеченным и то обстоятельство, что в материалах IX и X ревизий все ватаги значились под именами старшин, которые их возглавляли. Из этих имен только одно — старшины 4-й ватаги рода Харючи из ревизской сказки 1858 г. — стало впоследствии названием малого рода — Худя. Все остальные названия ненецких родов начала нашего столетия восходят к именам и прозвищам конкретных людей, живших значительно ранее (в конце XVIII в.). Так, например, в роде Карачея (Харючи) мы находим Лапцуя, Тоседа (он же Омазази), Хороля Питирисова и других, чьи имена или прозвища совпадают с названиями позднейших ненецких родов (ГФ ГАТО, ф. 154, оп. 8, д. 43, л. 131 об., 189; д. 72, л. 96 об., 139 об., 151 об. и др.).

В то же время другие названия будущих ненецких родов конца XIX в. (например, Сэротэта, Нгокатэта, Ябтонгэ и др.) в ревизских документах отражения не получили, хотя о том, что они

существовали как самостоятельные социальные ячейки уже во второй половине XIX в., свидетельствуют материалы метрических книг и другие архивные источники. В метрических книгах Пустозерского ведомства за 1888—1895 гг., например, фигурируют «закаменные самоеды» родов Октэда, Могдета, Октета (Нгокатэ-та), Худе (Худя), Хороле (Хороля), Сэредята (Сэротэ-та) — (АНОЗ МК Пустозерского прихода, 1888—1895, л. 4 об. — 8).

Определенные изменения выявляются, по материалам IX и X ревизий, и в отношении родового состава сибирских тундровых ненцев. Так, род Содомы сменил свое прежнее название Сопли на патронимическое. В списках этого рода в 1851 г. значатся Валума, Салме и Серпа Содмины, а старшиной его был Содома Нехгатов (ТФ ГАТО, ф. 154, оп. 8, д. 756, л. 101—101 об.). В ревизской переписи 1858 г. главы всех четырех семей, составлявших этот род, за исключением самого старшины Содомы Ненанчина, обозначены как прямые потомки Содомы — Содомины (ТФ ГАТО, ф. 154, оп. 8, д. 992, л. 654 об. — 655). По поводу рода Нгэваседа (Нгаэващата), вероятно, права Н. А. Миненко, предположившая, что за время, истекшее между VII и IX ревизиями, он в значительной своей части волился в состав лесных ненцев (Миненко, 1975, 142). Определенная группа семей этого рода все же, вероятно, осталась в тундре. В 1754 г. в низовьях Таза в пределах Туруханского ведомства было крещено 56 муж. и 40 жен., принадлежавших к роду Наусицкому. Члены этого рода (искаженное название Нгэваседа) приняли участие в формировании группы енисейских ненцев (Васильев, 1975, 132), среди которых в настоящее время имеется несколько семей, носящих фамилию Найвоседо (Нгэваседа). Род Юхом-белини (правильнее Юганпелик), фигурирующий в 1851 г., — это хантыйское название рода Нгано-Харючи. Ломдо — новое название рода Муртюки, сохраняющееся в качестве фамилии и в настоящее время. Оно существовало уже в начале XIX в., о чем свидетельствуют материалы VII ревизии, где в качестве жены ляпинского «самоеда» Варче Сельмина записана «Ломдой Обдорской волости рода Муртюки» (ТФ ГАТО, ф. 154, оп. 8, д. 992, л. 401 об. — 402). Вновь появляется в составе сибирских ненцев род Нгаседа в лице 13-й или 14-й ватаг (по материалам X ревизии).

Таким образом, можно прийти к заключению, что приобретение ненецкими ватагами-патронимиями общественного статуса малых родов («ёркар», ненец), вероятнее всего, произошло именно в 70—90-х годах XIX столетия.

Фамильный состав самодийского населения Куноватской вол. на протяжении первой половины XIX столетия изменился очень существенно. Ревизия 1858 г. зафиксировала у этой группы ненцев только четыре фамилии: Максимовы — 6 чел., Тярины или Тояровы — 7 чел., Аза или Ази — 4 чел., Тыдыковы (Сязи) — 5 чел. Максимовы являются потомками Максима Менгова, жившего в конце XVIII в. Иоанн Федоров Максимов, фигурирующий в архивных документах как «Сынской реки самоедин», а позднее

«Еврейских юрт самоедин», был жив еще в конце XIX в. По сообщению наших информаторов, Максимовы принадлежали к роду Ненянгг. Тярины (Тояровы, позднее — Тяро) — потомки Сея Поминых из рода Пучи. Фамилия Тыдыков, возможно, восходит к имени Тадетты Сесина из ревизской сказки 1811 г. В метрической книге Мужевской церкви за 1894 г. встречается фамилия «Еврейских юрт самоедина Георгия Тыдыкова» (АШРЗ МК Мужевской церкви, 1894, л. 12 об.).

В середине XIX в. значительные группы ненцев из низовьев Оби и Большеземельской тундры проникают на территорию Куноватской вол. Благодаря брачным контактам с ними и местными хантами немногочисленная группа куноватских ненцев в сравнительно короткий срок утрачивает свою этническую самобытность и растворяется в среде окружающего населения. По-видимому, уже в конце 1920-х годов куноватские ненцы как самостоятельная этническая единица прекратили существование¹⁵.

У ляпинских ненцев в 1858 г. преобладали те же фамилии, что и в конце XVIII столетия (Немдазины — 35 чел., Пинялиевы — 21, Сельмины — 15, Верцеповы — 18 чел.). К одному роду с Пинялиевыми — Нгэвай принадлежали, как устанавливается по архивным документам, также носители фамилий Пузин и Хыма (АПГЗ МК Колвинской церкви, 1870, л. 6/н; ТФ ГАТО, ф. 154, оп. 8, д. 992, 993).

На протяжении XIX столетия лучшие пастбища на восточных склонах Урала постепенно оказываются в руках оленеводов-коми и европейских ненцев. Те из ляпинских «самоедов», которые обладали достаточным поголовьем оленей, сдвигаются со своими стадами в тундру южного Ямала и на побережье Обской губы, а оставшиеся оказываются на положении пастухов у оленеводов-коми или переходят на охотничье-рыболовецкий быт по типу живущих по соседству манси¹⁶.

Сибирские лесные ненцы также были учтены ревизиями первой половины XIX столетия в составе тех же родов (Нгаэващата (Айвасиды), Карцы, Недевятковой станицы, Ракли, Ванцын, Логачи), которые фигурируют и в переписных документах предшествующих столетий.

В материалах IX (1851 г.) и X (1858 г.) ревизий лесные ненцы так же, как и тундровые, сгруппированы не по родам, а по ватагам (6 ватаг). Но если у тундровых ненцев выделение малых родов-ватаг явилось следствием изменений в их социальной структуре и в первую очередь — распада основных родов обеих фратрий, то в лесной полосе эти процессы протекали крайне замедленно. Крупнотабунное оленеводство — один из важнейших факторов, вызвавших коренные перемены в общественных отношениях тундровых ненцев, в силу естественнобиологических причин в лесной полосе развития не получило. Поэтому в данном регионе администрация фактически только заменила «старые» родовые названия новыми, «ватажными», образованными, как правило, от имен наиболее влиятельных лиц в роде («старшин»).

Таковы Камиянская ватага, во главе которой стоял Ками (1858 г.), Пандина ватага, возглавлявшаяся Панди (1858 г.). Менялся ватажный старшина и нередко менялось и название ватаги (Обачайская ватага — бывшая Лебина; ватага старшины Напазай — бывшая Лабина).

Анализ именника по спискам IX и X ревизий и более ранних переписей убедительно подтверждает это предположение: ватаги 1851, 1858 гг. в целом вполне сопоставимы с родовыми подразделениями казымских «самоедов» начала XIX столетия.

Тазовская и Береговая «инородные» управы, образованные в составе Туруханского края Енисейской губ. после реформы 1822 г., носили официальное наименование «юрацкие», хотя коренное население этих административных единиц по своему происхождению в большинстве своем принадлежало к энецкому этническому пласту. Характерно, что в метрических книгах тазовской Николаевской церкви начала XIX в. население Тазовской вол. именовалось «самоедами»; позже одни и те же лица записывались то «самоедами», то «юраками», и только после реформы 1822 г. название «юраки» установилось окончательно. Можно предположить, что в этом документе косвенно нашел отражение процесс постепенной утраты оставшимися на Тазу энецкими родовыми группами национальной культуры, языка и самосознания¹⁷.

Родовой состав тазовских «юраков», как свидетельствуют архивные документы рассматриваемого периода, по сравнению с предыдущим столетием почти не претерпел изменений. Преобладающая часть ненецкого населения этой волости, кочевавшая по Енисею, принадлежала к роду Нгаседа (Аседа) и носила фамилию Ямкин (ГАКК, ф. 471, оп. 1, д. 36, л. 63—68). Из других фамилий, встречающихся у членов Тазовской вол., можно назвать Пальчиных (род Чор). В материалах Толстоносковского магазина нами, кроме того, обнаружена запись об отпуске хлеба тазовскому «самоеду» Лепте Устинову Маврикову (или Марикову) (ГАКК, ф. 471, оп. 1, д. 25, л. 6—10). Как мы думаем, эта фамилия представляла собою искаженное родовое название Марьик.

Что касается Береговой административной управы, то, как отмечалось выше, семьи входившие в ее состав, в архивных документах конца предшествующего периода именовались только «юраками». Можно предположить, что к началу XIX столетия энецкие компоненты, образовавшие ядро этой волости, уже полностью перешли на ненецкий язык и восприняли ненецкий тип материальной культуры.

Судя по материалам хлебозапасных магазинов, среди береговых «юраков» по-прежнему преобладали члены патронимии Икин (ГАКК, ф. 117, оп. 1, д. 272, л. 10 и далее; ф. 466, оп. 1, д. 27, л. 17—18, 20—21). М. А. Кастрен писал даже, что все береговые «юраки», живущие возле Толстого Носа, являются членами рода Лампай (Castren, 1856, 277), к которому принадлежали носители этой фамилии. Другим родовым компонентом, входившим

в Береговую управу, являлся Нгаседа, причем его представители выступали не только под своей обычной фамилией Ямкин (ГААК, ф. 466, оп. 1, д. 27, л. 20—21), но и под фамилией Икин. В архивных материалах середины XIX в. неоднократно упоминается некий Вырма Икин (ГААК, ф. 117, оп. 1, д. 272, л. 10), который может рассматриваться в качестве родоначальника одного из современных подразделений рода Нгаседа (Аседа) — Вырмуй (или Вырмуй-Нгаседа), члены которого в прошлом в административном отношении принадлежали к Береговой вол.

После бурных событий второй половины XVII — начала XVIII в. территория кочевий тундровых энцев относительно стабилизировалась. На протяжении всего XIX в. основная группа хантайских «самоедов» ежегодно совершала сезонные передвижения с летних пастбищ правобережья Енисея в низовья его притока Гольчихи, к границам лесотундры, на левобережье реки южнее с. Дудинка.

Начиная приблизительно с 30-х годов, а главным образом с 40-х годов этого столетия такие же сезонные маршруты кочевий проложили с юга на север и многооленные семьи лесных энцев. Остальная часть карасинских «самоедов» со своими стадами весь год проводила в лесотундре, главным образом на левобережье Енисея.

К сказанному следует добавить, что в конце XVIII — первых десятилетиях XIX в., вероятно, под давлением селькупов лесные энцы сдвигаются вниз по Енисею, в полосу лесотундры. Судя по материалам Туруханского и Карасинского хлебозапасных магазинов, в первом из них в указанное время снабжались мукой селькупы, во втором — селькупы и кеты.

Со второй половины XIX в. название подгородные «самоеды» совершенно исчезает из архивных документов. За всеми родовыми группами энцев Карасинской вол. в этнографической литературе закрепляется общее название карасинские «самоеды».

Военный конфликт середины XIX в., закончившийся поражением ненцев при оз. Туручедо, как уже отмечалось выше, положил конец их притязаниям на энецкие земли и имел результатом установление относительно четких этнических границ в бассейне Нижнего Енисея, при которых прежняя территория энецких кочевий осталась неизменной.

Наиболее полные сведения о численности хантайских «самоедов» в первой половине XIX в. содержатся в материалах Комиссии Восточной Сибири, которые определяют ее в 239 чел. (118 муж. и 121 жен.). Тот же источник сообщает и о численном составе карасинских «самоедов» — 258 чел. (112 муж. и 146 жен.) (АГО, разр. 57, оп. 1, д. 74, л. 50—51).

Х ревизия 1858 г. учла хантайских «самоедов» в количестве 223 чел. (117 муж. и 106 жен.) (Третьяков, 373). Некоторое уменьшение по сравнению с 30-ми годами XIX в. женской части населения, по-видимому, следует объяснять оспенной эпидемией, свирепствовавшей на Енисейском Севере в 1851—1852 гг.

В Карасинской управе (по данным X ревизии 1858 г.) числился 281 чел. (142 муж. и 139 жен.) (Третьяков, 373). По сравнению со временем работы II ясачной комиссии (начало 30-х годов XIX в.), население этой волости несколько возросло.

Наиболее подробные сведения о семейном составе хантайских «самоедов» в рассматриваемый период содержат заборные списки хлебозапасных магазинов. Судя по этим источникам, самой распространенной фамилией у тундровых энцев в XIX в. была Смирных (Мирных). Это неудивительно, поскольку, как устанавливается данными полевых этнографических сборов, указанную фамилию носили представители четырех родов: Мундеда, Массодай, Малк-Маду и Багго. По тем же материалам в составе тундровых энцев устанавливаются имена 5 Каплиных и 6 Оловинных (ГАКК, ф. 466, оп. 1, д. 16, л. 26—37; д. 27, л. 20—29). Анкулей Оловин являлся в 40-е годы князем хантайских «самоедов».

Еще одна тундрово-энецкая фамилия, которая встречается в книгах хлебозапасных магазинов — Пиликов. Пиликовы являлись членами рода Сабо. В записях Лузинского магазина за 50—60-е годы XIX в. выявляются имена 4 чел., имевших эту фамилию (ГАКК, ф. 466, оп. 1, д. 16, л. 26—37).

Источником по семейному составу карасинских «самоедов» в XIX в., кроме списков хлебозапасных магазинов, является архивный документ под названием «Сведения о сборе податей с инородцев Самоедско-Карасинского рода», датируемый 1873—1874 гг. В этом документе перечислены 10 семей лесных энцев с фамилией Силкин в количестве 20 податных душ и по одной семье — с фамилиями Кеперкин (4 подат. души), Статейкин (2 подат. души) и Серугин (1 подат. душа) (ГАКК, ф. 117, оп. 1, д. 988, 995). Таким образом, в целом состав рода Бай, к которому относились все названные фамилии, судя по этим материалам, определяется в количестве 13 семей, или 27 податных душ.

Члены рода Муггади в указанном документе представлены двумя фамилиями: Тюретин (7 семей, 20 подат. душ) и Болин (4 семьи, 7 подат. душ) (ГАКК, ф. 117, оп. 1, д. 988, 995). Таким образом, в обеих частях рода Муггади (тундровой и лесотундровой) насчитывалось в указанные годы 11 семей, или 27 податных душ ясачного населения.

Из других семей лесных ненцев в этом архивном источнике фигурируют Ошляпкины (род Ючи) — 1 семья (1 подат. душа) и Каярины (род Ядне) — 2 семьи (4 подат. души) (ГАКК, ф. 117, оп. 1, д. 988, 995).

Архивные документы позволяют прийти к заключению, что уже к 40-м годам XIX в. оба энецких административных «рода» фактически утратили свою территориальную целостность. Выделение у карасинских «самоедов» прослойки зажиточных многооленных семей, которые стали совершать сезонные перекочевки по параллельным маршрутам с хантайскими «самоедами», привело, с одной стороны, к распаду Карасинского административ-

ного «рода» на две обособленные группировки — тундровую и лесотундровую, с другой — к нарушению территориального единства Хантайской «самоедской» вол.

Имущественное расслоение подточило патриархально-родовые устои, и они утратили былое значение регламентатора производственной и общественной жизни, уступив эту роль отношениям соседско-территориальным. Во второй половине XIX в. и особенно в начале XX в. в низовьях Енисея, как и повсеместно на Севере, сложились территориальные группировки, в которые здесь в отличие от большинства других районов расселения самодийцев нередко входили представители не только различных административных управ, но и этнических групп.

Так, на крайнем северо-востоке энецкого региона, на правобережье Енисея сформировалась территориальная группировка, состоявшая из тундрово-энецких и части лесных энецких родов (куда впоследствии вошли также и отдельные семьи обдорских ненцев, нганасан и долган), имевшая довольно четко очерченные границы своих кочевий. Другую территориальную группировку составляли малооленные энецкие семьи из состава Карасинской вол. и кочевавшие в лесотундровой зоне ненецкие семьи Тазовского административного «рода».

На протяжении XVII — начала XX столетий этническая территория всех этнографических групп северных самодийцев претерпела определенные изменения. У одних (сибирские тундровые ненцы) она заметно расширилась, у других (тундровые и лесные энцы), наоборот, сократилась.

Под влиянием дальнейшего развития отраслей традиционной экономики, выдвижения на первое место в хозяйственном комплексе ненцев и энцев оленеводства существенно изменилась общественная структура северных самодийцев. Внутри больших первоначальных родов вызрел и обрел самостоятельность новый тип социальной ячейки — патронимия, или малый род.

Распад патриархально-родовых отношений и замена их отношениями соседско-территориальными, отмечаемые на Европейском и Сибирском Севере в конце XIX — начале XX в., способствовали упрочению этнических контактов между различными этнографическими группами северных самодийцев, закреплявшихся посредством брачно-семейных уз. Этому благоприятствовало и затухание к указанному времени военных конфликтов, возникавших ранее между представителями различных самодийских этнографических групп, а также с соседними этническими группами. В результате создались условия для консолидации этнографических групп ненцев в единую народность, чему способствовало отсутствие у них диалектных различий (за исключением лесной группы) и единообразие основных традиционных элементов культуры на всей территории расселения от Белого моря до Енисея.

Что же касается энцев, то сложность исторических судеб, дополнявшаяся непрекращающимися военными конфликтами с соседями на протяжении более чем двух столетий, имела последствием крайне позднее оформление этнических границ их территории. Сравнительно раннее сложение в низовьях Енисея территориальных группировок, где наряду с энцами были представлены ненцы и выходцы из других этнических групп, также явилось тормозом для их консолидации, препятствовало осознанию этнического единства и в конечном итоге задержало процесс формирования энцев как народности.

Примечания

- ¹ Патронимией мы называем группу семей, ведущих начало от одного конкретного предка по мужской линии и образующих благодаря общей собственности на основные средства производства (в северных региональных условиях чаще всего — оленей) единый хозяйственный коллектив — стойбище. Это определение в целом сближается с той характеристикой патронимии, которую предложил ее первооткрыватель М. О. Косвен (Косвен, 1963, 4). Но если М. О. Косвен считал патронимию только наследницей рода (Косвен, 1961, 25), то сибирские материалы дают примеры и обратного порядка, когда отдельные патронимии по мере их развития и хозяйственного упрочения начинают осознавать себя и осознаваться окружающими как самостоятельные коллективы — малые роды.
- ² Остальные 126 чел. представляли собою выходцев из различных родов европейских ненцев, кочевавших за Уралом.
- ³ Иного мнения придерживается Н. А. Миненко, которая считает, что «оформление отцовского рода у ненцев завершилось в основном уже в XVII в.» (Миненко, 1975, 17).
- ⁴ Более подробно об этом см.: Васильев В. И. Куноватские ненцы (опыт исторической реконструкции). — В кн.: Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978.
- ⁵ Вслед за Б. О. Долгих мы употребляем это название в качестве суммарного для всех групп тундровых энцев XVII в. В этом значении оно сохранялось на протяжении XVIII — начала XX столетий и вошло в этнографическую литературу.
- ⁶ В отношении лесных энцев XVII в. мы, как и Б. О. Долгих, в качестве общего названия используем два термина: туруханские «самоеды» и тазовские «самоеды». Оба они исчезли в XVIII в., уступив место терминам подгородные «самоеды» и карасинские «самоеды».
- ⁷ Подробнее об этом см.: Васильев, 1979, с. 118—119.
- ⁸ Современный тундрово-энецкий род Солда связан по происхождению с лесными энцами (род Салерта). Известно, что некий Анкулей Оловин — старшина хантайских «самоедов» в середине XIX в. принадлежал к роду Ямки (Ямкин — патронимическая фамилия членов энецких родов Салерта и Аседа. — В. В.), о чем имеется свидетельство А. Ф. Миддендорфа (Миддендорф, 664).
- ⁹ В составе рода Мудателин в 1768 г. был записан некий Ледоуко Солодорин, по-видимому, основатель будущей фамилии Ледовойко (Ледоуков в XIX в.), известной у членов тундро-энецкого рода Сонуко. В числе Барсевых был записан некий Никифор Седельников, вероятно, родоначальник одноименной фамилии Седельников, которая была зафиксирована переписью 1926—1927 гг. у одолгавшихся членов рода Сонуко (Сонарэ) (Долгих, 1946).
- ¹⁰ Включены в качестве приложения в рукопись кандидатской диссертации Б. О. Долгих (Долгих, 1946 а, 721, прилож. 4), хранящейся в АИЭ.
- ¹¹ Подробнее об этом см.: Васильев, 1970.

- ¹² Материалы VII ревизии хранятся в ГААО (ГААО, ф. 51, оп. 11, т. III, д. 3258; т. V, д. 8432). Подсчеты общей численности самодейцев осуществлены автором. За счет внесенных дополнений (исключения умерших и неявившихся к платежу, учета пропущенных и т. д.) приведенные цифры сравнительно с ревизскими уточнены.
- ¹³ Более подробно эти события этнической истории ненцев и энцев освещены нами в других публикациях (см.: Васильев, 1975; Васильев, 1977).
- ¹⁴ Хранятся в ТФ ГАТО, ф. 156, оп. 8, д. 289, 404.
- ¹⁵ Об этнической судьбе куноватских ненцев см.: Васильев, 1978.
- ¹⁶ Более подробно этот вопрос освещается нами в специальной публикации (Васильев, 1974).
- ¹⁷ Более подробно события этнической истории тазовских и береговых «юраков» изложены нами в специальной работе (см.: Васильев, 1975).

Литература

- Васильев В. И. 1970. Социальная организация азиатских ненцев, энцев и нганасан.— В кн.: Общественный строй у народов Северной Сибири. М.
- Васильев В. И. 1973. О генетической природе этнических компонентов лесных ненцев.— СЭ, № 4.
- Васильев В. И. 1974. Ляпинские ненцы.— В кн.: Новое в этнографических и антропологических исследованиях: Итоги полевых работ Ин-та этнографии в 1972 г. М., ч. II.
- Васильев В. И. 1975. Проблемы формирования енисейских ненцев.— В кн.: Этногенез и этническая история народов Севера. М.
- Васильев В. И. 1977. Исторические предания ненцев как источник при исследовании этногенеза и этнической истории северосамодийских народов.— В кн.: Этническая история и фольклор. М.
- Васильев В. И. 1978. Куноватские ненцы.— В кн.: Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск.
- Васильев В. И. 1979. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М.
- Вениамин, архимандрит. 1855. Самоеды мезенские.— Вестн. РГО, кн. III.
- Долгих Б. О. 1946. О родоплеменном составе и распространении энцев.— СЭ, № 4.
- Долгих Б. О. 1946а. Родовой и племенной состав народностей севера Средней Сибири: Дис. ... канд. ист. наук. М.: АИЭ.
- Долгих Б. О. 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.— ТИЭ, т. 55.
- Долгих Б. О. 1970. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.
- Долгих Б. О., Левин М. Г. 1951. Переход от родоплеменных связей к территориальным в истории народов Северной Сибири.— ТИЭ, т. 14.
- Едемский М. Б. 1930. Самоеды и оленеводство в Кулойском крае Архангельского округа.— Изв. Гос. РГО, т. 62, вып. 1.
- Жилинский А. А. 1919. Крайний Север Европейской России. Пг.
- Зуев В. Ф. 1955. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. М.; Л.
- Иславин Вл. 1847. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб.
- Калинин И. М. 1929. О распространении самоедов в прошлом.— Изв. РГО, т. 61, вып. 1.
- Книга Большому чертежу. 1950. М.; Л.
- Колычева Е. И. 1956. Ненцы Европейской России в конце XVII — начале XVIII века.— СЭ, № 2.
- Косвен М. О. 1961. Этнография и история Кавказа. М.
- Косвен М. О. 1963. Семейная община и патронимия. М.
- Латкин В. Н. 1853. Дневник путешествия на Печору в 1840 и 1843 гг. СПб. Ч. 1, 2.
- Лепехин И. 1805. Дневные записки путешествия доктора Лепехина. СПб. Ч. IV
- Мамадышский Н. Н. 1910. Усинский край. Архангельск.

- Миддендорф А. Ф. 1878. Путешествие на Север и Восток Сибири. СПб. Ч. II.
- Миллер Г. Ф. 1941. История Сибири. М. Т. II.
- Миненко Н. А. 1969. К вопросу о расселении и родовом составе народов Нижнего Приобья в XVIII в.—Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук, вып. 2, № 6.
- Миненко Н. А. 1975. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск.
- Повесть временных лет. 1926. М.; Л.
- Сборник Русского исторического общества. 1907. М. Т. 123.
- Терентьев А. А. 1934. Закрепощение ненцев в XVIII в. Л.
- Терлецкий П. Е. 1934. К вопросу о пармах Ненецкого округа.—Сов. Север, № 5.
- Третьяков П. И. 1869. Туруханский край.—Зап. РГО по общей географии, вып. II.
- Чаяв Н. С. 1939. Несколько заметок к истории ненцев в XVII в.—Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук, № 5.
- Castren M. A. 1856. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849. St-Petersburg.

Нганасаны

Более или менее достоверные источники, позволяющие восстановить историю формирования коренного населения Таймыра, и нганасан в частности, появляются с включением данного региона в состав Русского государства. Изучение документальных материалов XVII в. позволило Б. О. Долгих реконструировать этническую историю нганасан за этот период (Долгих, 1952). В своей работе «Происхождение нганасанов» Б. О. Долгих, сопоставив письменные исторические источники XVII в. с целым рядом этнографических данных, предложил гипотезу о формировании нганасан.

Б. О. Долгих считал нганасан потомками древних неолитических охотников на дикого оленя. «Этнически, — писал Б. О. Долгих (там же, 86), — эти аборигены — палеоазиаты представляли западную периферию юкагиров, распространявшихся, вероятно, и на запад от Лены, а по полосе лесотундры и тундры, может быть, также и до Таза и дальше». По мнению Б. О. Долгих, эти «палеоазиаты» были ассимилированы пришедшими с юга самоедами, вследствие чего между Тазом и Енисеем сложилась группа «воронов» — кураков, а в центральной тундре Таймыра — группа «орлов» — «пясидских самоедов». Ко времени прихода русских кураки перешли в центральные тундры Таймыра и несколько потеснили на восток «пясидских самоедов». Эти самоедоязычные группы, в свою очередь, ассимилировали тунгусоязычную группу охотников, которые и стали тидирисами. На восток в то же самое время под влиянием самоедоязычных кураков и «пясидских самоедов» попали другие отунгушенные палеоазиаты, которые вследствие их ассимиляции самодийцами стали тавгами. Тавги в свою очередь были вытеснены на запад тунгусами — синигирами и вошли в еще большее соприкосновение с кураками, «пясидскими самоедами» и тидирисами. На востоке же сложившийся «са-

моедский тавгийский диалект» распространился среди всего населения Таймыра. Б. О. Долгих пишет следующее: «...В течение второй половины XVII в. и начала XVIII в. „пясидские самоеды“, кураки, тидирисы и тавги на территории тундры и лесотундры между Енисеем и Хатангой, сперва образовавшие нечто вроде конфедерации, слились в одно, самоедское по языку и культуре, племя авамских нганасан» (там же).

«Отунгушенное, но аборигенное по происхождению племя», жившее на среднем течении Хатанги и известное под названием ваяндов, или ваяндыров, в первой половине XVIII в., по мнению Б. О. Долгих, распадается, и часть его, уйдя на Таймыр («Мунуков род»), оформляется в вадеевских нганасан, говорящих на языке автохтонов Авамской тундры. В начале XIX в. в составе нганасан появляется особый род Око — Яроцких, происшедший от потомков некоего долгана.

Эта схема подвергалась критике в этнографической литературе (Симченко, 1968; 1976, 40—65). Была предложена иная схема истории формирования самоедоязычного населения Таймыра — поэтапное проникновение в высокие широты южных самодийцев, входивших в контакт с уралоязычными автохтонами. Однако какова бы ни была точка зрения на этногенез нганасан, Б. О. Долгих впервые выявил группы населения, которые можно отнести к числу предков населения центральных тундр Таймыра, и проследил их историю в течение XVII в.

Материалы XVII в. разных периодов по полноте и достоверности неравноценны. Приблизительно до 40-х годов XVII столетия данные о численности податного населения Центрального Таймыра меньше их действительной численности. В первой половине века перепись коренного тундрового населения не была закончена, поэтому в это время регулярно встречаются упоминания о людях, которые «вновь пришли к ясаку». Ясачные сборщики буквально в каждом документе сообщают о своей неосведомленности относительно действительного положения вещей на Таймырском полуострове — Пяси́де. «Пясидой» русская администрация называла территории тундр между низовьями Енисея и Хатангой.

Первое знакомство русских с предками нганасан — «пясидскими самоедами» — относится к 1614 г., когда сборщики обложили ясаком предков энцев (Долгих, 34). Через четыре года «пясидские самоеды» дали ясак соболями, что предполагает их расселение на юге — в лесной зоне, хотя и не исключено, что пушнина для ясака была ими приобретена у соседей. В это время никаких упоминаний этнонимов отдельных групп в документах не встречается.

Только в 1625 г. в ясачных материалах впервые называются кураки, а в 1627 г. — тавги. Отдельные представители этих групп аборигенов упоминаются в составе ранее обложенных ясаком энцев-сомату. В 1628 г. в списке ясачных людей Хантайского зимовья встречены тидирисы (ЦГАДА, Сибирский приказ, оп. 1,

стб. 2, л. 2—38). С этого времени тидирисы на протяжении всего XVII в. фигурируют во все убывающем числе в составе энцев — податных людей данного зимовья. В составе энцев Хантайского зимовья упомянут и «род Пясицкой самоеди». Обращает на себя внимание тот факт, что понятие рода здесь никоим образом не соответствует представлениям об экзогамной группировке. Описание «пясидских самоедов» отличается и от того, которое было принято по отношению к их соседям — энцам. Если у тех упоминаются названия «родов», то по отношению к представителям населения центральных тундр принят весьма расплывчатый термин, показывающий, что они — из Пясиды. В этой же переписи среди тидирисов впервые упоминается «Нетола да Щербак». Как отметил Б. О. Долгих, от Торуды Щербатого получил наименование и современный род Турдагиных.

Языковая принадлежность тидирисов была определена на материале современного нганасанского языка. Сам принцип образования имен вполне соответствует нганасанским канонам.

Тидирисы продолжают фигурировать в качестве ясачных плательщиков Хантайского зимовья и в следующем году, когда появляется Пясидское хетское зимовье — административный центр на территории расселения предков нганасан. Местонахождение этого зимовья до настоящего времени не определено. По заключению Б. О. Долгих, оно находилось в устье р. Медвежьей, впадающей в Хету. По опросным данным Ю. Б. Симченко, это зимовье стояло в устье р. Волочанки, вытекающей из Тагенарских озер, и было ключевым пунктом до установления новых центров на востоке, Ессейского зимовья в частности. После создания Ессейского зимовья в 1636 г. Пясидское хетское зимовье было перенесено на р. Авам. Начиная с 60-х годов XVII столетия вся деятельность русских служилых людей на Таймыре была связана именно с этим зимовьем. С этого времени устанавливается путь из Пясиды на Хатангу, возникает тот самый «Хатангский тракт», который послужил основой для дальнейшего проникновения русских в центральные тундры Таймыра.

Таким образом, начиная с 1629 г. предки нганасан платили ясак в двух зимовьях — в Пясидском хетском и Хантайском. В хетском оставались только тидирисы.

Ясачные люди Пясидского хетского зимовья подразделялись на «роды» (ЦГАДА, Сибирский приказ, оп. 1, стб. 22, л. 3—48 об.). В списке фигурируют: Кудесников, Тавгицкой, Тунудерин, Тадачиев, Серокуев, Тидириской. Имена всех представителей названных «родов» переводятся с нганасанского языка.

В ясачных материалах 1631—1635 гг. списки «родов» предков нганасан имеются в весьма ограниченном виде (ЦГАДА, Сибирский приказ, оп. 1, стб. 986, л. 257—512). В Хантайском зимовье продолжают платить ясак Тидирисы и люди «Мунзуева» рода. Однако здесь же имеются постоянные записи о том, что прежние люди тех же тавгов, тидирисов и мунзуев к «ясаку не являются», хотя никаких сведений о том, что они умерли или бы-

ли убиты не поступало. Это свидетельствует прежде всего о том, что отдельные группы предков нганасан откочевывают дальше на север. Сравнение списков людей Хантайского зимовья, которые пропали без вести, и новоявленных Пясидского хетского зимовий подтверждают это.

Начиная с 1636 г., с начала деятельности исследователя Таймыра, служилого человека Ивана Сорокина, предпринимаются попытки более или менее систематического описания коренного населения центральных тундр. Так, в книге Мангазейского у. по Пясидскому хетскому зимовью говорится следующее: «Пясидское зимовье, а в нем платила государев ясак на нынешней, на 145 год и на прошлой, на 144 год пясидская хетская самаядь. А платили ясака старыми имяны не многие люди, а то платили все новыми имянами. И старые ж ли ясачные люди, которые платили новыми имянами, и те ж ли старые, которые платили старыми имяны или новые ж — про то не ведомо. А ясачные зборщики Ивашко Сорокин с товарищи в расспросе сказал, что пясидская самаядь всегда у платежу, у ясачного збору имяна свои ежегодно переменяют. А платили, де, та самаядь государев ясак соболь не многие люди, а то все платили ролдугами оленьими, потому что они, ясачные люди, самаядь, живут блиско моря и лесов в том месте нет, и соболь подле моря нисколько не держится. Да и наперед сего в Пясиде в ясачном зимовье самаядь государев ясак с платежем приезжали, а государев ясак привозили постели и ролдуги оленьи, а привезя ж свои постели и ролдуги меняли на соболи промышленным люди, которые живали в Пясиде. А выменными соболи платили государев ясак. А в нынешнем, в 145 году в Пясиде промышленных людей никою нет, и менять было самоеди тех ролдуг не с кем. И они потому и платили ролдугами оленьими» (ЦГАДА, Сибирский приказ, оп. 1, л. 268—269 об.).

Жалобы на то, что «пясидская самаядь» при уплате ясака якобы «каждый год имени переменяет», были неосновательны.

Можно предполагать, что в отдельных случаях служилые люди сознательно занижали число плательщиков ясака в корыстных целях, ссылаясь на то, что достоверных данных им никак добыть было нельзя исключительно из-за правительственного указа, запрещающего «расспрашивать накрепко», т. е. с применением насильственных мер.

Согласно упомянутому цензу 1636 г., «пясидские самоеды» были представлены четырьмя «родами»: Кудесников, Солодуев, Мунзуев, Тадачиев. Сравнение списков имен «пясидских самоедов» в более ранние годы свидетельствует прежде всего о том, что все названные «роды» не были постоянными объединениями, включавшими людей, состоявших в определенных отношениях друг с другом — родственных, свойственных и пр. Очень часто люди, упомянутые в одном «роде», через некоторое время оказывались записанными в другом. Так, например, самый представительный «Кудесников род» в составе имел некоего Хала, кото-

рый через два года в ясачных документах назван князцом тавгов, в середине списка значится некий «курак Толидо» и т. п. Совершенно очевидно, что под «Кудесниковым родом» здесь выступает административная общность, возглавляемая неким «кудесником», т. е. шаманом. В самом деле, в списке поминается некий «кудесник» и сын его Магаку. Следующий «род», Солодуев, назван по имени вполне реального человека, которое означает «кочевник». Таким образом, в данное время окладные административные единицы не были постоянными. Они оформлялись каждый раз перед уплатой ясака и именовались «родами» преимущественно по имени какого-то предводителя данной группы.

Ясачные материалы за 1638 г. свидетельствуют о том, что некоторая группа тидирисов и людей «Мундуцкого рода» продолжала платить ясак в Хантайском зимовье, т. е. продолжала жить совместно с энцами (ЦГАДА, Сибирский приказ, оп. 1, стб. 127, л. 505—629 об; 117, л. 433—559).

Служилые люди, которые собирали ясак в 1638 г. в Хантайском зимовье, — мангазейский стрелец Ждан Гордеев, целовальник Матвей Михайлов Быков и толмач Григорий Владимиров из Пустоозерска — доносили о том, что в это время произошли значительные передвижки коренного населения Таймыра. По их данным, многие люди — энцы отошли в Пясиду, где было много военных столкновений с «пясидскими людьми». Так, из «рода Тыдасидина Тягорова» некий Юрак ушел на «Пясидские реки». Трое других людей того же рода — Тогада, Сонюда и Надымку были убиты севернее Путоран («на захребетных реках») неясачными кураками. По этим данным отношения энцев и кураков представляются как будто немирными. Однако по заявлению тех же ясачных сборщиков представитель «рода Совита» Урито в том же году «кормился» у той же неясачной «курацкой самояди». Целое стойбище «хоруев» — восемь мужчин были побиты неясачными кураками на промыслах. Была побита «неясачной самоядью» и целая группа «тундряной самояди», платившая ранее ясак в Хантайском зимовье и жившая между Енисеем и Кровавой. В то же самое время «в тавги» ушел человек Онора — представитель «Тягорова рода». Тибяда из того же рода был убит в Пясиде «неясачной самоядью». В Пясиде же были побиты в тот же год ясачные люди Туруханского зимовья «Род Сеняй тунгусы». Из представителей ясачных людей зимовий Верхотазовского и Худысайского была побита «Ючейская каменная самоядь», также ходившая в Пясиду. Их убила «неясачная курацкая самоядь». В том же году на Пуре были побиты энцы, пришедшие туда «для промыслов». По словам «пуровской самояди», энцев побили для того, чтобы на Пур не приезжали для промысла чужие люди. Эти события конца тридцатых годов были, бесспорно, весьма важными в северосамодийском мире.

Фундаментальное обследование Пясиды русской администрацией было осуществлено только в 1639—1640 гг., когда служилые люди опросили значительное количество представителей

большинства означенных группировок. Однако пользование этими материалами из-за плохой сохранности столбцов чрезвычайно затруднено (ЦГАДА, Сибирский приказ, оп. 1, кн. 150, л. 1019—1020; 1002—1070). Важным является то, что, кроме уже известных «родов» — Кудесникова, Адамылева, Солодуева, упоминаются «род князца Пыяка», выступающий затем весьма долгое время и «род Моядской», который Б. О. Долгих связывает с восточной группой нганасан. В Хетском ясачном зимовье по-прежнему оставались тидирисы во главе с Нетолой. В данной переписи ясачные сборщики еще раз решительно подтвердили, что все без исключения люди Пясиды живут только охотой на оленей: «...а буди тем ясачным людям лутчи для оленьего промысла для прокорма своего переехать куды ...и они упромышляют сколько по промыслу своему, и то в ясак принесут ...а постель оленьих и песцов у ясачных людей не было потому, что, де, у них не было оленьего промыслу и ясачные, де, люди те постели переделами ролдугами, да тем и ясак с себя платили» (там же, л. 1026). Сборщики сообщили, что в том году между ясачными людьми на Хатанге и на Есее была большая война и что они даже побоялись брать нового амманата — заложника из Ванядыров, «боясь убойства». Небезынтересно отметить, что в материалах Хантайского зимовья за этот год фигурирует некий тидирис «Стигурей Лагунов брат» (там же, л. 1042). Сам Лагуна среди ясачных не встречается. Видимо, он так и не был приведен к присяге, хотя упоминание его в официальных документах весьма примечательно. Дело в том, что в нганасанском фольклоре в жанре легенд встречается целый цикл рассказов о некоем старике Лакуне — «Боевом ноже», который вел борьбу с некими «шитолицыми» — татуированными людьми, которые приходили на его землю. Весьма подробно в этих преданиях рассказывается об образе жизни Лакуны и его внуков, о его родне и о том, как велись военные действия того времени. Вполне вероятно, что фольклорный Лакуна и брат некоего Стигурея из тидирисов — одно и то же лицо. В этом случае фольклорные данные могут быть использованы в качестве датированного источника в этнической истории нганасан. Фольклор рисует Лакуну типичным охотником на диких оленей.

Особое место в кругу источников по этнической истории нганасан XVII в. имеет ясачный сыск 1644 г., в котором подробно описаны жители центральных тундр Таймыра, платившие ясак в Пясидском и Хантайском зимовьях следующих «родов»: Тидирисского, Серокуева, Кудесникова, Сабачиева, Тавгицкого, Мунзуева, Пыяка, Адамылева, Танадирвадова, Умчина, Ничейского, Курацкого, Моядского и Тереева. Все эти группы были бесспорно нганасаноязычными. Подавляющее большинство имен людей свободно переводится на основе нганасанского языка. Эта перепись позволяет провести сопоставления, с одной стороны, с материалами первой половины XVII в., а с другой — с более поздними ясачными документами 80—90-х годов этого столетия. Дан-

ная перепись позволяет совершенно определенно утверждать, что все названные группы были одноязычными. Небольшое количество имен, которые нельзя интерпретировать на базе нганасанского языка, достаточно четко объясняются из энецкого, например имя главы одного из «родов» — князя Пыяка, что лишний раз свидетельствует о перманентных связях предков нганасан и энцев. Такой подробной переписи не проводилось после вплоть до 1680 г.

В промежутке между второй половиной 40-х годов и 1680 г. военные действия в центральных тундрах Таймыра почти не прекращались. В частности, в 1666—1667 гг. отмечены выступления тавгов, которые даже вступали в борьбу с отрядами русских стрельцов (Долгих, 38). Вынудивший явиться к ясаку «немирную самуюдь» Иван Сорокин узнал, что в это время был большой мор в Авамской тундре, причем умерло более полусотни ясачных плательщиков (в пересчете на общее количество людей — не менее двухсот человек) и столько же ушло далее на Север (там же). Все эти колебания в численности приводятся в табл. 1.

К середине XVII в. старый способ описания коренного населения Крайнего Севера стал несостоятельным, ибо допускал как злоупотребления администрации, так и уклонения от фиска ясачных плательщиков. Перед администрацией стояла задача упорядочить переписи. Для такого упорядочения требовалось прежде всего определить объект описания, который позволил бы найти оптимальную форму учета. При существовавшей системе коренное население имело возможность избегать уплаты ясака, уменьшая себе годы в начале и приувеличивая их в конце. Таким образом, требовался точный учет возраста мужского населения. В то же время было необходимо описание хозяйственного коллектива, члены которого могли утвердить поручную систему. Описание хозяйственного коллектива облегчало работу ясачных сборщиков и в том, что при таком учете можно было применить перекрестный опрос. Все это и привело к тому, что перепись 1680 г. проводилась постойбишно (ЦГАДА, Сибирский приказ, оп. 1, кн. 708, л. 60—90 об.; кн. 754). Перепись 1680 г. является практически первой похозяйственной переписью на Крайнем Севере. В качестве переписной единицы здесь назван «чум». Анализ отношений людей мужского пола, которые названы в каждом «чуме», приводит к выводу, что под этим названием фигурирует именно стойбище. Становится ясным и происхождение самого термина «чум» в фискальных документах. Пустоозерец, «самояцкой толмач» Иван Митрофанов, говоривший на языке европейских ненцев, совершенно естественно переводил нганасанское «малир» — стойбище, как «чум», исходя из норм ненецкого языка.

В этой переписи фигурирует необыкновенно большое число «князцов». Из 29 человек, которых можно рассматривать в качестве глав стойбищ, 19 названы «князцами». Происхождение этого термина также очевидно, так как у нганасан для понятия «предводитель» в любой сфере деятельности не было другого тер-

Таблица 1. Численность ясачных людей Пясидского хетского и Хантайского зимовий в XVII — начале XVIII в. по работам Б. О. Долгих¹

Год	Ясачные плательщики Пясидского зимовья	Курақи	Тидирисы	Тавги	Прочие
1626		22			
1627		21	12	40	
1628		38	22	27	
1629		23	22	79	
1630	78	10	19	43	6
1631	115	28		63	44
1632	149	42	31	80	
1633	174	43	29	105	
1634	181	45	33	105	
1635	185				
1636	218				
1637	205	81		105	19
1638	213	83			105
1639	245			140	
1640	244		28		216
1641	249				
1642	238				
1645		56		142	
1653	227				
1654	280				
1661	227				
1662	227				
1663	227				
1664	228				
1665	220				
1667	188				
1668	159				
1670	144				
1671	146				
1672	141				
1673	148				
1675	181				
1676	189				
1677	185				
1678	180				
1679	174				
1680	167				
1681	163				
1682	169				
1683	169				
1684	188				
1685	195				

Таблица 1 (окончание)

Год	Ясачные плательщики Пясидского зимовья	Кураки	Тидирисы	Тавги	Прочие
1686	209				
1687	209				
1688	214				
1689	215				
1690	216				
1691	221				
1692	229				
1693	228				
1695	239				
1699	244				
1700	253				
1701	247				
1702	242				
1703	257				
1704	264				
1728	212				
1730	209				

¹ Данные по куракам, тидирисам и тавгам отсутствуют с 1653 г.

мина, кроме «барба», который в течение всего XVII, XVIII и даже XIX в. переводился именно словом «князец». Главы же соседних стойбищ, находившиеся по каким-то причинам в подчинении у данного «князца», именовались просто «самоядинами».

Перепись 1680 г. дает возможность и представить характер стойбища, так как в ней указываются родственные связи мужского населения и его возраст (см. табл. 2).

Как видно из приведенной таблицы, из прежних групп упоминаются только кураки и тидирисы. Отсутствуют какие-либо данные о тавгах, ваядах и других административных родах, прежде составлявших «пясидскую самоедь». Кураками в описываемое время назвалось только 14 человек взрослых мужчин — два стойбища, тидирисами (здесь — «род Тидиринский») — 8 человек взрослых мужчин, составлявших также два стойбища. Следует напомнить, что в середине века численность ясачных людей — взрослых тидирисов была около трех десятков, а кураков — более полусотни. Таким образом, здесь налицо или физическое исчезновение прежних группировок — тавгов, тидирисов, кураков, или же слияние их с другими группами.

Таким образом, оценивая процессы, имевшие место у коренного населения центральных тундр Таймыра в XVII в., следует отметить следующее. Первая половина XVII в., ознаменовавшая-

Таблица 2. Самоеды Пясидского хетского зимовья по цензу 1680 г.

Название группы	«Чумов»	Стойбищ	Взрослых муж.	Мальчиков
Группа кн. Батая	19	14	94	42
Род Мамненский	3	2	27	6
Род Туедерский	2	1	11	24
Род Курацкий	2	2	14	10
Род Тидиринский	2	2	8	6
Род Минянский	2	2	16	3
Итого	29	23	180	84

ся завершением «объясачивания» коренного населения, проникновением русских служилых людей в центральные тундры не только самого Таймырского полуострова, но и на соседние восточные территории, отмечена постоянным движением самоедоязычного населения на территорию Пяси́ды. Это касается не только весьма небольших групп тидирисов, которые проживали совместно с группами энцев и состояли с ними в родственных отношениях, но и различных групп самих энцев, которые уходили «кормиться» «в тавги» или же «в кураки». В числе «пясидской самоеды», представители которой выступают в различных объединениях — окладных или фискальных общинах, в первой половине XVII в. нельзя выделить какие-либо группировки, которые можно было бы трактовать как экзогамные общности.

Во второй половине XVII в. упорядочивается учет податного населения. Фискальные материалы соответственно позволяют более четко судить о характере нганасанского общества и о процессах, которые были характерны для его развития в это время. Совершенно определённо можно говорить о том, что население центральных тундр Таймыра, принадлежавшее административно Пясидскому хетскому и, в меньшей мере, Хантайскому зимовьям, было нганасаноязычным. В то же время не вызывает сомнений и то, что различного рода связи нганасан и энцев были постоянны. Вторая половина XVII в. отлична и тем, что именно в это время происходили ожесточенные и кровопролитные стычки пришлого с юга населения и охотников центральных тундр. Эти процессы сопровождались неуклонным уменьшением в численности представителей прежних автохтонных групп. Этим, видимо, и объясняется то, что установленный в 80-х годах XVII в. принцип похозяйственного описания, развитый и усовершенствованный в XVIII в., даже следов прежних общностей не обнаружил. Обращает внимание и то, что современные нганасаны, сохраняя память о предках, которые могли жить не позже XVII в., не связывают их с общностями, имевшими этнонимы «тидирисы», «тав-

ти», «кураки», «ванядыри». Более того, все эти этнонимы не фигурируют ни в одном фольклорном произведении и уж никак не воспринимаются в качестве предшествующих названий современных родов.

Первая ясачная комиссия на Таймыре в 1761 г. учла мужчин и женщин всех возрастов (ГАКК, ф. 910, оп. 1, № 2). По ее данным, нганасан там было 293 мужчины и 194 женщины. Таким образом, сравнивая численность населения центральных тундр Таймыра за 1680 г. и количество людей, зафиксированных в начале 60-х годов XVIII в., можно заметить известную стабильность показателей и даже некоторый рост, что, в свою очередь, говорит об отсутствии резких перемен жизненных условий в то время.

В 1782 г. была проведена новая ревизия, также отметившая нарастание численности нганасан — 393 мужчины и 344 женщины. В 1796 г., по данным очередной ревизии, у нганасан насчитывалось уже 412 мужчин и 378 женщины.

В материалах ревизий фигурируют «фамилии», переходящие в XIX в. (см. табл. 3). Многие «фамилии» являются переводами на русский язык: Белоглазов — Сырасейме, Борцов — Таруда, Студеных — Теся, Стреляный — Дютума, Налимов — Нюнюоде, Каменев — Фало, Языков — Сиедя и др. Другие являются производными от имен глав семей, фигурировавших в более ранних источниках: Епифантьев — Лептуфанда — «Гусиный яр», Нароев — Нару'о — «Оглядывающийся», Белярин — Беляры — «Объясняющий», Батаевы — Бата' — «Победитель» и т. п. Общим для тех и других является то, что они образованы от имени главы патриархальной семьи. В этой же переписи названы три наименования современных нганасанских родов — Турдакин — Турдагин, Порвин — Порбин и Момзин — Момде. Первые две образованы по общему принципу от имени Торуды Щербатого, о котором уже говорилось, и от имени некоего Форбы.

В течение XVIII—XIX вв. в документальных материалах нигде не упоминаются (кроме Чунанчера) собственно нганасанские названия родов, таких, как Линанчера, Нгамтусуо, Нюнонде. Документальные материалы XVIII в. не дают оснований предполагать достаточно протяженное существование экзогамных коллективов у нганасан, до нашего времени. Применительно к рассматриваемому времени определенно можно говорить лишь о начале формирования родов Турдагиных — Линанчера и Момде — Нгомде. К XVIII в., к его второй половине, относится и складывание вадеевских нганасан — восточной периферии основного нганасанского ядра.

По мнению Б. О. Долгих, вадеевские нганасаны являются потомками осамоедившихся тунгусов — ваяндов, которых он отождествляет с тунгусским Моядильским родом (Долгих, 24—34). Имеется и другая точка зрения на этническую принадлежность ваяндырей, вадеевских нганасан, название которых можно

Таблица 3¹. Нганасаны по цензам XVII—XIX вв.

Фамилии	г о д					
	1671	1675	1682	1796	1832	1853
	С. М. Ж.	С. М. Ж.	С. М. Ж.	С. М. Ж.	С. М. Ж.	С. М. Ж.
Батаевы	2 4 4	2 4 2	2 4 4	— — 3	2 2 1	1 3 3
Фунсота	1 3 —	1 3 2	1 3 5	1 3 6	— — —	— — —
Ломовы	3 7 —	3 7 4	5 10 5	4 4 5	— — —	— — —
Каменев	2 3 —	2 3 2	3 4 2	2 4 1	— — —	— — —
Топудин	2 27 —	3 27 17	16 42 34	17 39 55	— — —	— — —
Белоглазовы	3 18 —	4 18 12	6 25 22	9 24 17	14 20 14	— — —
Епифантовы	1 3 —	1 3 1	1 6 2	1 4 2	— — —	— — —
Пироговы	4 10 —	3 10 9	5 15 20	4 21 22	7 13 13	5 14 —
Нароевы	3 11 —	2 9 6	6 16 9	6 21 9	— — —	— — —
Порвины	4 26 —	4 25 20	7 47 42	10 61 55	21 52 57	13 57 —
Белярин	3 7 —	2 7 4	3 9 6	3 6 6	— — —	— — —
Борцовы	2 4 —	2 3 5	3 3 7	3 7 6	— — —	— — —
Солодуревы	3 15 —	3 14 9	5 17 13	5 19 13	— — —	— — —
Востровы	2 7 —	2 7 5	4 11 8	2 8 11	16 17 26	6 7 —
Келмовы	1 6 —	1 6 4	1 6 9	2 6 7	5 3 —	— — —
Турудакины	5 18 —	5 21 16	12 26 30	11 25 31	8 17 22	6 34 —
Коврины	4 20 —	3 16 15	6 15 16	5 25	1 14 3	6 — —
Енталлины	1 5 —	1 6 2	3 5 2	3 9	— — —	— — —
Лобовы	3 18 —	4 18 8	9 20 12	8 15 15	1 1 —	— — —
Ефремковы	2 3 —	2 6 4	2 4 4	— 2	— — —	— — —
Студеных	3 12 —	3 8 4	4 10 10	3 15 14	3 6 9	1 9 —
Ермовы	1 4 —	2 4 3	2 6 4	1 5 3	— — —	— — —
Бакунны	3 10 —	4 10 6	9 10 12	7 20 11	6 12 14	3 7 —
Стреленой	1 6 —	1 6 3	3 6 5	3 7 7	— — —	— — —
Шандуровы	3 5 —	3 4 1	1 3 1	1 1 1	— — —	— — —
Юраковы	1 5 —	2 4 1	3 3 1	2 1 1	— — —	— — —
Солтовы	1 9 —	2 8 4	3 9 7	2 14 12	2 4 5	1 1 —
Налимовы	1 3 —	1 2 1	1 5 2	1 3 2	— — —	— — —
Языковы	1 7 —	2 7 3	2 5 6	2 4 3	3 6 7	2 5 —
Момзины	1 3 —	1 3 3	3 3 3	2 4 3	— — —	— — —
Седанковы	1 3 —	1 4 2	2 3 6	2 3 3	— — —	— — —
Юярины	3 8 —	3 8 5	5 13 13	5 12 8	— — —	— — —
Коркудины	1 1 —	1 1 1	1 3 3	1 6 4	— — —	— — —
Семеновы	1 — —	1 2 1	1 3 2	1 — —	— — —	— — —
Сонфокны	1 3 —	— — —	— — —	3 8 5	2 5 6	2 4 2
Курсамины	— — —	— — —	— — —	— — —	3 14 18	2 22 —
Дубоглазовы	— — —	— — —	— — —	— — —	1 1 —	— — —
Кожевнико- вы	— — —	— — —	— — —	— — —	1 1 —	— — —
Лаптуковы	— — —	— — —	— — —	— — —	1 2 4	1 1 —
Финодокины	— — —	— — —	— — —	— — —	1 1 —	— — —

Таблица 3 (окончание)

Фамилии	год					
	1671	1675	1682	1796	1832	1853
	С. М. Ж.	С. М. Ж.	С. М. Ж.	С. М. Ж.	С. М. Ж.	С. М. Ж.
Сверловы	— — —	— — —	— — —	— — —	1 3 4	1 4 —
Коямины	— — —	— — —	— — —	— — —	1 2 2	1 2 —
Козловы	— — —	— — —	— — —	— — —	1 2 1	1 2 —
Мельниковы	— — —	— — —	— — —	— — —	1 1 1	1 5 —
Сомна	— — —	— — —	— — —	— — —	1 2 2	— — —
Нептюка	— — —	— — —	— — —	— — —	1 10 14	1 12 —
Абасы	— — —	— — —	— — —	— — —	1 2 5	— — —
Сокуму	— — —	— — —	— — —	— — —	1 3 2	1 4 —

Итого в 1761 г. С — 74, М — 293, Ж — ?; в 1765 г. С — 99, М — 275, Ж — 182; в 1782 г. С — 141, М — 391, Ж — 325; в 1796 г. С — 129, М — 406, Ж — 346; в 1832 г. С — 83, М — 206, Ж — 242; в 1853 г. С — 61, М — 199.

¹ Условные обозначения: С — количество семей, М — количество мужчин, Ж — количество женщин

трактовать как фа-яндыри — «лесные яндыри», т. е. юкагиры (Симченко Ю. Б.).

Каковы бы ни были представления об этнической принадлежности ваяндырей и их метаморфозах, формирование нганасаноподобной по языку и культуре общности на Хатанге относится именно к концу XVIII в.

Ревизия 1796 г. на Таймыре обнаружила в Ессейской вол. «некрещеных тунгусов Вадеева роду, состоящих в платеже ясака на реке Боганиде» (ГАКК, ф. 910, Туруханский уездный суд, № 6, л. 29—31). Перепись начинается с семейства покойного князца Нелюкцы, которого заместил его сын Камеютка. Все люди этой семьи именуются по-нганасански. Глава второй семьи имеет тунгусское имя Селбига, а его дети — нганасанские имена: Амнуку, Боколо — боколю, Норука — норуку, Сирайку, Курсе — хурси, Сату. Глава третьей семьи называется по-нганасански Панзеруй — пандеру. Его дочь Тосей — танси — «замужем за авамским самоедом Менчуму Ковриным», а жена одного из сыновей «взята у авамского самоеда Менчумы Коврина»; у другого сына жена — дочь авамского же нганасана Конфоты Турудакина. В четвертой семье Албуца (тунгусское имя) жена и все дети называются по-нганасански, а две дочери — Соруда и Люмбими выданы замуж за авамских нганасан Комсяру и Саламакту Порвина. В пятой семье, Курифуя, все люди имеют нганасанские имена, а дочь Тайдыму выдана за авамского нганасана Серфу Языкова. В семье Карифуя также и жена и все дети именуются нганасанскими именами, однако дочь Лянтута

выдана замуж за тунгуса «Харитонкова рода». В семье Потапко все люди носят нганасанские имена, а одна из дочерей — Футяси — отдана за тунгуса Харитонкова рода Дергауля. В семье Курлышка, который был князем уже «вадеевских самоедов», как и его потомки, жена — нганасанка, для одного из сыновей — Кантябу — жена взята у упоминавшегося выше авамского «самоеда» Серфи Языкова, которому же отдана одна из дочерей — Биндаку. В семье человека с тунгусским именем Солоуль все имеют нганасанские имена, и для трех сыновей взяты жены от авамских нганасан: у сына Солбу — жена Фагу, дочь Микти Коврина, у Омкумы — Бае, дочь Коймусы Топудина, у Ербуми — Фора, дочь князя Китимуя Турудакина. В семье Долдиуля только у него тунгусское имя, у остальных — нганасанские; в этой же семье жена сына Тойвы взята у авамского нганасана Фуруя Турудакина. Идыча (тунгусское имя) взял жену у аванского нганасана Тонкуми Белярина, которому отдал свою дочь Несыму, а другую дочь выдал замуж за авамского же нганасана Бойкунанку Чекчурина. Некий Листих с братом Нюгича взяли жен у авамцев Татарфую и Юифы Порвиных, все их дети имеют нганасанские имена. Сухорогу, женатый на нганасанке, взял двум сыновьям жен у авамского нганасана Койфады Турудакина. В семействе Хета все имеют нганасанские имена, а дочь Муякуси выдана за энца Хантайской вол. Наконец, глава последней семьи — «некрещеных тунгусов Вадеева роду» — Форма и сам назван по-нганасански, и все его родные.

Ревизия 1796 г. сравнивалась с данными за 1782 г. В 1782 г. все перечисленные люди упоминались. По данным 1782 г., насчитывалось «тунгусов Вадеева роду»: мужчин — 58, женщин — 45, всего — 103 чел. На 1796 г. оказалось 15 семей, мужчин — 74, женщин — 65, всего — 139 чел.

Как видно из приведенного примера, у «тунгусов Вадсева рода» не было семьи, так или иначе не связанной с авамскими нганасанами. Везде, где имеются случаи выдачи женщин из вадеевской группы замуж за нганасан авамской группы, вадеевские берут себе жен от авамцев, по преимуществу дочерей тех мужчин, которым отданы вадеевские женщины. Таким образом, здесь налицо преобладание обменного брака, который играл исключительно важную роль в нганасанском брачном порядке. Отсюда становится понятным сам процесс «осамоедывания» вадеевских ясачных людей. Жены-нганасанки принесли сюда и язык, который бесспорно стал родным языком их детей, и весь традиционный нганасанский уклад, который вытеснил прежние элементы культуры. Практически уже следующее поколение должно было ничем не отличаться от нганасан, что повлекло за собой и изменения в самосознании. Так, уже в начале XIX в. все эти люди и их потомки были зачислены в Вадеевскую самоедскую управу, в которой состояли вплоть до установления на Таймыре Советской власти. По цензу 1853 г. у вадеевских нганасан было 19 семей, мужчин — 66, женщин — 66 (ГАКК, ф. 160,

оп. 1, № 164, л. 113—114). По ревизии 1832 г. у вадеевских нганасан было 44 мужчины (там же). В начале XIX в. по именам глав семей у нганасан Вадеевской самоедской управы появляются «фамилии»: Тынта, Купчик, Асянду. Остальные — Кокары, Лапсаха, Нгойбу, Нерхо. по всей видимости, появились позднее.

Вадеевские нганасаны вступали в брачные связи, правда, значительно реже, и с тунгусами Харитонкова рода. Связи эти были односторонними. В перечисленный из Якутского ведомства — в Туруханское ведомство, «за тундру», в Ессейскую вол. Харитонков род иногда отдавали женщин. Так, в числе жен князца Нергауля, по переписи 1796 г., значится Футязи — дочь «Вадеева рода тунгуса». Харитонков род в конце XIX в. насчитывал 52 мужчины и только 32 женщины (всего — 84 чел.). Поэтому дефицит женщин восполнялся за счет соседей и вадеевских нганасан, в частности. Уже с конца XVIII в. люди Харитонкова рода весьма активно принимают христианскую веру.

В 1796 г. в составе Харитонкова рода упоминается некий Око восемнадцати лет. Таким образом, определена этническая принадлежность родоначальника отдельного рода, получившего фамилию Яроцкий (Долгих, 19—20). Око, тунгус Харитонкова рода, женился на нганасанке и остался жить с нганасанами. Его потомки — Лонире и Феи — уже считали себя нганасанами. Причисление его к долганам следует считать ошибкой. Таким образом, конец XVIII в. в этнической истории нганасан отмечен возникновением нового рода Око — Яроцких и формированием целой самостоятельной общины на северо-востоке.

Начало XIX в. ознаменовалось на Таймыре переменами в административно-территориальном делении, когда енисейский губернатор А. П. Степанов в 1824 г. юридически закрепил разделение «инородческих» волостей на «административные роды». Нганасаны составили соответственно «Авамский самоедский» и «Вадеевский самоедский» роды, которые подлежали управлению «Авамской самоедской родовой» и «Вадеевской самоедской родовой» управ.

Ранее, в 1816 г., была проведена и VII ревизия, материалы которой доныне не обнаружены, поэтому трудно судить об истинном движении нганасанского населения, описание которого имеется лишь на конец XVIII в.

В самом начале 30-х годов XIX в. коренное население Таймыра и близлежащих регионов постигло большое несчастье — самая ужасная за три столетия эпидемия оспы. Работники Второй Ясачной комиссии, посетившие Таймыр в июне — августе 1833 г., писали в отчете, что в низовьях Енисея «открылась между тамошними русскими прибрежными жителями гнилой или желтой горячки — болезни прилипчивой и самой губительной в том крае» (ЦГИАЛ, ф. 468 Кабинет ЕИВ, д. 1045, оп. 9, л. 132 об.). «Гнилая или желтая горячка» пришла уже после оспы и значительно сократила тундровое население. Однако

Таблица 4. Численность авамских и вадеевских нганасан в XIX в.

Год	Авамская самоедская управа					Вадеевская самоедская управа				
	ясачн.	неяс.	муж.	жен.	всего	ясачн.	неяс.	муж.	жен.	всего
1833	246	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1835	105	97	202	—	—	19	25	44	—	—
1836	105	—	—	—	—	19	—	—	—	—
1837	105	97	202	—	—	19	25	44	—	—
1861	—	—	239	211	450	—	—	—	—	—
1862	98	—	—	—	—	28	—	—	—	—
1863	98	—	—	—	—	28	—	—	—	—
1864	—	—	—	—	—	—	48	48	60	108
1865	—	—	—	—	—	—	—	51	62	113
1866	—	—	217	205	442	—	—	51	60	112
1867	—	—	223	204	427	—	—	56	63	119
1872	98	—	—	—	—	28	—	—	—	—
1873	—	—	—	—	—	26	—	—	—	—
1876	98	—	—	—	—	28	—	—	—	—
1877	98	—	—	—	—	28	—	—	—	—
1878	98	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1879	98	—	—	—	—	28	—	—	—	—
1880	98	—	—	—	—	28	—	—	—	—
1881	—	—	—	—	—	—	—	77	74	151
1882	—	—	—	—	—	—	—	82	76	158
1886	98	—	—	—	—	28	—	—	—	—
1917	97	—	—	—	—	28	—	—	—	—

масштабы потерь казались незначительными по сравнению с предыдущими оспенными годами. В эти годы нганасаны уменьшились в численности более чем в два раза (см. табл. 4).

Приведенная выше таблица составлена по материалам о сборах различных податей Отдельным Туруханским управлением. В рассматриваемое время с коренного населения Туруханского края, и с нганасан в том числе, собирали налоги двух категорий: ясак и подушную подать. Подушная подать составляла 44 коп. с каждой ревизской души. Таким образом, зная сумму сбора подушных, можно исчислить действительное число мужчин всех возрастов. Цифры ясачных людей отражают численность мужчин старше 18 и моложе 50 только на год Ясачной комиссии, так как все остальное время ясак собирается с того числа плательщиков, которое определила ясачная комиссия.

Начиная с 1862 г. судить о динамике движения коренного населения Дудинского участка, куда относилась Авамская самоедская инородческая управа, можно по весьма несовершенным оценкам администрации (ГАКК, ф. 405, оп. 1, № 31). В 1864—1865 гг. смотритель Дудинского участка ревизовал чис-

ленность «инородческого населения» и сообщал о вадеевских нганасанах, что они имеют всего 220 оленей, т. е. хозяйство их продолжало целиком базироваться на охоте на диких оленей.

В 1867 г. смотритель Дудинского хлебозапасного магазина Калашников представил смотрителю Дудинского отдельного участка статистические ведомости, где указывалось, что авамские нганасаны держат 1400 оленей и 40 собак, имеют 40 чумов, добывают в год 5500 штук гусей, 20 — лебедей, песцов — 350, лисиц — 15, диких оленей — 700. По этим данным на 220 промышленников обоего пола приходилось 200 сеток — пуштален, которыми добывали 350 пудов рыбы (ГАКК, ф. 450, оп. 1, № 38). Несмотря на весьма приблизительные оценки, обращает на себя внимание ничтожная цифра домашних оленей, которые могли быть использованы только для транспорта, и мизерное количество орудий лова рыбы.

Весьма интересным источником, характеризующим жизнь коренного населения Севера Средней Сибири, являются данные хлебозапасных магазинов. По этим данным к концу XIX в. нганасаны и авамские и вадеевские потребляли до 1200 пудов хлеба, получаемого в кредит, за который выплата производилась мехами и оленьими шкурами. На каждого едока в среднем на год получалось немногим менее двух пудов — около 30 кг ржаной муки. Цифра потребления покупного продукта весьма невелика. Можно совершенно определенно считать, что основное питание в это время нганасаны добывали охотой и рыбной ловлей.

Вторая половина XIX в. в истории нганасан характерна тем, что в это время окончательно складывается их этническое окружение — оформляется новый народ — долганы, расселившиеся на территориях, которые ранее осваивались одними нганасанами и родственными им энцами.

Русские промышленники, как говорилось выше, давно осваивали Таймыр. Большое количество пришлых людей на Таймыре появилось после упразднения Мангазеи. На Таймыре уже в XVIII в. возникает целый ряд зимовий, где пришлые люди жили оседло, промысля и занимаясь меновой торговлей. Так, в самом конце XVIII в. в Авамской тундре существовали следующие зимовья: по р. Дудыпте — первое зимовье Семена и Степана Ивановичей Хвостовых, всего с женами и детьми 8 чел.; второе — Яков Васильевич Уксусников и Андрей Иванович Самойлов — 6 чел. с семьями; третье зимовье — Михаил Иванович Баженов и Кирилл Ефимов с семьями — 6 чел.; четвертое зимовье — Марк Терентьевич Туркин с семьей в 6 чел. — две дочери и один сын, женатый на дочери крещеного авамского самоеда Ивана Семенова Вассе Ивановой; по р. Пясин — пятое зимовье — Федор Алексеевич Лаптуков и братья его Алексей и Архип с семьями — 17 чел.; зимовье шестое — Харлам Иванович Пленских с женой и ребенком — 3 чел.; зимовье седьмое — Герасим Иванович Хвостов со взрослыми дочерьми и внуками —

18 чел. (ГАКК, ф. 910, оп. 1, № 2, л. 17). Здесь отмечены только поселения, которые существовали многие годы. Пришлые русские вступали даже в брачные связи с представителями коренного населения. Именно эти зимовья и послужили теми пунктами, которые соединила дорога, пересекающая весь Таймыр с низовий Енисея до низовий Хатанги. Вокруг этих зимовий сгруппировалось несамодийское население — тунгусы, якуты, русские.

Попытки христианизировать нганасан не дали практических результатов. Если соседние энцы были крещены, то «авамские и вадеевские самоеды» постоянно значатся в разряде некрещеных. Миссионерская служба на Таймыре стремилась привлечь к крещению «самоедов», обещая в соответствии с правительственным указом освобождение на три года от уплаты податей и различные гостинцы, достаточно привлекательные для тундровиков. Крестились отдельные люди. Иерей Дудинской Введенской церкви Даниил Яковиненков сообщал смотрителю Дудинского участка К. Сотникову, что новокрещеные даже не берут свидетельств для вступления в брак, а «живут блудной языческой жизнью со своими женами безо всяких бумаг», детей соответственно не крестят и вообще к церкви не обращаются (ГАКК, ф. 405, оп. 1, № 14, л. 59). Что же касается веры самих крестившихся, то авамский нганасан Сейме Турдагин, фигурирующий в официальных документах 70-х годов XIX в., сообщал Ю. Б. Симченко, что он крестился дважды, чтобы получить льготу и вознаграждение, но под разными своими именами, однако остался шаманом, воспринимая обряд крещения как акт, угодный еще одному богу — русскому.

Первая Всенародная Перепись населения Российской Империи в 1896 г. зафиксировала нганасан достаточно компактными группами — авамской и вадеевской. Только 8 семей (19 мужчин, 15 женщин, всего 34 чел.) жили недалеко от Дудинки среди энцев и одни нганасан числился среди тундровых энцев. Авамские нганасаны насчитывали в своем составе в это время 117 хозяйств, включая и одиночек, в которых числилось 609 чел. — 315 мужчин и 294 женщины (ЦГИАЛ, ф. 1290, оп. 11, № 665, б. п.). В числе авамских нганасан упомянут и Павел Ябтонги, судя по имени — крещеный ненец, положивший начало отдельному роду, представители которого в настоящее время считают себя нганасанами, хотя ненецкое происхождение предка не забыто. Нганасаны переписаны вместе с долганами, представленными 49 фамилиями.

Вадеевские нганасаны в своем переписном участке по сравнению с долганами представлены в меньшем количестве: 39 семей, 117 мужчин и 100 женщин, всего 217 чел., в то время как долганских семей было более чем на сотню больше — 114, мужчин — 295 и женщин — 296, всего 591 чел. Хозяйственный уклад вадеевских нганасан был тот же, что и у их сородичей на Ава-

ме. Он оставался неизменным вплоть до начала социалистического переустройства на Таймыре.

Перепись 1896 г. не выявила у вадеевских нганасан каких-либо «фамилий». В ней фигурируют главы хозяйств только под личными именами. Что же касается авамских нганасан, то в этой переписи впервые появляется название рода Чунанчера. Таким образом, можно считать, что к концу XIX в. сложился комплекс из пяти родов, сохранившийся до нашего времени, — Турдагины, Чунанчера, Момде, Костеркины, Порбины. Нганасанские названия этих «фамилий» появляются только в материалах Приполярной переписи 1924—1926 гг.

В целом приведенный материал позволяет утверждать, что оформление известной пятиродовой системы у нганасан заняло около 200 лет, т. е. жизнь восьми поколений. Во всяком случае ее никак нельзя считать тем изначальным явлением, какое застали русские с первых годов освоения Таймыра.

Литература

Долгих Б. О. 1952. Происхождение нганасанов.— В кн.: Сибирский этнографический сборник. М.; Л. Т. 1.

Симченко Ю. Б. 1968. Некоторые данные о древнем этническом субстрате в составе народов Северной Евразии.— В кн.: Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.

Симченко Ю. Б. 1976. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М.

Кеты

Период с появления русских на Енисее и первых исторических сведений о непосредственных предках современных кетов и до начала XX в. был временем больших структурных изменений кетоязычного этноса. Движущими силами и общей основой этих процессов явились новые социально-экономические условия, в которых кеты оказались после приобщения их к русской государственности. Под влиянием этих основных и ряда других факторов внутреннего и внешнего порядка исчезли известные с начала XVII в. кровнородственные экзогамные объединения, возникли новые эндогамные группы (этнически однородные и смешанные), расширился общий ареал расселения кетов (преимущественно за счет продвижения на северные окраины Туруханского региона) и их внутри- и межэтнические связи. Этим процессам соответствовали языковые изменения (некоторое диалектическое сближение и оформление новых говоров с последующей тенденцией смешения уже их самих — в одноязычной среде, и расширение лексики, появление фонетических и

грамматических инноваций под влиянием иноязычного окружения, двуязычия и т. д.), развитие национального самосознания (от представления об общности по происхождению и территориальному и языковому противопоставлению до осознания этнического единства в целом). На этом же этапе этнической истории кетов произошли определенные изменения в их традиционном хозяйственно-культурном укладе, обусловленные общими социально-экономическими факторами, экологией вновь осваиваемой территории, а также воздействием иноэтнического окружения, в том числе и местных русских. В комплексе всех этих условий происходило формирование кетской народности.

Главная заслуга в изучении этого вопроса несомненно принадлежит Б. О. Долгих. Им выявлен и исследован обширный (в основном архивный, а также статистический, исторический и этнографический) материал, отражающий расселение, состав, численность, преемственность и историю сложения отдельных кетских групп XVII — начала XX в. Эти, а также многие другие вопросы, связанные с историей этнического формирования кетской народности, нашли отражение в ряде специальных публикаций исследователя. Однако самым крупным вкладом следует признать обобщающую работу Б. О. Долгих «К истории родоплеменного состава кетов», написанную им в середине 1960-х годов¹. Кроме исследований Б. О. Долгих, при подготовке настоящего раздела использованы и другие имеющиеся в исторической и этнографической литературе сведения, архивные материалы, а также результаты полевой работы (этнографической, диалектологической) на Туруханском Севере в последние десятилетия.

Территориально рассматриваемый район включает бассейн Енисея от р. Сым на юге до р. Курейки на севере, а также бассейны Таза и Турухана. В XIX — начале XX в. эта территория именовалась Туруханским краем. Кроме кетов, коренными жителями здесь были периферийные группы северных селькупов и енисейских эвенков.

Коренные жители Туруханского Севера, в том числе и большинство предков кетов — енисейских остяков, после прихода сюда русских в начале XVII в. вошли в состав Мангазейского у. (Степанов, 122—125; Александров, 10—12) и были приписаны в качестве податного, ясачного населения к двум его зимовьям: Инбатскому (устье р. Инбака, современное с. Верхне-Имбатское) и Закаменному (вблизи устья р. Дубчес). Последнее, перенесенное позже в район устья Подкаменной Тунгуски, именовалось также Подкаменным или Шайхинским (Долгих, 1960, 122, 131—150). Кетоязычные плательщики Инбатского зимовья в начале XVII в. расселялись тремя немногочисленными группами, удаленными друг от друга на расстояние в среднем до 200 км. В русских документах они значатся как земшаки, богденцы и инбаки. Эти группы и их потомки известны также как инбатские (имбатские), или северные кеты. Южнее всех — в ни-

зовье Подкаменной Тунгуски, в районе Шайхинского зимовья жили земшаки (200 чел.). Ниже по Енисею, возле устья, и в низовьях Бахты расселялись богденцы (120 чел.). Самой северной и более многочисленной (400 чел.) группой были инбаки, осваивавшие бассейны Елогуя и Верхнего Дубчеса, а также побережье Енисея в устье Инбака (Имбака). Общая численность всех трех групп к середине XVII в. сократилась почти вдвое из-за эпидемий оспы (Долгих, 1960, 143—144). Население, платившее ясак в Закаменном зимовье, известно под общим названием «закаменные остяки». Расселялись они преимущественно в бассейнах Сыма и Дубчеса (кроме их верховий), но иногда достигали и очень отдаленных к западу территорий (Долгих, 1960, 78, 86, 145, 149). Документы XVII в. выделяют среди «закаменных остяков» три относительно многочисленные группы: род Боксиев (Бискиев; до 200 чел.), Илипчиев (до 320 чел.), Бунгулев (до 160 чел.). Общая численность «закаменных остяков» (700 чел. в 1628 г.) к началу XVIII в. сократилась до 40 чел. Причинами этого были, вероятно, эпидемии оспы (Долгих, 1950, 95; 1960, 147), а также переселения отдельных семей в пределы их северных (инбатских) соплеменников и в соседние (Енисейский, Сургутский и Нарымский) уезды, на Таз (Долгих, 1960, 147).

Небольшая часть предков кетов в XVII в. составляла Сымскую и Касскую ясачные волости (после 1623 г. — общую Сымско-Касскую вол. Енисейского у.). Население этих волостей, так называемые дюканы, жило в низовьях Каса и Сыма и на побережье Енисея, в районе их устьев. Отдельные выходцы из дюканов были известны и как плательщики Закаменного зимовья Мангазейского у. В XVIII в. состоялось продвижение части дюканов в низовья Дубчеса; единичные семьи их осели вблизи крупных русских деревень Ярцево и Ворогово (поэтому население этих деревень получило еще название «вороговских остяков»). Потомки их известны как сымские остяки (сымские кеты). Вместе с «закаменными остяками» они объединяются под общим названием «южные кеты». Перечисленные выше группы енисейских остяков Мангазейского и Енисейского уездов XVII в. и были тем основным ядром, из которого сформировалась кетская народность.

Группы инбатских (северных) кетов XVII в. состояли из отдельных семей, связанных кровным родством по отцовской линии, и были экзогамны. Инбаки при этом составляли одну экзогамную половину (I), а земшаки и богденцы вместе — ей противостоящую вторую (II) (Долгих, 1960, 144; Общественный строй, 158—162). Экзогамность групп позволяет предполагать для XVII в. преимущественные браки инбаков с земшаками и богденцами (данные о браках для этого периода отсутствуют), что, однако, не исключает возможные связи этих групп с южными соплеменниками. За внешней однородностью групп могла скрываться и ранняя адаптация иноязычных элементов, что до-

кументально известно для более поздних этапов этнической истории кетов. Кетоязычное большинство инбаков к XVII в. могло, например, поглотить небольшое число южносамодийского населения, родственного тем группам, которые, переселившись далее на север, явились составной частью будущих энцев (Васильев, 1974, 173; 1979, 40—41). К их лексике, возможно, восходит гидроним Инбак и этноним «инбаки» (Русский фонетический вариант). О расселении предков лесных энцев в XVII в. в бассейне Енисея севернее Елогуя, т. е. по соседству с местом жительства инбаков, известно из исторических источников (Долгих, 1960, 142).

В формировании южных кетоязычных групп («закаменных остяков» и дюканов XVII в.) участвовали разнородные этнические компоненты — собственно кетские, енисейские (пумпокольские), селькупские и некоторые иные самодийские группы, а также какое-то, вероятно, более раннее, аборигенное население, к языку которого восходит этноним «юги» (Степанов, 37; Castren, 1856, 211, 281—282; 1858, 171; Долгих, 1950, 95; Алексеенко, 1975, 218—219; Васильев, 1979, 40—41).

Спецификой ранних этапов этнической истории предков северных и южных кетов, которых можно рассматривать как две исторически сложившиеся этнографические группы (Соколова, 210), видимо, следует объяснить и их языковые различия (на уровне диалектов или, как считают отдельные лингвисты, самостоятельных языков енисейской семьи). Что касается их культурно-хозяйственного уклада, то можно предположить, что в целом в нем в это время преобладали черты культуры пеших охотников и рыболовов тайги (Долгих, 1960, 180; Алексеенко, 1967, 249). В середине XVII в., видимо, в отдельных хозяйствах левобережных кетов и селькупов распространилось транспортное оленеводство (самодийского типа). Новая отрасль была приспособлена к прежнему хозяйственно-бытовому укладу и не вызвала в нем существенных изменений (Георги, 22; Исаченко, 34—35; Каргер; Васильев, 1962; Алексеенко, 1969). Подкаменно-тунгусская группа на всем протяжении своей известности оставалась безоленной; во всех остальных наряду с оленными хозяйствами встречались безоленные, а ручные нарты и волокуша сосуществовали с оленьими санками.

В пределах каждой локальной группы XVII в. енисейские остяки жили отдельными стойбищами, являвшимися одновременно и основной производственной единицей. Стойбище включало семьи кровных родственников по отцу (Долгих, 1934, 19; Алексеенко, 1972, 177). Отсутствие или недостаточность трудоспособных в отдельных семьях в какой-то степени возмещались отношениями родового коллективизма и взаимопомощи, пережитки которых сохранялись еще в начале XX в. (Алексеенко, 1967, 74—76). Численность семьи и прежде всего наличие мужского состава в значительной степени обуславливали ее перспективы или, наоборот, исчезновение фамилии. Уже во второй

половине XVII в. в составе тех же инбаков было несколько разросшихся семейных групп, занимавших обособленное положение (Долгих, 1934, 18, 51; 1960, 143—144; *Он же. Материалы...*, 59). Эти явления могли быть стимулированы возрастанием роли товарного пушного промысла (и частично рыболовства) из-за требований ясака и рынка (Копылов, 103). С постепенным втягиванием кетов в орбиту товарно-денежных отношений (в целом до начала XX в. для них более характерна была натурная выплата ясака и обменные отношения в торговле — Еленев, 77) дробление семей и стремление к хозяйственному обособлению вновь образованных коллективов усилилось (ГАКК, ф. 241, оп. 1, д. 10 и др.). Интенсификация пушного промысла, истребление к концу XVIII в. главного объекта охоты — соболя требовали все новых угодий (Нумеров, Павлов, 141—142, 144—145). Результатом этих процессов явилась миграция семей и семейных групп. Отдельные перемещения, сокращения в численности и даже исчезновения фамилий были связаны с массовыми эпидемиями (оспа, корь, «горячка» — грипп), особо жестоко поражавшими коренное население (из-за полного отсутствия иммунитета) в первой половине XVII в. (Долгих, 1950, 95; 1960, 143—144, 147), 30—40-х годах XIX в. (ГАТО, ф. 170, оп. 11, д. 329, л. 1—2; Третьяков, 338—339) и начале XX в. (ЕГА, ф. 183, оп. 1, д. 182, л. 12; Прокофьев, 1928, 98). Причиной некоторых перемещений могло быть, видимо, и появление у части кетов и селькупов транспортного оленеводства.

Результатом отмеченных процессов явилось расширение общего ареала расселения кетов, новые этнические контакты. Следствием их были и существенные структурные изменения в самом кетском обществе: возникновение эндогамных групп и соседских, территориальных связей наряду с кровнородственными. Специфика формирования кетской народности в значительной степени была обусловлена общей этнической ситуацией на Туруханском Севере, малочисленностью и распыленностью отдельных групп коренного населения. В середине XVII в., после продвижения большинства предков энцев в более северные пределы, верховья Таза были заняты селькупам (с Тыма, верховьев Ваха, отчасти с Кети); к концу XVIII в. часть их продвинулась по Тазу и вышла на Турухан и его притоки — Верхнюю и Нижнюю Баиху (Долгих, 1960, 120, 142, 145; Васильев, 1979, 41; Туголуков, 60). Отдельные селькупские семьи появились и на Енисее (Долгих, 1960, 145). В течение XVIII в. происходило также продвижение отдельных семей и семейных групп кетов вниз по Енисею и на его северные притоки — Турухан и Курейку, где они достигли самой северной границы своего расселения.

Потомки земшаков, богденцев и инбаков XVII в. в конце XVIII в. расселялись уже семью основными группами, из которых четыре новые были сформированы выходцами из трех прежних. С юга на север это были группы: шайхинская (подкаменно-тунгусская), бахтинская, елогуйская, фиганская, кангатовская,

нижнеинбатская (Долгих, 1960, 154; *Он же. Материалы...*, 17—22) ².

Большинство (4 из 7) перечисленных групп сложилось как эндогамные, причем две из четырех (шайхинская и кангатовская) были целиком кетскими, третья (нижнеинбатская), кроме кетских семей I и II экзогамных половин, включала селькупов («остяки сургутской породы»), а четвертую (черноостровскую) составляли уже смешанные кетско-селькупские семьи. Три группы оставались еще кровнородственными (вероятно, в силу своего срединного положения в общем регионе расселения кетов): бахтинская (II экзогамная половина), елогуйская и фиғанская (обе составляли семьи I половины). Однородности двух последних способствовало также то, что с середины XVIII в. роль экзогамного эквивалента здесь начинают играть верхнетазовские селькупы (патронимия Ириковых). Образование эндогамных групп (однонациональных кетских или при кетском большинстве) обусловило их дальнейшую территориальную устойчивость, что, в свою очередь, определило перспективу их развития как кетских.

Значимость фактора эндогамности в тенденции этнического формирования особенно заметна на примере процессов, происходивших на самой северной окраине рассматриваемого региона. К концу XVIII в. здесь существовало смешанное (преимущественно кетско-селькупское) население, объединявшееся в две — Баишенскую и Карасинскую — волости. Этническое развитие этих групп протекало по-разному. На Турухане и его притоках (Верхней и Нижней Баихе) в результате слияния кетов, селькупов и незначительного числа энцев к XIX в. сложилось в целом селькупоязычное население (в 1794 г. — 12 патронимий, около 200 чел.), известное под названием баишенских (баихинских) селькупов. Согласно Б. О. Долгих, кеты составляли половину всего баишенского населения, однако это все были родственные семьи (II экзогамная половина), заключавшие поэтому браки преимущественно с селькупами. Однонациональные кетские браки были здесь единичны (*Долгих. Материалы...*, 69). Постепенно произошла адаптация кетов в селькупской среде, окончание этого процесса выразилось в причислении местных кетов к селькупской родовой группировке (коссиль). Так, на Турухане (а позднее и в низовьях Таза) появились селькупы с кетской фамилией — Когоновы (ГАКК, ф. 117, оп. 1, д. 402, л. 2); их однофамильцы — кеты и в наши дни известны на Елогое. Забыли свое кетское происхождение нынешние фарковские селькупы Безруких (*Долгих. Материалы...*, 72—75). Баишенские селькупы, значительная часть которых была кетами по происхождению, находились в постоянных взаимнобрачных и соседских отношениях с кетами (преимущественно с территориально более близкими курейскими, черноостровскими, нижнеинбатскими) (*Долгих. Материалы...*, 71—77).

Население Карасинской вол. (обитатели побережья Енисея,

низовый Турухана и Курейки) в XIX в. было известно как «карасинские самоеды» (селькупы). Со второй половины XVIII в. в их числе (свыше 100 чел.) значились и кетские патронимии (Долгих. Материалы..., 69). Их было меньше, чем в байшенской группе того же времени (2 из 11), но семьи, их составлявшие, представляли обе кетские экзогамные половины: переселенцы с Елогуя (I) и нижнеинбатской группы (II). Здесь же оказались кеты селькупского происхождения, сохранявшие обособленное экзогамное положение или тенденцию предпочтительных браков в кетской среде. Эндогамность кетского ядра, а также дальнейший приток переселенцев-кетов (преимущественно из нижнеинбатских) явились решающим условием постепенного возобладания здесь кетского языка и формирования этой группы как кетской. В XX в. она известна как курейская группа кетов (Долгих, 1950, 91; Алексеенко, 1962).

Предшественниками и преобладающими по численности соседями кетов и селькупов в бассейне Курейки до конца XIX в. были эвенки (ГАТО, ф. 170, оп. 11, д. 710, л. 11—12; ф. 117, оп. 1, д. 133, л. 13). Постепенно большая часть их переселилась на Турухан, в верхнем течении которого сформировалась самая северо-западная группа эвенкийского народа (Туголуков, 58, 59—60). Отдельные эвенкийские семьи, оставшиеся на Курейке (или возвратившиеся туда), в дальнейшем жили уже среди кетского большинства.

В южной части Туруханского региона в XVIII — середине XIX в. проживало этнически смешанное население, известное под названием сымских остяков. Кроме потомков «закаменных остяков» и дюканов XVII в., в их состав входили кеты из северных групп: елогуйской, кангатовской, а также селькупы, переселившиеся на Сым и Дубчес с Таза. В середине XIX в. последние еще сохраняли свой язык (Степанов, 37; Castren, 1856, 211, 281—282), но постепенно растворились в кетской среде и вместе с ними обрусели. Северные кеты стали называть их, как и остальных сымских остяков, югами. До начала XX в. среди сымских остяков сохранялась патронимия (Тымдэгет-Кетских), от которой можно предполагать потомков пумпоколов Кети. Характерно, что территорией их расселения были низовья и устье р. Пит, наиболее близкая на Енисее местность. Кеты Тымдэгет в середине XIX в. преимущественно заключали браки в семьях селькупского происхождения (Алексеенко, 1975, 218).

Немногочисленная (около 231 чел. в конце XVIII в. — Долгих, 1950, 95) группа сымских остяков неоднократно подвергалась эпидемиям, сокращавшим ее. Это обстоятельство, а также наличие поблизости крупных русских поселков (Ярцево, Ворогово), исключительно «береговой» образ жизни («лесовыми» стали только несколько семей Тапковых, смешавшихся с оленными сымскими эвенками) способствовали раннему и активному сближению их с местными русскими. В конце XIX в. сымские кеты значительную часть года жили в поселках (Долгих,

1934, 61). У них у первых появились срубные постройки. В. И. Анучин в начале XX в. (1906 г.) писал, что они «носят русский костюм... стрижены... Очень похожи на русских, чисто говорят по-русски» (ЦГА УзССР, ф. 1726, оп. 1, д. 2, л. 1). Перепись 1926 г. зафиксировала уже полное оседание кетов-югов и однотипность их бытовой культуры с таковой у местных русских (ГАКК, ф. 769, оп. 5, д. 111, л. 124).

В непосредственном соседстве с сымским кетско-селькупским населением жили эвенки, перешедшие в бассейн Дубчеса и Сыма с Подкаменной Тунгуски и Ангары (роды Кима и Баяки), известные как сымские эвенки (Василевич, 1969, 6, 46 и др.). Эвенки Кима имели давние традиции взаимодействий с енисейскоязычным населением: в их среде растворилась часть коттов (Долгих, 1960, 206). В Подкаменно-Тунгусской управе еще в начале 20-х годов XIX в., наряду с остяцким, кетским числился Баяхинский род из 34 чел. (ГАКК, ф. 400, оп. 1, д. 2, л. 13). Переселение отдельных эвенкийских семей состоялось еще в начале XVII в., но наиболее массовым оно было во втором десятилетии XVIII — первой половине XIX в. (Василевич, 1931, 134; Долгих, 1960, 206). Часть их продвинулась затем далеко на запад от Енисея (в Васюганье, верховья Чулыма, на Томь), другие обосновались в бассейне Дубчеса и Сыма, а также отдельными семьями расселились в верховьях Таза, Елогуя, Худосен, где также стали соседями кетского и селькупского населения (предки эвенков Баякиных).

С коренным населением Туруханского Севера (кетами, селькупам, эвенками) исторически связано аналогичное по составу, смешанное коренное население Верхнего Таза (Скалон; Алексеенко, 1978). Предшественниками первых селькупов, продвинувшихся на Таз с Тыма и верховьев Ваха, как уже упоминалось, были предки современных энцев (Долгих, 1960, 84). Позднее в верховья Таза переселялись селькупские семьи как из южных (с Ваха, Средней Оби), так и с уже освоенных ими более северных территорий — с Баихи, Среднего Таза (Гемуев, 126—123)³. Уже для XVII в. можно предполагать взаимодействия верхнетазовских селькупов с кетами-инбаками, жившими в бассейне Елогуя, верховья которого издавна считались угодьями тазовского населения. Селькупы были самыми близкими соседями инбаков и в какой-то степени могли быть экзогамным эквивалентом этой кровнородственной группировки. Ту же роль для селькупов могли играть кеты. Развитию селькупско-кетских связей на Тазе, возможно, способствовали не только их хозяйственно-культурная и социальная (прежде всего дуальная экзогамия) однотипность, двуязычие, но и традиции более ранних взаимодействий в период продвижения будущих инбаков из междуречья Иртыша и Васюгана, по Тыму и Ваху, на Сым и Елогуй (Долгих, 1960, 79; Дульзон, 1962, 77—78; Алексеенко, 1976, 183). Особое место занимала упомянутая патронимия Ириковых, выступавшая на всем протяжении своей исторической

известности и до настоящего времени в постоянных территориальных и взаимнобрачных отношениях с кетами (Скалон, 129—131; Корсаков, 106; Долгих, 1950, 95).

Селькупское население, переселившееся в верховья Таза, в какой-то степени сохраняло традиции связей, в частности семейно-брачных, и со своими западными соплеменниками, ваховскими селькупками, подвергшимися значительному хантыйскому влиянию, и собственно ваховскими хантами. Имело место и оседание здесь отдельных семей хантов (Прокофьев, 1928, 97). С этим же регионом, видимо, следует связывать и этнографические свидетельства кетско-хантыйских отношений (АЛОИЭ, ф. К-1, оп. 2, д. 562, 558). Потомкам инбаков, кетам с Елогуя, Сургутихи, было известно о светловолосом народе лаца, жившем на р. Лаца, куда тазовские селькупы ездили сватать жен. Им запомнился обычай женщин лаца закрывать лицо платком. Взаимодействия кетов с лаца предстают преимущественно как конфликты (АЛОИЭ, ф. К-1, оп. 2, д. 562, л. 74; Алексеенко, 1962, 34) ⁴. Среди селькупского населения верхнего Таза расселились и отдельные семьи эвенков, преимущественно те же Баяки — Баякины, донные известные на Сыме, а также Елогуе и среди других групп левобережных кетов (Туголуков, 61). Собственно кетский компонент в верховьях Таза в конце XIX — начале XX в., по этнографическим данным, составляли женщины, вошедшие женами в селькупские, редко — в эвенкийские семьи, а также отдельные семьи, обычно состоявшие с селькупками в отношениях свойства и проживавшие здесь более или менее длительное время.

Таким образом, к XIX в. в верховьях Таза исторически сложилась межнациональная общность, которую составили периферийные группы северных селькупов, енисейских эвенков и частично — кетов. Сам состав этой общности предопределял тесные контактные отношения с аналогичным по составу коренным населением Туруханского Севера (Скалон, 130; Алексеенко, 1978, 32—34). Закреплению этих связей способствовало общее административно-экономическое положение района в границах Туруханского края ⁵. Этническое развитие в этом регионе характеризовалось постепенным распространением селькупского языка в неселькупской среде, возрастанием национально-смешанных браков.

Все туруханское коренное население в податных целях объединялось русской администрацией в волости (управы), возглавляемые старшиной («князцом»). Каждая из волостей была территориально-административной единицей: некоторые из них включали население только одной исторически сложившейся этнотерриториальной группы, другие объединяли несколько близлежащих и тяготеющих друг к другу групп. И. Георги в конце XVIII в. называл две кетские волости: Касо-Сымскую и Инбацкую (Георги, 66). В XIX в. преимущественно кетскими по составу были волости (с юга на север): 1) Сымско-Касская

(в нее вошли сымские остяки); 2) Подкаменнотунгусская (шайхинская группа кетов); 3) Верхнеинбатская (бахтинская, елогуйская, фиганская, кангатовская группы); 4) Нижнеинбатская (нижнеинбатская и черноостровская группы) (Долгих, 1950, 87, 90; 1960, 144, 148—149). Названные волости вместе с кетско-селькупскими Баншенской и Карасинской волостями просуществовали до начала XX в.

Волостная организация способствовала территориальной устойчивости населения, но не исключала перемещений целиком. В XIX в. экзогамных групп на кетской и селькупской периферии региона уже не существовало; этнически однородной (исключительно кетской) до начала XIX в. оставалась только подкаменнотунгусская, во всех других местах расселения кетов в непосредственном или близком соседстве с ними жили селькупы, эвенки, а на побережье Енисея — русские.

Общая картина расселения туруханского коренного населения в начале XX в. в целом соответствовала известным ранее группировкам и была следующей (с юга на север): сымская группа (кеты-юги вблизи русских деревень Ярцево, Ворогово и в них самих; несколько смешанных кетско-эвенских семей на р. Дубчесе; эвенки и отдельные семьи селькупов с Кети и Тыма в верховьях Сыма); группы подкаменнотунгусская (кеты); елогуйская (преимущественно кеты; селькупы, эвенки); сургутинская (бывшая нижнеинбатская; преимущественно кеты; селькупы); черноостровская (будущая пакулихинская; кетско-селькупская); туруханская (вблизи с. Туруханска; преимущественно кеты, переселившиеся из нижнеинбатской группы; селькупы); баншенская (селькупы, кетско-селькупские семьи; кеты); курейская (кеты; эвенки; селькупы). Кеты отдельными семьями жили также на побережье Енисея вблизи русских деревень Бахта, Верхне-Имбатское, Алинское, Кангатово, Верещагино и др. Общее число кетов (кроме сымских) составляло 1300 чел. (Долгих, 1949, 78) ⁶. В верховьях Таза складывалось этнически смешанное население (преимущественно селькупы, эвенки, кетско-селькупские семьи), тяготеющие к аналогичному по составу и культурно близкому населению бассейна Енисея.

Различные этапы формирования кетов как этнической общности нашли отражение в эволюции их самосознания. Для кетоязычного большинства экзогамных групп XVII в. это было осознание своей кровной общности по происхождению. Этот уровень самосознания отражает родовая этнонимика (Долгих, 1950, 107; Общественный строй..., 155, 173). Вместе с тем связанные преимущественно брачными отношениями инбаки, с одной стороны, и земшаки и богденцы — с другой, не могли не осознавать свое языковое родство и не выделять себя по этому признаку среди иноязычного окружения. Возможно, представления об этой общности отражает этноним «кынырен» (конерен, кын'ден) — «светлые люди». Это название, зафиксированное у северных и южных кетов, несет смысловую нагрузку противопо-

ставления чужакам (Алексеевко, 1975, 219); в фольклоре — противопоставление людей мифологическим персонажам. Несмотря на рассредоточение кетов и образование в XVIII—XIX вв. новых локальных групп, старые связи, основанные на отношениях родства, не могли полностью утратить своего значения. Этому способствовала общая малочисленность, а также дуальная организация. В конце XIX — начале XX в. родственные патронимии практически жили на всей территории расселения кетов (Долгих, 1950, 95—96). Естественно, что более или менее постоянные экономические связи между ними могли возникать лишь в пределах определенной (или близлежащих) территориальной группы. С расселением кетов и образованием смешанных эндогамных групп родственные связи в сфере экономических отношений дополнились соседскими; значительно дольше они сохранялись в идеологии (Алексеевко, 1972, 183—185).

Отмеченные внутренние обстоятельства, а также такие социальные факторы, как объединение населения в составе уездов, а затем волостей, расширение общей сферы связей (за счет сугланов, ярмарок, хлебозапасных магазинов, миссионерской деятельности и др. — Долгих, 1960, 145; ГАКК, ф. 400, оп. 1, д. 2, 87, 113 и др.; ф. 117, оп. 1, д. 20, 235, 261, 401, 402 и др.) способствовали развитию чувства этнической общности и утверждению данного кетам русскими наименования «остяки» в качестве их общего самоназвания (остыгын) ⁷.

Общность языка и особенно представление о кровнородственной принадлежности (т. е. отношение к I или II экзогамным половинам), выраженное родовым этнонимом, были основными признаками, составляющими чувства национального единства у северных кетов еще в начале XX в. Этнографические материалы позволяют говорить, что в это время они были в целом достаточно информированы о всех основных локальных группах своего народа, называя каждую по ее географическому положению (названия типа «елукден» — «елогуйские люди» и т. д.). Особенное отношение сложилось только к южным, сымским остякам, которых северные кеты воспринимали как «совсем особый народ» и выделяли под особым названием — юги (огэн, угын), подчеркивая, что те «не понимали остяцкое слово». За этими представлениями стоит разное происхождение обеих этнографических групп — северных и южных кетов; они сформировались исторически и не смогли быть изменены такими событиями, как переселение и слияние с сымскими остяками выходцев с Елогуя в конце XIX — начале XX в. и т. д. (ЦГА УзССР, ф. 1726, оп. 1, д. 2, л. 135—136).

Двум основным группам кетов — северной и южной — соответствовали два диалекта, выделенные в середине XIX в. М. А. Кастреном под названиями имбатского и сымского наречий (1858). В имбатском диалекте М. А. Кастрен, в свою очередь, различал два говора — бахтинский и верхнеимбатский. Учитывая эндогамную обособленность бахтинских кетов еще в

первой половине XIX в., можно предположить, что этот говор в основном соответствовал языку их непосредственных предков — богденцев (и родственных им земшаков) начала XVII в. Верхнеимбатский говор середины XIX в. в целом должен был являть собой результат смешения языка богденцев и инбаков (при определенном воздействии извне, в частности селькупского языка). С образованием устойчивых эндогамных групп и закреплением их волостной организацией шло постепенное формирование новых говоров в зависимости от места проживания их носителей. В XIX в. это были говоры подкаменнотунгусских, елогуйских, курейских и других групп кетов (Дульзон, 1968, 14). Окончательному выделению их, вероятно, предшествовали более крупные объединения, например нижнеимбатский говор (Черняков, 1934), до разделения его на говоры кетов рек Сургутихи и Пакулихи. Дальнейшее языковое развитие выразилось в постепенном смешении выделившихся говоров в связи с территориальными перемещениями их носителей; особенно активными эти процессы стали с началом социалистического переустройства.

В языке сымских кетов также обнаруживаются следы нескольких говоров, подтверждающие сложность этнического формирования этой группы (Вернер, 1968, 15; 1969, 155—159; Николаева, 81).

Группы с этнически смешанным населением складывались сначала как дву- и многоязычные. Постепенно один из этих языков (чаще всего язык этнического большинства) получал роль межнационального (таким, например, стал селькупский язык для эвенков и кетов Верхнего Таза, а кетский — для курейских эвенков и селькупов). Результатом непосредственного общения кетов и селькупов явилось определенное сближение языков этих народов, наметившееся еще в ранние периоды их этнической истории (Терещенко; Топоров; Дульзон, 1970).

В условиях общей малочисленности и дисперсности расселения, устойчивости экзогамных норм при преобладании мужского населения до начала XX в. (Долгих. Материалы..., 51, 68) культурно-бытовые соседские связи кетов с иноязычным окружением дополнялись взаимнобрачными. С конца XVIII в. наблюдался интенсивный процесс кетско-селькупского смешения. По Б. О. Долгих, более 16,5% из общего числа выявленных им с 1785 по 1917 г. браков северные кеты заключали в селькупской среде. Значительно меньше было браков кетов и селькупов с эвенками и русскими (всего 3,3% — Долгих. Материалы..., 48). Причину этого явления следует, видимо, искать как в конкретной истории, так и в особенностях и уровне хозяйственно-бытового уклада населения. Кетов и селькупов сближала общность (и в значительной степени идентичность) их исторически сложившегося традиционного хозяйственно-культурного комплекса (преобладание в нем черт пешей охотничье-рыболовческой культуры обитателей таежной зоны), дуально-экзогамная социаль-

ная организация. Кетско-селькупская этнографическая близость неоднократно отмечалась (Прокофьев, 1928; Островских; Donner; Прокофьева, 1952; Пелих). В исторических преданиях оба народа действуют как союзники, а общими врагами их выступают оленные самодийцы (энцы, ненцы) и эвенки. Неприязненное отношение к эвенкам как к бывшим врагам, специфика их чуждого кетам и селькупам исконно оленеводческого хозяйственно-бытового уклада, а также более высокий экономический уровень первых могли быть в числе причин, тормозивших развитие взаимнообратных отношений между этими народами до социалистической реконструкции (Корсаков, 107; Алексеенко, 1970, 68—69).

При общей основе традиционного хозяйственно-культурного комплекса кетов в целом к концу XIX — началу XX в. наметились некоторые локальные различия, обусловленные факторами социально-экономического, экологического и этнического порядка. Более всего они проявились у курейских кетов, которые оказались в особых условиях. Обилие хороших рыболовных угодий и близкий рынок сбыта (Карасино, Туруханск) вызвали здесь товарное развитие рыболовного промысла (Исаченко, 31—49; Тарасенков, 32—34; Долгих, 1934, 92); в других местах он сохранялся преимущественно как потребительский. Основным способом стал неводной лов (сельди, тугуна), в то время как традиционная летняя добыча рыбы котцами, обеспечивавшая заготовку продуктов впрок, здесь была забыта. В условиях приполярья и начинающейся тундровой зоны курейские кеты освоили новые для них приемы охоты (промысел песка и дикого оленя на открытых местах). Относительно большое (по сравнению с другими малооленными и безоленными группами) число оленей, а также сам новый характер пушного промысла свели здесь на нет традиционный для кетов сезон пешей охоты. Его название исчезло из народного календаря курейских кетов.

В результате межэтнических связей у отдельных народов Туруханского Севера появились несвойственные их самобытной культуре элементы, некоторые из них приняли характер межрегиональных. Уже упоминалось о распространении у части кетов (исключая подкаменнотунгусских), селькупов и расселявшихся среди них или в близком соседстве эвенков однотипного (самодийского) транспортного оленеводства. С ним связано появление у кетов некоторых специфических компонентов материальной культуры: ездовых и грузовых нарт, упряжи, глухой меховой одежды, камусной обуви и др. (Алексеенко, 1970, 67; Туголуков, 72, 81). У левобережных кетов и селькупов (реки Сургутиха, Пакулиха, В. Баиха), а также у курейских кетов было отмечено выючное оленеводство эвенкийского типа (Прокофьев, 1928, 100; Васильев, 1962; Алексеенко, 1969, 122, 123; 1978, 36; Прокофьева, 1976). У курейских кетов землянку заменило «голомо» (чум, крытый землей), распространились эвенкийского типа обувь, капорообразный головной убор, видоизменилась

ручная нарта. Здесь же появились хозяйственные постройки (с двускатным корьевым навесом), неизвестные в других местах расселения кетов. Селькупским влиянием, видимо, следует объяснять локальные варианты в устройстве каркаса землянок (в форме усеченной пирамиды — у курейских и пакулихинских, бывших черноостровских, кетов), а также появление землянок у эвенков (Баякиных) в верховьях Таза, временных жилищ (марма) у туруханских эвенков (Туголуков, 71). У западных (сымских) эвенков отмечены и другие особенности, отличающие их от правобережных соплеменников и, наоборот, сближающие с кетами и селькупам, — использование ручной нарты и волокуши из замороженной шкуры, отсутствие срединной жерди в чуме, наличие лодки-долбленки и др. (Василевич, 1931а, 137—138; Долгих, 1960, 206). У туруханских кетов, селькупов и эвенков наблюдалось взаимопроникновение фольклорных сюжетов, шаманской мифологии, традиций прикладного искусства и т. д.

Выше уже говорилось, что этнически однородной до начала XX в. оставалась только подкаменнотунгусская группа кетов. Будучи безоланными, они до начала социалистического переустройства сохраняли традиции своей исконной бытовой культуры пеших охотников и рыболовов таежной зоны (Долгих, 1934; 1952; Корсаков; Вайнштейн), основные черты которой, впрочем, всегда были характерны и для остальных групп этой народности.

Особо следует сказать о влиянии русской народной культуры на коренное население. Степень ее воздействия и интенсивность были неодинаковы у различных групп. В большей степени к началу XX в. ей подверглась часть кетов и селькупов, живших на побережье Енисея, поблизости от русских деревень (станков) и в них самих.

С приходом русских и установлением ясачной повинности и торговли в крае произошли изменения в хозяйственной жизни коренного населения, выразившиеся в преобладании охотничьего, а в нем — собственно пушного промысла. Потребительская охота отступила на второй план. Кеты и селькупы научились пользоваться не известными им ранее ловушками, постепенно внедрялось огнестрельное оружие. Однако эти процессы были очень медленны, что объяснялось прежде всего крайне низким уровнем экономического развития этих народов. С XVIII в. прекратилась добыча соболя, а цены на белку и другую пушнину были очень низки. В 1917 г. еще 33% кетских хозяйств пользовались луком как основным орудием охоты, а окончательное его вытеснение относится уже к 1930-м годам. Основной доход русским крестьянам в XVIII и XIX вв. давало рыболовство (Исаченко; Доброво-Ядринцева; Анучин, 1916), продукцию которого они сбывали купцам из Енисейска. По праву сильного они сгоняли коренное население с лучших угодий («песков»). Часть кетов в XIX в. вынуждена была уйти с Енисея на его притоки (Долгих, 1950, 92). Рыболовство для кетов до начала XX в.

оставалось преимущественно натуральным, не считая случайной мелкой продажи «красной» (осетровой) рыбы. Как упоминалось, только у курейских и туруханских кетов и селькупов рыболовство имело некоторое товарное значение. Именно здесь кеты по образцу русских впервые стали применять неводный способ лова. У русских кеты заимствовали также крючковые снасти (перемет, самолов), используемые для добычи налима, осетра, стерляди.

В числе инноваций, появившихся в бытовой культуре кетов после знакомства с русскими, следует назвать использование лодок-дощанок, тканей и покупной готовой одежды (в частности, ею полностью была вытеснена нижняя одежда из ровдуги), посуды фабричного изготовления (в конце XIX — начале XX в. покупная чайная посуда считалась предметом роскоши), расширение пищевого ассортимента за счет купленных продуктов, наконец, появление первых срубных построек.

Русское влияние сказывалось не только в распространении новых форм культуры, но и видоизменении, усовершенствовании некоторых ее традиционных элементов. Под влиянием срубных домов русских у нижнеинбатских кетов и селькупов (р. Сургутиха) появился вариант землянки с двускатным покрытием. В землянках северных кетских и селькупских групп стали устраивать окна, а чувал и кострище начали вытесняться печью из листового железа. Имело место и обратное влияние. Промысловая культура местных русских обогатилась опытом и рациональными знаниями коренных жителей; в их быт вошли ручная нарта, камусные лыжи, лодки-долбленки, меховая обувь и т. д. Русские восприняли некоторые новые для них способы заготовки рыбы и т. д. Под влиянием промысловых верований коренного населения, в том числе и кетского, сложились некоторые, так называемые языческие представления местных русских (Степанов, 117; Кривошапкин, 60; ГАИО, ф. 874, оп. 3, д. 26, связка 2, л. 11).

В конце XIX в. впервые за всю историю Туруханского края были сделаны попытки церковноприходского обучения детей русских и «инородцев», не увенчавшиеся, однако, успехом (Латкин, 454, 455). В 1910 г. в существовавших в крае двух двухклассных миссионерских школах, верхнеимбатской и в с. Монастырском, обучалось всего 15 мальчиков и 7 девочек; были ли среди них дети коренного населения — неизвестно (ГАКК, ф. 117, оп. 1, д. 282, л. 12).

Еще в 20-х годах XIX в. отмечалась отчужденность большинства енисейских остяков (Степанов, 62); она становилась менее заметной по мере постепенного освоения кетами (в первую очередь мужчинами) русской речи. Кетско-русские браки до начала XX в. были очень редки. Согласно Б. О. Долгих, за период с 1789 по 1917 г. их насчитывалось только 14 (Долгих. Материалы..., 48). Так же медленно происходило распространение в кет-

ской среде русских фамилий и имен (при одновременном бытовании своих), полученных при крещении (Алексеевко, 1979, 83).

Отчужденность коренного населения была обусловлена не только спецификой его культурно-бытового уклада и языковым барьером, но и крайне низким уровнем жизни, бесправным положением изгоев. Имеется много ярких свидетельств жесткой эксплуатации и насилия по отношению к нему со стороны правящей русской верхушки, которую здесь представляли пристав, исправник, купцы и смотрители казенных хлебозапасных магазинов, зажиточные крестьяне (ГАКК, ф. 117, оп. 1, д. 261; Латкин, 261, 422, 441; Передольский, 87, 70; Анучин, 1916, 29). Особенный размах в этой глухой провинции, крае невежества и бедности, получил произвол торговцев, не брезговавших обманом, спайванием и прямой расправой над «инородцами». Н. В. Латкин писал: «...торгует здесь не только купец, мещанин или оборотистый крестьянин-кулак, торгует и мелкий чиновник, и даже духовенство... в особенности тех отдаленных уголков и приходов, где проживает инородческий элемент, водится ценная „пушнина“ и красная рыба» (Латкин 201).

Находясь в постоянных долгах в казну и местным торгующим, каждый из которых имел «своих азиатцев» (Исаченко, 17), большинство кетов (особенно безоленные) было обречено на постоянное нищенское, полуголодное существование, а в «неурожайные» промысловые годы — на голод и вымирание. Еще в первые десятилетия XX в. отмечалась их большая смертность, особенно детская: «Детей рожают по 13—14 человек, из них половина вымирает в младенческом возрасте...» (ГАКК, ф. 1895, оп. 1, д. 143, л. 17—19). Самый низкий уровень жизни до революции был у тех кетских и селькупских семей, которые по каким-то причинам не могли самостоятельно вести промысловое хозяйство. Чтобы как-то существовать, члены этих семей, в том числе женщины и дети, шли в батраки и на отработки к купцам и в зажиточные хозяйства (Анучин, 1906, 38, 43; Доброво-Ядринцева, 60), нанимались таскать бечевой лодки с грузом и т. д.

Не только представители передовой русской интеллигенции вызвали о бедственном положении кетов и пытались принять какие-то меры⁸. Участие к их доле проявляли и местные крестьяне. Архивы сохранили их «донесения» смотрителям участков такого рода (1884 г.): «Насчет ясашных остяков Ромашки Муксунова 6 душ, Василий Пескин помирает голодной смертью, проживают в землянках уже недвижимы... одежды у них нет, голы и босы» (ГАКК, ф. 400, оп. 1, д. 77, л. 10). Аналогичные документы о крайне бедственном положении кетов, селькупов и эвенков оставили и первые представители Советской власти в Туруханском крае (ГАКК, ф. 49, оп. 1, д. 511, л. 32, 34; ф. 1303, оп. 1, д. 38, л. 3, 17, 22—23; ЕГА, ф. 242, оп. 1, д. 4, л. 10—11 и др.), которой предстояло ликвидировать все тяжкое наследие царского режима.

Примечания

- ¹ Работа находится в печати (Кетский сборник: Антропология, этнография, лингвистика. Л.). С согласия Б. О. Долгих она привлекалась при подготовке главы в монографии «Общественный строй у народов Северной Сибири XVII — начала XX в. (М., 1970)», о чем сделаны соответствующие ссылки. Сведения из этой работы, используемые в настоящем разделе, оговариваются как «Долгих. Материалы...».
 - ² В конце XVIII — первой четверти XIX в. число патронимий, составлявших группу, и общая численность каждой соответственно были: шайхинская — 5 (53—80 чел.), бахтинская — 10 (191—213 чел.), елогуйская — 16 (200 чел.), фиганская — 7 (72 чел.), кангатовская — 10 (125—148 чел.), нижеинбатская — 23 (свыше 300 чел.), черноостровская — 4 (110 чел.) (Долгих. Материалы..., 17—22).
 - ³ Согласно устной традиции первые селькупы, пришедшие на Таз в поисках новых рыболовных угодий, встретили здесь оленный народ калык. Селькупы заняли землю, победив калык в военном столкновении и захватив их оленей, упряжь, ровдужные покрышки. Предания о заимствовании оленеводства от соседей-самодийцев отмечены и у кетов. Селькупский термин калык известен как название ненцев (Прокофьев, 93), но, возможно, он когда-то распространялся и на близких им по культуре и языку энцев, как это имело место у кетов. Может быть, именно в этом смешанном этнокультурном районе и произошло приобщение части пеших охотников и рыболовов-селькупов и кетов (или кетов через селькупов) к транспортному оленеводству самодийского типа.
 - ⁴ Этноним «ланай-кум» известен как селькупское название хантов (Прокофьев, 1940, 69), а также подвергшихся хантыйскому влиянию ларьятских селькупов. Традиции переселения тазовских остяков в пределы жительства населения ларьятской и тымско-каракомской волостей (преимущественно селькупских уже в XVII в. — Долгих, 1960, 79, 82), соседствующих с хантами, сохранялись и в середине XIX в. (ГАТО, ф. 170, оп. 11, д. 997, л. 1). Традиции эти могли иметь давние корни, так как на территории указанных волостей (низовье Васюгана — Тым — Верхний Вах) расселялись отдельные кетоязычные и селькупоязычные группы до переселения в бассейн Енисея (Дульзон, 1962, 76). Документы XVII в. свидетельствуют о тяготении к этому региону сымских кетов (Долгих, 1960, 86; ГАКК, ф. 182, оп. 1, д. 19, л. 1).
 - ⁵ Долина р. Таз отошла к Тюменской обл. в 1940-х годах, но еще в начале 1960-х годов ощущались традиции семейных, хозяйственных и культурных связей между тазовским и туруханским населением. В это же время, однако, более заметны стали возросшие связи первого с северными соседями — ненцами, а также влияние русской культуры.
 - ⁶ Подсчет сделан Б. О. Долгих по дополненным и уточненным им материалам переписи 1926—1927 гг., в которой он принимал личное участие.
 - ⁷ Название «кеты», производное от слова «кет» (человек), также не является самоназванием по происхождению. Утвердившееся в 1920-е годы и понятное всем, оно быстро вошло в жизнь и явилось стимулом дальнейшего развития этнического самосознания.
 - ⁸ Географ В. С. Передольский после своих поездок по Туруханскому краю (1894, 1895 и 1898 гг.) печатными и публичными выступлениями пытался обратить внимание на тяжелое положение, вымирание кетов, организовал судебные процессы против наиболее зверствовавших торговцев, добился через губернатора выделения хлеба нескольким семьям.
-

Литература

- Александров В. А. 1962. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М.
- Алексеевко Е. А. 1962. Материалы по культуре и быту курейских кетов (колхоз «Новая жизнь»). — СЭ, сб. IV.
- Алексеевко Е. А. 1967. Кеты: Историко-этнографические очерки. Л.
- Алексеевко Е. А. 1969. Оленеводство у кетов. — В кн.: Кетский сборник: Мифология, этнография, тексты. М.
- Алексеевко Е. А. 1970. Этнические процессы на Туруханском Севере. — В кн.: Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М.
- Алексеевко Е. А. 1972. К вопросу о роли фактора родства в социальной жизни кетов. — В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л.
- Алексеевко Е. А. 1975. К вопросу о так называемых кетах-югах. — В кн.: Этногенез и этническая история народов Севера. М.
- Алексеевко Е. А. 1976. Некоторые вопросы этногенеза и этнической истории кетов. — В кн.: Языки и топонимия. Томск.
- Алексеевко Е. А. 1978. Этнические взаимодействия коренного населения Туруханского Севера и Верхнего Таза. — В кн.: Народы и языки Сибири: Архивные исследования. М.
- Алексеевко Е. А. 1979. Христианизация на Туруханском Севере и ее влияние на мировоззрение и религиозные культы кетов. — В кн.: Христианство и ламанизм у коренного населения Сибири. Л.
- Анучин В. И. 1906. Предварительный отчет по поездке к енисейским осякам в 1905 г. — ИРКДИСВА, т. 6.
- Анучин В. И. 1916. В стране черных дней и белых ночей. — Знание для всех, № 8.
- Вайнштейн С. И. 1954. Чум подкаменнотунгусских кетов. — КСИЭ, вып. XXI.
- Василевич Г. М. 1931. Сымские тунгусы. — Сов. Север, № 2.
- Василевич Г. М. 1931а. К вопросу о тунгусах, кочующих к западу от Енисея. — Сов. Север, № 10.
- Василевич Г. М. 1969. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л.
- Васильев В. И. 1962. Система оленеводства лесных энцев и ее происхождение. — КСИЭ, вып. XXXVII.
- Васильев В. И. 1974. К проблеме этногенеза северосамодийских народов. — В кн.: Социальная организация и культура народов Севера. М.
- Васильев В. И. 1979. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. М.
- Вернер Г. К. 1968. Система согласных фонем сымского диалекта кетского языка. — В кн.: Кетский сборник: Лингвистика. М.
- Вернер Г. К. 1969. О диалектном членении языка сымских кетов. — Учен. зап. Омского пед. ин-та, вып. 52. Вопросы филологии.
- Гемзев И. Н. 1973. Расселение северных селькупов (XIX — 20-е годы XX в.). — В кн.: Проблема этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока: (Тезисы докладов Всесоюзной конференции). Новосибирск.
- Георги И. Г. 1799. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб. Ч. 3/4.
- Доброво-Ядринцева Л. Н. 1925. Туземцы Туруханского края: Опыт исследования экономического положения. Новониколаевск.
- Долгих Б. О. 1934. Кеты. Иркутск; Москва.
- Долгих Б. О. 1949. Родовой и племенной состав народностей Севера Средней Сибири. — КСИЭ, вып. 5.
- Долгих Б. О. 1950. Родоплеменной состав и расселение кетов. — Докл. и сообщ. ист.-филол. фак. МГУ, вып. 9.
- Долгих Б. О. 1952. Старинные землянки кетов на реке Подкаменная Тунгуска. — СЭ, № 2.
- Долгих Б. О. 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — ТИЭ, т. IV.
- Долгих Б. О. Материалы к истории родоплеменного состава кетов. Рукопись (АИЭ).

- Дульзон А. П. 1962. Былое расселение кетов по данным топонимики.— Вопросы географии, № 58.
- Дульзон А. П. 1968. Кетский язык. Томск.
- Дульзон А. П. 1970. Общность падежных окончаний в самодийских и енисейских языках.— В кн.: Тезисы докладов на III Международном конгрессе финно-угроведов. Таллин.
- Еленев А. С. 1893. Естественно-географический очерк р. Енисея от г. Енисейска до с. Туруханска с некоторыми сведениями по географии этой местности.— ИВСОГО, т. XXIV, № 3/4.
- Исаченко В. Л. 1915. Материалы по исследованию р. Енисея в рыбопромысловом отношении. Красноярск. Вып. IX. Иногородцы Туруханского края, выходящие на берега р. Енисея в районе с. Дудинка — ст. Осинный, и их рыбный и другие промыслы.
- Каргер Н. К. 1930. Оленеводство у енисейцев (кетов).— Сов. Север, № 6.
- Кетский сборник: Лингвистика, 1968. М.
- Копылов А. Н. 1965. Торговые связи Енисейского рынка в XVII в.— В кн.: Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. Новосибирск.
- Корсаков Г. М. 1941. Кеты Подкаменной Тунгуски.— Сов. Север, № 5.
- Кривошапкин М. Ф. 1865. Енисейский округ и его жизнь. СПб. Т. II.
- Латкин Н. В. 1892. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. СПб.
- Николаева Н. М. 1969. О говорах сымского диалекта кетского языка.— В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск.
- Нумеров К. Д., Павлов П. К. 1962. Пушные богатства Красноярского края в прошлом и настоящем.— ИКОВГО, вып. 2.
- Общественный строй у народов Северной Сибири XVII — начала XX в. 1970. М.
- Островских П. Е. 1931. Баишенские остяки (остяко-самоеды) Туруханского края в конце XIX в.— Сов. Север, № 7/8.
- Пелих Г. И. 1972. Происхождение селькупов. Томск.
- Передольский В. В. 1908. По Енисю: Быт енисейских остяков. СПб.
- Прокофьев Г. Н. 1928. Остяко-самоеды Туруханского края.— Этнография, № 2.
- Прокофьев Г. Н. 1940. Этногенез народностей Обь-Енисейского бассейна.— СЭ, № 3.
- Прокофьева Е. Д. 1952. К вопросу о социальной организации селькупов.— ТИЭ. Нов. сер., т. XXIII.
- Прокофьева Е. Д. 1976. Оленеводство тазовских селькупов.— В кн.: Материальная культура народов Сибири и Севера. Л.
- Скалон В. 1930. В тундре Верхнего Таза.— Сов. Север, № 3.
- Соколова З. П. 1975. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров.— В кн.: Этногенез и этническая история народов Севера. М.
- Степанов А. П. 1835. Енисейская губерния. СПб. Ч. II.
- Тарасенков Д. Н. 1930. Туруханский край. Красноярск.
- Тереженко Н. М. 1957. К вопросу о взаимодействиях самодийских языков с языками других групп.— В кн.: Вопросы структуры языка. М.
- Топоров В. Н. 1962. О некоторых селькупско-кетских типологических параллелях.— В кн.: Вопросы структуры языка. М.
- Третьяков П. И. 1869. Туруханский край, его природа и жители.— Зап. РГО по общей географии, т. II.
- Туголуков В. А. 1974. Эвенки бассейна реки Турухан.— В кн.: Социальная организация и культура народов Севера. М.
- Черняков З. Б. 1934. Карта распространения языков народов Севера СССР.— В кн.: Языки и письменность народов Севера. М.; Л., ч. 3.
- Castren M. 1858. Versuch einer Jenissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen. St.-Petersburg.
- Castren M. 1856. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849. St.-Petersburg.
- Donner K. 1933. Ethnological Notes about the Jenisey-ostyak (in the Turukhansk Region).— MSFOU, vol. 66.

Селькупы

Ко времени присоединения Сибири к России в XVI в. селькупы (остяки, остяко-самоеды) занимали территории по Средней Оби и ее притокам — Тыму, Кети, Чае, Парабели, Шегарке, Чулыму (нижнее течение). Северная граница их распространения проходила по устью Тыма, южная — по устью Чулыма (Долгих, 1960, 103).

Существует мнение о том, что селькупы занимали также территории в низовьях Васюгана (Ларьятская вол.) и были вытеснены оттуда уграми (Долгих, 1960, 82): «Угры потеснили селькупов в левобережные части Оби, где преобладают хантыйские названия рек: „еган“, „юган“... например, Васюган, Кульеган...» (История Сибири, I, 359). Однако Васюган был издавна заселен хантами, в низовьях его в XVI—XVII вв. жили ханты, которые, возможно, уже смешивались с селькупам. Окончательно селькупы вытеснили хантов из низовьев Васюгана в XIX в. Таким образом, процесс был двусторонним: с запада и северо-запада на территорию, сопредельную с селькупской, под давлением тюркских племен, а позднее — русских переселенцев передвигались ханты, а с юга под давлением тюрков на север переселялись селькупы.

В более раннее время, до прихода русских в Сибирь, территория селькупов была большей. Она простиралась далее на юг и восток. Часть селькупов была тюркизирована (на территории бассейна Оби выше Чулыма, возможно, и по Чулыму, а также по Томи, в верховьях Парабели, Чаи), часть подверглась кетскому влиянию (Дульзон, 1950; История Сибири, т. I, 360; Долгих).

Соседями селькупов на юге были тюркские племена барабинцев, чатов, телеутов, томских и чулымских татар; на востоке и северо-востоке — кеты; на северо-западе — угры. С запада и северо-запада селькупы испытывали давление угров, которых, в свою очередь, теснили татары и русские переселенцы, а с юга — тюркские племена.

Селькупы состояли из нескольких племен. На реках Тым, Парабель, Чузик, Кенга, Чижапка и прилегающей к ним части Оби находилось племя чумыль-куп — носитель северного, нарымского диалекта. На р. Кеть и прилегающей к ней части побережья Оби расселялось племя сюссе-кум, говорившее на среднем, кетском диалекте. По рекам Чая и Чулым жили шеш-кум, носители южного, чулымского диалекта (Кастрен, 350; Долгих, 84, 88—89; Пелих, 141).

Присоединение селькупских земель к Русскому государству происходило в конце XVI — начале XVII в. Большую роль в этом сыграло сооружение г. Сургута на Оби. Отсюда вверх по Оби отправлялись отряды казаков для обложения ясаком хантов и селькупов. Сильное сопротивление русским служилым людям

оказало селькупское племенное объединение Пегая орда, во главе которого стоял «князец» Воня, находившийся в союзе с татарским ханом Кучумом (История Сибири, т. 2, 34).

Некоторые исследователи считают, что племенные объединения селькупов Пегая орда, Парабельский союз и другие возникли в борьбе против обских угров (Бояршинова, 1960, 69; История Сибири, 1, 360). Однако проникновение угров на восток (на территории селькупов) имело место в XVIII—XIX вв. в связи с обложением населения ясаком, христианизацией и массовым проникновением в Западную Сибирь русских переселенцев. В X—XV вв. большую опасность для селькупов представляли тюрки, а в XVI—XVII вв. — и отряды русских казаков (правда, в их походах принимали участие и ханты). Поэтому мы согласны с мнением Е. Д. Прокофьевой о том, что обская группа селькупов в силу культурно-исторических связей и военных столкновений с племенами и народами более высокой, чем у других селькупских групп, социальной организации (главным образом татар и русских) создает свои «княжества» — племенные объединения (Прокофьева, 103).

Селькупы были обложены ясаком в начале XVII в., после того как было ликвидировано племенное образование Пегая орда и построены Нарымский и Кетский остроги (1596 и 1602 гг.) и г. Томск (1604) (Долгих, 87, 91; История Сибири, 1, 34—36). Ясак в некоторых случаях был очень велик, например, в Кетском у. — до 11 соболей с человека (Долгих, 92). В связи со сбором ясака с начала XVII в. начался и учет селькупов. Административно они входили в это время в состав четырех уездов — Сургутского, Нарымского, Кетского и Томского.

В XVII—XIX вв. сформировалась этнографическая группа северных селькупов. В нее вошли не только селькупы, но частично и предки кетов, хантов и энцев. Северные селькупы отделены от нарымских широкой полосой хантыйского населения, которое заселило территории, прилегающие к бассейну р. Вах. Северные селькупы оказались в другой климатической зоне. В соответствии с этим изменились и их хозяйственная деятельность, и материальная, и духовная культура. Поэтому в дальнейшем этническую историю нарымских и северных селькупов мы будем рассматривать отдельно.

Нарымские селькупы. По ясачным документам XVII в. Б. О. Долгих выявил численность плательщиков ясака (т. е. взрослого мужского населения от 18 до 60 лет) в селькупских волостях Сургутского, Нарымского, Кетского и Томского уездов (см. табл. 1).

Как видно из таблицы, селькупское население в XVII в. значительно уменьшилось. Можно предположить, что часть ясачных плательщиков просто скрывалась. Кроме того, Б. О. Долгих указывает на другие причины сокращения численности населения — эпидемии оспы в 1630 и 1664 гг. в Кетском и Томском уездах,

Т а б л и ц а 11. Динамика численности населения селькупских волостей в XVII в. (по уездам)

Уезд	Годы			
	1623—1629	1660—1661	1691—1694	1706
Сургутский	316	540	496	592
Нарымский	1348	1076	716	—
Кетский	536	456	312	—
Томский	500	292	240	—
Всего	2700	2364	1764	

* Таблица составлена по книге Б. О. Долгих (1960).

уход части селькупов в Барабу, в Енисейский у., угон и отъезды в «киргизы» (Долгих, 87, 92, 95). Помимо того, он отмечает, что о численности населения Томского у. «нет полного и правильного представления», так как в данные о нем не вошли волости, платившие ясак в первой половине XVII в. (Долгих, 95). К концу XVII в. часть селькупов Байгульской вол. была также ассимилирована татарами (Долгих, 98). Вероятно, процессы тюркизации селькупов, особенно в южных волостях Томского у., оказали большое влияние на общее сокращение численности селькупов в XVII в. Вместе с тем в том же XVII в. численность селькупов в Сургутском у. несколько выросла. Вероятно, уже в XVII в. часть селькупов Нарымского и Кетского уездов переселилась на Вах и, возможно, на Таз и Енисей.

Тамги нарымских селькупов в XVII в. по манере изображения и сюжетам (Симченко, табл. 82—100) весьма близки хантыйским. Это, возможно, одно из свидетельств близости происхождения хантов и селькупов, в прошлом тоже называвшихся остяками. В то же время именной состав нарымских селькупов (Симченко, 136—151) значительно отличается от обско-угорского. Пожалуй, общим можно назвать лишь имя Тоболда, название селения на Шегарке Сайнаковы юрты, Иштановой вол. в Кетском у., самого Нарымского у.

Важнейшим фактором в этнической истории Нарымского Приобья в XVIII—XIX вв. было массовое земледельческое освоение и заселение этого края, чаще всего русскими крестьянами. Так, только в Томской губ. в XVIII в. насчитывалось 140 тыс. мужчин русского населения, в том числе 119 тыс. крестьян. Русское население увеличилось здесь с 1719 по 1796 г. в 3,5 раза (История Сибири, т. 2, 184, табл. 2).

В этот период здесь наблюдался и рост численности селькупского населения. И если в XVIII в. этот процесс происходил довольно равномерно, то в конце XIX в. численность нарымских селькупов по сравнению с началом XVIII в. возрастает в 2,5 раза (см. табл. 2).

Т а б л и ц а 2¹. Динамика численности населения селькупских волостей в XVIII—XIX вв. (по уездам)

Уезд	Годы			
	1702—1706	1763	1827	1897
Сургутский	441	—	—	—
Нарымский	724	—	—	1896
Кетский	304	—	—	508
Томский	240	—	—	1540
Всего	1709	1859	1973	3944

¹ Таблица составлена по материалам Сибирского приказа (Долгих, 1960) — это ясачные документы 1702—1706 гг; окладная книга Мангазейского у. 1763 г. (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1648, л. 1—4) и ревизии 1827 г. (Бабаков, 1973, прилож.). По 1897 г. использованы материалы С. К. Патканова (Патканов, 1911, II, 144—160, 409—412).

Для расчета численности всего населения в 1702—1706 гг. нами использован коэффициент 4, кроме Сургутского у., где взят коэффициент 3,1. Для расчета численности населения в 1763 г. мы использовали индекс пропорционального соотношения численности мужчин и женщин, полученный в материалах 1827 г. В переписи 1763 г. дано число всех мужчин. По 1827 г. соотношение мужчин и женщин выглядит как 1,0 : 0,8. Соответственно число мужчин было умножено на 0,8.

В целом рост численности селькупов связан, на наш взгляд, с притоком на занимаемые ими территории хантыйского и русского населения. Хантов и селькупов переписи не разделяли, и те и другие назывались «остяками», администрация этнически население не дифференцировала. Это обстоятельство, а также одинаковый тип хозяйственной деятельности способствовали этнической нивелировке селькупов и хантов. В южных уездах Томской губ. селькупы тесно соприкасались с русским крестьянством. Часто селькупы перенимали земледельческие навыки и вступали в браки с русскими (Плотников, 68, 72—73, 79). Сыграл свою роль, видимо, и естественный прирост населения.

В XIX — начале XX в. селькупы на территории Нарымского Приобья смешались с русскими, особенно на Оби, восприняли их культуру и быт. К началу XX в. некоторое культурное своеобразие сохраняли лишь кетские и тымские селькупы.

Северные селькупы. Первые сведения о проникновении селькупов на берега Верхнего и Среднего Таза, на территории, заселенные лесными энцами, относятся к середине XVII в. В документах того времени селькупы так же, как ханты и кеты, назывались «остяками», поэтому установить этническую принадлежность пришельцев можно лишь косвенным путем. Так, одним из первых мигрантов назван Сайготка Дедегитов. Его имя и фами-

ния переводятся из селькупского и кетского языков (Долгих, 83, 84; Лебедев, 1978), следовательно, можно предполагать их смешанное селькупско-кетское происхождение. Вероятнее всего, миграции на р. Таз происходили из восточных волостей Сургутского у., граничивших с Мангазейским у., — Караконской и Тымской, возможно, и из Ларьятской, по р. Вах.

Во второй половине XVII в. появляются сведения о том, что ясачные плательщики этих волостей Сургутского у. постепенно переселяются на берега Таза и Турухана и платят ясак в Мангазейском у. (Долгих, 82—84).

В XVII и первой половине XVIII в., несмотря на переселения на Таз, Турухан, а также в Карасинскую вол. на Енисей отдельных остяцких семей, население Тазовского региона продолжало оставаться энецким. Процесс формирования северных селькупов в самостоятельную этнографическую группу относится в основном ко второй половине XVIII в. и связан с увеличением миграций населения и массовой христианизацией населения. Об этом говорит и рост численности населения в Тымской и Караконской волостях в XVIII — начале XIX в.: в 1700 г. — 217 чел., в 1740-е годы — 325, в 1760-е — 731, в 1782 г. — 762, в 1801 г. — 788 чел.⁴

Серьезным аргументом в пользу того, что основную долю мигрантов-селькупов в XVIII в. составляло население р. Кеть, служит распространившаяся впоследствии у северных селькупов тамга — лук со стрелой. Эта тамга отмечена у селькупов Кетского у. и хантов Ваховской вол. в XVII в. Она сохранялась у северных селькупов до начала XX в.

Кроме того, в состав тазовских селькупов вошли ханты с фамилиями Алачев, Аратаев, Ачамкин, Ендырев, Кагылев, Онин, Полев и др. Эти фамилии отмечены в других хантыйских волостях. В Тымской и Караконской волостях еще в XVII в. население было смешанным, хантыйско-селькупским.

Остяцкое население указанных волостей ко второй половине XVIII в. продвинулось далеко на север и северо-восток и сблизилось с самодийским (энецким).

В «Окладной книге» Мангазейского у. 1768 г. (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1648, л. 1—4) указаны «кочующие по Тазу реке» новокрещенные самоеды (энцы) роду Селиртина, всего 57 душ мужского пола, 25 из них — от 18 до 50 лет. Новокрещенные получали русские имена и отчества, которые впоследствии превратились в фамилии (фамилии, кроме того, образовывались и из прозвищ). Отчества давались по именам как родных, так и крестных отцов, поэтому возникали фамилии, в основе которых могли быть как русские, так и энецкие слова.

Некоторые из перечисленных в «Окладной книге» «самоедов» явились основателями крупных в дальнейшем семейных групп северных селькупов. Другие частично мигрировали, частично были ассимилированы тазовскими юраками. В состав селькупов

вошли потомки «самоедина» Саики, по крещении — Василия Кагалева, Ямы — Андрея Тягина, Лако — Логина Оголчина, Лумы — Алексея Андреева, Вылко — Самоило Ортева, Невенка — Прокопия Яндырева, Талу — Гаврило Магычева.

В IV ревизии 1782 г. самодийское население Тымской и Караконской волостей уже записано среди остяцкого, без подразделения на самоедов и юраков. Однако в этой ревизии указано население на наиболее крупных притоках р. Таз. Перепись велась отдельно по каждому такому региону, поэтому можно локализовать численность населения и его фамильный состав внутри волостей.

Представители перечисленных выше фамилий входили в Тымскую вол. и расселялись главным образом по основному, правому притоку Таза р. Худосее. По притокам Таза рекам Тольке и Ватыльке, Рате и Катке преобладало смешанное остяcko-самодийское население. Такой вывод позволяет сделать анализ фамильного состава. Например, фамилия Каргачевы несомненно происходит от общего корня с Каргачиной вол. XVII в., Больше-Каргачинской инородной управой XIX в. Томского у. Фамилия Онины хантыйского происхождения (с Салыма, Иртыша). Население Тымской вол. по рекам Рате и Катке было связано с хантыйским населением Средней Оби. Представители фамилии Кайлиных были известны на Тазу, в Лумпокольской и Пирчиной волостях на Оби. Однако наряду с ними существовали и фамилии хантыйского происхождения. Так, Кунины были выходцами из Салымской вол. Сургутского у. Представители этой фамилии расселились и по Тазу, и по Ваху, и по Тыму.

В Караконской вол. по р. Таз в 1782 г. числятся представители наиболее древней фамилии — Сайготиных, которые ведут начало от Сайготки Дедегитова (см. выше), и Андреевы. В этой же волости записано еще несколько фамилий. Точно установить их этническую принадлежность трудно, но можно предполагать, что Ачамкины, Полевы, как и Кондины, Назины и Карсамины в Караконской вол. по р. Вах, остяцкого происхождения. Всего в Тымских волостях Сургутского у. в 1782 г. числилось 498 человек (мужчин и женщин), в Караконских — 264.

Надо отметить еще то обстоятельство, что в конце XVIII в. среди населения р. Таз было мало крупных фамильных групп. В основном численность представителей каждой из фамилий колебалась от 5 до 15—20 чел.

Процесс консолидации самодийского и остяцкого населения в бассейне р. Турухан и его притоков — Верхней и Нижней Баих — проходил, видимо, немного раньше и быстрее.

В «Окладной книге» Байшенской вол. Мангазейского у. 1768 г. указано, что в 1761 г. здесь платили ясак 38 крещеных остяков (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1648, л. 113—115). Там же дан на 1768 г. фамильный состав населения волости. Остяцкие фамилии — Тетерины, Кусамовы, Когаковы и Безруковы. Само-

дийская фамилия — одна — Ньютолины (одна семья). Всего здесь в это время числилось 56 мужчин.

Можно предположить два пути проникновения в Баишенскую вол. остяцкого населения. Первый — через верховья р. Худосея и Верхней Баихи. Второй — через верховья Ваха, Таза и Елогуя на Енисей к Туруханску. В этом случае в число мигрантов вошло и население из Сымской вол. кетского происхождения.

Среди населения Таза и Турухана распространился селькупский язык и самоназвание «сель-куп», хотя, как мы видели, население это крайне смешанного селькупо-энецко-хантыйско-кетского происхождения. Главной причиной этого явления нужно, вероятно, считать родственность селькупского языка с энецким.

Ко второй половине XVIII в. относится и проникновение остяков в Карасинскую вол. Мангазейского у. Среди ее самодийского населения (см. главу о ненцах и энцах) числятся, по ревизии 1768 г. (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1648, л. 29—34), крещеные остяки — 48 мужчин. Среди них есть и фамилии, распространенные у баишенских селькупов: Тетерины, Безруковы. Но также есть фамилии и курейских кетов — Серковы, Юхтины.

К концу XVIII в. население Карасинской вол. увеличивается главным образом за счет пришлого. Среди старых семей появляются новые — Ярковы, Хозины, Геталовы, Кунины. Последние принадлежат хантам. Всего в 1796 г. в волости насчитывалось 76 мужчин и 65 женщин. Самодийское население ревизией 1796 г. там не было выявлено (ГАКК, ф. 910, оп. 1, д. 6, л. 122—128).

В первой четверти XIX в. Тымская и Караконская селькупские волости окончательно перемещаются на Таз. Они числятся в Туруханском у. Сведения о семейном составе населения дают нам исповедные росписи Тазовской Николаевской церкви 1801 г. К этому времени сформировался семейный состав населения этих волостей. Появились семейные группы численностью 30—35 чел., такие, как Сайготины, Куболевы, Калины, Кунины (ГАКК, ф. 182, оп. 1, д. 10). Всего в Тымской вол. была 31 юрта (стойбище), в которых жило 229 мужчин и 218 женщин. В Караконской вол. насчитывалось 22 юрты, 177 мужчин и 149 женщин.

К ревизии 1832 г. тазовские селькупы оформляются как один административный Тымско-Караконский род. Видимо, уже завершилось становление этой группы. В 1845 г. население, кочевавшее по верховьям Ваха и числившееся в составе прежней Тымской вол., по Ваху и Куль-Егану, было перечислено по указу Енисейской казенной палаты в Сургутское отделение Березовского округа. Таким образом, уже к следующей ревизии, 1852 г., население, кочевавшее по Тазу и Ваху, было разделено административно (ГАКК, ф. 160, оп. 1, д. 164, л. 128—139). Бассейн р. Таз с этого времени вошел в состав Туруханского края Енисейской губ.

Всего в 1832 г. остяков Тымско-Караконского рода насчиты-

валось — 395 мужчин и 211 женщин (606 чел.). В 1845 г. было отчислено в Сургутский округ 15 семей — 98 чел. В 1852 г. Тымско-Караконский род насчитывал 442 чел.

Произошедшие в начале XIX в. административно-территориальные преобразования отразили новый этап в размещении населения, которое складывалось под воздействием перемен в экономической жизни. К середине XIX в. все более заметную роль в экономике хозяйств коренного населения начинают играть привозные товары и продовольствие. Поэтому увеличивается тяга хозяйств к торговым центрам — ярмаркам. Кроме того, после реформы Сперанского, со второй четверти XIX в., начинает формироваться широкая сеть хлебозапасных магазинов, которые, как правило, были расположены в крупных населенных пунктах. Хозяйства тазовских селькупов оказались экономически привязаны к Туруханской ярмарке и тазовскому хлебозапасному магазину.

Значительную роль в этом направлении сыграли и церкви. К концу XVIII в. практически все население таежной и лесотундровой полосы Западной Сибири было крещено. Православие в начале XIX в. уже играло важную роль в духовной жизни. Соответственно население, кочевавшее по Тазу, тяготело к Тазовской церкви, а население, кочевавшее по Ваху — к Ларьятской церкви.

Анализ материалов метрических книг (записи о браках и рождениях) Тазовской Николаевской церкви и Туруханского Преображенского собора второй половины XIX в. показывает, что изменения фамильного состава населения бассейнов рек Таза и Турухана были за этот период незначительны. Большей частью это проникновение туруханских селькупов на Таз — Кусамины, Безруких и др. и, наоборот, проникновение на Турухан тазовских селькупов — Мандаковы, Чекуровы и др. Связи с хантыйским населением верховьев Ваха почти теряются. Однако к последней четверти XIX в. относится появление среди северных селькупов эвенков Баякиных и Аркадьевых, а также карасинских селькупов Серковых (происходящих от кетов) и нижнеинбатских кетов Дибиковых. Так же мало меняется и фамильный состав карасинских селькупов. В XIX в. там появляется новая фамилия Безпалов (остяки) и Коголев (тазовская фамилия Кагалев), а также Яндырев (ТФ ГАКК, метрические книги Тазовской Николаевской церкви и Туруханского Преображенского собора 1847—1904 гг.).

Вероятно, к концу XIX в. относится появление северных селькупов в бассейне р. Пур, на его правом притоке — р. Тольке. Это были отдельные семьи семей Куниных, Чекурминых. В это же время селькупы появляются на Елогуе среди кетов. В метрических книгах Верхнеинбатской Успенской церкви среди записей о рождениях встречается фамилия Ириковых. Происхождение ее можно толковать двояко: во-первых, ее можно связать с селькупским словом «ира», что означает «старик», во-вторых —

с селькупским словом «ират» — «месяц»; один из притоков Верхнего Таза имеет название «Ират-кы» — «Месяца река». Мы не отдаем предпочтения ни той, ни другой версии. Главное здесь то, что в любом случае смысловое значение фамилии толкуется из селькупского языка (АТРЗ, метрические книги Верхнеинбатской Успенской церкви 1890—1910 гг.).

Таким образом, завершение процесса формирования этнографической группы северных селькупов мы можем относить ко второй половине XIX в. В этот период прекращается приток нового населения из южных областей. Происходит стабилизация семейного состава. Миграции принимают внутрорегиональный характер, т. е. представители основных семей северных селькупов перемещаются с Таза на Турухан и в Карасинскую вол. и обратно. Одновременно намечаются более тесные и устойчивые связи с населением Среднего Енисея (в основном левобережья) — с кетами и эвенками (в расселении и заключении браков).

Во второй половине XIX в. начинается рост численности основных селькупских семей, таких, как Сайготины, Каргачены, Андреевы, Ириковы, Кусамины, Безруких и др. К концу XIX в. они составляли значительную долю среди северных селькупов.

Интересные выводы дал проведенный нами анализ брачных связей северных селькупов на материале метрических книг второй половины XIX в. Расчеты велись отдельно по тымско-караконским и баишенским селькупам. У тымско-караконских селькупов эндогамные браки составили 63,7%, у баишенских — 54,5%. Это значительно отличается от той картины, которую дал анализ брачных связей населения селькупских Тымских и Караконских волостей Тазовского у. в 1782 г. Уровень эндогамности тазовских селькупов в тот период в среднем был равен 96,5%.

Высокий процент эндогамности тазовских селькупов в конце XVIII в. связан, на наш взгляд, с постоянным притоком на Таз нового населения и отсутствием там в тот период крупных семейных групп. Это население было генетически неоднородным, раздробленным на мелкие семейные группы, что открывало широкие возможности составления брачных пар внутри волостей без нарушения экзогамии. К концу XIX в. с формированием устойчивого населения и увеличением численности отдельных семейных групп положение изменилось. Население стало более консолидированным, между семьями образовались устойчивые кровнородственные связи, что, естественно, сократило возможности подбора брачных партнеров внутри волостей, и поэтому сократился процент эндогамных браков. Параллельно с этим наблюдаются нарушения в соблюдении экзогамных норм по семейному признаку, особенно среди малочисленной группы баишенских селькупов. Метрические книги содержат записи о вступлении в брак представителей одной и той же фамилии. Таким образом, относительно низкий процент эндогамности

Т а б л и ц а 3¹. Динамика численности северных селькупов в XVIII—XIX вв.

Группы селькупов	Год					
	1768	1782	1801	1832	1852	1897
Тазовские селькупы	120	762	773	606	442	548
Байшенские селькупы	118	—	—	—	—	254
Карасинские селькупы	106	—	—	—	—	24
Всего	344	762	773	606	442	826

¹ Таблица составлена по материалам окладных книг 1768 г. (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1648, л. 1—4), исповедных росписей Тазовской Николаевской церкви 1801 г. (ГАКК, ф. 182, оп. 1, д. 10), ревизии 1832, 1852 гг. (ГАКК, ф. 160, оп. 1, д. 164, л. 128—139), ревизии 1782 г. (ГАТОТ, ф. 154, оп. 8, д. 43), а за 1897 г. — по работе С. К. Патканова (Патканов, 1911, II).

брачных связей населения рассматриваемого региона является определенным показателем его консолидированности.

По Всероссийской переписи населения 1897 г. северных селькупов числилось: тазовских 548 чел. (295 мужчин и 253 женщины), байшенских 254 чел. (134 мужчины и 120 женщин), карасинских 25 чел. (11 мужчин и 14 женщин) (ЦГИАЛ, ф. 1290, оп. 11, д. 665).

В течение XIX в. значительно изменился фамильный состав тазовских селькупов. В конце XVIII в. среди населения нескольких Тымских и Караконских волостей существовало 59 семей. В конце XIX в. у тымско-караконских остяков осталось 25 семей, из которых 17 были известны в конце XVIII в.

Табл. 4 дает представление об увеличении численности ряда основных селькупских семей в XIX в. Мы не включили сюда данные по байшенским и карасинским селькупам ввиду того, что фамильный состав байшенских селькупов почти не изменился, а карасинских селькупов осталось крайне мало.

В заключение можно сказать, что этническое ядро северных селькупов, начавшее формироваться в XVII в., окончательно сложилось к концу XIX в. К этому времени увеличились в численности и заняли промысловые территории представители основных фамильных групп, а постоянные брачные контакты между ними в течение двух столетий в значительной степени консолидировали население. Экономические и административные преобразования XIX в. привели к тому, что связи северных селькупов с населением Ваха ослабли, что сократило приток новых семей. К концу XIX в. миграции проходили в основном в междуречье Таза и Енисея, что укрепляло этническую консолидацию северных селькупов, с одной стороны, и сближало их с северными кетами и эвенками — с другой.

Таблица 4. Численность основных фамильных групп тазовских селькупов в 1782 и 1897 гг.

Фамилия	1782 г.		1897 г.	
	Число людей	Процент к числу всего населения	Число людей	Процент к числу всего населения
Агачев	26	3,4	51	9,3
Аксадаков	2	0,2	13	2,4
Андреев*	4	0,5	21	3,8
Кагалев**	14	0,5	12	2,2
Кайлин**	54	7,1	46	8,4
Каргачев***	14	1,8	21	3,8
Карсамин**	16	2,1	25	4,6
Киприн***	2	0,2	15	2,7
Куболев	14	1,8	19	3,5
Магычев*****	16	2,1	9	1,6
Нерин	21	2,7	3	0,5
Полин**	17	2,2	12	2,2
Сайготин****	32	4,2	56	10,2
Саргаев	8	1,0	5	0,9
Тамелькин***	38	5,0	93	17,0
Чекурмин*	25	3,3	7	1,3
Яндырев**	9	1,2	5	0,9
Всего	310	40,5	413	75,3

* — фамилии энецкого происхождения; ** — фамилии хантыйского происхождения; *** — фамилии селькупского происхождения (нарымские селькупы); **** — фамилии селькупско-кетского происхождения; ***** — фамилии селькупско-энецкого происхождения.

Примечания

¹ Данные о численности населения в 1700, 1740, 1760 и 1801 гг. взяты у Н. А. Миненко (Миненко, 144). Число ясачных плательщиков в 1700, 1740 гг. умножено на 3,1. К числу душ мужского пола в 1760 и 1801 гг. условно добавлено условное число женщин (число мужчин умножено на 0,8). Данные за 1782 г. — ГАТОН, ф. 154, оп. 8, связка 19, № 44.

Литература

- Бабаков В. Г. 1973. Территориально-племенные общности обских угров и на-
рымских селькупов (XVII—XIX в.): Канд. дис. М.
Бояришинова З. Я. 1960. Население Западной Сибири до начала русской коло-
низации. Томск.
Долгих Б. О. 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. —
ТИЭ, т. LV.
Дульзон А. П. 1950. Древние смены народов на территории Томской области
по данным топонимики. — Учен. зап. Томск. гос. пед. ин-та, т. VI.
История Сибири. 1968. Л. Т. 1, 2.

- Кастрен М. А. 1860. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири (1838—1844, 1845—1849).— В кн.: Собрание старых и новых путешествий. М., ч. II.
- Лебедев В. В. 1978. К вопросу о брачно-родственных связях тазовских селькупов.— В кн.: Итоги полевых исследований Института этнографии АН СССР в 1976 г. М.
- Миненко Н. А. 1975. Северо-Западная Сибирь в XVIII — начале XIX в. Новосибирск.
- Патканов С. К. 1911. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т. II.— Зап. РГО по отд-нию статистики, т. XI, вып. 2.
- Пелих Г. И. 1963. К вопросу о родо-племенном строе нарымских селькупов (вторая половина XIX в.).— Труды/Томский гос. ун-т. Сер. ист., т. 165.
- Плотников А. Ф. 1901. Нарымский край.— Зап. РГО по отд-нию статистики, т. X, вып. 1.
- Прокофьева Е. Д. 1952. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия).— СЭС, т. XVIII.
- Симченко Ю. Б. 1965. Тамги народов Сибири XVII в. М.

Эвенки

Среди других народов Сибири тунгусы (эвенки и эвены) выделяются исключительно широким ареалом расселения. Численность эвенков к приходу русских достигала, по нашим расчетам, 39,4 тыс. чел.¹ Из этого числа 19,4 тыс. чел. приходилось на эвенков-оленоводо-вод, 16,9 тыс. чел.— на эвенков-скотоводов и 3,1 тыс. чел.— на 'безоленных и на эвенков, единственным домашним животным которых была собака. По регионам расселения эвенков в первой трети XVII в. распределялись следующим образом:

Западная половина этнического ареала (регионы)	Численность (тыс. чел.)	Восточная половина этнического ареала (регионы)	Численность (тыс. чел.)
Прибайкалье	3,6	Средний Алдан — Охотское побережье	2,0
Среднее и Нижнее Приангарье	1,7	Среднее и Нижнее Приамурье	10,4
Подкаменная Тунгуска	0,4	Верхний Алдан — Верхнее Приамурье	5,1
Нижняя Тунгуска	2,3	Северное Забайкалье	2,3
Северо-Запад Восточной Сибири	4,0	Южное Забайкалье	7,0
Левобережье Енисея	0,6		
Итого	12,6		26,8

В период между 1630 и 1689 гг. маньчжуры насильственно увели на правобережье Амура значительную часть южных эвенков — как оленеводов, так и скотоводов. С учетом данного об-

стоятельства можно считать, что к концу XVII столетия численность сибирских эвенков сократилась с 39,4 до 27,7 тыс. чел.

Поскольку в истории и культуре эвенков — оленеводов и скотоводов — имеются существенные различия, мы рассмотрим эти этнографические группы отдельно.

Эвенки-олeneводьы. Расселение эвенков-олeneводов в восточной части их этнического ареала было на рубеже XVI—XVII вв. примерно таким же, как и в настоящее время. Однако процесс расселения эвенков по западной половине их современного ареала еще не был завершен². Крупные правые притоки Енисея — Ангара, Подкаменная и Нижняя Тунгуски — были освоены ими преимущественно в верхнем и среднем течении. На Подкаменной Тунгуске эвенков вообще было очень мало. Слабо освоены ими были районы, расположенные к северу от Нижней Тунгуски.

Источники XVII в. упоминают об эвенках к западу от Енисея только применительно к району устья р. Дубчес, где находилось Закаменное ясачное зимовье (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 169—173 об.). Но по ряду косвенных данных их присутствие там угадывается на значительно более широкой территории — в составе некоторых «остяцких» и татарских волостей.

В районах соприкосновения эвенков с иноязычным населением происходили процессы взаимной ассимиляции, конечные результаты которой определялись численностью и культурными достижениями контактировавших друг с другом групп. Коротко остановимся на этих процессах, следуя в западной половине этнического ареала эвенков с юга на север, а в восточной — с севера на юг так, как совершались основные миграции эвенков в рассматриваемый период их истории. В XVII в. в Прибайкалье и Приангарье значительная часть эвенков находилась в тесных контактах с бурятами. Важной стороной тунгусо-бурятских контактов были торговые взаимосвязи. Эвенки привозили бурятам пушнину, а взамен получали лошадей, рогатый скот, луки, просо, ткани, украшения (в том числе серебряные) и другие товары (Окладников, 265, 341—342). Большинство южных прибайкальских эвенков считалось в первой половине XVII в. «киштымами», т. е. данниками бурят (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 30; л. 48 об., 49, 54, 56 об., 70 об.).

Давние и тесные связи с бурятами являлись причиной несомненной ассимиляции ими этих эвенков. Об интенсивности этого процесса можно судить по отсутствию родовых названий у части верхнеангарских и верхнеленских эвенков, которых русские учитывали не по родам, а по «волостям». Некоторые из волостей имели названия, образованные от топонимов³. Этническому сближению верхнеленских и верхнеангарских эвенков с бурятами немало способствовала практика ясачного обложения. Размеры ясака у тунгусов Братского острога были в середине XVII в. в пять раз выше, чем у бурят (СДИБ, 183). По этой причине эвенки охотно причисляли себя к бурятам.

Наряду с бурятским влиянием эвенки Прибайкалья и При-

ангарья испытали и более давнее влияние со стороны кетоязычных асано-котских племен. Об этом свидетельствуют некоторые особенности культуры местных эвенков, подмеченные путешественниками XVII—XVIII вв., проплывавшими по Ангаре. Мы имеем в виду ограниченность перекочевков местных эвенков-оленьеводов, довольно значительную роль рыболовства в их хозяйстве, употребление сетей из рыбьей кожи, жертвоприношения щенками, татуировку лица и некоторые другие детали, нехарактерные для традиционной культуры тунгусов (Идес, Бранд, 122—129; Зиннер, 52—54; Полевой, 125).

К приходу русских эвенки успели ассимилировать большую часть асанов Приангарья⁴. Обе этнические общности жили довольно чересполосно и нередко образовывали смешанные по составу локальные группы. Может быть, поэтому русские плохо различали тунгусов и асанов. Так, в 1683 г. среди плательщиков ясака по Тасеевой — крупному левому притоку Ангары — значились «асаны, род Таналчин» (10 плательщиков ясака), а также тунгусы Таналчина рода (6 ясачных плательщиков). Согласно Б. О. Долгих, имена тунгусов, живших на р. Она (Бирюса), напоминали имена асанов и коттов, а некоторые имена асанов рода Таналчин имели тунгусский характер (Долгих, 1960, 197, 206—207).

Этнографически близкими эвенкам Приангарья были эвенки, обитавшие между низовьями Ангары и Подкаменной Тунгуски. Русские учитывали их в составе Варгаганской вол., название которой образовано от эвенк. «баргаган» — «заречный» (житель). Культура варгаганцев, подобно культуре прибайкальских и приангарских эвенков, носила синкретический характер. Татуировка лица ими практиковалась еще в первой половине прошлого века (Степанов, 1835, 80). Исходя из конкретной этнической обстановки в указанном районе, можно думать, что варгаганцы представляли собой контактную тунгусо-кетскую группу.

В низовьях Нижней Тунгуски эвенки общались с «самоедами» — предками энцев. Те и другие платили ясак в Туруханском и Хантайском зимовьях, а нередко и жили бок о бок (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 127, л. 619). Есть основания думать, что благодаря длительным и тесным контактам эвенки (на правах мужей) не только проникали в отдельные энецкие группы, но и образовывали внутри них подразделения с тунгусскими наименованиями. Укажем, например, на родовой этноним туруханских «самоедов» периода 1607—1620 гг. «Селирта» («Салярта») и родовой этноним хантайских самоедов периода 1625—1645 гг. «Селякин». Оба они напрашиваются на сопоставление с тунгусским родовым этнонимом «Шилягир». Эвенки-шилягиры в этот период упоминались в верхней части бассейна Нижней Тунгуски. Родовой этноним хантайских «самоедов» периода 1637—1638 гг. «Сойта», соответствующий, по-видимому, названиям родов «Солдуйев» и «Солтов» у «самоедов» Авамской вол. в 1768 г., напоминает нам об этнониме «Шалдагир» у илимпийских тунгусов. Количество

подобных примеров можно умножить (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 19, л. 9 об.—28, кн. 1648, л. 14 об.—26 об.).

Результатами тунгусо-«самоедских» контактов было существование на Нижней Тунгуске и к северу от нее тунгусских по языку, но синкретических по культуре этнографических групп буляшей, нюрумнялей и ваядов (ваядыров). Хотя в ясачных документах XVII—XVIII вв. представители названных групп обыкновенно именовались тунгусами, они, отличаясь особой воинственностью, нередко нападали на соседние группы эвенков (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, стб. 12, л. 484).

В течение XVII—XVIII вв. эти группы исчезли. Буляши, в большой степени совпадающие с нюрумнялями, распались, по-видимому, на отдельные кровные роды и патронимические группы, которые с 1682 г. учитывались среди эвенков Илимпейского зимовья (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 114—128). Что касается ваядов, то и эвенкийский и якутский фольклор рисуют их гибель от голода и других причин (Суворов, 1960, 20). Несомненно, однако, что часть ваядов была ассимилирована якутами и вошла в состав северных якутов-оленоводов (Долгих, 1946, 440, 441), а часть, возможно, вошла в состав нганасанов (см. ниже).

В низовьях Вилюя эвенки к приходу русских активно взаимодействовали с якутами. Часть местных эвенков была ими ассимилирована и именовалась в ясачных книгах XVII в. «пешими якутами». Эпитет «пешие» указывает на то, что эвенки не имели ни оленей, ни домашнего скота и занимались главным образом рыболовством. Такими были, в частности, «кокуи» и «осекуи», в которых можно усматривать соответственно эвенкийский род Кукугир и эвенкийский род Ошикагир (Ошикир). В сильной степени подвергся якутскому влиянию большой Долганский род эвенков.

В среднем и верхнем течении Вилюя якутов было мало, и тамошние тунгусы не были затронуты якутским влиянием. В восточной половине этнического ареала тунгусов их контакты с якутами в середине XVII в. происходили преимущественно в бассейне Среднего Алдана. Результатом взаимодействия тамошних тунгусов с якутами было существование там в это время Бутальского рода (Бута), состоявшего из двух частей — тунгусской и якутской. Этноним «Бута» указывает на то, что партнерами тунгусов здесь были якуты — выходцы из Бетунской вол., расположенной в низовьях Алдана. Есть все основания предполагать, что население самой этой волости состояло преимущественно из ассимилированных якутами тунгусов. На это указывает и массовое выселение бетунцев в XVII в. не только вверх по Алдану, но и вверх по Вилюю и вниз по Лене, где бетунские выходцы образовали целый ряд Бетунских (Бетинских, Бетильских) родов, члены которых считались тунгусами. Часть бетунцев, жившая во второй половине XVII в. к востоку от Верхней Яны, именовалась «каменными» юкагирами (Долгих, 1960, 391).

В первой половине XVIII в. эта группа, вероятно, мигрировала на Алазею, где позднее стала известна под названием Бетильского рода тунгусов, ассимилированных юкагирами (Jochelson, 156—159).

В юго-восточной части Алдано-Охотского региона эвенки в XVII в. контактировали с гиляками (нивхами), айнами и другими обитателями левобережной части Нижнего Амура. Допрошенные в 1669 г. тунгусские аманаты, сидевшие в Тугурском зимовье, говорили русским, что их отцы и сородичи приобретают у «кувей», «лонков», «гольдилов» и «натков» серебро в обмен на соболей (КПМГЯ, 148). Здесь «куви» — это айны, «гольдики» и «натки» — предки нанайцев, а «лонки»⁵ — какая-то тунгусская группа выходцев с Северо-Востока.

Значительные по своим масштабам этнические процессы с участием эвенков, видимо, происходили еще до активного освоения русскими левобережья Среднего и Верхнего Амура, где тунгусы взаимодействовали с дючерами, даурами, а отчасти — и с монголами.

Результатом этнического взаимодействия эвенков с дючерами мы считаем многочисленную группу гогулей. Часть гогулей в 40-х годах XVII в. жила в нижнем течении Зеи («Волость Гогули» из сообщения Василия Пояркова), но большинство их сосредоточивалось на Среднем Амуре, примерно от устья Буреи до Малого Хинганского хребта включительно. Проплывая по этой части Амура, Ерофей Хабаров насчитал на его левом берегу 120 улусов гогулей по 10 юрт в каждом (ДАИ, 364). Исходя из этого, можно думать, что общая численность гогулей Среднего Амура достигала 1200 семей, а вместе с зейскими гогулями — 1400 семей. Применяя коэффициент 4, получаем общую численность гогулей порядка 5,6 тыс. чел. В состав гогулей, видимо, вошли и оставшиеся без оленей эвенки — выходцы из более северных районов Среднего Приамурья. Потеряв оленей, они были вынуждены перейти к конной охоте и рыболовству. Многие из них по примеру дауров и дючеров, наверное, держали в своем хозяйстве крупный рогатый скот и лошадей⁶.

Эвенки, жившие в первой половине XVII в. на Верхнем Амуре и Нижней Зее, испытали на себе культурное влияние со стороны дауров. По сообщению Василия Пояркова, они занимались разведением скота и хлебопашеством (ДАИ, III, 51—52). Родовой состав нижнезейских эвенков (там же, 53) указывает на то, что они были выходцами с низовьев Лены и с Вилюя и притом весьма недавними. Исходя из этого, можно думать, что большинство их существовало, подобно гогулям, за счет конной охоты. Скотоводством и земледелием они занимались, вероятно, только как работники в хозяйствах дауров.

Включение части аборигенов на правах родственников и свойственников в эвенкийские роды приводило к изменению со-

циальной структуры эвенков. Адаптированные иноплеменники образовывали в эвенкийских родах обособленные большие семьи, и патронимии, которые в процессе развития нередко превращались в новые самостоятельные роды. Видимо, именно этим можно объяснить тот очевидный факт, что уже на рубеже XVII—XVIII вв. отдельные крупные роды эвенков либо резко сократились в численности, либо вообще прекратили свое существование, а взамен их появилось много ранее неизвестных и численно более мелких родов, названия которых были, как правило, образованы от личного имени и не оформлялись традиционным тунгусским суффиксом *-гир*, характерным для старых родовых этнонимов. Покажем это на конкретных примерах.

При объяснении эвенков, живших в верхнем течении Нижней Тунгуски, у них существовало два крупных рода — Шиягир и Мучугир. Шиягиры в 1620-х годах насчитывали 118 ясачных плательщиков, а мучугиры — 67 (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 24, л. 16 об., 31 об.). Однако уже в материалах ясачной переписи, проведенной в 1682 г. в бассейне Нижней Тунгуски, ни шиягиров, ни мучугиров не оказалось. Не упоминались они там и в дальнейшем. Предположение о миграции с Нижней Тунгуски отвергается отсутствием шиягиров и мучугиров в других регионах. Что же произошло? Перепись 1682 г. зафиксировала в районе Непского зимовья, где прежде платили ясак шиягиры и мучугиры, шесть платежных групп с названиями, которые ранее нигде не встречались, а именно: 1) «Род Боярский»; 2) «Род Колобов»; 3) «Род Майканов»; 4) «Род Коненки»; 5) «Тож род Коненки»; 6) «Род Саладкин» (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 41—79). По крайней мере часть этих родов ранее учитывалась в составе шиягиров и мучугиров в виде отдельных локальных групп, каждая из которых платила ясак «под» своего аманата. Названия большинства перечисленных родов были образованы русскими от имен их основателей. Некоторые сомнения вызывают только этнонимы «Колобов» и «Коненкин» ввиду отсутствия соответствующих имен в списках этих родов. Но скорее всего носители таких имен умерли еще до проведения переписи 1682 г. Похоже, что имя основателя рода Колобов имеет отношение к русскому «хлеб» (эвенк. «колобо»), а имя основателя рода Коненки — к эвенк. «конин» — «овца». В итоге происхождение обоих этих родов можно связывать, прямо или косвенно, с русскими.

Появление новых родов с названиями, образованными от личных имен, — одна из причин той путаницы, с которой сталкивается исследователь родовой структуры эвенков. Путаница заключается в том, что подобные названия часто менялись. Так, в начале XVIII в. вышеназванный род Майканов стал именоваться Хамерин; к 1735 г. название Хамерин было изменено на Амеровшин (Амеровшина), а к 1768 г. — на Немировшин (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 509, № 10, л. 26; ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1648, л. 69—75 об.).

Русские называли родами самостоятельные платежные группы эвенков практически на всей территории расселения последних. Лишь в Прибайкалье и Приангарье, как уже говорилось, наряду с термином «род» употреблялся и более расплывчатый термин — «волость». Указанную особенность мы объясняем тем, что определенное число групп местного коренного населения (эвенкийского, асанского, бурятского) представляло собой к приходу русских этнически смешанные кровнородственные и соседские (территориальные) общины, различавшиеся в основном лишь по названию местности, в которой они жили. С другой стороны, крупные роды здешних эвенков, такие, как, например, Ичериль, Налягир, не умещались в границах отдельных волостей. В 1700 г. Петру I били челом эвенки Чадобской и Рыбенской волостей Приангарья. Свои подписи они подкрепили ссылками не на роды, а на реки, на которых жили, — на Кову, Катую, Оку и Муру. Себя они именовали «всех вышеперечисленных рек и волостей тунгусами» (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 1422, ч. 1, л. 153 об.).

Обложение эвенков в XVII в. ясаком, трудность добывания соболей и лисиц для уплаты ясака в «неурожайные» на пушных зверей годы, лихоимство ясачной администрации, частые эпидемии заразных болезней — все это усиливало миграции и без того подвижного эвенкийского населения.

Одна из первых миграций вилюйских и нижнеленских эвенков на Зею произошла, насколько можно предполагать, еще в конце 1630-х — начале 1640-х годов; во время продвижения вниз по Зее отряда Пояркова эти эвенки уже находились там среди даурского населения. Об их приходе с Вилюя и Нижней Лены мы судим по родовым названиям: Шелогонский род, называемый Поярковым на Зее, идентичен Шологонскому роду Вилюя, Ежегунский род Зеи — Жиганскому роду Нижней Лены, Дуланцы Зеи — Долганскому роду эвенов Нижнего Вилюя и прилегающей части Лены. Позднее, на рубеже XVII—XVIII вв., большая группа вилюйских тунгусов снова мигрировала в юго-восточном направлении. Возможно, что причинами, вызвавшими эту миграцию, были эпидемии оспы 1650—1653 и 1688 гг. Первая из них, охватившая чуть ли не всю Восточную Сибирь, сильно сократила численность тунгусов Якутии (МИЯ, 947, 1062—1064). Вилюйские эвенки начали откочевывать на правобережье Лены, перебираясь в малоосвоенные районы южной Якутии и северной части Верхнего Приамурья. В XIX в. эти эвенки учитывались там как группа тунгусов «Кангаласского ведомства». На рубеже XIX—XX вв. она насчитывала свыше 1,8 тыс. чел. В состав кангаласских эвенков входили представители бывших вилюйских родов — Баягир, Нюрмаган, Сологон (Шологонский) и др. (ЦГА ЯАССР, ф. 158—И, оп. 1, д. 7, л. 6; ЦГАДВ, ф. 391, оп. 2, д. 465, л. 498 об.—500; ЦГАОР, ф. 3977, д. 550, л. 344).

По-видимому, около 1630 г. из Прибайкалья начали уходить илимские шамагиры. Они перешли на нижнее течение Лены (где позднее существовал Намский улус якутов), но оттуда многие из них мигрировали затем на Амгунь и Горин — левые притоки Нижнего Амура. Там они в настоящее время известны как найский род Самар. Шамагиры, остававшиеся на Лене, были ассимилированы якутами. Следом их пребывания там является название Хамагаттинского наслега якутов (ЦГА ЯАССР, ф. 225-И, оп. 1, д. 248, л. 2 об.).

Возможно, что именно откочевавших из Прибайкалья шаматтиров имеет в виду сводка ясака и поминков на 1649 г., согласно которой 49 тунгусских плательщиков ясака считалось ушедшими из Илимского у. на Ангару и Ламу (Байкал), а также «на иные дальние захребетные речки»; 42 ясачных плательщика вообще не были сысканы (Шерстобоев, I, 541). Есть основание думать, что причиной ухода из Прибайкалья части эвенков было резкое ухудшение условий промысла, что особенно проявилось к концу XVII в., когда стало ясно, что прибайкальский «соболь был истреблен» (там же, 544). Около середины XVII в. с Нижней Тунгуски в район оз. Есей начали откочевывать баягиры, а отчасти — и нюрумняли — две наиболее многочисленные группировки местных эвенков (Долгих, 1960, 158, 161). Одновременно на реки Оленек и Анабару начали переселяться группы эвенков и эвенов — выходцы с восточного берега Лены. Обе эти миграции в лесотундру Северо-Запада можно рассматривать как одно из первых звеньев в будущем формировании там двух новых этнических общностей — нганасанов и долганов.

Многочисленные передвижения происходили у эвенков и в восточной половине их этнического ареала. В 1660 г. большинство майских и тугурских эвенков Алдано-Охотского региона считались «сошлыми»; число таковых достигало 226 ясачных плательщиков (ЦГАДА, ф. 214, оп. 18, д. 159, л. 262, 263 об.; ф. 1177, оп. 1, д. 217, л. 49—57), т. е. примерно 900 чел. всего населения. В 1674—1675 гг. сообщалось, что бывшие майские эвенки живут «по Уди и у моря» (ДАИ, VI, 403—408). Направление этой миграции было южное — в Приамурье.

Родовой состав амгунских тунгусов в последней четверти XVII в. ясно свидетельствует о том, что почти все они представляли собой недавних выходцев из более северной части Охотского побережья и с Нижней Лены (шамагиры). Кроме эвенков, среди этих выходцев было много эвенов.

Нередко уход эвенков в другие районы был следствием их вооруженного выступления против гарнизонов ясачных зимовий, против ясачных сборщиков и промышленных людей, а также результатом межродовых столкновений. В 30—40-х годах XVII в. происходили частые столкновения русских промышленников с эвенками Нижней Тунгуски (Александров, 1964, с. 20). Именно в данный отрезок времени часть последних отошла к северу от реки, о чем мы уже говорили.

Крупное восстание эвенков против гарнизона Есейского ясачного зимовья (на севере Эвенкии) произошло в 1682—1683 гг. После бунта значительная часть есейских эвенков откочевала на восток — на Оленек и Нижнюю Лену (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 32, л. 59—62; ДАИ, X, 344—346; ДАИ, XI, 66—67).

Междоусобные столкновения были довольно обычным явлением в жизни эвенков XVII в. Поводом для развязывания военных действий могло являться убийство сородича, похищение женщины, нежелание отдать ее замуж, вторжение на чужую промысловую территорию.

В конце 1620-х годов енисейский воевода Семен Шаховской сообщал, что «внизу по Лене реке живут шилюги и мучуги», т. е. шилягиры и мучугиры, которые русскому царю непослушны и «всем землицам тунгусским, и наленским, и сычегурским (т. е. палягирам и сычегирам.— В. Т.) они сильны, и их де приходя громят по вся годы» (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 22, л. 97, 98). В 1645 г. «пешие якуты» (осекуи) жаловались на то, что «кайтакулские мужики» (калтагиры) отняли у них «корм», луки, стрелы, железо, «откасы» (пики), а жен, детей и «холопей» «поймали себе в холопи». В 1656 г. произошел еще один такой случай (Товарев, 96).

Вражда калтагиров по отношению к ошикагирам была, как мы думаем, частью общей вражды, существовавшей между эвенкийскими группировками, к которым принадлежали калтагиры Вилюя, с одной стороны, и шилягиры (момогиры) верхнего течения Нижней Тунгуски — с другой. Этим же, как можно думать, был вызван военный поход, совершенный около 1648 г. солонгами, мургатами (нюрмаганами) и калтагирами Вилюя против тунгусов Титейского зимовья на Нижней Тунгуске и убийство ими у последних более 100 чел. Жены, дети и олени титейских тунгусов были, как всегда в таких случаях, уведены победителями (ЦГАДА, ф. 1177, оп. 1, ст. 48, л. 74—77).

Длительной по времени была война, ведшаяся между эвенками — старожилами Северо-Запада Восточной Сибири — баягирами, ваядами и нюрумняями, с одной стороны, и недавними пришельцами в этот регион — эдянами и синигирами — с другой. Сообщения о стычках между обеими группировками встречаются в документах примерно с 1639 по 1667 г. (ЦГАДА, ф. 1177, оп. 1, д. 235, л. 93—104; Долгих, 1952, 25—29; Гурвич, 41—43).

В 1638 г. якутские воеводы доносили царю, что между тунгусами «бои чинятся... великие, и если только меж ими по указу великого государя уйму не будет, и в тех их межусобных боях и смертном убийстве великого государя в ясачном сборе учинится поруха и недобор великой» (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 23, л. 347). Поэтому администрация стремилась пресекать и не допускать подобные столкновения, принимая на себя разбирательство тяжб между эвенками. Однако, несмотря на это, даже в XVIII в. стычки между отдельными эвенкийскими группами были довольно частым явлением. Порой их провоцировали сами служилые

люди, стремившиеся поживиться за счет грабежа ясачных людей. Именно такой характер имела междоусобица, случившаяся в начале XVIII в. среди курейских эвенков. На следствии эти эвенки сообщили, что по наущению мангазейских (туруханских) сборщиков ясака они в 1702 г. убили 13 своих соплеменников: семерых — из рода Коненков, четверых — из рода Бояршин (Боярский род XVII в.) и двоих — из рода Шалаткин (Салаткин). «Баб и девок по себе разделили», а имущество убитых забрали служилые люди (Шерстобоев, I, 561).

Все же является фактом, что с приходом русских эвенки стали меньше враждовать друг с другом. Это сделало возможным широкое передвижение небольших родственных групп и даже отдельных семей, ранее крайне рискованное. Данное обстоятельство, в свою очередь, в немалой степени способствовало расширению этнического ареала эвенков, открыв им доступ к новым промысловым районам.

Особенности этнической истории эвенков в XVIII—XIX вв. в большой степени определяются такими факторами, как русское сельскохозяйственное и промысловое освоение Восточной Сибири, широкое расселение якутов по территории, осваивавшейся эвенками, распространение у последних огнестрельного оружия, усиление в Сибири роли товарно-денежных отношений, распространение христианства.

Развитие сельского хозяйства происходило, естественно, в более южных районах Сибири — на Амуре, Шилке, Верхней Лене и Ангаре. Выкорчевывание леса под пашню и выгоны для скота, участвовавшие лесные пожары, а также промысловая деятельность пришлого населения сильно усложняли условия жизни таежных охотников-оленоводов. Им приходилось либо откочевывать в более глухие районы на севере, либо переходить к хозяйству бурятского или русского типа.

На рубеже XVII—XVIII вв. происходило оседание части эвенков Илима и Верхней Лены в русских селениях. Данный процесс обычно проходил две фазы: сначала эвенки приобщались к сельскому хозяйству, работая батраками у крестьян; при этом многие принимали православие. Приобретая некоторые навыки в сельском хозяйстве, эвенки начинали обзаводиться собственным хозяйством; по большей части они заводили лошадей и коров (Степанов, 1961, 230). Чтобы иметь возможность платить ясак, эвенки, перешедшие к животноводству или земледелию, должны были заниматься и охотой. На промысел они обычно отправлялись пешком с «ручной» нартой, либо на лошадях. Однако некоторые эвенки предпочитали выменивать пушнину для уплаты ясака у своих оленных собратьев на продукцию сельского хозяйства.

Переход к сельскому хозяйству, как правило, сопровождался принятием православия. Однако его охотно принимали и охотники-оленоводы, ибо все крестившиеся на три года освобож-

дались от уплаты ясака; накопившаяся на них недоимка списывалась. В 1750 г. в Илимском у. была проведена перепись ясачного населения. Перепись учла 108 новокрещенов-эвенков, что составляло более 11% всего эвенкийского населения (Шерстобоев, II, 629). Крестившиеся принимали русские имена и фамилии, распространенные среди прибайкальских крестьян.

Опрос, проведенный в 1769 г., показал, что большинство крестившихся эвенков продолжало жить «работою своею у тутошних жителей», вследствие чего большинство считало своим основным занятием «пропитание... от пахотной земли» (там же, 638).

Аналогичным образом происходило развитие эвенкийского населения в бассейне Средней и Нижней Ангары. Согласно архивным источникам, значительная часть местных крещеных эвенков во второй половине XVIII в. активно приобщалась к занятию сельским хозяйством. Так, по материалам ясачной ревизии 1795 г., одна из групп приангарского рода Чапагир именовалась «Чадобской волости чапогирами, живущими в деревне Ярках по Чадобцу» (ГАКК, ф. 910, оп. 1, д. 4, л. 26).

В XIX в. переход прибайкальских и приангарских эвенков к новым формам хозяйства усилился. Многие из них имели уже посевы хлеба и картофеля, держали рогатый скот, лошадей. Чтобы освободиться от ясака, в 1832 г. 63 хозяйства левобережных ангарских эвенков «приписалось» в крестьяне (Долгих, 1960, 204). Аналогичные случаи известны и на Илимe (ГАИО, ф. 461, д. 14, л. 2). Оседая, верхнеленские, илимские и ангарские эвенки переходили к большему использованию различных самоловов на промысле, включая капканы. Некоторые в течение охотничьего сезона сооружали от 500 до 1000 плашек на белку. Добыча диких копытных и волков велась с помощью «глубоких ям» (Кларк, 90—92).

Традиционная одежда эвенков из шкур и кожи оленя, а также диких зверей постепенно сменялась одеждой из тканей. Наряду с «лосиными шароварами» эвенки начали носить рубашки из дабы либо китайки, короткие кафтаны из крестьянского темно-коричневого сукна, русские шапки и картузы (там же; Пестов, 179—182).

Культурное заимствование не было односторонним: русские, в свою очередь, пользовались эвенкийскими парками, унтами, ноговицами, рукавицами, панягами, маутами и т. д.⁷ Большую часть названных предметов они использовали в охотничьем быту (КККМ, № 572.4 (09)/500, л. 81, 82, 104).

Живя зачастую в одних деревнях вместе с крестьянами, оседлые и полuosедлые эвенки быстро смешивались с ними посредством взаимных браков; крещение только облегчало данный процесс. Русско-эвенкийские метисы говорили обычно на двух языках. Первоначально большинство их считалось тунгусами, но к началу XX в. многие уже были записаны как русские (Чеканинский, 70—73).

Заметим, что часть прибайкальских эвенков (в основном в районе Ангары, Верхней Лены и на юго-западном побережье Байкала) больше смешивалась с бурятами, чем с русскими. Для обозначения домашнего скота они пользовались бурятскими терминами; способы содержания скота в зимнее время тоже были бурятскими. Эти эвенки наряду с родным знали бурятский язык и в результате смешанных браков многие из них стали считаться бурятами (Петри, 75—93; Полевые материалы автора, 1963 г.).

В связи с развитием сельского хозяйства в Прибайкалье и Приангарье часть тамошних эвенков-оленоводо-в, не желавшая менять традиционного образа жизни, была вынуждена отойти к северу — в верхнюю часть бассейна Нижней Тунгуски и в междуречье Ангары и Подкаменной Тунгуски. На рубеже XIX—XX вв. эта миграция резко усилилась, что было связано с рядом причин — увеличением плотности пришлого населения, прогрессирующим оскудением промысловой фауны и интенсификацией предпринимательской деятельности со стороны кулацкой прослойки среди крестьян, стремившихся извлечь как можно больше прибыли из их товарообменной торговли с эвенками. В результате этого к началу XX в. на Подкаменной Тунгуске, ранее весьма слабо освоенной эвенками, было сосредоточено довольно значительное эвенкийское население.

Похозяйственная перепись северных окраин 1926—1927 гг. выявила в бассейне Подкаменной Тунгуски и прилегающих районах десять крупных территориальных группировок эвенков общей численностью 475 семей (2291 чел.). Эти эвенки держали свыше 23 тыс. оленей (Долгих, 1946, л. 498—573). Заметно возросло и эвенкийское население в верхнем течении Нижней Тунгуски, куда перешли на жительство многие выходцы из Прибайкалья (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 81, л. 130).

В XVIII—XIX вв. продолжалось движение эвенков от Нижней Тунгуски на север и отчасти на запад, за Енисей. Это можно связывать не только с усилившимся притоком на Нижнюю Тунгуску прибайкальских и приангарских эвенков, но и с освоением верховьев этой реки русскими крестьянами и якутами. Уже в первой трети XIX в. часть «летних» эвенков (членов II и III Летних инородческих управ), живших прежде в низовьях Нижней Тунгуски, кочевала на Таймыре — в районе Затундринского хлебозапасного магазина (Долгих, 1946, л. 717).

Эвенки Нижне-Чумского рода и IV Летней управы в начале второй половины XIX в. получали довольствие из Баихинского хлебозапасного магазина (Мордвинов, 26), а это означает, что они находились в бассейне р. Турухан, на левобережье Енисея. Южнее левобережные енисейские эвенки обитали в то время на р. Сым и возле сел. Маковское (Костров, 32; ГАКК, ф. 217, оп. 2, д. 105, л. 16 об.). Позднее часть тамошних эвенков вышла на р. Васюган на левобережье Оби (Григоровский, с. 33). Однако наиболее полные сведения об эвенкийском населении к западу

от Енисея были получены только в 1920-х годах в связи с деятельностью Комитета Севера при ВЦИК РСФСР и других советских учреждений (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 41, л. 39; д. 81, л. 3; д. 129, л. 106 и др.). Большинство местных эвенкийских групп обитало между Енисеем и Обью в районе ее правых притоков — Чулыма, Кети и Тыма. На севере данного региона эвенки осваивали верхнее и среднее течение р. Таз. Вместе с тем небольшие группы эвенков вышли даже в междуречье Оби и Иртыша, к югу от слияния этих рек (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 41, л. 39).

В восточной половине своего этнического ареала эвенки в XVIII—XIX вв. предприняли вторичное заселение ряда регионов на левобережье Амура, откуда их предки мигрировали на север задолго до XVII в. Как мы уже отмечали, в первой половине XVII в. на левобережье Верхнего и Среднего Амура жили дауры, дючеры, гогоули. Эти группы жителей были уведены маньчжурами на правый берег Амура. Гогоулей мы считаем потерявшими оленей эвенками, жившими на левом берегу Амура. Одновременно или несколько позднее, в XVII в., та же участь постигла и две группы местных оленных эвенков — манегров и бираров. В результате левобережная часть Верхнего и Среднего Приамурья опустела. Вот туда-то начиная с конца XVII в. и устремились эвенки-оленоводы из более северных районов — с Алдана, Май и Охотского побережья. Уже в 40-х годах XVIII в. было известно, что удские тунгусы ходят охотиться на Амгунь, Бурею, Селемджу и Зею (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 365, ч. 1, № 2, л. 15 об.; д. 551, ч. 2, № 9, л. 4 об.).

Начавшееся в конце 1850-х годов широкое освоение Приамурья усилило приток туда эвенков. В основном они по-прежнему направлялись в системы Селемджи, Бурен и Амгуни, оставляя более западные районы кангаласским тунгусам. В XIX в. стало известно, что эвенки живут также на Сахалине. О первом проникновении эвенков на Сахалин у нас нет точных данных. Массовое переселение туда части удских тунгусов началось с 1860-х годов (ААН, ф. 282, оп. 1, д. 1, л. 166). Перепись 1897 г. учла 173 сахалинских эвенка. Формально они считались жителями Удской округи Приморской обл. и платили ясак в г. Николаевске (Патканов, 1906, 37).

Вступая в контакты с коренными обитателями Нижнего Амура, Сахалина и Приморья, эвенки (а вместе с ними и эвены) сыграли огромную роль в этническом формировании современных народов этого обширного региона — нанайцев, ульчей, негидальцев, ороков, орочей и удэгейцев. Сказанное особенно справедливо в отношении негидальцев, в составе которых мы встречаем потомков почти всех тунгусских (эвенкийских и эвенских) родов, которые были зафиксированы русскими на Амгуни и Нижнем Амуре еще в XVII в.

К северу от Нижней Тунгуски общение тунгусов с самодийцами приняло в XVIII в. еще более тесный характер, чем преж-

де. Источники отмечают ассимиляцию части есейских тунгусов «самоедами» во второй половине XVIII — первой половине XIX в. К числу этих тунгусов относились, в частности, члены Вадеева рода, платившие в 1782 г. ясак на р. Боганида (левый приток Хеты), и Харитоновой рода (ГАКК, ф. 910, оп. 1, д. 2, л. 48; д. 6, л. 29—32 об.). В начале XIX в. Вадеев род уже считался «самоедским» (Миддендорф, ч. 2, 672; Долгих, 1952, 20—21). В итоге благодаря длительному и тесному общению с «самоедами» тунгусы этого рода вошли в состав вадеевских нганасанов — одну из двух этнографических групп современных нганасанов Таймыра. Много эвенков и эвенов вошло также в состав группы авамских нганасанов.

Широкие передвижения эвенков в XVII—XIX вв. усилили их взаимосвязи с якутами. Наиболее широкими и значительными по своим последствиям были тунгусо-якутские контакты на Северо-Западе Восточной Сибири (между Нижним Енисеем и Нижней Леной), куда продвижение эвенков и якутов происходило практически одновременно.

Якутские переселенцы на Северо-Запад принадлежали преимущественно к двум якутским волостям XVII в. — Бетунской и Катлинской (Хатыгнинской). Уже к приходу русских якуты названных волостей включали большое число ассимилированных эвенков. Данное обстоятельство позволяет понять быстроту и полноту слияния эвенков с якутами на Северо-Западе.

Вступая в хозяйственные, семейные и торговые связи с эвенками, якуты усваивали их кочевническую культуру, основой которой являлась охота в сочетании с оленеводством, но сами ассимилировали эвенков в языковом отношении. Тунгусы Вилюйского округа Якутской обл., кочевавшие во второй половине XIX в. между низовьями Лены и Хатангой, говорили почти исключительно по-якутски. В 1897 г. 96% этих тунгусов считало своим родным языком якутский (Патканов, 1906, 177).

На Среднем и Нижнем Вилюе языковая ассимиляция эвенков якутами дополнялась культурной: тамошние эвенки заменяли оленей коровами и лошадьми, переходили из чумов в «балаганы»; их кочевой образ жизни постепенно сводился к коротким сезонным перемещениям с «летников» на «зимники» и обратно. Большую роль в их хозяйстве стало играть рыболовство (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 365, ч. 1, № 2, л. 59; ЦГИА, ф. 1265, оп. 3, д. 68, л. 65).

Характеризуя в начале второй половины XIX в. эвенков Вилюйского округа Якутской обл., вилюйский исправник П. Кларк отмечал, что они составляют два «отделения» — кочевников-олeneводо-вод и оседлых скотоводов. Последние, по словам Кларка, лишь назывались тунгусами: ни жилищами, ни правами, ни одеждой, ни языком они не отличались от якутов. Оседлые эвенки Вилюя изменили даже свой физический облик: подобно якутам, они стали «тучны» и «неповоротливы» (Кларк, 129).

В итоге к приходу Советской власти на Северо-Западе сложились две новые якутоязычные общности местного коренного населения: северные якуты-оленоводы (тунгусы-оленоводы переписи 1897 г.) как особая этнографическая группа якутского народа, и долганы — как новый народ Севера в заполярной части Красноярского края и соседнем Анабарской районе Якутской АССР (подробнее об этом говорится в специальной главе настоящей работы).

Еще один район интенсивного взаимодействия эвенков с якутами находился на Среднем Алдане, возле впадения в него Май. Наплыв туда якутов в XVIII—XIX вв. привел к ассимиляции ими значительной части алдано-майских эвенков. К началу XX в. их язык, а также формы хозяйства и быта имели якутский характер (Майнов, 142). Потомство от смешанных браков здесь, как и на Севере-Западе, формально считалось тунгусами, хотя во всех отношениях оно было ближе к якутам. По переписи 1897 г., алдано-майские эвенки насчитывали 3,2 тыс. чел. Из указанного числа 1247 чел. представляли собой ассимилированные якутами эвенки, относившиеся к разряду «кочевых инородцев»⁸ (Патканов, 1906, вып. 1, 35—36; вып. 2, 54—56; 1912, 90).

Добавим, что часть алдано-майских эвенков, равно как и местные якуты, в XIX — начале XX в. испытала на себе довольно сильное русское влияние благодаря их контактам с крестьянами, селившимися по Амге, Мае, Ноторе и другим притокам Алдана. От русских местные эвенки и якуты позаимствовали, в частности, земледелие (ААН, ф. 47, оп. 2, д. 39, разд. 2, л. 43—45; разд. 5, гл. 3, л. 16, 17, 26—29).

Теперь коротко остановимся на характере административного управления эвенками в XVIII—XIX вв. До издания «Устава об управлении инородцев» (1822 г.) они управлялись на основании различных временных инструкций и правил, суть которых сводилась к оставлению ясачного населения Сибири в рамках существовавших там родов и племен, с правом иметь собственное самоуправление в виде «князца» и его помощников, зависимое, впрочем, от русских властей. Широкое расселение эвенков, приведшее к распаду многих кровных родов на территориально разобщенные части, вызвало к жизни появление так называемых административных родов, т. е. таких объединений плательщиков ясака, которые либо включали только часть представителей какого-то кровного рода, либо состояли из представителей нескольких кровных родов. Названием административного рода первого типа обычно служил традиционный этноним, к которому по мере надобности добавлялся порядковый номер, благодаря которому этот род мог быть отличен от других, имевших то же название. Эти номера имели подчас совершенно произвольное значение, отражая лишь место административного рода в общем списке родов, приписанных к тому или иному пункту приема ясака. Покажем это на примере региона Северного Забайкалья. В период ясачных ревизий 1762 и 1782 гг. там существовало пять

локальных платежных групп киндигиров: «в ведомстве Баргузинского комиссарства», в районе оз. Бунт, в районе Кучидского острога, в районе Северного Байкала и в районе г. Олекминск. Казалось бы, все эти группы должны были иметь номера от первого до пятого, однако фактически дело обстояло иначе: баргузинские киндигиры именовались «3-го сбора Киндигирским», баунтовские — 2-м Киндигирским, кучидские — 4-м Киндигирским, северобайкальские — 2-м Киндигирским и олекминские — просто Киндигирским родом (без номера) (Кабузан, Троицкий, 1966, 31, 34). Так или иначе, но каждый административный род имел собственного главу в лице «князца» (старосты), печать и являлся самоуправляющейся фискально-податной единицей. Формирование административных родов происходило у эвенков в основном в период работы I Ясачной комиссии (1760-е годы) и позднее.

По положению 1822 г. у эвенков-оленеводов создавались родовые управления, соответствовавшие отдельным административным родам, и инородческие управы, включавшие представителей разных родов. Сообразно с этим баргузинские и олекминские киндигиры вошли в состав Баргузинской и Олекминской инородческих управ, а северобайкальские и баунтовские образовали самостоятельные родовые управления. При этом баунтовские киндигиры нередко именовались 3-м Киндигирским родом, потому что в списке тамошних родовых управлений они занимали третью строчку (после двух Чильчагирских управлений) (Архив ИВАН, разр. 2, оп. 3, д. 12, л. 5—7). Кучидские киндигиры были разделены на два административных рода: Киндигиро-Векерейский и Киндигиро-Тунгусский (АГО, разр. 55, оп. 1, д. 74, л. 12). Название первого означало, что часть кучидских киндигиров была объединена в одну платежную группу с эвенками Вакарайского рода.

Следует иметь в виду, что в границах бывшего Туруханского края термин «инородческая управа» практически не употреблялся. Так, например, эвенки Илимпейской управы чаще именовались «Илимпейским родом», или «Илимпейской ордой» (ААН, ф. 30, оп. 2, д. 72, л. 138 об.).

В первой трети XIX в. в южных районах Восточной Сибири начала развиваться золотопромышленность. В тайге росло число приискательских поселков, прокладывались дороги и тропы, строились перевалочные базы. Эвенки — обитатели горных районов в междуречье Ангары и Подкаменной Тунгуски, Забайкалья и Приамурья — оказались вовлеченными в этот процесс промышленного освоения Сибири. Первоначально они ограничивались работой в качестве проводников золотопоисковых партий, но мало-помалу начали участвовать в грузоперевозках для приисков, сенокошении, заготовке дров и даже в старательских работах.

В целом это неблагоприятно сказалось на оленеводстве и других отраслях традиционного хозяйства эвенков, а также на их образе жизни и быте. По наблюдениям исследователей, приамурские эвенки переставали заниматься охотой и забывали обычаи предков. В их быту укоренялись карточные игры, бега на пари, пьянство. Почти все заработанное они отдавали купцам, у которых брали товары в кредит (Шимкевич, 10—11).

Знаток енисейских золотых приисков П. В. Латкин писал, что тамошние эвенки быстро смешивались с более многочисленным приисковым населением (вследствие частого сожительства приискателей с эвенкийскими женщинами) и буквально в течение нескольких десятилетий «сильно утратили свой природный тип» (Латкин, 126). Под влиянием быта приискателей охотские, амгунские, буреинские, зейские и селемджинские эвенки на рубеже XIX—XX вв. стали переходить от традиционного чума к палатке. Хотя палатка не столь удобна для жилья, как чум, зато для ее установки требуется вдвое или втрое меньше шестов, а для перевозки — не два оленя, а только один. Вместе с палаткой в обиход этих эвенков вошла жестяная печка — «камин» (Туголуков, 1970, 244). Потерявшие оленей эвенки приобретали на приисках лошадей и пользовались ими для выезда на промысловые угодья. В некоторых районах Забайкалья, где зимой снежный покров не столь глубок, эвенки начали практиковать и охоту верхом на лошадях (Лопатин, 525; Отчет... Крюкова. 65).

Аналогичные изменения в хозяйстве, связанные с заменой оленей лошадьми, а иногда и другим скотом, были характерны в конце XIX—начале XX в. для эвенков большинства районов южной и средней сибирской тайги. По данным за 1896—1901 гг., эвенки «Кангаласского ведомства», обитавшие в Южной Якутии и северных районах Амурской обл., имели наряду с оленями (1384 гол.) 824 головы крупного рогатого скота и 553 лошади. Представители II Беллетского и Нюрмаганского родов занимались земледелием. В значительных размерах эвенкам Кангаласской управы производилась заготовка сена (ЦГА ЯАССР, ф. 158-И, оп. 1, д. 7, л. 6—9).

На Байкале в середине XIX в. стала быстрыми темпами развиваться рыбопромышленность. Увеличение там пришлого населения, хищническая эксплуатация рыбных и пушных ресурсов вынудили ясачную администрацию принять некоторые меры к защите интересов эвенков. Расположенные около северного Байкала охотничьи и рыболовные угодья были юридически закреплены за родовыми управлениями киндигиров и шамагиров. Данное мероприятие привело к тому, что местные киндигиры и шамагиры начали (около 1880 г.) сдавать свои угодья в аренду частным предпринимателям. В денежном отношении это оказалось выгодным. Так, киндигиры получали от своих соболиных урочищ по 8—8,5 тыс. р. в год. Шамагиры, на чьей территории водился ценный баргузинский соболь, только за

период 1908—1911 гг. получили от сдачи их в аренду свыше 40 тыс. р. (Неупокоев, 15—17).

Благодаря большим денежным поступлениям северобайкальские эвенки получили возможность содержать за свой счет хлебозапасные магазины, почту и писарей в родовых управлениях. В 1895 г. в пос. Душканы, где находилось родовое управление киндигиров, было на их средства открыто «министерское училище» на 20 детей с интернатом для 10 чел. и квартирой для учителя. Школа была полностью оборудована всем необходимым вплоть до библиотеки, насчитывавшей около тысячи книг. Благодаря этому среди киндигиров и чильчагиров Верхней Ангары в 1917 г. оказалось 16 грамотных (ЦГА БАССР, ф. 247, д. 26, л. 26—29).

Однако рента, которой пользовались киндигиры и шамагиры, имела для них и определенные негативные последствия. В их быту укоренились «общее пьянство» и «безрасчетная страсть к нарядам у женщин». В конечном счете киндигиры и шамагиры оказались даже беднее своих восточных соседей — чильчагиров (Кириллов, 27, 37).

Рост в Сибири пришлого населения, развитие промышленности и сельского хозяйства, потребности снабжения городов и поселков — все это способствовало усилению потоков людей и грузов по сухопутным и водным путям. Эвенки не могли оставаться в стороне и от этих новых явлений.

В начале 1880-х годов якутские торговцы начали приобретать колониальные товары с иностранных судов, заходивших в Аянский порт на Охотском побережье (в основном это был чай), и переправлять их в Якутск. В транспортировку грузов было вовлечено все местное население, жившее между Аяном и Якутском, — русские, якуты и эвенки. Поскольку эвенки перевозили грузы на оленях, роль оленеводства как средства транспорта сразу же возросла. Среди крупных оленеводов стали появляться предприниматели, бравшие подряды на перевозку больших партий груза (Стефанович, 38). Распространенная в прошлом меновая торговля стала уступать место покупке и продаже товаров на деньги. В начале XX в. буквально все сколько-нибудь ценное в хозяйственном обиходе аянских эвенков оценивалось ими в деньгах и являлось предметом торговли (Пекарский, Цветков, 46 и сл.). Крупные оленеводы начали отдавать своих оленей в аренду малоимущим охотникам, получая в виде вознаграждения часть добытой последними пушнины. Такими дельцами были, в частности, крупные оленеводы Подкаменной Тунгуски братья Гаюльские из рода Куркагир.

Развитие товарно-денежных отношений не могло не сказаться на характере общественных отношений у эвенков. Распадавшийся родовой строй существовал в XIX—начале XX в. в двух ипостасях: и как официально административно-родовая структура, служившая целям ясачного обложения и туземного самоуправления, и как естественная интеграция эвенков в рамках кровно-

родственных объединений, не имевших или почти не имевших связи с административными родами. Большинство как старых, так и новых кровных родов были на рубеже XIX—XX вв. немногочисленными; их члены нередко входили в состав различных территориальных группировок. В качестве примера укажем на довольно крупный род Чапагир у западных эвенков. Приполярная перепись 1926—1927 гг. обнаружила его членов в 12 различных территориальных группировках как на правом, так и на левом берегу Енисея (Долгих, 1946, л. 424—548).

Родовая экзогамия почти повсеместно уступила место ограничению браков между кровными родственниками в пределах трех-четырех ближайших поколений (реже — семи — девяти). Прежние связи «по крови» сосуществовали с территориально-соседскими при преобладании вторых. Совместное кочевание осуществляли, как правило, локальные группы из трех-четырех семей, не обязательно связанных родством и свойством (Туголуков, 1970а, 238—239).

К началу XX в. практически все эвенки были крещены в православную веру и имели русские имена и фамилии. Только в немногих районах (например, на территории Илимийского района Эвенкийского автономного округа) в качестве фамилий, да и то не всегда, сохранились родовые этнонимы.

Наиболее интенсивно крещение эвенков проводилось во второй половине XVIII—XIX вв. Христианство почти не затронуло анимистической основы традиционной идеологии, но вместе с тем оно подчеркнуло агнатический характер социального быта эвенков — утвердило авторитет отца и право наследования по мужской линии (в том числе и наследование детьми родовой принадлежности отца), подкрепило левират и т. д. Заодно христианство приучило эвенков к ведению календаря и соблюдению некоторых христианских праздников. В ряде случаев при церквях или при участии священнослужителей открывались начальные школы грамоты для эвенков, что, безусловно, было положительным явлением. Однако отсутствие материальной помощи со стороны государства в большинстве случаев сводило эти начинания на нет. Абсолютное большинство эвенков оставалось до революции 1917 г. неграмотными.

Эвенки-скотоводы. Уже говорилось, что эвенки, которые к приходу русских, помимо традиционных занятий — охоты и оленеводства, занимались разведением лошадей и другого домашнего скота (коров, коз, овец), заселяли наиболее южные районы своего этнического ареала. Расселение и численность скотоводческих групп эвенков показаны нами в нижеследующей таблице.

Надо иметь в виду, что этнографический облик указанных больших групп был различным. Одни (например, эвенки степных районов Южного Забайкалья) перешли от оленеводства к скотоводству довольно давно (в XIII—XIV вв.), и поэтому всем своим укладом больше отвечают нашему представлению о ти-

Регион	Расселение	Численность (тыс. чел.)
Среднее и Нижнее Приамурье	На Среднем Амуре между устьями Буреи и Уссури, а также вверх по Уссури	5,4
Верхний Алдан — Верхнее Приамурье	На Верхнем Амуре и Нижней Зее	2,9
Северное Забайкалье	Между оз. Баунт и Кучидскими озерами	0,1
Южное Забайкалье	В основном между Шилкой и Аргунью, а также между Баргузином и Нерчей	6,5
Прибайкалье	На левобережье Верхней Ангары, в районе Иркутского острога	1,8
Левобережье Енисея	На Чулыме, на правобережье Оми, в низовьях Тавды (на левобережье Тобола)	0,2
Итого		16,9

нических скотоводах степей. Другие (например, баргузинские эвенки) были весьма недавними скотоводами и в течение XVII—XIX вв. сохраняли в своем быту ряд атрибутов прежней охотничье-оленоводческой культуры (например, конический чум).

Наиболее представительной группой эвенков-скотоводов является та, которая обитала в регионе Южного Забайкалья. Поэтому для характеристики хозяйства, быта и управления, существовавших у эвенков-скотоводов в дореволюционный период истории, мы ограничимся приведением материалов по одной этой группе.

В 80-х годах XVII в. эвенки Южного Забайкалья образовывали пять вполне самостоятельных территориальных группировок: нерчинскую, телембинскую, баргузинскую, аргунскую и селенгинскую. Численность и родовой состав их отражены в нижеследующей таблице⁹.

Исходя из имеющихся известий о наличии среди скотоводов Южного Забайкалья некоторого числа эвенков, не имевших ни домашнего скота, ни оленей, мы сочли возможным принять число таковых за 0,5 тыс. чел.¹⁰ Таким образом, численность эвенков-скотоводов рассматриваемого региона нами определяется цифрой 6,5 тыс. чел.

Для истории этих эвенков в XVII в. характерны три периода: период до 1658 г., связанный с их приведением «под высокую руку» московского царя, период между 1658 и 1667 гг., когда многие из них находились в Монголии и Маньчжурии, и период после 1667 г., связанный с их возвращением в Южное Забайкалье.

Группировка	Место приписки (острог)	Численность		Родовой состав
		ясачных плательщи- ков	все населе- ние (тыс. чел.)	
Нерчинская	Нерчинская	677	3,4	Баликагир, Баягир, Ва- касил (Вакарай), Ду- ликагир, Желтот, Кал- тагир, Луникир, Поче- гор, Улят, Челкогир, Шунии
Телембинская	Телембинский, Еравнинский	376	1,9	Баликагир, Баягир, Ва- касил, Кайзой, Луни- кир, Почегор, Чемама- гир, Шунии
Баргузинская	Баргузинский	142	0,7	Баликагир, Лимагир, На- мясин (Намят)
Аргунская	Аргунский	118	0,6	Баягир, Дуликагир, Кал- тагир, Намясин
Селенгинская	Селенгинский, Кабанский	75	0,4	Ангут, Камчагир, Оку- когир, Поинкит (Поин- кин), Сяскигир, Туман- дин
Итого		1388	7,0	

Выдающимся вождем эвенков Южного Забайкалья был Гантимур — представитель рода Дуликагир. Гантимур в 1684 г. вместе со своим сыном Катанаям крестился и поехал в Москву представляться царям, но дорогой умер. Катанай (по крещении Павел) был возведен в дворянское достоинство (по московскому списку). Потомки Гантимура и Катаная (Гантимуровы) вплоть до Октябрьской революции осуществляли административное управление нерчинскими эвенками (Туголуков, 1975, 79—84).

Сложение этнографической группы забайкальских эвенков-скотоводов происходило под влиянием их ближайших южных соседей — монголов. К приходу русских значительная часть этих эвенков говорила на монгольском языке. Их материальная культура тоже являлась по сути дела монгольской (Туголуков, 1975, 89—90, 106). Однако по ряду элементов духовной культуры (например, в области верований), а также по любви к охоте, независимому характеру во взаимоотношениях с более многочисленными соседями они имели много общего со своими таежными собратьями-оленоводами. С конца XVII в. эвенки-скотоводы стали привлекаться к несению пограничной службы. В 1760 г. из поселенных на русско-китайской границе эвенков был сформирован специальный «тунгусский полк». Позднее (в 1851 г.) он

был включен в состав Забайкальского казачьего войска (там же, 80—81).

После опубликования Устава «Об управлении инородцев» у нерчинских эвенков была образована Урульгинская степная дума в составе шести инородческих управ — Кужертаевской, Маньковской, Оловской, Онгоцонской, Урульгинской и Шундунинской. Во главе думы стоял «главный родоначальник» («князь» Гантимуров), во главе управ находились «головы». В состав управ входили более мелкие «родовые управления», возглавлявшиеся старостами, или шуленгами (там же, 83). Телембинские и аргунские эвенки были еще раньше причислены к нерчинской группировке и тем самым вошли в Урульгинскую думу. Баргузинские эвенки образовывали самостоятельную Баргузинскую инородческую управу. Бывшие селенгинские эвенки, к тому времени совершенно ассимилированные бурятами, составляли часть Селенгинской степной думы бурят (там же, 84).

К приходу русских большинство эвенков Южного Забайкалья по своему мировоззрению было анимистами. Однако начиная с первой трети XVIII в. среди них начал распространяться ламаизм, принесенный монгольскими ламами. Данное обстоятельство побудило православную церковь усилить деятельность по вовлечению местных эвенков в христианство. Проповедь православия сопровождалась попытками склонить эвенков к оседлой жизни и земледелию. Это выразилось в создании ряда деревень, или «слобод», с избами для эвенков, принявших «святое крещение». Одно из таких селений, именовавшееся Нероновским, известно с 1792 г.; другое, под названием Сухановой слободы, существовало по меньшей мере с 1782 г. В 1819 г. в нем проживало свыше тысячи человек. В XIX в. оба названные селения часто именовались «родами» забайкальских эвенков (там же, 133—134 и сл.).

Аналогичное происхождение имел административный Мальцевский род Оловской управы, также появившийся в конце XVIII в. Эвенки этого рода считались во второй половине «домовыми» тунгусами: большинство их жило в домах русского типа (там же, 91). В конечном счете борьба между православием и ламаизмом завершилась победой первого: в начале XX в. только четвертая часть эвенков Нерчинского округа исповедовала ламаизм; остальные считались христианами. Ламаизм прочно удерживал свои позиции лишь на юге Забайкальской обл. (ГАЧО, ф. 1, оп. 4, д. 3445, л. 9).

Языковое и культурное сближение эвенков-скотоводов с монголами и бурятами, начавшееся еще до прихода русских, было упрочено в XVII—XVIII вв. благодаря распространению ламаизма. В свою очередь, ясачная администрация и православная церковь способствовали сближению эвенков с русскими крестьянами. Обе эти тенденции проявлялись в широком заключении межнациональных браков и общем перемещивании всего населения Южного Забайкалья.

Смешение эвенков-скотоводов с русскими (в этот процесс были вовлечены и буряты) привело к образованию контактной прослойки метисного населения — так называемых карымов (от тюрко-монгольского «кара», «хара» — «черный»). Часть карымов говорила по-русски, часть — по-бурятски (Туголуков, 1975, 85). Официально, однако, большинство карымов причислялось к тунгусам, чем и объясняется быстрый численный рост последних на территории региона. О росте их численности мы имеем следующие статистические данные. Во время ясачной ревизии 1762 г. они насчитывали 5098 чел. муж. пола (Кабузан, Троицкий, 1966, 29—31), т. е. около 10,2 тыс. чел. обоего пола, а в период переписи 1897 г. — 31,8 тыс. чел.¹⁴ Указанная цифра в сравнении с 80-ми годами XVII в. означает увеличение численности эвенков-скотоводов Южного Забайкалья в 4,6 раза. Вместе с тем абсолютное большинство этих эвенков ни по культуре, ни по языку уже не могло считаться тунгусами. Достаточно указать на такой показатель: из 24,5 тыс. тунгусов Урульгинской степной думы в 1897 г. только 8% говорило на родном языке. Почти 70% пользовалось русским языком и 22,8% — бурятским (Патканов, 1906, вып. 2, 187).

В свете этих данных становится понятным факт резкого сокращения численности эвенков Южного Забайкалья в 1920-х годах, когда прежние национально-административные объединения типа степных дум и инородческих управ были упразднены. Войдя в общие для всего местного населения районы и сельсоветы, эвенки-скотоводы стали в подавляющем большинстве называть себя русскими или бурятами.

Изменение общей численности эвенков за период XVIII—XIX вв. можно проиллюстрировать данными ясачных ревизий второй половины XVIII в. и переписи 1897 г.

Во второй половине XVIII в. большинство западных эвенков входило в Тобольскую губ., а большинство восточных — в Иркутскую. Данные ревизий по эвенкам Тобольской губ. оказались очень разными: в 1762 г. их насчитывалось 1977 чел. муж. пола, а в 1795 г. — 4471. Поскольку первая из приведенных цифр явно далека от истины, мы будем пользоваться только данными ревизии 1795 г. Добавив к цифре 4471 (Тобольская губ.) цифру, характеризующую численность эвенков Иркутской губ., — 13 453 чел. муж. пола, получаем суммарную численность всех сибирских эвенков, равную 17 924 чел. муж. пола (Кабузан, Троицкий, 1962, 155—156), т. е. около 35 тыс. чел. обоего пола.

Переходя к результатам переписи 1897 г., отметим, что ею были охвачены далеко не все группы эвенков. Особенно не повезло в этом отношении западным эвенкам, у которых не было учтено много групп на Северо-Западе Восточной Сибири, на Нижней Тунгуске и к западу от Енисея. Более точными являются данные Приполярной переписи 1926—1927 гг., согласно

которым численность западных эвенков, сохранявших родной язык, определялась в 7,7 тыс. чел. (Долгих, 1946, 632).

В восточной половине эвенкийского ареала перепись 1897 г. учла 42,9 тыс. чел. эвенков (Патканов, 1906, вып. 1, с. 35—39, 46—48, 86—91, 128, 144—146, 153; вып. 2, с. 54—56, 108, 112—113, 127—128, 158—159; ч. 2, с. 25; Смоляк, 131). Однако с коррективами на ассимиляцию эвенков-скотоводов Южного Забайкалья русскими и бурятами фактическая численность восточных эвенков для рубежа XIX—XX вв. определяется цифрой 12,1 тыс. чел. Отсюда следует, что все сибирские эвенки — восточные и западные — в это время насчитывали около 19,8 тыс. чел. Среди них абсолютное большинство составляли оленеводы — около 17,3 тыс. чел.

Завершая главу об эвенках, подчеркнем то основное, что, на наш взгляд, характеризует их этническую историю за период от XVII до начала XX в. ¹²

Расселение эвенков по Северной Сибири, начавшееся задолго до XVII в., к началу XX в. было практически завершено. За три последних столетия эвенки продвинулись в лесотундру и тундру между Енисеем и Леной, окончательно утвердились на обширной территории к западу от Енисея, заново заселили с севера левобережное Приамурье и Сахалин. Наряду с этим сельскохозяйственная и промысловая деятельность пришлого населения в Прибайкалье и Приангарье привела к тому, что тамошние эвенки отошли к северу — в бассейны Подкаменной и Нижней Тунгусок.

Этнические процессы, протекавшие в XVII—XIX вв. на территории Южного Забайкалья, привели к растворению тамошних эвенков-скотоводов в местном русском и бурятском населении.

Контакты эвенков (и эвенов) с коренными обитателями Нижнего Амура, Сахалина и Приморья способствовали формированию целого ряда современных тунгусоязычных народов этого региона. Контакты эвенков (и эвенов) с самодийцами и якутами на Северо-Западе Восточной Сибири привели к сложению новых общностей — нганасанов, долганов и северных якутов-оленьеводов.

Примечания

- ¹ Подсчет численности эвенков и эвенов нами производился по методике Б. О. Долгих, который для таежного (охотничье-оленьеводческого) населения Сибири применял коэффициент 4, а для степного (скотоводческого) населения — коэффициент 5 (Долгих, 1960, 13—14). На 4 и 5 нами умножались цифры, характеризующие число плательщиков ясака, т. е. взрослых мужчин в возрасте от 16—18 до 60 лет.
- ² Линию раздела между западными и восточными эвенками мы проводим по Лене и Байкалу.
- ³ Примером могут служить названия волостей: Гейской — от названия р. Гей, Ийской — от названия р. Ия, Верхнеокинской — от названия р. Ока и т. д.

- ⁴ С коттами, жившими преимущественно в верхнем течении р. Кан (правый приток Енисея), эвенки контактировали меньше, чем с асанами.
- ⁵ В переводе с эвенк. и эвен. «лонки» — «кижуч», «лосось» (ТМС, I, 504). Лонки вошли в состав ульчей.
- ⁶ С. М. Широкогоров, также считавший гогулей тунгусами, основывался на преданиях эвенков-оленоводов правобережной Аргуни. Последние говорили ему, что называют своих предшественников в этой местности, тоже эвенков-оленоводов, «нгугал» или «нугал» (Shirokogoroff, 64—69 и сл.). Мы со своей стороны полагаем, что русская транскрипция «гогули» отражает эвенкийский термин «гугда» — «высокий» (ТМС, I, 168). Во множественном числе данный термин должен звучать как «гугдаль». Это слово и было, по-видимому, записано русскими как «гогули». Нашу догадку подтверждают существование улуса Гогудинского у «гиляков» в 1645—1646 гг. в низовьях Амура (ДАИ, III, 55) и взятие Онуфрием Степановым ясака в том же районе «з Гугды» в 1655—1656 гг. (ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, д. 520, л. 29 об.).
- ⁷ Унты — эвенкийская обувь, паняга — заплечное приспособление для переноски промыслового снаряжения, маут — аркан для ловли оленей.
- ⁸ Оленеводы считались «бродячими инородцами».
- ⁹ Таблица составлена по материалам работы Б. О. Долгих (1960, 306—307, 315—318, 326—327, 336—337). Легко заметить, что при умножении 1388 ясачных плательщиков на коэффициент 5 получается 6940 чел. всего населения. Мы сочли возможным (имея в виду неизбежный недоучет ясачного населения) округлить эту цифру до 7 тыс. чел.
- ¹⁰ Такими были, например, упоминавшиеся в 1653 г. «многие тунгусы», обитавшие на берегах озер Иргень и Яроклей (Арахлей) к западу от современного г. Читы. Сообщалось, что они «ловят рыбу, готовят себе годовые сухие рыбные запасы» (СДИБ, 191).
- ¹¹ Патканов указывал большую цифру — 33,4 тыс. чел., однако он ошибочно включал в нее «ороченов» (эвенков-оленоводов) Баргузинского округа (Патканов, 1906, 146, 153).
- ¹² В данном случае мы имеем в виду не только эвенков-скотоводов Южного Забайкалья, но и эвенков-скотоводов Прибайкалья.

Литература

- Александров В. А. 1964. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М.
- Александров В. А. 1969. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М.
- Григоровский Н. П. 1884. Описание Васюганской тундры. — Зап. ЗСОРГО, кн. VI.
- Гурвич И. С. 1966. Этническая история Северо-Востока Сибири. М.
- Долгих Б. О. 1946. Родовой и племенной состав народностей Севера Средней Сибири: Канд. дис. М.
- Долгих Б. О. 1952. Происхождение нганасан. — ТИЭ, т. XVIII.
- Долгих Б. О. 1960. Родовой и племенной состав народов в Сибири в XVII в.
- Зиннер Э. П. 1968. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск.
- Идес И., Бранд А. 1967. Записки о русском посольстве в Китае (1692—1695). М.
- Кабузан В. М., Троицкий С. М. 1962. Движение населения Сибири в XVIII в. — В кн.: Материалы по истории Сибири: Сибирь в XVII—XVIII вв. Новосибирск.
- Кабузан В. М., Троицкий С. М. 1966. Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII в. — СЭ, № 3.
- Кириллов. 1886. Поездка в Нижнеангарск Баргузинского округа в 1885 г. — ИВСОГО, № 1/2.
- Кларк П. 1864. Вилуйск и его округ. — ЗСОРГО, кн. VII.

- Костров. 1855. Енисейские тунгусы.— Москвитянин, № 11, кн. 1.
- Латкин П. В. 1892. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. СПб.
- Лопатин Н. А. 1867. Краткий отчет о действиях Витимской экспедиции в 1865 году.— ЗСОРГО, кн. IX и X.
- Майнов И. И. 1898. Некоторые данные о тунгусах Иркутского края. Иркутск.
- Миддендорф А. Ф. 1878. Путешествие по Северо-Востоку Сибири. СПб. Ч. II.
- Миллер Г. Ф. История Сибири. 1961.— Архив ИЭ АН СССР, т. III. Рукопись.
- Мордвинов А. 1860. Инородцы, обитающие в Туруханском крае.— Вестн. РГО, ч. 28.
- Неупокоев Вяч. 1928. Тунгусы Бурятии. Верхнеудинск.
- Окладников А. П. 1937. Очерки по истории западных бурят-монголов. Л.
- Отчет производителя работ И. Ф. Крюкова о командировке в Баргузинскую тайгу Забайкальской области в 1905 г. для исследования ее в колонизационном отношении. 1906. Иркутск.
- Патканов С. 1906. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи 1897 г. и других источников. СПб. Ч. 1. Тунгусы собственно. Вып. 1, 2.
- Патканов С. 1913. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки переписи 1897 г.). СПб. Т. I—III.
- Пекарский Э. К., Цветков В. П. 1913. Очерки быта приаянских тунгусов.— В кн.: МАЭ. СПб., т. II, вып. 1.
- Пестов И. Записка об Енисейской губернии в 1831 г. М.
- Петри Э. Б. 1930. Описание охотничьей территории тутурских тунгусов.— Изв. Биол.-геогр. НИИ при Иркут. ун-те, т. V, вып. 2.
- Полевой Б. П. 1965. Забытый источник сведений по этнографии Сибири XVII в. (о сочинении Адама Каменского-Длужика).— СЭ, № 5.
- Смолляк А. В. 1975. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. М.
- Степанов А. 1835. Енисейская губерния. СПб. Ч. 1.
- Степанов Н. Н. 1961. Хозяйство тунгусских племен Сибири в XVIII веке.— Учен. зап. ЛГПИ, т. 222.
- Стефанович Я. 1896. От Якутска до Аяна.— ИВСОГО, т. II, вып. 3.
- Третьяков П. 1869. Туруханский край и его обитатели.— Зап. РГО по общей географии, т. 2.
- Токарев С. А. 1949. Общественный строй якутов. Якутск.
- Туголуков В. А. 1970. Преобразования в хозяйстве и культуре у эвенков Амурской области.— В кн.: Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М.
- Туголуков В. А. 1970а. Социальная организация эвенков и эвенов.— В кн.: Общественный строй у народов Северной Сибири. М.
- Туголуков В. А. 1975. Конные тунгусы: (Этническая история и этногенез).— В кн.: Этногенез и этническая история народов Севера. М.
- Туголуков В. А. 1981. Об определении численности коренного населения Северной Сибири в XVII в.— СЭ, № 2.
- Чеканинский И. А. 1914. Следы шаманского культа в русско-тунгусских поселениях по реке Чуне в Енисейской губернии.— Этногр. обозрение, № 3/4.
- Шерстобоев В. Н. 1949. Илимская пашня. Иркутск. Т. 1.
- Шерстобоев В. Н. 1957. Илимская пашня. Иркутск. Т. 2.
- Шимкевич П. П. 1895. Современное состояние инородцев Амурской области и бассейна Амгуни.— Приамурские ведомости: Прилож. к № 63.
- Jochelson W. The Jukaghir and the jukaghirized Tungus. N. Y., 1910. Pt 1, vol. IX.
- Shirokogoroff S. M. 1929. Social organization of the northern Tungus. Shanghai.

Эвены

Эвены (ламуты) представляют собой северо-восточную ветвь тунгусов и до начала 1930-х годов обычно не выделялись как самостоятельная этническая группа. Этноним «эвены» (самоназвание этого народа) вообще почти не был известен, а этноним «ламуты» прилагался к эвенам весьма спорадически и не ко всем их группам. Ламутами в XIX—начале XX в. называли преимущественно камчатских, анадырских и колымских эвенов. Общим же для всех эвенов, как и для эвенков, было название «тунгусы».

Антропологически эвены отличаются от эвенков относительной малорослостью и светлокожестью (Майнов, 95—96, 117; Дебец, 13—14); а эвенский язык от эвенкийского — опусканием конечных гласных в начале или конце слов, а также отдельных слогов внутри слов. В ряде случаев начальное «л» у эвенов превращается в «н» (ср.: эвенк. «ламу» и эвен. «нам» — «море»). Указанные особенности эвенского языка, по крайней мере частично, существовали уже в XVII в.

К приходу русских эвены («ламутки») занимали горную область Верхоянского хребта, а также район Охотского побережья — приблизительно от р. Улья на юго-западе до р. Тауй — на северо-востоке. К югу-западу от Ульи соседями эвенов были аяно-майские тунгусы (эвенки), а к северо-востоку — оседлые коряки. В верховьях Яны и Индигирки эвены соприкасались с юкагирами, на правобережье Нижнего и Среднего Алдана — с якутами и эвенками.

Большинство эвенов сосредоточивалось в XVII в. на Охотском побережье, где существовали не только оленные, но и безоленные группы («пешие тунгусы»). Всего в этом районе было зафиксировано более 40 кровных родов, большая часть которых принадлежала к пешим тунгусам. Крупные роды эвенов — Годниканский, Горбиканский, Дельянский, Киларский, Уяганский, Эжанский¹ — включали как оленные, так и пешие (безоленные) группы сородичей. Численность эвенов-оленоводо-в на середину XVII в. определяется нами в 3,6 тыс. человек, пеших тунгусов — 4,8 тыс. чел.²

С приходом русских эвены были приписаны к отдельным ясачным острогам и зимовьям. Алданские эвены платили ясак в Камнунском зимовье и отчасти — в расположенном выше по Алдану Бутальском остроге, янские эвены — в Верхнем янском зимовье, индигирские — в Зашиверском и Подшиверском зимовьях на Индигирке, колымские — в Верхнеколымском зимовье, охотские — в Охотском остроге и Тауйском зимовье. К последнему были преимущественно приписаны пешие тунгусы.

Злоупотребления сборщиков ясака были причиной того, что в течение почти всей второй половины XVII в. среди охотских

эвенов происходили волнения, принимавшие порой массовый и кровопролитный характер. Эти события довольно подробно изложены в работе И. С. Гурвича (1966); поэтому мы не будем на них останавливаться.

Оспенные эпидемии 1659—1660 гг. и 1690—1691 гг., а также начавшееся широкое расселение эвенов по Северо-Востоку Сибири были причинами того, что уже к концу XVII в. многие мелкие роды у них исчезли, а группа пеших тунгусов сильно сократилась в численности. С учетом этнографических особенностей этой группы и ее последующей судьбы мы разделили данную главу на две части: в первой будем говорить только об эвенах-оленеводах, а во второй — о пеших тунгусах.

Эвены-оленеводы. Расселение оленных эвенов по Северо-Востоку происходило в XVII в. одновременно по нескольким направлениям: одна группа, видимо, исторически более тесно связанная с коряками, стала продвигаться на их земли вдоль Охотского побережья; другие группы, которые и прежде кочевали по отрогам Верхоянского хребта между Яной и побережьем Охотского моря, начали вторгаться во владения юкагиров, следуя к северу по горам, окаймляющим долины Яны, Индигирки и Колымы.

Несомненно, имело место частичное продвижение эвенов и в юго-западном направлении — к рекам Уд, Тугур и еще дальше — к Амгуни и низовьям Амура. Об этом мы можем судить по появлению там в 80-х годах XVII в. родов, носивших названия, которые были зафиксированы русскими ранее у эвенов (ЦГАДА, ф. 214, стб. 963, ч. 1, л. 99; ДАИ, X, 342—348; XII, 95—99). Мы, однако, не станем углубляться в рассмотрение данного вопроса, поскольку эвены, как таковые, на указанных реках не упоминались в источниках.

Первое продвижение части охотских эвенов на территорию коряков относится к последнему десятилетию XVII в. В 1690 г. «тунгусы» Долганского и Уяганского родов писали в своей челобитной, что они занимаются охотничьим промыслом на корякской земле и впредь желают платить ясак «на Тоуе и на Яне... в Ямском зимовье» (ЦГАДА, ф. 214, кн. 1225, л. 441 об.)³.

Оседлые и кочевые коряки оказали служилым людям и сопровождавшим им эвенам вооруженное сопротивление, но, несмотря на это, они были вынуждены отойти от рек Ола, Яма, Вилига, Гижига, на которых они до того времени жили, к Пенжинской губе.

Через верховья рек Гижига и Пенжина некоторые группы эвенов в конце XVIII — начале XIX в. переместились в бассейн Анадыря, где вступили в контакт с юкагирами-чуванцами и местными русскими старожилами. Согласно более поздним данным переписи 1897 г., анадырские эвены принадлежали к родам I Дельянскому, II Дельянскому, Долганскому и Балаганчикову (Патканов, 1906, ч. 1, вып. 2, 100).

К северу от Анадыря перепись 1897 г. обнаружила эвенов на р. Чаун, впадающей в Ледовитый океан. Эта группа состояла примерно из 40 семей. Насколько можно судить, в ее состав входили представители I Дельянского и Уяганского родов (там же, 114). Вместе с эвенами на Чауне жили семьи чуванцев и других юкагиров. Эта группа характеризовалась в 1914—1915 гг. как подвергшаяся сильному влиянию со стороны чукчей-оленьеводов (ААН, разр. IV, оп. 10, д. 25, л. 16), что указывает на ее относительно давнее появление там.

Еще в начале 40-х годов XIX в. часть гижигинских эвенов перешла на Камчатку. Переселенцы первоначально обосновались в верховьях р. Быстрая, на юго-западе полуострова (Патканов, 1906, ч. 1, вып. 1, 34; Гурвич, 157—158), но затем распространились почти по всему западному склону Срединного хребта Камчатки. Камчатские эвены принадлежали к родам Долганскому, I Долганскому, I и II Уяганским.

Теперь обратимся к более западным группам эвенов, осуществлявшим расселение по северо-восточной Якутии из отрогов Верхоянского хребта. В верховьях Колымы эвены (вероятно, представители рода Дельян) были обнаружены еще в начале 60-х годов XVII в. Первоначально эта группа эвенов насчитывала всего 13 плательщиков ясака, т. е. вряд ли более 50 чел. всего населения (Долгих, 529). Коренными же обитателями Верхней Колымы были юкагиры. Ясачные документы 1678—1688 гг. отмечают взаимные нападения эвенов и юкагиров с уводом плененных женщин и детей. Юкагиры в случае победы над эвенами забирали также эвенских оленей (КПМГЯ, 213; МИЯ, 977). Еще в 1700 г. юкагиры в полтора раза превосходили по численности эвенов, однако с первой трети XVIII в. соотношение изменилось в пользу последних (Гурвич, 68).

На правобережье Верхней Колымы эвены встречались не только с юкагирами, но и с коряками и с чукчами. Отношения их с теми и другими долгое время тоже оставались враждебными. Мирный обмен оленями между эвенами, с одной стороны, и коряками и чукчами — с другой, начал осуществляться только около середины XIX в. (Аргентов, 1860, 25).

С середины XIX в. эвены стали беспрепятственно кочевать в бассейне Омолона. Перепись 1897 г. учла там 360 чел., принадлежавших преимущественно к I и II Дельянским родам (Патканов, 1906, ч. 1, вып. 1, 62; вып. 2, 113—114).

Длительные контакты верхне- и среднеколымских эвенов с юкагирами обусловили их значительное взаимное смешение к концу XIX—началу XX в. Как сообщал В. И. Иохельсон, 80 эвенов из II Дельянского рода подпали под влияние юкагирского языка и культуры. Эти дельяны лишились оленей и совместно с юкагирами Ушканского рода зимовали в поселке на р. Ясачная близ впадения в нее р. Нелемная (Jochelson, 53). В целом, однако, верхнеколымские юкагиры оказались более ассимилированными эвенами, чем эвены — юкагирами.

Весьма рано эвены появились также на Средней и Нижней Колыме и протекающей к западу от нее Алазее. Первые упоминания русских об алазейских эвенах относятся к середине XVII в. (РМ, 221). Вместе с тем ревизии 1762 и 1782 гг. не выявили там постоянного эвенского населения. Поэтому можно считать, что до конца XVIII в. эвены в этом районе появлялись только время от времени.

Как видно из материалов Нижнеколымской церкви за 1772—1776 гг., большинство тамошних эвенов принадлежало к Уяганскому роду. В меньшем числе были представлены члены Дельянского, Ламутского и Омолонского родов (ЦГА ЯАССР, ф. 250, оп. 1, д. 4, л. 8—16; д. 12, л. 61—67). Это дает основание предполагать, что проникновение эвенов в низовья Колымы происходило преимущественно с востока — со стороны Чукотки.

Перепись 1897 г. зафиксировала в колымской тундре (к востоку и западу от Нижней Колымы) около 350 эвенов, принадлежавших к Уяганскому, II Каменному (Ходейджиль), Кункугурскому и другим (не выяснены) родам (Патканов, 1906, ч. 1, вып. 2, 114—115). Наиболее многочисленными там по-прежнему оставались уяганы (250 чел.), кочевавшие главным образом на правом берегу Нижней Колымы. Эвены, не назвавшие у себя родов, как правило, входили в смешанные в национальном отношении семьи. Например, 24 эвенские женщины были женами чукчей, кочевавших в тундре между Колымой и Индигиркой (там же, 115). Смешанное эвенско-юкагирское происхождение имел в конце XIX в. считавшийся ранее эвенским II Каменный род (Ходейджиль), обитавший на Алазее и к западу от нее (62 чел.). Согласно Иохельсону, члены II Каменного рода знали тундровый диалект юкагирского языка (Иохельсон, 29).

В отличие от Колымы Индигирка заселялась эвенами исключительно с юга, т. е. с верховьев этой реки. Там первое время единственными представителями эвенов тоже были дельяны. К середине XVII в. в этом районе было основано два ясачных зимовья — Зашиверское и Подшиверское. В более верхнем, Зашиверском, зимовье первое время платили ясак только юкагиры, но в начале второй половины века там стали упоминаться и эвены — Лаузен с сородичами (КПМГЯ, 68—69). В конце 1660-х годов к Зашиверскому острогу были приписаны эвены Годниканского, Кункугирского и Уяганского родов (ЦГАДА, ф. 1177, оп. 1, д. 217, л. 48; КПМГЯ, 146—147; РМ, 23). В 1669 г. плательщиками ясака в Зашиверском зимовье числились уже одни только эвены, а в Подшиверском — и эвены и юкагиры.

Примерно тогда же эвены стали упоминаться на Средней и Нижней Индигирке. В 1668 г. служилые люди, находившиеся в низовьях реки, опасались «изменников ламутских мужиков» (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 31, л. 239). Однако постоянными обитателями этого района эвены стали, по-видимому, только в начале XVIII в. Ясачные ревизии 1762 и 1782 гг. показали у эвенов

Индибирки соответственно 268 и 388 мужских душ, т. е. около 550 и 780 чел. всего населения⁴. Местные эвены принадлежали к родам Буяксирскому («Буякарскому»), Дельянскому («Жальжанскому»), I и II Кункугурским и Тюгесирскому⁵ (Кабузан, Троицкий, 35).

К середине XIX в. индибирские эвены были сильно смешаны с юкагирами. В материалах Ожогинской церкви на Индибирке за 1861 г. мы нашли упоминания о Буяксирском роде старосты Степана Снужкова и Кункугурском роде старосты Ефрема Варякина. Оба эти рода характеризовались как «юкагирские» (ЦГА ЯАССР, ф. 225, оп. 1, д. 390, л. 13 об.—21). Данное обстоятельство позволяет понять причину весьма скромной численности индибирских эвенов, указанной Паткановым по материалам переписи 1897 г.—всего 40 хозяйств (280 чел.) (Патканов, 1906, ч. 1, вып. 1, 67—68; ч. 1, вып. 2, 115—116). Мы считаем, что фактически эвенское население бассейна Индибирки в конце XIX в. достигало примерно 540 чел. Патканов, по-видимому, не включил в состав местных эвенов группу II Каменного рода (Ходейджиль), которая в количестве 25 чел. кочевала к западу от Алазеи; кроме того, им был пропущен Буяксирский род; его Патканов, вероятно, считал юкагирским (там же, ч. 1, вып. 2, 177).

Учитывая общую тенденцию ассимиляции эвенами индибирских юкагиров, трудно предполагать, чтобы эвены-буяксиры подверглись ассимиляции со стороны юкагиров—скорее всего, дело обстоит как раз наоборот. Согласно Иохельсону, среди «бродячих родов» Индибирки на рубеже XIX—XX вв. имелось всего несколько человек, знавших юкагирский язык (Иохельсон, 29).

Теперь перейдем к самым западным группам эвенов, кочевавшим на правом берегу Нижнего Алдана и в прилегающем с севера горном районе. Суммарная численность тамошних буяксиров и тугочеров («тюгесиров»), плативших ясак в Камнунском зимовье, достигала в 80-х годах XVII в. 85 чел. (Долгих, 506). Если сюда добавить эвенов Мемельского рода, который упоминался на Нижнем Алдане еще в первой половине XVII в. (МИЯ, 725—726 и др.), то получится, что общая численность нижнеалданских эвенов достигала 125 ясачных плательщиков, т. е. не менее 0,5 тыс. чел. всего населения.

В верховьях Яны, судя по имеющимся данным в XVII в., кочевали эвены Дельянского и Тугочерского родов. Они поддерживали тесные (в том числе брачные) связи с местными юкагирами. Упоминание в 1681 г. «юкагиров Зельянкурского рода» дает основание говорить даже о частичном слиянии местных дельянов («зельянкуров») с юкагирами (Долгих, 389—390).

Тугочерский род угадывается в названии «Бочерского» рода, который в 1679 г. упоминался на Яне как род, с которым поддерживали брачные связи юкагиры «Петайского» рода (КПМГЯ,

116). В последнем следует, очевидно, предполагать тунгусский Бетильский род или, точнее, группу тунгусских выходцев из якутской Бетунской вол., существовавшей в низовьях Алдана. Все эти факты указывают на то, что этническая обстановка в рассматриваемом районе была в XVII в. весьма сложной.

Ссылаясь на слышанные им предания «тунгусов» Верхоянского округа, И. А. Худяков писал, что «они впервые поселились сюда, пришедши с Индигирки, и нашли здешние места занятыми юкагирами, которых они и прогнали к северу» (Худяков, 99). Такими пришельцами были, как можно думать, члены Дельянского рода. Что касается тугочеров, то они пришли на Верхнюю Яну с Алдана. Именно они были пионерами освоения Крайнего Северо-Запада эвенского ареала. Выйдя в верховья Яны, они затем спустились в низовья этой реки; другая часть тугочеров вышла на Нижнюю Лену. Предания сообщают о сражениях тугесиров с нижнеленскими юкагирами (Окладников, 96).

Вслед за алданскими тугесирами в низовья Яны стали переселяться и индигирские эвены. В начале XVIII в. группа таких переселенцев именовалась Ламутским родом. В 1816 г. в Усть-Янской части Верхоянского комиссарства учитывалось 54 эвенских хозяйства численностью 374 чел. Большинство местных эвенов составляли тугесирсы (Гурвич, 77, 151). Позднее с Индигирки на Яну перебралась также значительная часть эвенов Кункугурского рода.

Ревизия 1858—1859 гг. выявила в составе тугесиров и кункугуров Нижней Яны как «тунгусские» (эвенские), так и «юкагирские» группы. Основную массу «юкагиров» составляли представители I и II «Кунгурских» (Кункугурских) родов (Патканов, 1906, ч. 1, вып. 2, 56, 115, 116).

В материалах переписи 1897 г. кункугуры и тугесирсы не подразделялись на «тунгусов» и «юкагиров». Однако в том же Усть-Янском улусе было выявлено 372 «юкагира», из которых 131 чел. будто бы владел родным языком (там же, ч. 1, вып. 2, 70, 176). Как показали исследования Йохельсона, это был обыкновенный эвенский язык. Юкагирами часть кункугуров была названа потому, что к ним администрация присоединила остаток местных тундровых юкагиров (Jochelson, 52). В связи с этим Патканов вполне обоснованно отнес этих «юкагиров» индигирско-янской тундры к ламутам (эвенам).

Следует заметить, что миграция тугесиров на север не означала их полного выселения с Алдана. Нижнеалданские тугесирсы в 1782 г. насчитывали 126 чел. мужского пола (Кабузан, Троицкий, 33), т. е. не менее 250 чел. всего населения. На месте оставалась также часть алданских буяксиров.

Вероятно, в начале 20-х годов XIX в. из алданских тугесиров и буяксиров был сформирован административный Ламунхинский род. В 1858—1859 гг. этот род насчитывал 449 чел., в 1897 г. — 354 чел. Большинство ламунхинцев обитало в Намском улусе Якутского округа, меньшинство — в Верхоянском округе

(Патканов, 1906, ч. 1, вып. 2, 54; Памятная книжка Якутской области на 1867 г., 110). По листам переписи 1897 г. Ламунхинский род подразделялся на четыре «племена», или «колена»: Дондаконское — 56 чел., Ламунхинское — 61, Тюгесирское — 78, Хоринское — 35 (Патканов, 1906, ч. 1, вып. 2, 120). Данный перечень указывает на смешанный якутско-эвенский характер Ламунхинского рода⁶.

На Среднем Алдане, в особенности на его правых притоках — Томпо и Хандыге, в XVII в. жили эвены Мемельского рода. Во время ясачных ревизий 1762 и 1782 гг. они входили в состав Баягантайской вол. якутов и насчитывали соответственно 290 и 370 чел. мужского пола (Кабузан, Троицкий), 33), т. е. примерно 300 и 380 чел. всего населения. В середине прошлого века мемели числились в составе Баягантайского улуса Якутского округа Якутской обл. Вместе с ними ревизия 1858—1859 гг. называет также Годниканский род эвенов. Мемели в это время насчитывали 534 чел., а местные годниканы — 89. Во второй половине века часть мемелей (54 чел.) выселилась на Охотское побережье, а 117 чел. — в Верхоянский округ (Патканов, 1906, ч. 1, вып. 2, 102, 116, 121). Эти верхоянские мемели, по более поздним данным, обосновались на территории современных Верхоянского и Момского районов ЯАССР (Николаев, 29).

В конце XIX — начале XX в. почти все западные и северо-западные эвены, а заодно и ассимилированные ими юкагиры были в значительной степени объякучены. Якутский язык, по выражению С. К. Патканова, знали «почти все тунгусы края» (включая правобережных нижнеленских эвенков). Наиболее объякученными считались представители Ламунхинского и Тюгесирского родов (Патканов, 1906, ч. 1, вып. 2, 176). На Нижней Лене эвенов в XVII — начале XX в. практически не было. Исходя из этого, можно считать, что западным пределом их распространения является междуречье Яны и Лены.

Все изложенное выше показывает, что по мере расселения по Северо-Востоку Сибири эвены активно взаимодействовали с предшествовавшим им населением, в особенности с якутами, юкагирами и коряками. Большую часть юкагиров и часть коряков эвены ассимилировали. Данное обстоятельство позволяет понять причину почти трехкратного увеличения численности эвенов-оленьеводов с XVII до начала XX в. Как уже говорилось, в середине XVII в. их было около 3,6 тыс. чел. В 60-е годы XVIII в. численность эвенов достигала уже 6,5 тыс. чел., а в конце XIX в. — 9,5 тыс. чел. (Патканов, 1906, ч. 1, вып. 1, 24—34, 55—98; в. 2, 100—106, ~~113—130~~; Гурвич, 81, 160—164).

Коротко охарактеризуем социальную структуру эвенов. В XVII в. многие крупные роды эвенов платили ясак не под одного, а под нескольких аманатов. Примером может служить Годниканский род, в котором во второй половине XVII в. выделялись следующие представители отдельных платежных групп: Коношан, Лазюкан, Некрун, Нюнья (Нюня), Чона, Шадюкан,

Юкан. Указанные лица возглавляли большие патриархальные семьи или патронимии.

Подобные структурно обособившиеся группы сородичей, нередко включавшие также свойственников и родственников из других родов, составляли те реальные кочевые сообщества эвенов, с которыми сталкивались русские служилые люди в XVII в. Можно предполагать, что со временем такие группы стали в ясачных документах обозначаться как самостоятельные «роды», причем за указанными группами сохранялось традиционное родовое название с добавлением порядкового номера административного рода. Назначенный властями глава такого рода именовался князем или старостой.

Образование административных родов у эвенов относится к середине XVIII в. По материалам ясачных ревизий второй половины XVIII в. на Охотском побережье существовало 14 Уяганских, 5 Долганских, 3 Годниканских и 3 Киларских административных родов (Кабузан, Троицкий, 35—36).

Вероятно, некоторые административные роды эвенов представляли собой изолированные локальные группы членов кровного рода с тем же названием, но нередко они фактически являлись собой территориальные группировки эвенов, включавшие локальные группы из разных кровных родов. Примеры таких административных родов приводит в своей работе У. Г. Попова. Так, 5-й Долганский род на Охотском побережье состоял из трех локальных групп, принадлежавших к кровным родам Долган, Дельян и Уяган (Попова, 133). Естественно, что подобные административные роды не были экзогамны.

Формированию административных родов сопутствовало крещение эвенов в православие. Начало этому процессу было положено при сибирском митрополите Антонии Стаховском (1721—1740 гг.). Крещением охотских эвенов активно занимался в начале 1740-х годов архимандрит Иоасаф Хотунцевский. Он окрестил более 500 эвенов (Сгибнев, 34). В конце XVIII в. начала свою деятельность походная церковь якутского протоиерея Григория Слепцова, посещавшая с миссионерской целью отдаленные районы Чукотки, Колымы и Охотского побережья (Нестор, 38—39). По сообщению нижнеколымского священника-миссионера Андрея Аргентова, на Колыме последние «язычники вывелись» после 1810 г. (Аргентов, 1886, 8—12).

Из-за общего отставания роста производительных сил далекой северо-восточной окраины эвены в сравнении с эвенками до революции выглядели более отсталыми. Большинство эвенков еще на рубеже XVIII—XIX вв. перешло от лука к ружью, тогда как у эвенов в середине прошлого века ружьями пользовались преимущественно лишь молодые охотники (Булычов, 81, 187). Многие группы эвенов вплоть до Советской власти не знали нартенной езды на оленях, все переезды они совершали верхом, а грузы перевозили во вьюках.

В хозяйстве охотских эвенов-оленоводов довольно большую

роль играло рыболовство: это также отличает их от большинства эвенков. Во время хода красной рыбы (кеты, горбуши, кижуча и др.) к Охотскому побережью подкочевывали даже эвены, жившие на Верхней Колыме. Запасы рыбы и жира морского зверя эвены сохраняли до весны на таежных лабазах. Одна из ярмарок охотских эвенов — Ульяновская — была специально приурочена ко времени хода морской рыбы (Слюнин, I, 440, 669).

Весьма важная этнографическая особенность культуры охотских эвенов, отличающая их от западных эвенских и большинства эвенкийских групп, — это относительно крупное оленеводство, возникшее у эвенов под влиянием их контактов с коряками и чукчами. Этому также благоприятствовало занятие эвенами удобных для оленеводства территорий к северу и северо-востоку от пределов их расселения в XVII в. Письменные источники того времени не упоминают о больших стадах у эвенов, однако уже во второй половине XVIII в. о тауйских ламутах сообщалось, что они «табунами оленей» превосходят своих более южных соплеменников (Ведомость о нравах, 385). В первой трети XIX в. средняя обеспеченность гижигинских эвенов оленями составляла 120—200 голов на хозяйство (Гурвич, 156) — это в 4—5 раз больше того, что имели более западные группы эвенов и большинство эвенков. В конце XIX в. среди гижигинских эвенов выделялось несколько эвенских семей, владевших тысячами оленей; в их числе ламут Федор имел 15 тыс. голов, а ламут Абрам — 18 тыс. (Слюнин, I, 634).

К западу от Охотского побережья сравнительно крупное оленеводство в конце XIX в. существовало лишь у колымско-омонских эвенов (Богораз, 1900, 61). Однако еще дальше на запад эвенское оленеводство теряет черты, отличающие его в этом отношении от эвенкийского, а на Нижней Колыме и на ее левобережье в начале XX в. были обнаружены эвены, имевшие всего по пять — десять оленей на хозяйство и влачившие жалкое существование (Бутурлин, 80, 175).

В сфере быта и социальных отношений эвены очень близки эвенкам, за исключением некоторых деталей, роднящих их с коряками и чукчами. Укажем, в частности, на конструктивную близость эвенской цилиндро-конической юрты к чукотско-корякской яранге. У эвенков повсеместно распространен лишь конический чум.

Пешие тунгусы. Пешие тунгусы были обнаружены русскими землепроходцами на побережье Охотского моря приблизительно между устьями рек Улья (на юго-западе) и Ола (на северо-востоке). Наиболее заселенной пешими тунгусами рекой являлась Охота, по берегам которой их стойбища тянулись вверх на 120—200 км. Поселки пеших тунгусов встречались и на реках Кухтуй, Ульбея, Иня, Тауй. На Оле пешие тунгусы жили в XVII в. бок о бок с оседлыми коряками.

В южной (юго-западной) части очерченного региона (по рекам Улья, Охота, Кухтуй) пешие тунгусы, как правило, входили в одни кровные роды с оленными «тунгусами» (эвенами), образуя в них как бы особые оседлые подразделения. Такими смешанными родами были Бояшинский, Годниканский, Горбиканский, Гулюгирский, Дельянский, Евъянский, Киларский, Кукугирский, Лелтягирский, Ненигирский, Тугочерский, Уяганский, Шолганский, Эдиган («Адганский», «Ажганский») и Эдян («Ажанский», «Азянский») (Долгих, 523, 530). Эту группировку мы впредь будем именовать охотской. Ее численность в середине XVIII в. достигала, по нашим расчетам, 1,5 тыс. чел.

Пешие тунгусы, занимавшие более северную (северо-восточную) часть побережья, почти не имели сородичей среди оленных эвенов. Эта группировка пеших тунгусов (назовем ее тауйской) включала роды Абдарский, Булюкагирский, Инганский, Кутинский, Муктукарский, Нахтагирский, Немнегирский, Омохтонский, Омуктагирский, Талбаканский, Тауйский, Угдигирский, Угжерский («Укчерский») и др. Численность тауйской группировки достигала в середине XVII в. 3,3 тыс. чел. В ее составе выделялась территориальная группа пеших тунгусов, живших возле устья Ини (1,2 тыс. чел.).

Культура охотской и тауйской группировок пеших тунгусов была в общем единообразной, но лингвистически они, по-видимому, несколько различались. Тунгус Горбиканского рода, житель р. Охота, сообщая русским об инских и тауйских «тунгусах», указал, что «у них язык свой и с ними мало сходитца» (Степанов, 1965, 136). Согласно позднейшим данным, тауйские пешие тунгусы говорили на арманском диалекте эвенского языка (ТМС, I, XXIV).

Первый исследователь пеших тунгусов Яков Линденау отмечал, что их предки были оленеводами (АЯФ, ф. 5, оп. 1, д. 151, л. 148). Позднейшие известия, полученные от потомков пеших тунгусов, подтвердили это мнение. Судя по имеющимся данным, формирование пеших тунгусов было делом относительно недавнего прошлого, когда их оленные предки вышли на Охотское побережье и вступили в контакт с оседлыми коряками. Эти контакты, а также обилие рыбы и морского зверя способствовали оседанию тунгусов.

Эпидемии оспы, прокатившиеся по Охотскому побережью в 1659—1660 и 1690—1691 гг., резко сократили численность пеших тунгусов. Охотские пешие тунгусы в 1661 г. писали в своей челобитной: «А ныне нам, сиротам твоим, твоего великого государя, за прошлые годы недоборного ясаку платить немочно, потому что мы, сироты твои, разорены и в походах побиты, и в прошлых, во 168 и во 170 годах родники наши в моровое поветрие примерли человек сот шесть и больше, а в остальных нас, сирот твоих, родах осталось человек по пяти и по шти, и больше пятнадцати человек в роду нет» (ЦГАДА, ф. 1177, оп. 1, д. 217, л. 43—44). Тут, как и всегда в XVII в., имелось в виду

только взрослое мужское население — плательщики ясака. Таким образом, потери от эпидемии 1659—1660 гг. составляли, по сведениям самих пеших тунгусов, не менее 2400 чел. В эпидемию 1690—1691 гг. у них погибло около 1100 чел. (Гурвич, 38). Получается, таким образом, что только одни эти эпидемии XVII в. унесли 3,5 тыс. чел. пеших тунгусов.

В 1730-х годах при Охотском остроге числилось 79 плательщиков ясака пеших тунгусов, а при Тауйском остроге — 60 (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 481, № 7, л. 335). Следовательно, все «пешее» тунгусское население составляло в это время вряд ли больше 560 чел.

История пеших тунгусов в XVIII—XIX вв. представляет собой, по сути дела, историю сложения на Охотском побережье так называемых камчадалов — своеобразной этнографической группы местного населения, представляющей своеобразный этнический сплав пеших тунгусов, оседлых коряков, русских старожилов и якутов.

Уже в период ясачных ревизий 1762—1782 гг. пешне тунгусы как таковые не выделялись из числа охотских эвенгов. Их можно лишь предполагать в «Ежанском» роде (охотская группировка), а также в «Бодорском» (Абдарском), «Илганском» (Инганском) и «Укжурском» (Угжерском) родах (тауйская группировка). В указанных четырех родах числилось в 1762 г. 159 чел. мужского пола, а в 1782 г. — 85 человек мужского пола (Кабузан, Троицкий, 36). Отсюда следует, что в 1782 г. пешне тунгусы насчитывали вряд ли более 170 чел. всего населения.

Это новое значительное сокращение численности пеших тунгусов можно связывать с эпидемией оспы 1768 г., после которой, по выражению историка Сибири П. А. Словцова, Гижигинский край «опустел» (Словцов, II, 195).

Применительно к 1809 г. капитан-лейтенант Миницкий отмечал остатки пеших тунгусов охотской группировки в туземных селениях Арка и Уяга на Охоте, но численности их не указал. У тауйских пеших тунгусов он назвал роды «Ужугурский» (Угжерский), «Корлтский» и «Обдарский». Первый, насколько можно понять, находился возле сел. Армань, в устье одноименной реки, второй — возле Тауйского форпоста и третий — в сел. Ола, в устье одноименной реки. Во всех трех родах было 99 чел. обоего пола (Некоторые известия об Охотском порте, 94—96). В «Корлтском» роде следует видеть потомков «Коряцкого рода», который упоминался у тауйских пеших тунгусов еще в 1721 г. (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 980, л. 131—136). Вероятно, это была смешанная тунгусо-коряцкая группа.

Несомненно, что на численности пеших тунгусов отрицательным образом отражались многочисленные голодовки, периодически возникавшие из-за нарушений хода морской рыбы или из-за неблагоприятной ледовой обстановки у Охотского побережья весной, мешавшей им вовремя начать промысел рыбы. Возможно, тут отчасти сказалось общее истощение рыбных ресурсов

края вследствие роста пришлого населения, державшего, как и туземцы, ездовых собак, которых кормили исключительно рыбой. Особенно сильные голодовки были отмечены на Охотском побережье в 1815—1819, 1824, 1826, 1827, 1832, 1837, 1842—1843, 1883, 1884, 1886, 1897 гг. (Слюнин, I, 577). Открытие около 1812 г. «запасных рыбных магазейнов» в Ямской крепости, в сел. Армань, Тауйском форпосте, Инской деревне и сел. Арка явилось значительным подспорьем для местного населения. Снабжение нуждавшихся юколой (вяленой рыбой) производилось бесплатно, с тем лишь условием, что взятое количество будет возмещено. Сообщалось, что в Арку в феврале съезжаются «тунгусы» из самых различных мест «для пропитания своего и для платежа государственного ясака и пребывают тамо до вскрытия рек» (ЦГИА, ф. 1287, оп. 1, д. 1654, л. 23 об.—24 об.).

Наконец, еще одной причиной сокращения численности пеших тунгусов — быть может, наиболее важной — было этническое смешение их с соседями. Уже в первой половине XIX в. значительная часть пеших тунгусов охотской группировки фактически слилась с местными русскими старожилами и якутами, а часть тауйской группировки — с якутами и оседлыми коряками.

И. Булычов, посетивший Охотский округ в середине XIX в., выделял среди местных «тунгусов» три категории: «бродячих», «оседлых» и «сидячих». Судя по всему, «бродячие» — это эвены-оленоводы, а «оседлые» — пешие тунгусы, которые сливались (либо уже слились) с русскими и якутами. Что касается «сидячих», то в них можно видеть реликтовую группу прежних пеших тунгусов, которая к тому времени еще продолжала сохранять основные черты своего традиционного быта. Эта группа, по-видимому, обитала на р. Улья, где еще в конце 1920 — начале 1930-х годов жили безоленные эвены, добывавшие средства к существованию промыслом морского зверя и рыбы (АИЭАН, ф. Северной экспедиции, д. 1, № 19, л. 12—13).

Оседлые тунгусы, по сообщению Булычова, были во всем сходны с русскими. Они жили в небольших постройках, где, кроме общего помещения, имелась отдельная комната для почетных гостей. Вместо печей у них существовали камельки, обмазанные глиной; в окнах — слюда, очищенный нерпичий пузырь или толстый лед. Одежду они шили из оленьих шкур, вымениваемых у бродячих тунгусов. Рыбу ели с жиром морского зверя, но в большом употреблении был у них и картофель. Держали скот, косили сено; охотой занимались мало. (Булычов, 82, 198—200).

О «сидячих» тунгусах тот же автор писал: «Они не имеют оленей, терпят величайшую бедность, живут в землянках или юртах и питаются единственно рыбной ловлею». Одежду в виде подавания они получают от «бродячих тунгусов». «Все их богатство — шесть или восемь собак, на которых они переезжают с одной рыбалки на другую» (там же, 82, 155, 200).

Перепись 1897 г. учла на Охотском побережье 187 оседлых тунгусов, большинство из которых было жителями Тауйского сельского общества (Патканов, 1906, ч. 1, вып. 2, 105—106). Своих родов эти тунгусы не указали. Н. В. Слюнин, посетивший Охотское побережье за два года до указанной переписи, сообщал о местных оседлых тунгусах как о скотоводах. Из приведенных им статистических данных следует, что в селениях Армань и Ола потомки пеших тунгусов имели, кроме «юрт», срубные дома, рогатый скот, лошадей и большое количество собак. Наиболее крупным населенным пунктом в указанной части побережья в то время был пос. Ямск, в котором имелись 233 жителя, 53 дома, 31 юрта, 59 коров, 30 лошадей и 600 собак (Слюнин, I, 440). Слюнин называл жителями Ямска «оседлых коряков Икжурского рода» (Слюнин, I, 443), однако ясно, что эти коряки представляли собой слившихся с ними пеших тунгусов Угжерского рода.

В 1920-х годах все оседлое туземное население Охотского побережья и Камчатки было известно под названием «камчадалов». Камчадалы говорили на испорченном русском языке, но многие из них помнили и язык своих туземных предков. Подобно русским старожилам и якутам, они занимались рыболовством, отчасти — огородничеством и животноводством. Жили в домах русского и якутского типов, держали лошадей, разводили упряжных собак. Физический тип камчадалов сочетал в себе европеоидные и монголоидные черты (Туголуков, 185). Общая численность камчадалов достигала 1,0—1,3 тыс. чел. Таким образом, этнографическая группа пеших тунгусов к началу 20-х годов перестала существовать.

Примечания

- ¹ Правильное название этого рода — Эдян. В XVII в. русские употребляли транскрипции «Ажанский», «Аязнский», «Азянты», «Ачанский», «Ичанский», «Озянский» и т. п. В XVIII и XIX вв. чаще употреблялась транскрипция «Эжанский».
- ² При определении охотничье-оленоводческих групп коренного населения Сибири мы пользуемся коэффициентом 4.
- ³ Речь идет о р. Яна, впадающей в Амахтонский залив, а не о р. Яма, впадающей в залив Шелехова.
- ⁴ При определении численности всего населения, исходя из числа мужских душ, мы пользуемся коэффициентом 2.
- ⁵ Большинство приведенных здесь этнонимов передано в якутской огласовке, что указывает на ранние (дорусские) связи предков эвенков с якутами. Этноним «Буяксир» соответствует тунгусскому Баягир, «Кункугур» — тунгусскому Кукугир, «Тюгесир» — тунгусскому Тугочер.

Литература

- Аргентов А. 1886. Путевые записки священника-миссионера в приполярной местности. Нижний Новгород.
- Аргентов А. 1860. Олени за-Ленского края.— В кн.: Акклиматизация. М., т. 1, вып. 1.
- Богораз В. Г. 1900. Ламуты.— Землеведение, кн. 1.
- Булычев И. 1856. Путешествие по Восточной Сибири. СПб. Ч. 1. Якутская область, Охотский край.
- Бутурлин С. А. 1907. Отчет уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 г. Колымского и Охотского края. СПб. Ведомость, учиненная о нравах живущих в Охотском уезде народов. Октября 28 дня 1770 года. 1792.— Рос. магазин, ч. 1.
- Гурвич И. В. 1966. Этническая история Северо-Востока Сибири. М.
- Дебец Г. Ф. 1951. Антропологические исследования в Камчатской области. М.
- Долгих Б. О. 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.
- Нохельсон В. И. 1898. Предварительный отчет об исследовании Колымского и Верхоянского округов.— Изв. Вост.-Сиб. отд-ния РГО, т. XXIX, № 3.
- Кибузан В. М., Троицкий С. М. 1966. Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII в.— СЭ, № 3.
- Майнов И. И. 1898. Некоторые данные о тунгусах Якутского края. Иркутск. Некоторые известия об Охотском порте и уезде оного, доставленные капитаном-лейтенантом Минницким в 1809 году. 1815.— Записки, издаваемые государственным адмиралтейским департаментом, относящиеся к Мореплаванью, Наукам и Словесности, ч. 3.
- Нестор, иеромонах. 1910. Православие в Сибири: (Ист. очерк). СПб.
- Николаев С. И. 1964. Эвены и эвенки Юго-Восточной Якутии. Якутск.
- Окладников А. П. 1949. Исторические рассказы и предания Нижней Лены.— В кн.: МАЭ. М.; Л., т. XI.
- Памятная книжка Якутской области на 1867 г. 1868. СПб.
- Патканов С. 1906. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи 1897 г. и других источников. СПб. Ч. 1. Тунгусы собственно. Вып. 1, 2.
- Попова У. Г. 1981. Эвены Магаданской области: (Очерки истории, хозяйства и культуры эвенов Охотского побережья 1917—1977 гг.). М.
- Сейбнев А. 1869. Охотский порт с 1649 по 1852 г.— Морской сборник, СПб., т. CV, № 11.
- Слащов П. А. 1886. Историческое обозрение Сибири. СПб. Т. I, II.
- Смидин Н. В. 1900. Охотско-Камчатский край. СПб. Т. I, II.
- Степанов Н. Н. 1965. «Пешие тунгусы» Охотского побережья в XVII в.— В кн.: Экономика, управление и культура Сибири XVII—XIX в. Новосибирск.
- Туголуков В. А. 1975. Поездка к чуванцам.— В кн.: Полевые исследования Института этнографии, 1974. М.
- Худяков И. А. 1969. Краткое описание Верхоянского округа. Л.
- Jochelson W. 1910. The yukaghir and the yukaghirized Tungus. N. Y. Pt 1. Vol. IX.

Юкагиры

С юкагирскими племенами русские служилые и промышленные люди столкнулись в 40-х годах XVII в.

В этот период юкагирские группы, судя по ясным документам, занимали огромную территорию от Лены на западе до Анадыря на востоке и от побережья Ледовитого океана на севере до верховий Яны, Индигирки и Колымы (Огородников, 1922, 59, 61; Долгих, 379—442).

Исследование численности юкагиров по документальным источникам, произведенное Б. О. Долгих, показало, что эта этнолингвистическая общность к приходу русских насчитывала в своем составе 4500—5000 чел. и представляла по масштабам того времени в Восточной Сибири весьма значительное этническое образование (Долгих, 440). Судя по имеющимся материалам, восходящим к середине XVII в., юкагиры подразделялись на ряд локальных, возможно, племенных групп. Подлинные наименования их до нас не дошли. В документах они значились по названиям мест своего обитания. Так, на р. Омолое жили юкагиры Омолоевского рода, на р. Хроме — Хромовского и т. д. Некоторые группы назывались по имени возглавлявших их лиц — Шоромбойский род, Алаев род. Какие-либо данные об этнической специфике этих групп применительно к XVII в. отсутствуют. Имеющиеся сообщения о хозяйстве юкагиров в период проникновения русских на восток от Лены также крайне фрагментарны. Все же они позволяют видеть, что в обширной области, занятой юкагирами, существовало в первой половине XVII в. несколько хозяйственных типов. В низовьях Индигирки служилые люди встретили «сидячих» юкагиров, использовавших в качестве транспортного средства собак (Открытия..., 143). Оседлые группы существовали также в низовьях Колымы и в долине Анадыря. В одной из отписок с Колымы Михаил Стадухин писал о них: «...сидячие, зимой и летом сидят в одном месте» (Русские мореходы..., 62). Так как в низовьях Индигирки, Колымы и Анадыря относительно широко использовались собачьи упряжки, то эти реки нередко именовались «собачьими». Основой существования сидячих юкагиров, видимо, являлось рыболовство, сочетавшееся с охотой на диких оленей в периоды их миграций через реки. В верховьях рек пешие юкагиры, очевидно, жили около рыбалок — «рыбных ям», где осенью скапливалась рыба. Рыболовство они также сочетали с охотой. Но основным объектом промысла были не олени, а лоси.

Оленные юкагиры осваивали как тундровые, так и таежные районы (Долгих, 423). Основой их существования была охота. Олени использовались главным образом как транспортное средство (КПМГЯ, 67, 70, 116, 165). Хозяйство оленных юкагиров было близко к тунгусскому типу. Некоторые замечания служилых людей о хозяйстве юкагиров позволяют полагать, что существовали группы, объединявшие в своем составе как оленных, так и пеших — оседлых юкагиров (Долгих, 423—424; История Якутской АССР, 104).

Документальные свидетельства XVII в., так же как и фольклорные материалы, позволяют видеть, что юкагиры к приходу русских в основном пользовались стрелами и копьями с каменными и костяными наконечниками, каменными топорами (ЦГАДА, ф. 1177, оп. 2, стб. 43, л. 47).

Юкагирские племена в период появления в Восточной Сибири русских подвергались давлению со стороны тунгусов-эвенков, находившихся на более высоком уровне общественного развития. Тунгусы Азянского, Синигирского, Долганского родов, осваивавшие низовья Лены и Оленека, отделяли юкагиров от самодийцев. В верховьях Яны, Индигирки, Колымы ламуты-эвены, судя по документам и фольклорным данным, часто нападали на стойбища юкагиров. В исторических легендах юкагиров сохранились воспоминания, что, ожесточенные борьбой, враждующие стороны не щадили даже женщин (Иохельсон, 1898, 260). Напротив, между юкагирами и некоторыми группами тунгусов, например ленскими, существовали обменные отношения (Токарев, 84).

Еще до прихода русских в глубь юкагирских земель проникла группа якутов, обосновавшаяся в верховьях Яны. Иноязычные соседи, очевидно, легко проникали в слабозаселенные юкагирские земли.

Взаимоотношения юкагиров с восточными соседями в зависимости от обстоятельств складывались по-разному. С чукчами колымские юкагиры находились, видимо, в дружеских отношениях и совместно с ними пытались завязать торг с русскими служилыми людьми. Своими врагами юкагиры считали коряков.

Следует отметить, что и между самими юкагирскими группами часто возникали неприязненные отношения. Так, низовские индигирские юкагиры-олюбенцы враждовали с янгинскими юкагирами, занимавшими среднее течение реки, за право охоты у оленьих плавежей — переправ (Открытия..., 133). Напротив, низовые юкагиры р. Колымы поддерживали дружеские связи и, возможно, брали женщин в жены из числа индигирских тундровых юкагиров. Как в верховьях рек, так и в их низовьях территориальные перемещения отдельных родов не вызывали военных столкновений. Это позволяет предполагать, что у юкагиров в период проникновения в их земли русских уже складывались союзы племен. Однако данных для суждения о характере этих союзов очень мало. По мнению С. В. Бахрушина, военные союзы у юкагиров, крупные племенные объединения возникли в период объясачивания (Бахрушин, 1955, 19). В целом имеющиеся данные, характеризующие состояние юкагиров, свидетельствуют о том, что происходило медленное перемещение юкагирских племен, в состав юкагиров постепенно вливались отдельные лица, семьи, а возможно, и целые группы из числа соседних народов.

Ход исторического процесса в юкагирских землях резко изменило включение Северо-Востока Сибири в состав Русского государства. Уже в середине XVII в. в обмен на пушнину к юкагирам стали поступать железные топоры, ножи, наконечники стрел и копий, иглы, медные котлы. Это в значительной мере

облегчило промыслы, изготовление одежды и обуви и, видимо, внесло немало изменений в быт юкагиров.

Вместе с положительными изменениями в хозяйстве в это время стал сказываться и ясачный гнет. Неурядицы первых лет после проникновения служилых и промышленных людей на «дальние реки» весьма отрицательно сказались на благосостоянии отдельных групп юкагиров, в особенности на «сидячих» — оседлых. Некоторые стойбища и роды юкагиров стали жертвами произвола казачьих военачальников и ватаг авантюристов, жаждавших обогащения. Походы против юкагиров совершались ими под предлогом измены. Так, в 1654 г. на нижнеиндигирских ясачных уяндинских юкагиров был совершен поход по наущению сына боярского Ванюкова. Юкагиры, не ожидавшие нападения, были разгромлены, их олени захвачены и распределены между участниками похода, а дети и жены обращены в холопов. Хотя вскоре разбежавшиеся члены этого рода были разысканы и им были возвращены часть имущества и члены их семей, тем не менее нижнеиндигирские юкагиры уже не вернулись на родные места. Они перешли к кочевому образу жизни и сблизились с оленными собратьями (Гурвич, 1966, 18). Участь пеших индигирских юкагиров разделили и некоторые другие мелкие оседлые группы речных юкагиров-рыболовов. В результате столкновений со служилыми людьми были разорены анадырские юкагиры, анаулы.

Анализ имеющихся материалов о ясачном сборе, проведенный Б. О. Долгих, показал, что около 6% взрослых мужчин-юкагиров в середине XVII в. находились в числе заложников, а около 10% женщин стали женами и наложницами служилых и промышленных людей (Долгих, 440).

Пытаясь уклониться от ясачного сбора, некоторые группы юкагиров уходили со своих родных рек на другие. Так, омолоевские юкагиры в середине XVII в. перешли на Яну, а затем на Индигирку. Крупные перемещения юкагиров имели место на Колыме. В связи с этим обострились отношения между отдельными юкагирскими племенами и особенно между юкагирами и их соседями. Во второй половине XVII в. участились вооруженные столкновения между индигирскими юкагирами и эвенками. Зашиверские ламуты-эвены в 1678—1679 гг. жаловались на набег юкагиров. Нападающие перебили мужчин, увели в плен женщин и детей, захватили оленей (КПМГЯ, 213—214). В свою очередь, юкагиры жаловались на грабежи эвенов. Юкагиры часто привлекались служилыми людьми в качестве вспомогательной военной силы к своим походам. Все это не могло не сказаться на численности юкагиров.

Однако основной причиной значительного уменьшения численности юкагиров в XVII в. были тяжелые оспенные эпидемии 1669 г. и особенно 1690—1693 гг. Эпидемия 1669 г. затронула главным образом янгинцев, а последующая — все группы юка-

гиров. О размерах бедствия можно судить по следующим данным: алазейские юкагиры насчитывали в своем составе до эпидемии 45 чел. ясачных плательщиков. От оспы умерло 27 чел. (ЦГАДА, ф. 214, кн. 1049, л. 615). Крайне трагичной была участь олонских юкагиров. «Олонские ясачные юкагиры и аманаты и приказчик казак Иван Мелкий и служилые люди волею Божьей моровом поветрием весною все померли», — писали служилые люди. Олонское зимовье было упразднено (там же, л. 679).

В целом численность юкагиров сократилась с 4500 до 2535 чел., т. е. почти на 44%. В пришедших в запустение юкагирских землях стали селиться якуты, тунгусы, ламуты. Местные ясачные сборщики обычно включали их в списки ясачных людей взамен выбывших и причисляли к юкагирским родам. Видимо, в этот период участились браки юкагиров с пришельцами.

С начала XVIII в., как можно судить по ясачным документам, шло постепенное сближение юкагиров — потомков поредевших племен — с пришлым населением. Так, в Усть-Янском зимовье, судя по числу ясачных плательщиков, юкагиры составляли всего лишь одну треть. Низовья Яны превратились по существу в ламутско-якутский район. На Индигирке и Колыме юкагиры составляли около половины плательщиков ясака (Гурвич, 1966, 65—66). Однако в силу традиции юкагирские роды продолжали фигурировать в документах. Если в Усть-Янском зимовье эти роды носили географические наименования — Олойский, Хромовский, Каменный (горный), то на Колыме они назывались по именам основателей — родоначальников. В Верхне-Колымском зимовье были Нартцын, Рыбников, в Средне-Колымском — Чанн, Ланборин, Шихнин, Шерондин, а в Нижне-Колымском значился род под одним из юкагирских самоназваний — Омоцкий.

Общая численность юкагиров в первой четверти XVIII в., согласно счетной выписке из сборных ясачных книг 1723 г. (ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2695), была около 1400—1500 чел. О расселении юкагиров позволяют судить следующие данные: в Усть-Янском зимовье в это время числилось 7 ясачных плательщиков-юкагиров, в Индигирском — около 44, в трех Колымских — 110, в Алазейском — 34, в Анадырском — 160 (Гурвич, 1966, 68). Материалы 1730-х годов показывают, что юкагиры уже ни в одном из зимовий не составляли большинства. В Колымских и Алазейском зимовьях юкагиры, видимо, представляли всего лишь одну треть населения. В юкагирских родах числились эвены и якуты, включенные административно, взамен умерших. В это время большинство юкагиров, так же как и пришлых ясачных плательщиков, вносили в казну по одной красной лисице или два-три человека объединялись и платили по одному соболю в год. В списках юкагиров, относящихся к середине XVIII в., встречается много новокрещеных. Обраще-

ние юкагиров в христианство способствовало сближению их с пришлым населением. Следует отметить, что отдельные лица, преимущественно юкагирки-жены и наложницы казаков, уже в XVII в. крестились. Но после этого акта они обычно выходили из своей среды и вливались в состав служилого или мещанского (посадского) сословия. В XVIII в. крещенные юкагиры оставались в своих родах, менялись лишь их имена. Несмотря на то что крещение было в значительной мере формальным, оно все же оказывало влияние на быт и облик культуры юкагиров. Изменился похоронный обряд. Видимо, к этому времени забылись сложные обрядовые праздничные церемонии. Их следы сохранились лишь в юкагирском фольклоре (Иохельсон, 1900).

Некоторые семьи юкагиров-новокрещенных, связанные родством с посадскими, осели в острогах. Фактором, способствовавшим сближению юкагиров с пришлым русским населением, несомненно был «тракт» — путь из Якутска в Анадырский острог и на Камчатку, проходивший по юкагирским землям. Напомним, что юкагиры в это время нередко привлекались к подводной повинности.

В хозяйстве юкагиров появились пилы, сверла, клещи (Гурвич, 1957). Отдельные лица из числа анадырских юкагиров, видимо, занимались кузнечеством. В домашней бытовой обстановке в это время использовались медные и железные котлы, сковороды. Хотя основным вооружением юкагиров-воинов оставались по-прежнему лук и стрелы, у них появились железные кольчуги, шишаки (там же). Можно полагать, что юкагиры вели оживленный посреднический обмен с неясачным населением Чукотки, обменивая изделия из железа на пушнину.

В XVIII в. на территории Якутии — в бассейнах Яны, Индигирки, Колымы — прекратились вооруженные столкновения между юкагирами и эвенками. Конфликты, возникавшие между коренным населением, разрешались ясачными сборщиками, начальниками зимовейных гарнизонов. В этих условиях усилился обмен культурным достоянием между юкагирами и эвенками, а также якутами.

Напротив, в XVIII в. резко ухудшились отношения между северо-восточными юкагирами и чукчами. Находившиеся в близких связях с русскими анадырские юкагиры, имевшие возможность приобретать железные орудия и другие русские товары, представлявшие большую ценность в глазах чукчей, нередко становились объектом нападений и грабежей. Еще в конце XVII в. главы Ходынского рода просили защиты у гарнизона Анадырской крепости от немирных чукчей. В начале XVIII в. ясачные анадырские юкагиры участвовали в качестве военного ополчения в походах против чукчей (ПСИ, II, 529). В 1714 г. юкагиры были привлечены к большому военному походу против олюторских коряков и участвовали в осаде Олюторского острога. Тяжесть похода, издевательства и жестокости анадырского приказчика Афанасия Петрова вызвали восстание воинов-юка-

гиров. Они перебили отряд Петрова, возвращавшийся в Анадырск, а затем большой отряд камчатских казаков. При этом юкагиры захватили камчатскую ясачную пушнину. Хотя восставшие сумели избежать репрессий, сами по себе походы на Камчатку, отрыв от промыслов, реквизиции ездовых оленей несомненно ослабили анадырских юкагиров, подорвали их благосостояние. Все же вплоть до середины XVIII в. юкагиры этой группы представляли собой значительную силу. В 1731 и в 1746 гг. анадырские юкагиры участвовали в походах против чукчей (Гурвич, 1966, 75).

Разгром чукчами в 1747 г. отряда майора Павлуцкого, возглавлявшего анадырский гарнизон, приближение чукотских стойбищ к долине р. Анадыря значительно ухудшили положение юкагиров. Они стали подвергаться частым набегам со стороны чукчей. Спасаясь от погромов, часть юкагиров приблизилась к русским военным укреплениям — Анадырску, Нижне-Колымску. Эти юкагиры (главным занятием их было рыболовство, дополняемое охотой на дикого оленя во время миграций его через реки) в дальнейшем были крещены, сблизились и частично слились с русским населением (Врангель, 218—219; Кибер, 127). Часть юкагиров ушла к оленным корякам и была впоследствии ассимилирована ими (Майдель, 24).

В целом на протяжении XVIII в. резко сократилась область расселения юкагиров. В бассейны Анадыря и Чауна проникли в большом числе чукчи-оленоводы. На Яне, Индигирке и Колыме значительно расширились области расселения якутов. Юкагиры, сближавшиеся с якутами, в экономическом отношении относительно быстро уподоблялись последним. В низовьях Индигирки, Алазеи и Колымы вели промысел русские промышленники.

В начале XIX в. на северо-востоке Сибири произошли какие-то резкие климатические изменения, вызвавшие изменения путей миграции диких оленей и, возможно, частично гибель их стад. В это время сократилась и популяция лосей в верховьях Колымы. Из-за «высокой воды» летних наводнений, недоходов рыбы к берегам население не могло запастись в достаточном количестве ни юколой, ни кислой рыбой. Бедствия коснулись всего населения Северо-Востока, занимавшегося охотой и рыболовством, но особенно пострадали от них колымские юкагиры. На протяжении первых трех десятилетий XIX в. юкагиры Нартянского и Ушканского родов весной обычно голодали (Гурвич, 1966, 136—137).

Во второй половине XIX в. наметилась некоторая стабилизация численности юкагиров. В Колымском округе X ревизией были выявлены в Ушканском, четырех Омотских, Омолонском, Алазейском и Юкагирском районах 316 мужчин и 323 юкагирки-женщины (Памятная книжка Якутской области, 1864, 72). Кроме того, было учтено 134 мужчины и 119 женщин чуванцев.

Во второй половине XIX в., в связи с частым общением с

якутами большинство верхне-колымских юкагиров стало двуязычным. Юкагиры владели, помимо своего родного языка, также якутским. Метрические книги верхнеколымской церкви, так же как и сведения, полученные путем опроса, свидетельствуют о том, что некоторые семьи верхнеколымских юкагиров и якутов находились в родственных отношениях. Нередко бездетные якутские семьи брали на воспитание детей юкагиров. В этом случае между якутской и юкагирской семьями устанавливались очень близкие дружеские отношения.

Выше уже упоминалось о связях нижнеколымских речных юкагиров с местными русскими старожилами — членами Нижнеколымского мещанского общества и казачьей командой, а также членами Верхоянского мещанского общества. В состав русского старожильческого населения вливались не только отдельные лица, но и целые семьи юкагиров, хотя административная практика этому не способствовала. Обрусевшие потомки юкагиров, жившие среди русских старожил, платили ясак и другие подати в своих родах. Все же в состав индигирских мещан вошли юкагиры: Брусенены, Варакины — вследствие утраты оленей (Гурвич, 1975, 84). На смешение юкагиров с окружающим русским населением неоднократно указывалось лицами, посещавшими северо-восток Якутии. Так, в своем путевом журнале в 1869 г. колымский окружной исправник Г. Майдель, путешествовавший в 1868—1870-х годах по Якутии, отметил, что по языку и образу жизни юкагиры низовьев Большого и Малого Анюев уподобились нижнеколымским русским (Майдель, 450). «В течение двух с половиной столетий, — писал В. Г. Богораз, — которые прошли со времени занятия Колымы русскими пришельцами, они, конечно, непрерывно смешивались преимущественно с юкагирами... смешение происходит и теперь» (Богораз, 1901, 2—3).

Для понимания сложного, медленного процесса поглощения юкагиров окружающим населением небезынтересна биография известного краеведа, «чуванца по званию, а коряка по происхождению» Афанасия Дьячкова, уроженца с. Маркова. Его прапрадед будто бы был коряк, женатый на чуванке, прадед Дьячкова женился на якутке, а отец — на юкагирке из Омотского рода (Стариков, 99—100).

В 1860-х годах, по расспросным данным, собранным В. И. Иохельсоном, чуванский диалект юкагирского языка был по существу забыт (Иохельсон, 1934, 150; Майдель, 62). Потомки чуванцев перешли на русский язык.

Несколько по иному пути шло развитие потомков западных юкагиров. Слияние янских и индигирских оленных юкагиров с преобладающим по численности пришлым эвенским населением относится к XVIII — началу XIX в. Это обстоятельство привело к тому, что уже в XIX в. в тундре между Леной и Яной, и Индигиркой исчез юкагирский язык. Судя по расспросным данным, нижнеянские и нижнеколымские юкагиры первоначаль-

но перешли на эвенский язык (Гурвич, 1966, 142). Один из диалектов эвенского языка, бытовавший еще недавно в низовьях Индигирки, видимо, в связи с этим именовался населением юкагирским, хотя, как показали специальные исследования, с юкагирским языком он не имел ничего общего (там же). В середине XIX в. большинство юкагиrow, слившихся с эвенами, стали сближаться с якутами и переходить на якутский язык. Это явление В. И. Иохельсон назвал вторичной ассимиляцией юкагиrow (Иохельсон, 1898б, 8). Приведенные данные свидетельствуют об интенсивном сближении и слиянии юкагиrow с соседями, что сопровождалось языковой трансформацией.

В конце XIX в. эпидемии оспы и кори, охватившие Колымский край, вновь нанесли огромный урон юкагирам. В 1884 г. от оспы погибла значительная часть членов Омотских родов. Так, в первом Омотском роду по ревизии 1859 г. числились 51 муж. и 41 жен., а в 1885 — 17 муж. и 18 жен. (ЦГА ЯАССР, ф. 11, д. 649, л. 22—23).

Сравнение данных X ревизии (1859 г.) с данными Первой всеобщей переписи (1897 г.) показывает, что численность колымских юкагиrow за 40 лет значительно уменьшилась. Так, в целом по Колымскому округу численность их сократилась на 45%, а численность первого Алазейского рода — на 61%, Юкагирского (второго Алазейского) — на 68% (Гурвич, 1966, 144). Таким образом, основной причиной, вызвавшей уменьшение численности юкагиrow, были эпидемии.

Перепись 1897 г. дала подробные материалы для суждения о расселении и этническом окружении юкагиrow (Патканов, 1912, 798, 799, 890). Следующая таблица, составленная на основе этих материалов, показывает численность юкагиrow по отдельным родам.

Род	Мужчины	Женщины	Всего
Первый Алазейский	18	15	33
Второй Алазейский	6	8	14
Первый Омолонский	10	6	16
Второй Омолонский	26	22	48
Первый Омотский	18	12	30
Второй Омотский	1	6	7
Третий Омотский	14	12	26
Ушканский	37	42	79
Не показан род	2	6	8
Оседлые юкагиры Анадырского округа	38	43	81
Кочевые юкагиры Анадырского округа	4	5	9
Всего	174	177	351

Кроме юкагиров, в Колымском округе переписью были выявлены и чуванцы — 31 чел. обоего пола.

Большинство русскоязычных чуванцев жило в пос. Марково и на заимках по р. Анадырь (Олсуфьев, 1896, 34). Всего здесь было учтено 162 чуванца. Их численность по сравнению с 1859 г. сократилась на 60 чел. Причиной уменьшения, видимо, также были эпидемии.

Перепись впервые определила также численность чуванцев-оленьеводов — 79 муж. и 65 жен. в Анадырском округе и 7 муж. и 8 жен. — в Гижигинском. Эти чуванцы пользовались чукотским языком и по хозяйству, образу жизни не отличались от анадырских чукчей и северных групп кочевых коряков. Они нередко вступали в браки с чукчами (Богораз, 1934, 128). В целом численность юкагиров, включая оседлых чуванцев, в конце XIX в. была около 550 чел.

Наблюдения В. И. Иохельсона, обследовавшего юкагиров в этнографических целях в 1894—1897 гг., показали, что они представляли собой ряд групп, вкрапленных в массивы иноязычного населения (Иохельсон, 1898, 1898а). Юкагиры Ушканского рода кочевали в верховьях Колымы и по ее притокам — Ясачной, Нелемной, Сеимчану. Этот же район осваивали эвены второго Дельянского рода. Здесь же располагались поселения якутов Колымского и Якутского округов (Патканов, 1912, 800). Между Алазеей и Колымой в тундре и лесотундре совместно с эвенками Кункугурского рода, эвенками Бетильского рода и западными чукчами кочевали юкагиры первого и второго Алазейского рода (там же, 801—802).

Материалы переписи 1897 г. позволяют выявить процентное соотношение юкагиров в районах их кочевий с прочим населением. Юкагиры Ушканского рода составляли всего 30% населения, юкагиры первого Алазейского — 7, второго Омолонского — 6, оседлые юкагиры — 15% (Гурвич, 1966, 146). В бассейне Колымы численно преобладали якуты, русские старожилы, эвены.

Только две кочевые группы юкагиров — верхнеколымские и нижнеколымские — сохранили свой родной язык. Однако юкагирским языком пользовались и эвены, сблизившиеся с юкагирами, и в связи с этим численность юкагироязычного населения была выше численности самих юкагиров. У некоторых групп эвенов, кочевавших совместно с юкагирами, по существу утвердилось юкагирское самосознание (Иохельсон, 1898а, 27—28).

Верхнеколымские и нижнеколымские тундровые юкагиры, помимо родного, владели якутским языком. Нижнеколымские речные оседлые юкагиры и анадырские — 243 чел. были русскоязычными. Все юкагирские группы находились в частых взаимоотношениях с соседями. В бассейне Колымы, так же как и в бассейне Индигирки, наблюдалось постепенное размывание юкагирских групп.

В конце XIX — начале XX в. хозяйство как верхнеколымских, так и нижнеколымских юкагиров оставалось натуральным. Основой существования верхнеколымских юкагиров была охота на лосей и диких оленей. Их добывали главным образом в конце зимы и всю весну. Транспортным средством служили ездовые собаки. Значительную роль в хозяйстве играла пушная охота. Пушнина служила средством для приобретения чая, табака, оружия, пороха, дешевых тканей (Иохельсон, 1898, а, б).

Другим источником существования служило рыболовство. В период наибольшего скопления омуля и нельмы в верховьях притоков Колымы около так называемых «ям» юкагиры окружали косяки рыбы неводом и вытаскивали на берег. Улов частично вялили, частично квасили. Таким образом юкагиры обеспечивали себя и своих собак рыбой до середины зимы. Рыбу добывали и зимой, подо льдом. Однако эти промыслы не всегда могли обеспечить юкагиров продовольствием. Потребность в привозных товарах вынуждала отдельные семьи заниматься изготовлением на продажу гребных лодок и челноков, пошивом меховой одежды и обуви. Тем не менее весенние голодовки затрагивали даже наиболее благополучные семьи (Иохельсон, 1898б, 15, 20, 29—30). Этот облик хозяйства верхнеколымских юкагиров приобрело, видимо, в XVIII в., когда они восприняли от русских промышленников технику изготовления лодок, плотов, кузнечное ремесло. Самобытных элементов в культуре, кроме самого типа хозяйства, по существу не сохранилось. Лишь язык, своеобразный фольклор, особые семейно-брачные обычаи выделяли верхнеколымских юкагиров из среды окружающего населения (Jochelson, 241—342; Иохельсон, 1934, 149—180; Крейнович, 1958, 1972, 56—92; Курилов, 1969, 92—96; Гурвич, 1969, 87—92). Тундровые кочевые юкагиры, так же как и эвены, занимались главным образом охотой на диких оленей. Домашние олени использовались в качестве транспортного средства. Некоторые семьи тундровых юкагиров, сблизившиеся с чукчами, обслуживали чукотские хозяйства, работая в них как наемные пастухи (Богораз, 1934, 128).

Таким образом, экономическое развитие юкагироразличных групп на протяжении XVIII—XIX вв. выразилось в уподоблении их хозяйства традиционному производству эвенов и чукчей (Гурвич, 1975, 35—81). Однако примитивизм промыслового производства в условиях постепенного оскудения фауны, роста капиталистического предпринимательства, усиленной ростовщической деятельности скупщиков пушнины не давали возможности ни верхне- ни нижнеколымским юкагирам вести безбедное существование. В начале XX в. тяжелое положение юкагиров, случаи вымирания отдельных семей от голода привлекли внимание общественности (Гурвич, Беленкин, 112—114) и властей (Бутурлин, 82, 143). Принятые в 1910—1916 гг. меры по улучшению снабжения Колымского округа продовольствием, мануфактурой и оружием (Молодых, 1931, 76) не повлекли за собой

заметных улучшений в условиях существования юкагиров. Накануне Октябрьской революции они находились на грани вымирания.

В условиях разобщенности этническое самосознание юкагиров обычно подменялось представлением о принадлежности к тому или иному роду. Тундровые и верхнеколымские юкагиры, говорившие на разных диалектах, не осознавали себя единой народностью. В целом в конце XIX в. юкагиры представляли собой ряд обособленных групп, каждая из которых являлась сложным этническим образованием, состоявшим из потомков юкагиров, смешавшихся с эвенками, эвенками, русскими старожилами и якутами (Гурвич, 1975, 81). Таким образом, юкагирская этнолингвистическая общность в течение трех столетий практически распалась, отдельные ее части влились в состав соседних народностей и только в бассейне Колымы сохранились два реликтовых островка этого населения.

Литература

- Бахрушин С. В. 1955. Научные труды. Т. III. Ч. 2. Исторические судьбы Якутии.
- Богораз В. Г. 1901. Областной словарь колымского русского наречия. СПб.
- Богораз В. Г. 1934. Чукчи. Л. Т. 1.
- Бутурлин С. А. 1907. Отчет уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 г. Колымского и Охотского края. СПб.
- Врангель Ф. П. 1948. Путешествие по Северным берегам Сибири и по Ледовитому океану. М.
- Гурвич И. С. 1957. Юкагиры чуванского рода в середине XVIII в.— СЭС, т. II.
- Гурвич И. С. 1966. Этническая история Северо-Востока Сибири. М.
- Гурвич И. С. 1969. Была ли известна юкагирам экзогамия? — СЭ, № 2.
- Гурвич И. С. 1975. Юкагирская проблема в свете этнографических данных.— В кн.: Юкагиры: Ист.-этногр. очерк. Новосибирск.
- Гурвич И. С., Беленкин И. Ф. 1978. С. И. Мицкевич как этнограф (1869—1944).— ТИЭ, т. 107.
- Долгих Б. О. 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.— ТИЭ, т. 55.
- Иохельсон В. И. 1898. Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском крае.— Труды Якутская экспедиция, отд. III, т. X, ч. 3.
- Иохельсон В. И. 1898а. По рекам Ясачной и Коркодону.— Изв. РГО, т. XXXIV, вып. 3.
- Иохельсон В. И. 1898б. Предварительный отчет об исследованиях Колымского и Верхоянского округов.— ИВСОГО, т. XXIX, № 3.
- Иохельсон В. И. 1900. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб. Ч. 1.
- Иохельсон В. И. 1910. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречия, быт, брачные и иные обычаи и взаимодействие различных племенных элементов.— Живая старина, вып. I—II.
- Иохельсон В. И. 1934. Одульский (юкагирский) язык.— В кн.: Язык и письменность народов Севера. М.; Л., ч. III.
- История Якутской АССР. 1957. М.
- Кибер [доктор]. 1823. Замечания о некоторых предметах естественной истории,

- учиненные в Нижне-Колымске и окрестностях оного в 1821 г.— Сиб. вестн., ч. II, кн. 10.
- Крейнович Е. А. 1958. Юкагирский язык. М.
- Крейнович Е. А. 1972. Из жизни тундровых юкагиrow на рубеже XIX—XX в.— В кн.: Страны и народы Востока. М., вып. 3.
- Курилов Г. Н. 1969. О терминах родства и свойства тундренных юкагиrow.— СЭ, № 2.
- Майдель Г. 1894. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 гг. СПб. Т. 1.
- Молодых Н. Ф. 1931. Индигирская экспедиция. Иркутск.
- Огородников В. И. 1924. Завоевание русскими Сибири.— В кн.: Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. Владивосток, т. II, ч. 1.
- Олсуфьев А. В. 1896. Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения.— Зап. Приамур. отд-ния РГО, т. II, вып. 1.
- Открытия русских землепроходцев и полярных моряков XVII в. на северо-востоке Азии. 1951. М. —
- Памятная книжка Якутской области за 1863 г. 1864. СПб.
- Патканов С. К. 1902. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т. III.— Зап. РГО по отд-нию статистики, т. XI, вып. 3.
- Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. 1952. М.; Л.
- Стариков В. С. 1961. К биографии Афанасия Ермиловича Дьячкова — первого краеведа-самородка.— Зап. Чукотского краевед. музея, вып. II.
- Токарев С. А. 1945. Общественный строй якутов в XVII—XVIII вв. Якутск.
- Jochelson W. 1924. The Yukaghir and the yukaghirized Tungus Memoir of the American Museum of Natural History. N. Y. Pt. 1.

Северные якуты и долганы

Включение Восточной Сибири в состав русского государства повлекло за собой значительные изменения в традиционной культуре коренного населения, большие перемещения, а в ряде случаев привело к сложению новых этнических образований. Скупые документальные источники позволяют в известной степени осветить историю формирования таких общностей, контактных групп, возникших в областях со сложным этническим составом.

Как известно, северо-запад Якутской АССР — бассейны рек Анабары, Оленека, Нижней Лены — в настоящее время осваивают северные якуты-оленьеводы, по хозяйству и облику традиционной материальной культуры более близкие к эвенкам, чем к своим сородичам — якутам-скотоводам.

На Таймыре наиболее многочисленную группу коренного населения составляют долганы — тюркоязычная народность.

В XVII в., когда русские служилые и промышленные люди проникли в низовья Енисея, на Оленек и в низовья Лены, этих общностей еще не существовало. Судя по русским документам первой половины XVII в., отпискам о проводывании новых земель, ясачным спискам и книгам, этнический состав обширной области между Леной и Хатангой был совсем иным — по просторам тундры и лесотундры кочевали тунгусы-эвенки, на за-

паде они соприкасались с самодийскими, а на востоке — с юкагирскими племенами (Долгих, 1960, 442—462; Гурвич, 1966, 33, 39—41; Парникова, 34—36).

Трансформация этнического состава населения в этом регионе, формирование новых этнических образований представляют значительный интерес для понимания этнических процессов, происходивших в Восточной Сибири после вхождения ее в состав Русского государства.

Цель этой статьи — обобщить имеющиеся материалы и специальные исследования, посвященные этим вопросам.

С населением интересующего нас региона русские служилые и промышленные люди столкнулись в начале XVII в. Таймыр, восточные притоки Енисея, бассейн р. Хатанги вошли в состав Мангазейского воеводства. В первые три десятилетия XVII в. здесь для сбора ясака была выстроена цепь зимовий. В Пясидское, или Авамское, зимовье, на р. Хеты, а затем на Аваме платили ясак тунгусы, сблизившиеся с самоедами — тидирисы, а также часть самодийского племени тавгав, другая часть его кочевала и платила ясак на Анабаре. В 1634 г. образовалось Есейское, или Хатангское, зимовье. Здесь платило ясак тунгусское племя Воняды, или вонядыри, состоявшее из шести родов. Воняды осваивали приток р. Хеты — Котуй. Далее на восток, на территории Якутского воеводства, в бассейнах верхнего течения Анабары кочевали тунгусы-синигиры (они появлялись и на Оленеке), а в бассейне р. Оленек — азяны, или адяны (они заходили на Лену и подкочевывали к оз. Есей). Следует сказать, что впервые с этих тунгусов ясак был взят мангазейскими служилыми людьми. В ясачной книге Мангазейского уезда за 1732 г. (1623—1624 гг.) имеется упоминание о сборе ясака с оленекских тунгусов. «В нижней Тунгусске реке в Пендинском зимовье с новых людей с Оленьей реки род Ачань девять человек платили по пяти соболей» (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 24, л. 23). Однако ясачное зимовье на Оленеке было выстроено в 1633 г. якутскими служилыми людьми. Как известно, морским путем в 1637 г. на р. Оленек со стороны Лены первым проник устюжанин Елисей Юрьев (Буза) (Фишер, 372—373).

Относительно подробные данные имеются и о расселении восточных соседей Азянов, ленских тунгусов. Для сбора с них ясака было учреждено три зимовья: Столбовское (1638 г.), Жиганское (1632 г.) и Усть-Вилуйское (1634 г.). В Столбовское платили ясак члены Кумкагирского и Нимчанского родов. Здесь же появлялись и тунгусы-калтакули, кочевавшие южнее. В Жиганском зимовье местными тунгусами значились жиганы, или эдигены, — они промышляли по обоим берегам Лены, заходили в верховья Оленека.

По Лене, между устьями Вилуя и Алдана, обитали тунгусы, долганы и кумкагиры, платившие ясак в Усть-Вилуйское зимовье. По мнению Б. О. Долгих, основанному на анализе родо-

вых наименований ленских тунгусов, они, за исключением жиганов, составляли единое племя Долган.

Следует отметить, что в низовьях Лены жили не только тунгусы. Здесь, видимо, появлялись юкагиры — яндыри. Как показал на основе ряда этнографических свидетельств Б. О. Долгих, территория между Хатангой и Яной незадолго до прихода русских осваивалась палеоазиатскими племенами, близкими к юкагирам (Долгих, 1952, 72—86).

Наконец, в низовьях Лены в 1630-х годах были и якутские поселения. Хотя вопрос о том, жили ли якуты в низовьях Лены до прихода русских, не может считаться окончательно решенным, мы все же склоняемся к мнению Б. О. Долгих, считавшего, что такие поселения существовали. На устье р. Молоды, как он показал, было поселение жиганских якутов, причем никаких свидетельств о том, что они не считались местными, нет. В середине XVII в. на Лене было уже три якутских поселения — в Сиктяхе, Столбах и около Жиганска.

Следующая таблица показывает численность отдельных родоплеменных групп, осваивавших район между Хатангой и Леной.

Наименование этнической группы *	Численность ясачных плательщиков к середине XVII в.	Общая численность населения
Тидирисы	33	130
Тавги (анабарские)	80	320
Воняды	120—130	500
Синигиры	60	250
Азаны	110	450
Кантакули	140	560
Нимчаны	30	120
Кумагиры	45	180
Жиганы	80	320
Долганы	23	90
Якуты жиганские	32	130
Итого	573	3050

* Таблица составлена по итоговым данным, содержащимся в работах Б. О. Долгих (1960) и И. С. Гурвича (1966).

Однако в район расселения упомянутых в таблице родоплеменных подразделений заходили и подолгу жили, судя по документам, отдельные семьи и группы из соседних тунгусских племен. Среди плательщиков ясака в перечисленных выше зимовьях упоминались боягиры, догочагиры, нюрилицы, чапогиры, буляши и др. С учетом этих временных жителей, принимая во внимание также возможный неполный охват всего населения ясач-

ным платежом, можно думать, что всего между Хатангой и Леной кочевало около 3500 чел. В этническом отношении это население подразделялось на несколько групп. Восточные «самоеды» составляли около 430—500 чел., якуты — около 130—150 чел., тогда как тунгусы представляли основную массу населения — 2500—3000 чел. Однако собственно тунгусоязычное население не было единым. Западную часть интересующего нас региона занимали тунгусы с типично тунгусскими родовыми наименованиями, тогда как восточную осваивали роды с наименованиями, совпадающими с наименованиями охотских тунгусов-ламудов.

Образование на крайнем северо-западе Якутии и в сопредельных районах Мангазейского уезда своеобразного стыка разных этнических элементов было далеко не случайным явлением. Сказочно богатые промысловые ресурсы этого региона привлекали к нему население тайги и тундры.

Здесь обитала самая крупная популяция диких оленей, в изобилии водилась водоплавающая дичь и было множество озер с рыбой ценных пород. Ареалы расселения самодийских и юкагирских племен, узкий коридор между ними, образованный тунгусами, позволяют полагать, что прямые контакты между самодийцами и юкагирами были разорваны тунгусами незадолго до прихода русских. Следует отметить, что в начале XVII в. низовья Лены и Оленека были единственным районом, где тунгусы выходили на побережье Ледовитого океана.

[В первой половине XVII в. в жизни местных племен, в соотношении этнических элементов Ленско-Хатангского края произошли глубокие изменения.] Привлечение коренного населения этого региона к добыче соболей, уплате ясака, судя по имеющимся данным, не вызвало в начале XVII в. каких-либо больших военных столкновений. Тунгусы, самоеды, видимо, и сами стремились войти в контакт с пришельцами, получить нужные им товары, такие, как котлы, иглы, топоры, ножи, бисер и т. д. Однако добыча пушнины требовала приложения значительных сил и времени, и, вероятно, хозяйственный цикл населения между Хатангой и Леной уже в первой половине XVII в. несколько изменился. Строительство зимовий, жестокая система аманатов — заложников, вызвали значительные этнические перемещения. Из низовий Анабары на запад откочевали тавги, к Столбовскому и Жиганскому зимовьям к 1650-м годам перестали подходить юкагиры. Район между Хатангой и Леной стал в этническом отношении более однородным. Однако это не способствовало прекращению междоусобных столкновений. В 1640-х годах оленекские и анабарские тунгусы азяны и синигиры совершили ряд походов на реки Котуй и Хету против своих западных соседей вонядырей и боягиров. Они подступали и к русским зимовьям на Анабаре и Есее. Только в одном набеге в 1640 г. они перебили десять ясачных людей Есейского зимовья, разграбили их имущество (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 21, л. 204). Вос-

точные тунгусы, по-видимому, пытались отвоевать охотничьи угодья у своих западных сородичей. Близость границы между Мангазейским и Ленским (Якутским) уездами, вражда между мангазейскими и якутскими служилыми людьми усугубляли кровавые столкновения и борьбу между тунгусскими родами.)

Неурядицы первых лет после включения в состав Якутского уезда рек Оленека, Нижней Лены, несомненно, сказались на численности населения. Однако основной причиной резкого сокращения численности тунгусов между Хатангой и Леной явились эпидемии оспы. От нее в 1652—1653 гг. погибло в Оленекском зимовье, если судить по уменьшению числа плательщиков ясака, около 80% населения. Производившийся после оспы сыск «сколько у ково у каково роду осталось» показал, что у каждого аманата в живых осталось всего по 2—3 чел. плательщика ясака, хотя до эпидемии значилось 20—40 мужчин (Гурвич, 1966, 42). Конечно, часть плательщиков ясака и членов их семей просто «разбежалась», т. е. откочевали к другим зимовьям. Учитывая это, можно полагать, что в этом зимовье численность населения сократилась с 450 до 160—180 чел.

В Столбовском зимовье погибли все кумкогиры, от Нимчанского рода осталось всего около 15 чел. обоого пола (Долгих, 1960, 463). В Усть-Виллюйском зимовье осталось в живых около 50 чел. долганского рода и около 40 — кумкагирского. Полных данных о последствиях эпидемии по Жиганскому зимовью у нас нет, но следует полагать, что и здесь эпидемия произвела не меньшие опустошения. Известно лишь, что в 1652 г. умерли от оспы 26 чел. ясачных плательщиков (Долгих, 1960, 456). В целом можно полагать, что в бассейне Нижней Лены население уменьшилось не менее чем в два раза. Эпидемия оспы, судя по изменениям численности ясачных плательщиков Мангазейского уезда, почти не затронула его население. Это позволило западным тунгусам свести счеты со своими давними врагами — азянами. При поддержке мангазейских служилых людей воныядыри в 1653 г. совершили ответный поход на Оленек. Часть оленекских семей была уведена в плен, имущество их разграблено. Набеги есейских тунгусов на оленекских совершались и в последующие годы.

В челобитной оленекских тунгусов 1667 г. сообщалось, что с 1652 г. енисейские тунгусы-воныядыри, боягиры убили у них более 70 чел. и вытеснили их в приморскую тундру (Гурвич, 1966, 43).

Северные якуты. Обезлюдившие после оспы районы северо-запада Якутии стали постепенно заселяться якутами. Уклоняясь от ясачного гнета, они еще в 1630-х годах устремились в бассейн Виллюя, стали уходить на Яну. Самое раннее упоминание о якутах-переселенцах в низовьях Лены относится к 1638 г. На устье Молоды вместе с оленекскими тунгусами заплатили ясак 32 чел. якутов (Долгих, 1960, 456). В 1652 г. якуты числились в Столбовском зимовье как плательщики ясака (там же, 450). После

оспенной эпидемии 1653 г. в Жиганском зимовье ясак платило всего 12 тунгусов и 148 пришлых якутов (там же, 454). Следовательно, здесь было около 50 тунгусов и около 600 якутов. В 1660-х годах якуты стали преобладающим этническим элементом в низовьях Лены. Небольшими группами, отдельными семьями, они стали перебираться и далее на запад. Уже в 1669 г. жиганский приказчик жаловался, что ясачные якуты с женами и детьми (около ста человек) ушли на Оленек и ясак не заплатили (Гурвич, 1950, 16). С 1678 г. якуты начали упоминаться в ясачных книгах Оленекского зимовья (Гурвич, 1966, 44). В этом году здесь заплатило 20 ясачных якутов. С 1678 г. якуты стали постоянными плательщиками ясака на Оленеке (там же).

В низовьях Лены и Оленека, в лесотундре и тундре якуты-переселенцы пытались укрыться от податного гнета, притеснений со стороны тайонов, спастись от голода. Как сообщали сами служилые люди, якуты бежали на север «от разорения ясачных сборщиков» (Парникова, 50).

Показательны и такие челобитные (жалобы) тайонов: «В прошлом,— писалось в одной из них,— в 160 г. (1651—1652.— И. Г.) убежал у меня, сироты твоего, холоп мой Булдуну и з женою своею и з детьми своими в Жиганы» (Токарев, 205). «Во 186-м году (1682 г.— И. Г.),— жаловался некий Иденгичко Декснев из Мегинской вол.,— збежали от меня, холопа твоего, холопи мои Курдюгако да Кутерко Санины дети, да Гунутко Кахтынь, да Курдюжескова жена Кебеско Каетки дочь, и ныне оне живут в Жиганах» (КПМГЯ, 215).

Переселенцы, несомненно, представляли собой низы якутского общества. На севере они переходили к промысловому хозяйству, охотились, рыбачили и нередко поселялись среди местных тунгусов. По «памятям», направлявшимся из Якутска в Жиганское и Оленекское зимовья, беглых разыскивали и иногда возвращали обратно (КПМГЯ, 121, 191—195, 216). Однако эта участь постигла немногих.

Как показывают именные ясачные книги Оленекского и Жиганского зимовий, большинство якутов-переселенцев принадлежало к «подгородным» якутским волостям — Кангаласской, Батулинской и др. Они представляли собой крайне подвижный элемент: в случае плохого улова рыбы, неудачной охоты на диких оленей якуты меняли место жительства.

В 1670—1680 гг. на северо-западе Якутии и в восточной части Мангазейского у. также наблюдались значительные передвижки тунгусов. В низовьях Лены были зарегистрированы несколько семей ламутов-эвенов (ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 1393, л. 29, 55). Большая группа западных тунгусов продвинулась в бассейн р. Оленек в 1682 г. Это было связано с восстанием ясачных людей, приписанных к Есейскому зимовью (КПМГЯ, 245—246). Перебив гарнизон за злоупотребления и жестокости, тунгусы перекочевали в Якутский у. к Оленекскому зимовью. Число плательщиков ясака здесь резко возросло. В 1684—1786 гг., судя

по размерам ясачного сбора, в бассейне р. Оленек кочевало около 450 чел., т. е. население почти утроилось (ЦГАДА, ф. 214, д. 736, л. 535; д. 975, л. 65). Есейские тунгусы, обосновавшиеся здесь, принадлежали к Вонядырскому, Киларскому, Чапагирскому и Боягирскому родам. Неудовлетворенные промысловыми угодьями Оленека, есейские тунгусы пытались охотиться на Лене в районе Жиганска (ЛОИИ, карт. 36, стб. 2, л. 5). Однако и здесь они не прижились. В 1691 г. по челобитью аманатов из числа есейских тунгусов они были переселены обратно на свои прежние угодья и стали платить ясак в Есейское зимовье (ЛОИИ, карт. 44, стб. 4, л. 16—17). Видимо, перекочевка западных тунгусов в бассейны Оленека и Лены способствовала примирению коренных тунгусов азянов и синигиров с вонядырями. Вражда между этими родами прекратилась.

Частные перекочевки тунгусов в 1670—1680-х годах не вызвали каких-либо военных столкновений. Тунгусы, кочевавшие на северо-западе Якутии и в районе Есейского зимовья, представляли собой потомков разных родов из разных районов, в значительной мере перемешавшихся между собой.

В 1689—1692 гг. население северо-запада Якутии вновь очень пострадало от оспы. В 1693 г. в Оленекском зимовье значилось 68 ясачных плательщиков, а к платежу явилось всего 47, в Жиганском было 306 ясачных плательщиков — явился 171 (ЦГАДА, ф. 214, кн. 1049, л. 581). По сообщению жиганского приказчика Кривогорницына, от оспы здесь умерло 120 ясачных людей (там же, л. 574). Однако, как выяснилось позже, умерло 43 ясачных плательщика (ЛОИИ, карт. 44, стб. 12, л. 19—20). Спасаясь от эпидемии, якуты и тунгусы покидали свои охотничьи угодья и уходили в дальние земли в глубь тундры, где они надеялись укрыться от болезни. Разбежавшихся казаки искали на Оленеке, Анабаре. Таким образом, эпидемия вызвала новые крупные перемещения населения в самом северо-западном регионе и ускорила перемешивание различных групп. Следует отметить, что оспа уменьшила, но не приостановила приток якутов на север. Численность плательщиков ясака к концу века почти восстановилась за счет «сошлых», т. е. вновь появившихся якутов.

В XVII в., помимо тунгусов и якутов, тундровые и лесотундровые просторы между Хатангой и Леной осваивали русские. В 1640—1650-х годах, как свидетельствуют оброчные и явчьи книги, на Оленеке и Анабаре находилось около 150 чел. промышленных людей, а в более доступном районе, в низовьях Лены — около 450 (Гурвич, 1963, 71—91). Эти русские, преимущественно поморы — устюжане, усольцы, белоозерцы, мезенцы — были временным населением. Многие из них после нескольких удачных промысловых сезонов возвращались на родину. Промышленники, как правило, жили обособленно, в глухих местах, богатых соболем. Все же пребывание такого значительного числа русских — фактически чуть ли не на каждого плательщика ясака приходился один промышленник — не могло не сказаться на

местном населении. Можно полагать, что часть местных женщин стала женами или наложницами пришельцев.

В конце XVII в. низовья Лены, Оленека стали привлекать русских посадских людей из Якутска не своими пушными богатствами, а рыбными. В 1670—1680-х годах с русских, проживавших семьями в низовьях этих рек, стали собирать оброк, в документах встречаются упоминания о казачьих женах и детях. Видимо, русские составляли здесь какое-то местное промысловое население. В 1690-х годах в Жиганском зимовье платили подати около 10 чел. посадских и «гулящих» людей. Следовательно, всего здесь было не менее 40 чел. русских, не считая 8—12 семей служилых людей. Посадские, промышленные и «гулящие» люди жили также на Хете и Хатанге. Если судить по имеющимся данным на начало XVIII в., то здесь было около 30 семей, т. е. 120 чел. русских (Александров, 71). Таким образом, к концу XVII в. по этническому составу население между Хатангой и Леной состояло из трех этнических компонентов — якутов, тунгусов и русских.

Якуты численно преобладали в низовьях Лены, значительную часть населения они составляли и на Оленеке. К концу века якуты стали в этом районе постоянными жителями. Тунгусы состояли из немногих потомков местных родов и значительного числа пришлых из разных родов. Русское население, очень малочисленное, жило оседло в низовьях рек.

В первой половине XVIII в. низовья Лены и Оленека продолжали усиленно пополняться якутами-переселенцами. Однако этот процесс протекал очень неравномерно. В 1702 г. население низовий Оленека постиг жестокий голод в связи с неудачным весенним и осенним промыслом диких оленей. Значительная часть якутов ушла на Анабару и дальше на запад (ЦГАДА, ф. 1177, оп. 2, стб. 162, л. 3, 10). Однако спустя несколько лет якуты стали вновь появляться здесь для промысла. Резко увеличилось число пришлых якутов в 1710—1712 гг. (Долгих, 1960, 454). Большинство «нови́ков», т. е. новых ясачных плательщиков якутов, происходили из подгородных улусов. Об этом свидетельствуют следующие записи в окладных ясачных книгах: «Кусенек да Турак в 1718 г. сошли в Жиганское зимовье», «Сиктах в 1720 г. сошел в Жиганское зимовье» (Парникова, 60) и т. д. Сплав по Лене был сравнительно легким способом проникновения на Север.

Число «сошлых» якутов в Оленекском и Жиганском зимовьях нередко превышало число старожилов. Так, в 1717 г. в Жиганске появилось 133 пришлых якута, а в Оленекском зимовье — 134. В 1721 г. всего в обоих зимовьях было зарегистрировано 408 сошлых якутов и тунгусов (Гурвич, 1966, 85). Ознакомление с ясачными книгами показывает, что в низовьях Лены и Оленека появились не только подгородные якуты, но и якуты из Бутальского, Средне-Вилуйского и других зимовий. Платившие в Оленекском и Жиганском зимовьях «нови́ки»-якуты не всегда оседали

здесь, многие возвращались в родные улусы или уходили далее на запад. В начале XVIII в. на Хатанге и Хете было около 60 чел. якутов (Долгих, 1963, 117). К середине века численность якутского населения в низовьях Лены и на Оленеке, видимо, удвоилась.

Якуты, осваивавшие этот район, использовали в качестве транспортных животных собак (КПМГЯ, 120—122). В начале XVIII в. многие из якутских хозяйств перешли к оленеводству. Харитон Лаптев, обследовавший берега к западу от Лены в 1739 г., указал, что в бассейне р. Оленек кочуют оленные якуты и тунгусы. На Лене на помощь его отряду приезжали оленные якуты и тунгусы.

Лишь в самом устье Лены и на островах около протоков, по наблюдению Х. Лаптева, жили новокрещенные якуты, использовавшие зимой, так же как и русские промышленники, ездовых собак (ЦГА ВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 32). Таким образом, в начале XVIII в. в области хозяйственной деятельности якуты уподобились тунгусам, а в низовьях рек — русским промышленникам.

Третья ревизия 1761 г. и перепись, произведенная Первой ясачной комиссией, дали впервые подробные данные о численности якутов, обитавших в Жиганском окр. К этому времени в Жиганском улусе якуты были сведены в наслеги, или наследные роды, такие, как Первый и Второй Батулинский, Туматский, Кангаласский, Первый, Второй и Третий Хатыгынский. В них значилось 605 мужчин, т. е. всего около 1200 чел. (Гурвич, 1966, 88).

По ревизии 1795 г., в Жиганском округе было 1133 мужских душ. Из них 212 значилось в тунгусских родах Кюпском и Эжанском. Следовательно, всего якутов и объякученных тунгусов здесь было не менее 1800 чел. (Гурвич, 1966, 91). Судя по ревизским сказкам 1782 г., якутские роды представляли собой сложные образования, состоявшие из якутских и якуто-тунгусских семей. В Кангаласском наслеге у якутов были жены, взятые «в промен за сестру» или какую-нибудь другую родственницу из Эжанского, Кюпского, Долганского и Лалыгирского родов. Тунгуски составляли здесь одну треть всех женщин (там же, 89).

Значительные перемещения в этот период происходили и среди тунгусов. В начале XVIII в. низовья Оленека и Лены продолжали привлекать тунгусов с Алдана, Вилюя и Хатанги.

Во втором десятилетии из Туруханской вол. вновь на Оленек перешли, перебив служилых людей на Хете, члены Вонядырского рода, значившегося тогда уже Моядыльским. В 1721 г. на Оленеке платили ясак 51 чел. из этого рода, т. е. 200 чел. (Долгих, 1960, 32). Здесь появились нюрюмняли и боягиры. Напротив, часть тунгусов-бетильцев из Оленекского зимовья в первой трети XVIII в. откочевала на Алазею.

Ко времени работы Первой ясачной комиссии 1767 г. тунгусы северо-запада Якутии были объединены, так же как и якуты, в три наследных рода. В Эжанский род вошли переселенцы с Алдана и немногочисленные члены бывшего Азянского рода,

в Кюпский — переселенцы из Тонторского и Бутальского зимовий, перешедшие в низовья Лены в начале XVIII в., в Бетильский род вошли потомки синигиров, тунгусов из Усть-Виллюйского зимовья. В этих родах значилось около 300 мужских душ (Гурвич, 1966, 68).

Потомки местных тунгусских родов вошли частично в Хатыгинскую и Кангаласскую волости. Новое административное деление не сразу сплотило отдельные подразделения тунгусов.

Наш обзор этнического состава населения Северо-Западной Якутии был бы неполным, если бы мы не коснулись еще одного этнического компонента. В устье Оленека в 1730—1740-х годах существовало селение русских промышленников, состоявшее из 12 семей (Соколов, 292). Займки русских были и в Хатангской губе. Как отметил Харитон Лаптев, посетивший в 1741 г. низовья Оленека, русские старожилы сблизились с якутами, имели жен из числа новокрещенных якуток (Берг, 22). По ревизии 1795 г., русских в низовьях Оленека и Лены было 36 мужских душ (ЦГА ЯАССР, ф. 52, оп. 1, д. 1, л. 5).

Таким образом, в XVIII в. в этом районе три этнические группы населения — якуты, тунгусы и русские — в значительной мере сблизились между собой. В связи с численным преобладанием якутов в бассейнах Нижней Лены и Оленека, видимо, в значительной мере распространился якутский язык.

По существу, к концу XVIII в. между Хатангой и Леной уже сложились два этнических ареала: бассейны Оленека и Нижней Лены представляли собой область преобладания якутов и якутского языка, тогда как в бассейнах Хеты и Хатанги было распространено объякученное и сблизившееся с якутами двуязычное население. В XIX в., судя по имеющимся документам, и на Северо-Западе Якутии и в восточной части Туруханского округа усилились перемещения различных этнических групп коренного населения.

В первой четверти XIX в., вероятно, в связи с резким изменением путей миграций диких оленей и неудачами в отношении промысла рыбы («высокая вода») население Жиганского окр. испытало целый ряд жестоких голодовок. Бедствия отмечались в 1799—1803, 1805—1806, 1812, 1814, 1816—1818 гг. (Гурвич, 1966, 164—166). Члены Бетильского рода, особенно страдавшие от голода, перешли в ведомство Верхне-Виллюйского комиссариата. Несколько их семей перекочевало в Туруханский округ. На запад перекочевала, как показала ревизия 1811 г., и часть хозяйств хатылынцеv и кангаласцев — около 140 чел. В Виллюйский округ была перечислена значительная часть семей Хатылинского наслегa и Бетюнского рода, кочевавших по Оленеку, заходивших на оз. Есей. Северо-запад в эти годы перестал привлекать к себе новых переселенцев. Все же, согласно данным ревизии 1816 г., на северо-западе в Жиганском комиссариате было 2423 чел. Последующая перепись 1830 г. показала, что население здесь сократилось на 92 чел. Однако в эти годы на территорию

Жиганского улуса стали заходить вилюйские оленеводы, те же бетильцы, бетюнцы, хатыгинцы и сблизившиеся с ними члены Шелогонского, Угулятского и Брагатского родов. С учетом этих групп северо-запад Якутии осваивало не менее трех тысяч человек (Гурвич, 1966, 166—174). Однако в официальных документах население Вилюйского окр. Хатыгинского наслега (роды Осогостох, Чорду, Оспёк и др.) значилось бродячими тунгусами с якутским языком, хотя сами себя они считали, судя по генеалогическим преданиям, якутами.

Большинство генеалогических преданий рисует основателей родов, осваивавших бассейны рек Оленека, Анабары, Нижней Лены, выходцами из центральных якутских улусов. Лишь род Бети признавался информаторами эвенкийско-якутским. Основатель его, некий шаман Мыкал, считался членом тунгусского рода Чаногир. Однако некоторые рассказчики и его называли якутом. Следует отметить, что все информаторы указывали на то, что их предки нередко женились на тунгусах (эвенках). Таким образом, считая себя якутами, они не отрицали и связи с эвенками (Гурвич, 1977, 23—24).

Есейские якуты, как справедливо отмечал Б. О. Долгих, не являлись потомками населения Есейской вол. XVII в., а были якутами-оленеводами, проникшими в район оз. Есей из бассейна р. Оленек. Об этом говорят генеалогические предания есейских якутов. Хотя есейские якуты значились «вилюйскими тунгусами», сами они себя считали и по существу действительно являлись якутами. Они входили в Бетунский, Катыгинский и Бетильский наслеги и делились на роды. В Катыгинском наслеге были роды Ботулу, Осогостох, Оспёх и Маймага, в Бетунском — род Чорду, а в Бетильском — род Маят.

Так как, согласно «Уставу об управлении инородцами Сибири», письменное делопроизводство в родах «бродячих», т. е. оленеводов, было отменено, то данных об изменениях в их составе начиная с 1830-х годов вплоть до Первой всероссийской переписи в нашем распоряжении очень мало.

В середине XIX в. якуты-оленеводы, тунгусы и русские усть-оленекские крестьяне хотя и значились в особых административных единицах, по существу представляли собой единую этническую группу. Господствующим языком здесь был якутский, хозяйство, быт — однотипными. Это обстоятельство подтверждается не только документальными данными, но и прямыми свидетельствами очевидцев. Так, протоиерей Хитрово, долго живший в Жиганском улусе, писал, что на Оленеке и Нижней Лене русские и тунгусы должны быть причислены к якутам, так как «по физиономии, образу жизни, языку и нравам» они во всем слились с ними (Хитрово, 66).

Материалы Хитрово подтверждаются наблюдениями геолога А. Л. Чекановского, посетившего Оленек в 1874 г. (Чекановский, 332), чиновника Г. В. Карзина (1883, 20), А. Бунге (Бунге, 1895) и Н. Д. Юргенса (Юргенс, 263—264).

Во второй половине XIX в. северо-запад продолжал пополняться выходцами из Центральной Якутии. В период развития в Ленском крае элементов капиталистических отношений здесь обосновывались отдельные лица из якутов-рабочих, обслуживавших рыбные промыслы, хотя «безбилетных» — беспаспортных и не имевших «видов» на жительство пришлых якутов — жиганские власти высылали в свои наслеги. Переселялись на северо-запад и якуты-подторговщики, обогащавшиеся за счет скупки пушнины у оленеводов и доставки им по спекулятивным ценам товаров из Вилюйского и Якутского округов. На северо-запад продолжали забредать и отдельные семьи кочевых тунгусов — члены Кампагирского и Илимпейского родов.

Перепись 1897 г. дала подробные сведения о расселении и численности северных якутов-олeneводо-в и сблизившегося с ними населения (Патканов, 764—765, 778—791, 794—795). В Жиганском улусе в якутских волостях I и II Батулинской, Туматской, I, II, III, IV Хатыгынской, Кангаласской, в Кюпском и Эжанском тунгусских родах насчитывалось 1548 чел. обоего пола. Оленеводы Вилюйского окр.— Бетильский, Бетюнский (Чорду), Хатыгынский (Осогостох), Шелогонский и Брагатский роды насчитывали 1376 чел., с неуказанной родовой принадлежностью числилось 394 чел. обоего пола, а вся численность оленеводов северо-запада Вилюйского округа была 1700 чел. Таким образом, общая численность всей северо-западной группы якутов-олeneводо-в и сблизившихся с ней якутоязычных тунгусов в конце XIX в. составляла около 3300 чел. обоего пола.

Этнографическое исследование традиционной культуры северных якутов-олeneводо-в показало, что в области производства (олeneводство, охота, отчасти рыболовство) прослеживались характерные тунгусские (эвенкийские) черты. Однако оленеводство из транспортной, подсобной отрасли северные якуты превратили в мясо-шкурную, а вьючно-верховую езду дополнили зимним передвижением на нартах. В материальной культуре, в частности в жилище и одежде, мозаично сочетались эвенкийские, якутские и русские элементы. Все же формы жилища и одежды, связанные с промысловым хозяйством (чум, капорообразные шапки, распашная расклиненная дошка, обувь), восходили к эвенкийским образцам, тогда как праздничные, престижные (шубы на меху, крытые сукном с отложными воротниками, высокие женские шапки с бляхами, рубахи, платья) — к якутским и русским. Воспринятые северными якутами эвенкийские элементы материальной культуры были значительно упрощены (например, из костюма мужчин и женщин исчез передник-нагрудник, якуты-олeneводо-в не украшали покрывки к чумам и т. д.). В духовной культуре (свадебная обрядность, родильные обряды, фольклорное творчество) якутские особенности явно преобладали.

Эвенкийские черты проступали в охотничьих обрядах и обычаях, героических преданиях о хосунах и т. д. (Гурвич, 1977, 169—170, 201—213). Таким образом, культура северных якутов-

оленеводов — своеобразной этнографической группы якутского народа, представлявшей в этническом отношении многокомпонентное образование, отразила историю длительных взаимовлияний различных этнических элементов, сталкивавшихся на северо-западе Якутии.

Долганы. Тунгусские роды с названием «Долган» были встречены первыми служилыми людьми, проникшими в бассейн Лены, около устьев Вилюя и Муны.

В 1677 г. на Оленеке появились 6 ясачных плательщиков-тунгусов Долганского рода из Усть-Вилюйского зимовья (КПМГЯ, 249). С этого времени они стали постоянными жителями на Оленеке. По данным Б. О. Долгих, переселение долган из района устья Вилюя на Оленек происходило между 1658 и 1678 гг. В конце 50-х годов долганы передвинулись в низовья Лены. В этой группе было около 40 чел. (Долгих, 1963, 108—109).

Члены рода «Долган» кочевали между Леной и Оленеком и, видимо, заходили иногда, так же как и другие группы населения, осваивавшие этот район, в низовья Хеты и Хатанги. Как известно, в конце XVII в. якуты проникли в восточную часть Мангазейского у. В 1694 г. якуты платили ясак на Хете. Здесь было 12 ясачных плательщиков. Из Жиганского зимовья 20 староплатежных якутов перешло на Хатангу (Парникова, 52). В XVIII в. якуты-переселенцы прочно обосновались в этом районе.

По III ревизии 1761 г., в Туруханском ведомстве было 69 затундренных якутов, т. е. около 280 чел. К концу века их численность возросла до 385 чел. (Долгих, 1963, 117). Вслед за якутами в это ведомство перебралась и часть усть-вилюйских, впоследствии оленекских тунгусов-эвенков, считавшихся родом «Долган». Они входили в Кангаласскую якутскую вол. и, видимо, в середине XVIII в. были двуязычны. Переселение рода «Долган» в Туруханское ведомство было одним из важных начальных этапов формирования народности долган.

По III ревизии, в составе Есейской вол. Туруханского у. был отмечен «новый род некрещеных тунгусов». В нем значилось 37 ясачных плательщиков. Впоследствии из его членов была образована Долгано-Есейская управа. Это позволило Б. О. Долгих высказать предположение, что «новый род» представлял собой род «Долган» и сблизившихся с ним семей из других оленекских тунгусских родов (Долгих, 1963, 109). К сожалению, у нас нет прямых документальных свидетельств о первом переходе Долганского рода в Туруханский у.

Вслед за тунгусами из рода «Долган» в конце 1760-х годов из Жиганского окр. перешли в Туруханский окр. и члены будущего рода «Каранто». Так, во время проведения ревизии 1782 г. князец Кангаласской вол. Таракан Такыев сообщил, что «написанные по бывшей в Якутске о ясаке комиссии ясачным 1764 г. Хоританского роду тунгусы Билкича Маганечин с товарищи всего 16 человек с женами и детьми бежали прошлого 1769 г. в

Туруханскую волость» (Гурвич, 1966, 90). Кангаласцы вынуждены были платить за них ясак.

Хоротанский род, по-видимому, и был род «Каранто». Он появился на Таймыре в период между 1769 и 1782 гг. В начале XIX в. род «Каранто» официально назывался Харитоновским родом тунгусов Есейской вол. По данным Б. О. Долгих, в эту группу частично вошли потомки обьякученных вонядырей, а возможно, и эдянов (Долгих, 1963, 115—117). Харитоновский род кочевал на Таймыре по р. Боганиде. Члены родов «Долган» и «Каранто» хотя и владели тунгусским языком, были уже якутоязычны. Об этом говорит то обстоятельство, что они были членами Кангаласской якутской вол. Не лишено вероятности и предположение Б. О. Долгих, что в среде долган, так же как и других оленекских тунгусов, были семьи якутского происхождения.

В самом конце XVIII в. на Таймыр из Якутии вновь ушла значительная группа тунгусов, причисленная к Кангаласскому наслегу. Как сообщал князец этой волости Петр Шадрин, «Эжанского роду тунгусы Лелича Сябьгин с товарищи женами и детьми числом всего 72 человека с прошлого 1792 г., а Тимилича Секинчимин сего 1795 г. из наслегу в бегах находятся в Туруханском округе» (Гурвич, 1966, 90).

Члены этого рода составили впоследствии особый Жигано-Тунгусский род с названием «Эдян». В 1818 г. их было около 100 чел. Такая же численность их сохранялась и при учете 1833 г. В документах Туруханского окр. указывалось, что этот род вышел из Иркутской губ., в данном случае из Якутии. Центр управы этого рода находился между озерами Мелкое, Глубокое и Лама. По мнению Б. О. Долгих, в Жигано-Тунгусский род вошла часть прямых потомков оленекских адянов, представлявших собой ко времени переселения в пределы Таймыра двуязычную якутско-тунгусскую группу (Долгих, 1963, 112—114).

Последовательное переселение из Жиганского округа в Туруханский на протяжении последних десятилетий XVIII в. значительных групп тунгусов, по-видимому, и способствовало тому, что все они получили впоследствии родовое наименование первой группы переселенцев — «Долган». Переселенцы из Якутии были двуязычны, испытали сильное культурное влияние якутов и, следует полагать, были связаны между собой браками. К концу XVIII в. на Таймыре образовалось значительное якутоязычное население, насчитывавшее около 600 чел. обоого пола.

Крупную по численности группу представляли собой русские на севере Мангазейского, или Туруханского округа.)

В 1791 г. «за тундрой», т. е. в районе Таймыра, вблизи кочевий долган находились 221 чел. посадских и 106 крестьян. Они, так же как и оленекские русские старожилы, часто вступали в браки с якутами. Можно полагать, что русские старожилы, осваивавшие низовья Хатанги, Хеты в конце XVIII в., были двуязычны. Русские, находившиеся за тундрой, вели оседлое по-

лярное промысловое хозяйство. Основой их благосостояния служили рыболовство и добыча дикого оленя. Транспортным средством им служили ездовые собаки.

Происходивший в XIX в. процесс слияния различных этнических элементов на северо-востоке Туруханского округа во многом был близок к этническим изменениям на северо-западе Якутии.

В 1824 г., видимо, в связи с введением в действие «Устава об управлении инородцами Сибири» упоминавшиеся выше роды якутоязычных тунгусов, а также якуты и предки нганасан, приписанные к Есейской вол. (центры ее в XVIII в. находились на оз. Есей и на Хатанге) были в административном отношении разделены на шесть родовых управ. Долганский род вошел в Долгано-Есейскую управу, Донготский — в Долгано-Тунгусскую, Эдяны — в Жигано-Тунгусскую, Харитонов род, или род «Каранто» — в Боганидо-Тунгусскую, якуты — в Нижнезатундренную и предки вадеевских нганасан образовали Вадеевско-Самоедскую управу (Долгих, 1963).

Следующая таблица показывает численность населения в этих управах.

<i>Административная единица</i>	<i>Численность населения</i>
Долгано-Енисейская	320
Долгано-Тунгусская	140
Жигано-Тунгусская	106
Боганидо-Тунгусская	110
Нижнезатундренная якутская	385
Нижнезатундренное крестьянское общество	320
	<hr/> 1680

Из этого числа, по определению Б. О. Долгих, в 1830-х годах якутский язык был родным для 1055 чел., тунгусский — для 310, а русский — для 320 (Долгих, 1963, 111—112). Можно полагать, что и в культурном облике населения северо-востока Туруханского округа имелось много общего.

Первое упоминание о народе долган было встречено Б. О. Долгих в ответах, присланных администрацией Енисейской губ. в Академию наук в 1841 г. в связи с подготовкой экспедиции А. Ф. Миддендорфа (Долгих, 1963, 92). Однако термин «долган» как собирательный термин стал упоминаться значительно раньше, в 20-х годах XIX в. Этим, видимо, и объясняется появление управ Долгано-Есейской и Долгано-Тунгусской. Авторы второй половины XIX в., писавшие о населении Севера Красноярского края, упоминали народность «долган», хотя относили к ней разные родовые управы, чаще всего те, в названии которых было слово «долган» (Третьяков, 373). Сами члены рода «Долган» отмечали свое родство с родами «Эдян», «Донгот» и «Каранто» (Попов, 1934, 112, 121). Этническое самосознание этой формирующейся народности даже в XIX в. было весьма неустойчивым.

Говоря о своей этнической принадлежности, члены отдельных родов нередко указывали лишь на свое происхождение, хотя осознавали и более широкое этническое единство. Это нашло выражение в мифе о происхождении четырех долганских родов.]

Материалы Всероссийской переписи 1897 г. дают возможность определить общую численность этнических групп, составивших народность «долган». В собственно долганских «родах» было всего 922 чел., но с учетом якутоязычных групп Таймыра — Затундренных якутов (832 чел.), Затундренных крестьян (365 чел.), членов Жигано-Тунгусского рода (87 чел.), Боганидского рода (220 чел.) и кочевывавших с долганами части есейских якутов, эвенков II и III Летнего и Илимпейского родов (207 чел.), образовывавших вместе с членами долганских родов единую общность, эта цифра, по существу, утраивалась и достигала 2633 чел.

Долганы (включая в эту группу сблизившееся с ними население якутоязычных административных волостей), так же как и северные якуты-оленоводы, унаследовали хозяйство аборигенного населения и в известной мере его рационализировали. Традиционная культура долган была подробно изучена и описана А. А. Поповым (Попов, 1931, 210—212; 1932, 1933; 1937, 91—136; 1937а, 147—206). Анализ его материалов позволяет видеть, что в хозяйстве долган отчетливо прослеживаются разные этнические влияния. Так же как и у северных якутов, выючно-верховая езда на оленях тунгусского типа сочеталась с зимней ездой на нартах самодийского образца. Но в отличие от северных якутов долганы, так же как и ненцы, использовали пастушеских собак.]

В целом промысловое производство долган представляло собой модернизированное под русским, якутским и самодийским влиянием тунгусское хозяйство, приспособленное к специфическим природным условиям лесотундры и тундры Таймыра.]

В материальной культуре складывавшейся долганской народности прослеживались различные этнические влияния. Основным типом жилья был эвенкийский чум, крытый ровдугой или шкурами. Долганы использовали также голомо, якутские юрты (балаганы), русские избы и нартяные чумы — балки (домики на полозьях), заимствованные в XIX в. у русских купцов.]

Промысловая одежда долган в общем восходит к эвенкийскому костюму. Зимой широко использовали сукуи — глухую меховую одежду с капюшоном, видимо заимствованную у самодийцев. Женщины носили шубы якутского покроя. Одежда долган была более яркой и нарядной, чем одежда северных якутов. Здесь, видимо, проявлялась давняя тунгусская традиция. Вся одежда, и праздничная и будничная, расшивалась бисером, украшалась аппликациями из узких полосок цветной ткани.]

Особого внимания заслуживает долганский фольклор. Здесь отмечалось смешение элементов различного происхождения. Долганам были известны якутские олонхо, хосунные предания северных якутов, русские сказки, эвенкийские рассказы. Терми-

нология, связанная с оленеводством, была эвенкийская, названия промысловых животных русские, орудий рыболовства и названия рыб, наименования орнаментальных мотивов — якутские.

В целом как в материальной, так и в духовной культуре долган обнаруживается больше специфических деталей, чем в культуре северных якутов.

Таким образом, в середине XIX в. на северо-западе Якутии оформилась своеобразная этнографическая группа северных якутов-олeneводо-в, а далее на запад, в пределах северо-восточной части Енисейской губ., — новая особая этническая общность, близкая по типу к народности — долганы.

Если основным этническим элементом в первой группе были якуты, то в среде долган ядро составляли перешедшие в XVIII—XIX вв. из Якутии обьякученные тунгусы (эвенки). Однако значительную роль и здесь играли якуты-переселенцы и якутоязычные русские старожилы. Известное влияние на обособление этой группы, превращение ее в народность оказало то, что она входила в Енисейскую губ. и административно была оторвана от основной массы якутского народа.

Литература

- Александров В. А. 1964. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. М.
Берг Л. С. 1927. История географического ознакомления с Якутским краем. — В кн.: Якутия. Л.
Бунге А. 1895. Описание путешествия к устью р. Лены, 1881—1884. — Труды / Русская полярная экспедиция в устье р. Лены, ч. 1.
Гурвич И. С. 1950. К вопросу об этнической принадлежности населения северо-запада Якутской АССР. — СЭ, № 4.
Гурвич И. С. 1963. Русские на Северо-Востоке Сибири в XVII в. — СЭС, т. V.
Гурвич И. С. 1966. Этническая история Северо-Востока Сибири. М.
Гурвич И. С. 1977. Культура северных якутов-олeneводо-в. М.
Долгих Б. О. 1952. Происхождение нганасанов. — СЭС, т. 1.
Долгих Б. О. 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.
Долгих Б. О. 1963. Происхождение долган. — ТИЭ, т. 84.
Карзин Г. В. 1883. О населенных пунктах на Крайнем Севере Верхоянского округа. — Изв. РГО, т. XIX, вып. 1.
Колониальная политика Московского государства в Якутии. 1936. Л.
Парникова А. С. 1971. Расселение якутов в XVII — начале XX в. Якутск.
Патканов С. А. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. 1912. СПб, т. III.
Попов А. А. 1931. Поездка к долганам. — СЭ, № 3/4.
Попов А. А. 1932. Кочевая жизнь и типы жилищ у долган. — ТИЭ, т. XVIII.
Попов А. А. 1933. Оленеводство у долган. — СЭ, № 4/5.
Попов А. А. 1934. Материалы по родовому строю долган. — СЭ, № 6.
Попов А. А. 1937. Охота и рыболовство у долган. — В кн.: Памяти В. Г. Богораза. Л.
Попов А. А. 1937а. Техника долган. — СЭ, № 1.
Соколов А. 1851. Северная экспедиция 1733—1743 гг. — Зап. Гидрогр. департамента. Мор. м-ва, ч. IX.
Третьяков П. 1869. Туруханский край. СПб.

- Токарев С. А. 1945. Общественный строй якутов XVII—XVIII вв. Якутск.
Фишер И. 1779. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания
сей земли русским оружием. СПб.
Хитрово. 1856. Описание Жиганского улуса.— Зап. СО РГО, т. 1.
Чекановский А. Л. 1875. Оленекская экспедиция.— Изв. РГО, т. XI, вып. 5.
Юргенс Н. Д. 1885. Экспедиция к устью р. Лены с 1881 по 1884 г.— Изв. РГО,
т. XXI, вып. 4.

Северо-восточные палеоазиаты и эскимосы

Во второй половине XVII в. русские служилые и промышленные люди проникли на Крайний Северо-Восток Сибири. Хотя уже в XVII в. некоторые группы чукчей, коряков и даже камчадалов время от времени платили ясак, относительно достоверные сведения о расселении народов Крайнего Северо-Востока восходят к XVIII в. Наиболее обоснованную реконструкцию этнографической карты на основе как материалов XVII в., так и более поздних, составил Б. О. Долгих (Долгих, 1960). Прибрежную полосу от залива Креста на юге Чукотского полуострова до мыса Рыркарпия на севере, по его материалам, занимали эскимосы. Наличие значительного числа эскимосских топонимов в чукотской адаптации в ареале от 60 до 70° с. ш. подтверждает точку зрения Б. О. Долгих (Меновщиков, 25). Обширные внутренние районы Чукотки, примыкавшие к эскимосскому ареалу,— от Анадырского лимана до мыса Биллингса на побережье Ледовитого океана — осваивали чукчи. Они соприкасались на востоке с эскимосами, а на западе с юкагирами-чуванцами.

Дискуссионным является вопрос о западной границе распространения чукчей. Топонимические данные, приведенные И. С. Вдовиным, как будто бы свидетельствуют о том, что чукчи осваивали левые притоки Анадыря и доходили до Чаунской губы (Вдовин, 1950). Однако в XVII в. здесь кочевали юкагиры (Огородников, 1924, 23—24). На основании этого Б. О. Долгих показал на карте бассейн р. Анадыря как юкагирский район. Что касается чукотской топонимики, то она могла, по его мнению, появиться здесь после того, как чукчи вытеснили юкагиров. Действительно, в колымской тундре одни и те же реки имеют разные наименования (чукотские, юкагирские, якутские).

Напротив, по мнению И. С. Вдовина, юкагирские племена незадолго до прихода русских заняли бассейн р. Анадыря, отделив чукчей от коряков. Однако это положение находится в противоречии с фольклорными данными. Юкагиры в чукотском фольклоре не фигурируют в качестве врагов, в противоположность эскимосам и корякам. Юкагирский фольклор также рисует добрососедские отношения их предков с чукчами.

Несомненный интерес для уяснения особенностей и характера расселения чукчей представляют данные о чукчах, кочевавших за пределами чукотского ареала, между реками Колымой и Алазеей.

Расселение этой западной группы чукчей в юкагирском окружении, думается, не было случайностью. Обширные, слабо заселенные тундровые районы Северо-Востока Сибири, видимо, представляли собой арену широких перемещений различных этнических образований. Группы чукчей-оленоводов, охотников легко просачивались сквозь аморфный юкагирский массив в прибрежные тундры, районы, примыкавшие к Ледовитому океану, и в зависимости от сложившихся взаимоотношений с юкагирами обосновывались в новых для них местах или возвращались к своим сородичам.

Более четкими были этнические границы между юкагирами и коряками. Из донесений Михаила Стадухина (ДАИ, IV, 120—122), Михаила Дежнева (ДАИ, IV, 22—24), Федора Чукичева (ДАИ, IV, 147), Ивана Ермолина и др. следует, что корякские поселения располагались на Охотском побережье вдоль Пенжинской губы, залива Шелехова до Ольской губы. Здесь, на юге, коряки граничили с поселениями пеших охотских ламутов (эвепов).

Судя по материалам конца XVII — середины XVIII в. корякские береговые поселки вдоль берингоморского побережья тянулись от мыса Наварин до Укинского залива. Береговые поселения широкой полосой обрамляли кочевья их собратьев, занятых оленеводством. Граница между корякскими племенами и юкагирами проходила по Колымскому и Корякскому хребтам.

В начале XVIII в. стали ясны очертания области расселения камчадалов-ительменов. Южную часть Камчатки от Укинской губы до мыса Лопатка по восточному побережью и от поселений тигильских коряков на юге до Лопатки по западному побережью занимали ительменские племена (КПЦКЧ, 25—29). Основная масса этой народности жила по долине р. Камчатки. Крайний юг полуострова занимали айны-курильцы. Таким образом, Крайний Северо-Восток осваивали четыре больших этноязыковых общности, распадавшиеся на отдельные племенные и локальные подразделения.

В историко-этнографической литературе, посвященной коренному населению Северо-Востока Сибири, имеется немало попыток определить численность основных этнических образований к приходу русских (Патканов, 1911, 134; Долгих, 549—578; Гурвич, 94—116; Вдовин, 1973, 21, 55 и др.). Оценки, сделанные в литературе, заслуживают внимания. Кропотливое сопоставление различных данных о численности чукчей позволило Б. О. Долгих дать следующее определение их численности к приходу русских: оленные чукчи насчитывали в своем составе около 500 трудоспособных мужчин, т. е. около 2000 населения, тогда как береговые, большинство из них представляли собой эскимосов, со-

стояли из 1000 мужчин, т. е. 4000 населения. Кочевые, таким образом, составляли одну треть населения Чукотки.

Такое же соотношение береговых и оленных было, по данным Б. О. Долгих, и среди коряков. На конец XVII в., по его оценке, численность береговых коряков определялась 8045 чел., тогда как оленных — 2710, а всего 10 780 чел. (Долгих, 561). Наши расчеты показывают, что численность береговых коряков была более высокой, она превышала 10000 чел. (Гурвич, 109). Расхождения в определении численности береговых коряков объясняются тем, что Б. О. Долгих взял за основу данные о численности пенжинских и олюторских коряков уже после того, как против них были совершены карательные походы. Общая численность коряков к концу XVII в., видимо, была около 12 800 чел.

По поводу численности камчадалов-ительменов к приходу русских, т. е. к началу XVIII в., имеется несколько так или иначе обоснованных оценок. По расчетам А. Сгибнева, на полуострове было всего 10 тыс. камчадалов; по определению С. К. Патканова — 20 тыс., по мнению Л. С. Берга, только в низовьях р. Камчатки — 25 тыс. (Сгибнев, 1869, № 4, 81; Патканов, 1911, 134; Берг, 80).

Исходя из общей численности ясачных плательщиков, определенной по размерам ясачного платежа, Б. О. Долгих определил общую численность населения южной части Камчатки — камчадалов и айнов — и части оседлых коряков в 20 тыс. чел., а собственно камчадалов-ительменов в 12 680 чел. (Долгих, 569—571, 577). Эта оценка подтверждается последующими исследованиями. Таким образом, все население Крайнего Северо-Востока Сибири состояло из 39—40 тыс. чел. Характерно, что численность этнических образований, занимавших относительно более благоприятные в климатическом отношении области, например камчадалов, была выше тех, которые осваивали Север, например, чукчей.

Включение Крайнего Северо-Востока Сибири в состав Русского государства привело к значительным изменениям в расселении и численности коренных народов этого региона, в характере их культуры.

В связи с разнообразием этих изменений целесообразно рассмотреть их по отдельным этническим общностям, хотя в исторических судьбах их немало общих черт.

Чукчи и азиатские эскимосы. С основанием Алазейского (1642 г.) и Нижнеколымского (1644 г.) ясачных зимовий русские служилые люди вошли в соприкосновение с западной группой чукчей. В 1649 г. было учреждено Анадырское зимовье. С этого времени служилые люди прочно обосновались на юге Чукотки. Однако непосредственные контакты в XVII в. служилые люди поддерживали лишь с западной группой чукчей, кочевавшей в тундре между Алазеей и Колымой.

Комплексное промысловое хозяйство этой группы чукчей позволяет полагать, что ко времени прихода русских около каж-

дого большого стада домашних оленей кормилась значительная группа людей, достаточная не только для выпаса оленей, но и для охраны стада от посягательства соседей. Разумеется, существование такого значительного числа людей только за счет убоя домашних оленей было затруднительно, и обладатели стада были вынуждены охотиться на диких оленей и промыслять морского зверя. Колымо-алазейские чукчи, видимо, и состояли из нескольких таких стойбищных групп, достаточно многочисленных, связанных родством и взаимопомощью, что позволяло им отстаивать независимость в юкагирском окружении и сохранять своих оленей. Можно полагать, что и другие подразделения чукчей представляли собой такие же группы, осваивавшие различные районы Чукотки.

Русские документы XVII в., и даже более поздние, XVIII в., не содержат каких-либо данных о взаимоотношениях между различными группами чукчей и об отношениях между чукчами и эскимосами. Однако чукотский фольклор полон свидетельств о столкновениях чукчей с «настоящими», или «исконными», врагами — эскимосами (Богораз, I, 175). В этих преданиях чукчи выступают обычно как нападающая сторона. Видимо, запасы моржового мяса, тюленьего жира, нерпичьих и лахтачьих шкур представляли для тундровых жителей огромный соблазн. Однако не следует преувеличивать роль военных столкновений. По-видимому, в зависимости от обстоятельств взаимоотношения между оседлыми морскими охотниками-эскимосами и кочевыми группами чукчей складывались по-разному, и мирные связи прерывались время от времени кровавыми междоусобицами. В таких условиях поселения эскимосов, видимо, представляли собой крупные общины, способные дать отпор как тундровым охотникам-оленоводам, так и своим соседям в случае посягательств на лежбища моржей или участки, удобные для охоты на кита.

Следует отметить, что береговые жители сталкивались с обитателями глубинных районов тундры и во время своих охотничьих сухопутных экспедиций. Как можно судить по Пегтымельским наскальным рисункам, летом морские зверобой поднимались вверх по рекам на байдарках для рыболовства и охоты на диких оленей (Диков, 96, 99, 100 и др.).

В свою очередь, обитатели глубинной тундры, нуждаясь в лахтачьих и моржовых шкурах, жире для отопления жилищ, сами для охоты выходили на побережье или выменивали нужные им материалы у береговых жителей. Видимо, на азиатском берегу, так же как и на американском, были какие-то места «ярмарок», где происходил обмен между различными локальными группами населения. Следует отметить, что даже в XIX — начале XX в. жители открытой тундры, нуждаясь в дереве для изготовления нарт, остовов яранг, совершали длительные и далекие экспедиции в таежные районы. Все эти обстоятельства, о которых мы можем судить только по сравнительно поздним приме-

рам, несомненно вели к постепенному обмену между населением тайги и тундры, между берегом и континентальными районами.

Относительная близость русских ясачных зимовий к кочевьям чукчей, видимо, уже в XVII в. сказалась на их хозяйстве. Через юкагиров путем обмена железные орудия стали проникать и к чукчам. Возможно, торговыми посредниками между «носовыми» чукчами и русскими служили не только юкагиры, но и западные колымо-алазейские чукчи.

Основание Анадырского острога, привлечение к ясачному платежу юкагиров и части оленных коряков, кочевавших в долине Анадыря, резко изменили обстановку на юге Чукотки. На очереди встал вопрос об обложении чукчей ясаком. Напомним, что в конце XVII в. в качестве ясака уже брали не только соборлей, но и другую пушнину, в частности шкурки лисиц. В связи с этим бедность Чукотки соборами перестала быть аргументом для того, чтобы не привлекать население полуострова к ясачному платежу. Стремление привлечь чукчей к платежу ясака диктовалось не только фискальными целями. Ясачные юкагиры и коряки в конце XVII в. стали объектом частых набегов чукотских отрядов. Видимо, мирные обменные отношения между анадырскими юкагирами и чукчами были нарушены. Следует иметь в виду, что юкагиры к этому времени были очень ослаблены внутриплеменными распрями, уменьшились в численности в связи с эпидемиями оспы. Это обстоятельство привело к тому, что чукчи стали пытаться заполучить у них русские товары и изделия путем набегов. Чукотские отряды стали продвигаться в юкагирские земли. Сохранились сведения о том, что в конце XVII в. они подходили и пытались захватить Анадырский острог. Все это вынудило анадырский гарнизон принять решительные меры по приведению чукчей к ясачному платежу.

В 1701 г. против чукчей из Анадырского острога был направлен отряд, состоявший из 24 служилых и промышленных людей и ополчения, включавшего 110 юкагирских и корякских воинов. Отряд достиг Анадырского носа, разгромил там несколько юрт и вскоре встретился с соединенным ополчением оленных и пеших чукчей (возможно, среди них были и эскимосы), состоявшим из 300 чел., а затем и с более крупным, насчитывавшим, по словам казаков, 3000 чел. В сражениях с чукотским ополчением анадырский отряд потерял более половины своего состава и вернулся в острог (ПСИ, кн. II, 524—525). Менее значительная попытка приведения чукчей в русское подданство была предпринята в 1708 г. колымским гарнизоном (ПСИ, кн. I. 405—406, 436, 457—458).

Хотя якутские воеводы предписывали Анадырскому гарнизону продолжать приведение чукчей к ясачному платежу, с 1710 г. на протяжении двух десятилетий внимание анадырских властей привлекало подчинение береговых коряков, строительство в местах их расселения укрепленных пунктов и походы на Камчатку. Эти события крайне отрицательно сказались и на ясачных пла-

тельщиках — оленных коряках и юкагирах. Они вынуждены были принимать участие в военных походах служилых людей и понесли тяжелые потери. И юкагиры и коряки пострадали от оспенных эпидемий начала XVIII в. Этими обстоятельствами не замедлили воспользоваться чукчи. В первой четверти XVIII в. чукотские стойбища приблизились к Колыме и Анадырю. Значительно усилились нападения чукотских отрядов на юкагиров и коряков с целью грабежа оленей.

Следует отметить, что в XVIII в. ясачные юкагиры и коряки имели возможность приобретать у русских торговых, промышленных и служилых людей железные и медные изделия — ножи, топоры, копья, иглы, сверла, котлы, ткани, матерчатую одежду, прядево для сетей, а также табак, чай. Население Чукотки и Аляски, естественно, испытывало большую заинтересованность в этих товарах, представлявших здесь редкость. Военные походы против юкагиров и коряков были одним из сравнительно легких способов добычи этих изделий и товаров, использовавшихся чукчами как в своих хозяйствах, так и при обмене с населением Аляски. Удачные походы позволяли не только обогатиться оленями, но и приобрести новые диковинные вещи. Такие походы, видимо, привлекали молодежь не только из числа оленных чукчей, но и из среды береговых чукчей и азиатских эскимосов. Отряды чукчей появлялись не только в долине р. Анадыря, но заходили далеко на юг, на территорию пенжинских и олюторских коряков. Они вели торг с береговыми коряками (у них они приобретали жир, юколу, мясо морского зверя, лахтачьи шкуры) и грабили оленных. Последние не могли оказать необходимого сопротивления чукотским отрядам, так как в сложившейся обстановке они лишились поддержки береговых коряков. Традиционные связи между береговыми коряками и кочевыми оленеводами в начале XVIII в. были резко нарушены. Оленные коряки, ставшие ясачными плательщиками, союзниками служилых людей, вынуждены были участвовать в походах против своих оседлых сородичей. Это поссорило береговых и оленных обитателей внутренних районов тундры. Жители береговых корякских селений в это время упорно сопротивлялись строительству русских опорных пунктов в своих землях (Гурвич, 103—105).

Совместные действия оленных и береговых коряков, создание крупных ополчений для борьбы с чукчами в этих условиях исключались. Отдельные малолюдные стойбища оленных коряков становились легкой добычей для нападающих. Они истребляли мужчин, уводили в плен женщин и детей, угоняли оленей.

К 1720 г. относится подробное сообщение о разорительных набегах чукчей на коряков. Несомненно, что это был не первый набег. Значительный урон корякам нанесли чукчи в 1725 г. (Сгибнев, 1869, № 4, 109). В 1728 г. чукчи разграбили одиннадцать юрт кочевых коряков и отбили одиннадцать табунов оленей. В 1730 г. чукчи вновь разграбили несколько корякских стойбищ и увели восемь табунов (Вдовин, 1965, 65). Разумеется, эти со-

общения касаются только незначительной части чукотско-корякских столкновений. Скучные материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, все же свидетельствуют о длительном, систематическом и крайне упорном преследовании оленных коряков чукчами на протяжении почти восьми десятилетий.

Во время этих походов чукчи осмеливались вступать в противоборство даже с хорошо вооруженными отрядами служилых людей. В 1730 г. один из отрядов чукчей на р. Парень разгромил часть сухопутной экспедиции В. Беринга, возглавляемую казачьим головой А. Шестаковым, в распоряжении которого было 130 чел. и артиллерия (Сгибнев, 1869, № 2, 13—16).

Разгром отряда Шестакова свидетельствует о том, что ополчения чукчей, отправлявшиеся воевать с коряками, представляли собой большие отряды, состоявшие из хорошо обученных воинов.

Сменивший Шестакова майор Д. Павлуцкий в начале 1732 г. совершил большой карательный поход против чукчей. Огромный по тому времени отряд, состоявший из 215 русских служилых людей, 160 коряков и 60 юкагиров, выступил из Анадырского острога. По сообщениям казаков, они имели столкновения с ополчениями чукчей, состоявшими из 700 и 1000 воинов, а около местности Сердце Камень — будто бы с пятитысячным отрядом (КПЦКЧ, 158—162; Сгибнев, 1969, № 2, 28—29). Видимо, чукчи и азиатские эскимосы имели опыт быстрого созыва в случае опасности больших ополчений.

Поход Павлуцкого на Чукотский полуостров не изменил соотношения сил на Северо-Востоке Азии. Военные действия чукчей против коряков и юкагиров не прекратились. В 1737—1738 гг. чукчи разграбили по р. Анадырю большое число юкагирских и корякских стойбищ и захватили будто бы 21 тыс. оленей. Чукотские отряды стали появляться около олюторских селений. Один из отрядов чукчей дошел до Нижнекамчатского острога (Вдовин, 1965, 119). Значительное число оленей было отбито у коряков в 1740—1741 гг. В это время, по данным участника Второй Камчатской экспедиции Я. Линденау, чукчи уже осваивали значительную территорию, лежащую к югу от исконных мест обитания. Отдельные группы подкочевывали к Олюторскому селению, забредали в Парапольский дол и подходили к Окланскому острогу (ААН, ф. 21, оп. 5, д. 103, л. 10). Наступление чукчей на коряков совершалось большими отрядами от 150 до 500 воинов (Вдовин, 1965, 92).

По указанию Сената, анадырский гарнизон пытался приостановить продвижение чукчей на юг. В 1744 г. из Анадырского острога против чукчей ходил в поход отряд, состоявший из 400 чел., но чукчи уклонялись от столкновений. Не имели успеха и дальнейшие небольшие походы 1745 и 1746 гг. (КПЦКЧ, 163—174). В 1747 г. чукчи нанесли значительный удар по анадырскому гарнизону, разгромив отряд майора Павлуцкого (КПЦКЧ,

172—174; Сгибнев, 1869, № 5, 84). Военные действия гарнизона с 1749 по 1752 г. не имели большого значения (КПЦКЧ, 174—179). Анадырский гарнизон оказался неспособным предотвратить нападение чукчей на юкагиров и коряков. В 1750-х годах чукчи совершили ряд больших походов против анадырских юкагиров. В 1754 г. в плен было захвачено 75 юкагиров, а в 1756 г.—120 (Вдовин, 1965, 76). Почти ежегодно совершались и походы против коряков. По подсчетам анадырских властей, с 1725 по 1773 г. было совершено более 50 походов против коряков, и у них было отбито почти 240 тыс. оленей (там же, 65). Если даже считать, как указывалось в том же документе, что число отбитых у коряков оленей преувеличено, остается несомненным, что чукчи нанесли корякам огромный урон и развили пастушеское оленеводство в основном за счет этой добычи.

Успехи чукчей в борьбе с коряками, резкое расширение ими территории своего обитания, переход значительной части чукчей к пастушескому оленеводству явились, несомненно, следствием целого ряда причин.

В отличие от юкагиров и коряков чукчи в XVII в. не были обложены обременительным ясачным платежом, но в то же время получили значительную выгоду от близости русских острогов и зимовий. От ясачных юкагиров, коряков, русских промышленников во второй половине XVII в. чукчи стали получать путем обмена железные и медные изделия русского производства. Это способствовало укреплению благосостояния жителей Чукотки. Более успешной стала охота, облегчились многие хозяйственные операции. Следует отметить также, что население отдаленной Чукотки в XVII в. избежало бедствий, связанных с опустошительными эпидемиями оспы. Между тем западные и южные соседи чукчей вследствие эпидемий резко уменьшились в численности.

Кочевые чукчи, совершавшие набеги на коряков, пользовались поддержкой своих береговых сородичей, часто принимавших непосредственное участие в походах. По сообщению Т. И. Шмалева, оленные чукчи, выступая в поход, везли воинов из числа береговых на своих оленях, в свою очередь, береговые предоставляли оленным байдары (Вдовин, 1965, 91). Немаловажное значение имело и то, что на Крайнем Северо-Востоке Чукотки военное дело было высоко развито в связи с большими походами на Аляску и необходимостью, в свою очередь, обороняться от набегов алеутов и американских эскимосов. Отработанные способы тренировки и закалки юношей, опыт, приобретенный в частых военных столкновениях, очевидно, давал чукчам известное преимущество перед коряками. По данным К. Мерка, чукчи имели даже разработанную тактику нападения на корякские стойбища (Этнографические материалы, 120). Вперед высылались разведчики, нападавшие старались выманить осажденных из юрт, устраивали засады, нападали на коряков на рассвете, стремились посеять в стане врагов панику и т. д.

Походы против юкагиров и в особенности против коряков, захват у них значительного числа оленей привели к росту пастушеских пастбищных хозяйств на Чукотке. Естественное размножение оленей требовало новых пастбищ. В этих условиях главы богатых чукотских оленеводческих стойбищ оказались заинтересованными в создании спокойных условий выпаса оленей, установлении мирных отношений как с коряками, так и с русскими. Эти тенденции стали проявляться уже в 1750-х годах. Так, в 1756—1758 гг. несколько чукотских стойбищ согласились на предложения глав корякских стойбищ заключить мир, вступить в брачные отношения и даже перекочевать в корякские земли. Однако члены этих чукотских стойбищ были вскоре уничтожены коряками из других групп, враждовавших с чукчами. Группа чукчей, появившаяся в бассейне Анадыря, заинтересованная в регулярных обменных отношениях с русскими, в 1763—1764 гг. согласилась платить ясак. Следует отметить, что в эти годы и царизм отказался от насильственного приведения чукчей в подданство, убедившись в том, что это не обещает никаких финансовых выгод. В 1764 г. Сенат решил во избежание огромных издержек упразднить Анадырскую крепость (КПЦКЧ, 191; Шаховской, 282).

С уходом анадырского гарнизона в Гижигинскую крепость и Нижнеколымск стремление анадырских чукчей к установлению мирных торговых отношений с русскими усилилось. На Чукотке стал остро ощущаться недостаток русских товаров. Подкочевывавшие как к Гижиге, так и к селениям оседлых коряков чукчи пытались вступить в меновые отношения. По существу, к 1780 г. набеги чукчей на коряков прекратились. Переговоры, проведенные в 1781 г. начальством Гижигинской крепости с анадырскими чукчами, привели к договоренности о том, что чукчи прекращают нападения на коряков (Шаховской, 288). Чукотские стойбища, занимавшиеся посреднической торговлей, кочевавшие вблизи пенжинских селений коряков, представляли собой в 1780-х годах уже мирных оленеводов.

Аналогичные изменения наблюдались и на западе Чукотки. Якутские власти в лице комиссара г. Зашиверска в конце XVIII в. предприняли безуспешные попытки привлечь чукчей к платежу ясака мирными средствами. На берегу Сухого Анюя с 1738 г. стали ежегодно устраиваться ярмарки, привлекавшие чаунских и «носовых» чукчей (Окунь, 82; Богораз, 35; КПЦКЧ, 189).

На Востоке Чукотки в конце XVIII в. как оленные, так и береговые чукчи в связи с развитием, с одной стороны, пастушеского оленеводства, с другой — зверобойного промысла стали проявлять стремление к установлению торговых связей с русскими. Кочевавшие на Крайнем Севере Чукотки оленеводы, так же как и жители береговых селений, оказали большое содействие географической экспедиции И. И. Биллингса. Главы некоторых стойбищ чаунских чукчей и ряда береговых селений заявили участникам экспедиции о своем согласии платить ясак без зало-

ников в случае открытия торговли, предлагали вновь восстановить Анадырский острог (КПЦКЧ, 180—190). Однако как чукчи, так и коряки в этот период все еще опасались друг друга. Как отмечал К. Мерк, участник экспедиции Беринга, чукчи все еще помнили о своей вражде с коряками, память о походах на Камчатку была свежа (Этнографические материалы, 120).

Налаживались в конце XVIII в. и взаимоотношения чукчей и азиатских эскимосов с жителями Аляски. В 1789 г., по сообщению сотника И. Кобелева, оседлые чукчи на 10 байдарках в числе около 150 чел. отправились на Аляску. Обмен между чукчами и американскими эскимосами представлял собой по существу военные переговоры двух вооруженных групп. Как чукчи, так и жители Аляски встречали друг друга в доспехах, в полном вооружении (там же, 121). Однако, как заметил сотник И. Кобелев, наблюдавший торг, обе стороны вооружались не для боя, а «для примера».

Следует отметить, что длительная упорная борьба чукчей с юкагирами и коряками, формирование крупных ополчений, насчитывавших сотни воинов, несомненно, способствовали перемещению разных локальных групп чукчей. Необходимость защищаться от карательных походов служилых людей на Чукотку также вела к сплочению обособленных групп, порождала у коренного населения Чукотки сознание общности интересов.

Эти обстоятельства, так же как и ускоренное развитие пастушеского хозяйства, видимо, привели к оттоку части береговых оседлых жителей в глубинную тундру. Среди них, по предположению Б. О. Долгих, были и эскимосы (Долгих, 581). Развитие пастбищного хозяйства ускорило процессы ассимиляции азиатских эскимосов чукчами. «Благодаря продаже американских кеннин оленным чукчам и прочим торговым сделкам оседлые чукчи,— писал К. Мерк,—превращаются в оленных и могут иногда кочевать с оленными, хотя со стороны последних никогда не пользуются уважением» (Этнографические материалы, 121).

На протяжении XVIII в. в состав чукотского этноса вошло немало лиц из числа захваченных в плен. Это были главным образом женщины. Однако в чукотских стойбищах были и пленные мужчины. «Встречаются также у чукчей коряки и единичные юкагиры в качестве работников,— писал К. Мерк.—Чукчи женят их на своих бедных женщинах, а оседлые также берут зачастую в жены пленных американок» (там же, 121). Можно полагать, что вошедшие в состав чукотских стойбищ иноплеменные лица оказали известное влияние на культуру чукчей. Таким образом, в конце XVIII в. чукчи-оленоводы прочно освоили огромные пастбищные просторы как самой Чукотки, так и прилегающих районов. Между отдельными группами оленеводов и береговыми поселениями зверобоев Чукотки сложились устойчивые обменные связи.

Длительная вражда и борьба между двумя оленеводческими подразделениями северо-восточных палеоазиатов привела в конечном счете к их значительному обособлению, что нашло отра-

жение в самосознании как оленеводов Чукотки, так и Камчатки. Оленные чукчи и оленные коряки при крайней языковой и культурной близости стали считать себя разными народами, хотя и продолжали сохранять общее самоназвание.

В конце XVIII в. экспедицией И. И. Биллингса были получены значительные сведения об азиатских эскимосах. По сообщениям участников этой экспедиции, азиатские эскимосы совместно с чукчами время от времени большими отрядами производили значительные опустошительные набеги на американских эскимосов, а иногда вели с ними обменный торг. Эти сведения позволяют думать, что во второй половине XVIII в. чукотско-эскимосские войны, получившие яркое отражение в чукотском фольклоре, прекратились. Есть основания полагать, что азиатские эскимосы участвовали совместно с чукчами и в походах на Камчатку.

Заслуживают внимания и наблюдения членов экспедиции И. И. Биллингса о взаимоотношениях азиатских эскимосов и оленных чукчей. Между ними в конце XVIII в. поддерживались регулярные обменные отношения. По данным К. Мерка, язык азиатских эскимосов в это время подразделялся на четыре диалекта — вутээнский, айванский, пэкский и уэленский (Этнографические материалы..., 99).

Бурные события XVIII в. не привели, видимо, к сближению локально-диалектных групп эскимосов, но, несомненно, сказались на их хозяйстве и образе жизни. Походы анадырского гарнизона на побережье, разорение оседлых поселений нанесли тяжелые удары по благосостоянию эскимосов. Во время походов был уничтожен целый ряд эскимосских поселений, разграблены их землянки-юрты. Эскимосы лишились своих, крайне трудоемких для изготовления орудий производства. Восстановление поселений требовало значительного времени и сил. Возможно, в это время часть береговых жителей ушла в тундру к оленеводам, сблизилась с ними. Оставшиеся на побережье должны были сосредоточить усилия на сравнительно «легких» промыслах — добыче моржей на лежбищах, прибрежной охоте. Все эти обстоятельства, очевидно, сказались на соотношении численности береговых и кочевых жителей Чукотки. Успешные походы на юг, расширение области чукотского пастушеского хозяйства способствовали, как отмечалось выше, росту численности оленеводов, отходу части прибрежных жителей в тундру.

Численность оленных чукчей, видимо, сравнилась, а затем и превысила численность береговых. Как отмечал Б. О. Долгих, рассматривая имеющиеся сведения о численности чукчей и эскимосов в XVIII в., большинство оценок приближалось к цифре 8 тыс. чел. обоего пола (Долгих, 553—554). Принимая во внимание позднейшие данные о соотношении береговых и кочевых жителей Чукотки, можно полагать, что в конце XVIII в. оседлые береговые морские зверобой насчитывали в своем составе около 3,5—4 тыс. чел., тогда как кочевые оленные чукчи — около 4,5—5 тыс.

В XIX в. продолжался процесс расширения территории обитания оленных чукчей.

В мирных условиях с ростом пастбищного пастушеского хозяйства чукчи-оленоводы стали продвигаться как на восток, так на юг. В начале XIX в. они прочно освоили районы, прилегающие к Чаунской губе. В 1830-х годах их стойбища уже были в бассейне р. Б. Баранихи (Майдель, 1925, 26). К середине XIX в. западные оленные чукчи стали подкочевывать к Омолону, низовьям Колымы. Как доносил колымский частный комиссар, в 1852 г. какая-то группа чукчей летовала в низовьях Колымы в местности Сухарная. Здесь чукчи рыбачили, закупив у русских старожилов сети (ЦГА ЯАССР, ф. 11, оп. 1, д. 321, л. 9). В 1859 г., по данным В. Г. Богораза, значительная группа чукчей переправилась на западный берег Колымы, одарив оленями местных юкагиров и эвенов за право кочевать в их землях.

Приблизившиеся к Колыме чукотские стойбища были привлечены к уплате ясака. В связи с этим якутский гражданский губернатор в 1866 г. официально подтвердил право чукчей кочевать между Колымой и Индигиркой (Богораз, 39). Переход в Большую (Халерчинскую) колымскую тундру привел к значительным изменениям в хозяйстве этой группы чукчей. Они улучшили породу своих оленей за счет покупки крупных ездовых тунгусских оленей, начали употреблять летом оленей под седлами, значительную роль в их деятельности заняли летний и осенний лов рыбы. Колымские чукчи сблизились с местным населением и стали вступать в браки с эвенами, юкагирами и даже с русскими сторожилами (Богораз, 128).

Наши данные об изменениях в жизни восточных оленных чукчей на протяжении XIX в. крайне фрагментарны. Они прочно обосновались в долине р. Анадыря (Ресин, 46). В конце века они продвинулись далеко на юг и стали кочевать в долине р. Пенжины, а на восточном побережье Камчатки — подходить к олюторским селениям в бухте Корфа. Здесь чукотские стойбища кочевали попеременно с коряками. «Внедрившись в среду коряков, часть их в значительной степени ассимилировалась,— писал В. Г. Богораз,— но старшее поколение чукчей, переселившееся даже на Камчатку, до сих пор говорит по-чукотски» (Богораз, 6). Есть основания полагать, что переселившиеся на Камчатку чукчи были потомками группы чукчей (Тумовский род), подходившей еще в XVIII в. к Гижигинской крепости для торга.

В XIX в. ускорилась ассимиляция береговых эскимосов чукчами. Как отметил спутник Ф. П. Врангеля, доктор Кибер, население береговых поселков между м. Шелагским и Уэленом говорило по-чукотски. Видимо, в начале XIX в. уэленский эскимосский диалект исчез (Кибер, 315). Это обстоятельство, очевидно, было связано с тем, что на побережье Чукотского моря охотились на морского зверя не только береговые оседлые жители, но и кочующие оленеводы. Летом, когда олени стада подходили к морю,

оленоводы нередко сами заготавливали для себя нерпичный жир, лахтачы шкуры.

Значительное влияние на жизнь чукчей в первой половине XIX в. оказывали ярмарки. Самой крупной из них была Анюйская. Ее ежегодный оборот во втором десятилетии XIX в. достиг 200 тыс. р. (История Якутской АССР, т. II, 223). Она привлекала к себе не только ближайших западных чукчей, посещавших ее регулярно, но и восточных «носовых» из залива Св. Лаврентия. «Носовые» чукчи приобретали на Аляске ценные меха, везли их на Анюй и меняли на русские товары, в особенности на табак. Караваны чукчей-поворотчиков — торговых посредников насчитывали в своем составе до 300 чел., включая 100—150 воинов. Они кочевали от Анюя до берингоморских селений оседлых чукчей и азиатских эскимосов (Врангель, 175).

В связи с отсутствием эпизоотий и эпидемий и с расширением пастбищного хозяйства в первой половине XIX в. наблюдался рост численности чукчей. К середине XIX в. их численность колебалась между 10—20 тыс. чел. (Дитмар, 1856, 32—35; Вагин, 303).

Хотя это были лишь оценки, они отражали действительное положение и свидетельствовали о том, что к середине XIX в. чукчи превратились в значительную по масштабам Северной Сибири народность и расселились на огромной территории.

В XIX в. чукчи подразделялись на две большие группы — восточных и западных, в свою очередь распадавшиеся на целый ряд локальных подразделений, таких, как колымские, чаунские, анюйские и др. Каждая из таких групп насчитывала в своем составе от 20 до 100 стойбищ (Богораз, 12—13).

Во второй половине XIX в. судьбы отдельных локальных групп чукчей складывались по-разному. С 1840-х годов у берегов Чукотки стали ежегодно появляться иностранные китобойные суда, занимавшиеся не только добычей китового жира, но и торговлей с чукчами. С этого времени Анюйская ярмарка в значительной мере потеряла свое значение для береговых восточных чукчей. Связи их с западными ослабли.

Хищнический промысел китов, добыча моржей на лежбищах подрывали благосостояние берегового населения Чукотки. Скупка оленьих шкур, пушнины, моржовых клыков за спирт, ром пагубно сказывалась на жизни береговых чукчей и азиатских эскимосов. Торговые операции китобоев в ряде районов нарушили связи между береговыми и оленными чукчами. Все же с развитием торговли во второй половине XIX в. как в прибрежных районах, так и на материке, каменные орудия, за исключением молотов для дробления костей и скребков для выделки шкур были вытеснены железными, лук и стрелы к концу XIX — начал XX в. уступили место огнестрельному оружию. Однако в целом характер производства как оленных чукчей, так и большинства береговых остался на таком же примитивном уровне, на котором он был и в XVIII в. (Гондатти, 8).

Перепись 1897 г. дала подробные сведения не только о численности чукчей и азиатских эскимосов, но и о расселении отдельных групп этих народов. Всего было выявлено 2956 чел. оседлых и 8795 оленных. Оседлые состояли из 1307 эскимосов и 1649 чукчей. Большая часть оленных чукчей обитала в Анадырском округе — 6611 чел. В Якутской обл. было 1556 чел. чукчей и в Гижигинском окр. — 628. Так как тогда эскимосы не выделялись из числа оленных чукчей, то общая численность чукчей была определена в 11 751 чел., тогда как в действительности оленные и береговые чукчи составляли всего 10 394 чел. (Патканов, 1912, 891—896, 901—903).

В конце XIX — начале XX в. в связи с известным имущественным расслоением усилился переход обедневших оленных чукчей к рыболовству. Усилилась эксплуатация чукчей как местными богатыми оленеводами, так и пришлыми скупщиками пушнины, опутывавшими отдельные семьи неоплатными долгами. На жизни восточных чукчей-оленеводов стал сказываться усилившийся вывоз оленины на Аляску в связи с открытием там золотых приисков. Накануне Великой Октябрьской социалистической революции отдельные группы чукчей находились в крайне тяжелом экономическом положении. В этническом развитии чукчей стали сказываться центробежные тенденции, обособление отдельных подразделений.

Коряки. Русские служилые люди на протяжении XVII в. из всех народностей Крайнего Северо-Востока Сибири чаще всего сталкивались с коряками. С них пытались собирать ясак гарнизоны Анадырского и Охотского острогов, впрочем, без особого успеха для казны. После строительства Охотского острога и превращения эвенгов (ламутов) в относительно исправных плательщиков ясака усилилось их проникновение на территорию, освоенную коряками. При поддержке русских служилых людей ламуты уже в XVII в. вытеснили коряков из района, примыкавшего к Тауйскому острогу. В 1695 г. охотские служилые люди вместе с ясачными ламутами ходили в поход против ольских сидячих коряков и громили их укрепленный острожек. В нем будто бы находилось около 300 чел. (Долгих, 555).

Знаменитые походы Владимира Атласова на Камчатку, завершившиеся присоединением новой, сказочно богатой соболями страны, привлекали внимание властей к Северо-Востоку Сибири. Охотский и Анадырский остроги стали опорными пунктами дальнейшего продвижения на восток. Путь на Камчатку прошел через земли, освоенные коряками. Продвигавшиеся в камчатские остроги отряды служилых людей вскоре восстанавливали против себя население корякских острожков, так как нередко при сборе ясака и постое производили произвольные поборы, допускали жестокости и злоупотребления.

Сравнительно многочисленное население корякских острожков в связи с этим часто вступало в вооруженные конфликты с пришельцами. Олюторские и пенжинские коряки в начале XVIII в.

перебили несколько отрядов служилых людей (Окунь, 14; Крашенинников, 477; ПСИ, кн. II, 507; ПСИ, кн. I, 410—411).

Создавшееся положение серьезно беспокоило якутские власти. В районах расселения коряков было решено возвести опорные пункты, укрепленные острожки. Приказчик Анадырского острога Ефим Петров в 1708 г. в качестве ответной меры за нападение на отряды служилых людей в низовьях Пенжины разорил три коряцких острожка и основал Акланский острог. Жестокие меры были предприняты против олюторских коряков. Олюторский острог, так называемый Большой посад, в 1714 г. взят был штурмом. Но вскоре воздвигнутое русскими служилыми людьми на этом месте укрепление было осаждено коряками, и гарнизон покинул его. В столкновениях со служилыми людьми олюторские коряки понесли тяжелые потери. Большой карательный поход в 1716 г. был совершен из Анадырского острога против пенжинских пеших коряков. Обособленные группы береговых олюторских и пенжинских коряков, пользовавшиеся разными диалектами, нередко враждовавшие между собой, не в состоянии были объединиться для совместной борьбы против самодержавия. Каждая группа самостоятельно ценой больших жертв отстаивала свои интересы. В то время как жители отдельных коряцких острожков вступали в мирные меновые отношения с пришельцами и относились к ним доброжелательно, другие с оружием в руках пытались воспрепятствовать строительству русских укреплений (Гурвич, 103—105).

В 1732—1733 гг., 1745—1749 гг. анадырский гарнизон вел военные действия против пенжинских и олюторских коряков (Сгибнев, 1869, № 5, 57—58).

Борьба с охотскими береговыми коряками, оказывавшими сопротивление строительству военных укреплений, растянулась почти на полстолетия.

В 1730 г. ямские, ирецкие и сигланские коряки перебили 30 чел. из команды судна, принадлежавшего к экспедиции казачьего головы Шестакова (Стелов, 125—129). Все же в районе их обитания в 1739 г. был возведен Ямский острог. В начале 1750-х годов военные действия против неясачных коряков Охотского побережья велись как охотским, так и анадырским гарнизонами. В 1751 г. большой поход против тайгоносских коряков совершил из Анадырска капитан Шатилов с командой, состоявшей из 240 чел. (КПЦКЧ, 115—120). В 1751 г. на Охотском побережье был выстроен Туманский острог, в 1752 г. — Вилигинское и Тавтумское укрепления и в 1753 г. — Гижигинская крепость. Однако охотские береговые коряки не сложили оружие. В 1754 г. они соединенными усилиями захватили Туманский острог, завладели пушками и боеприпасами. Восставшие укрепили острог, создали своеобразную военную организацию и в течение года отстаивали свои позиции (Вдовин, 1973, 203). Лишь к концу 1750-х годов ослабленные карательными походами береговые коряки отказались от дальнейшей борьбы за независимость.

В литературе высказывались мнения, что в этой борьбе коряки лишились половины своих соплеменников (Сгибнев, 1869, № 5, 73; Долгих, 560). Это представление в общем соответствует имеющимся фактам. Однако потери разных групп были неодинаковы. В 1763 г. камчатских береговых коряков (тигильцев, паланцев и укинцев), судя по числу плательщиков ясака, было около 1480 чел., тогда как в начале XVIII в. их численность, по расчетам Б. О. Долгих, определялась в 3780 чел. Таким образом, их численность уменьшилась в 2,5 раза (Гурвич, 109).

Значительно больше пострадали от походов служилых людей олюторцы и пенжинцы. Численность олюторцев с апукинцами и кереками к концу XVII — началу XVIII в. была 2700—2800 чел., а ко времени переписи 1763 г. во всей этой группе насчитывалось 740 чел., т. е. сокращение произошло примерно в четыре раза. В той же пропорции сократились и пенжинцы — с 2600 до 635 чел. (Гурвич, 108—109).

Меньшие потери понесли охотские коряки, находившиеся в значительном отдалении от Анадырского и Охотского острогов. К началу XVIII в. их численность определялась в 1280 чел., тогда как к 1767 г. их насчитывалось всего 750 чел. (Гурвич, 109).

В общем период объясачивания крайне отрицательно сказался на оседлых коряках. Они не только лишились значительной части боеспособных мужчин, но и были разорены. Нарушились традиционные обменные связи с оленными коряками. Длительное и безуспешное сопротивление, оказанное береговыми коряками, хорошо вооруженным отрядам служилых людей позволяет полагать, что они, несмотря на внешний примитивизм техники промыслов и архаический общинный быт, находились на довольно высоком уровне развития первобытнообщинных отношений. Коряки быстро овладели огнестрельным оружием, научились использовать пушки и в начале XVIII в. уже широко применяли железо при изготовлении орудий труда.

Следует отметить, что этот период, растянувшийся на несколько десятилетий, был временем массового проникновения к корякам железа, глубоких изменений в технике изготовления орудий труда, в способах ведения промыслов.

Несколько по-иному сложилась судьба оленных коряков. Попытка властей возвести укрепленные острожки на пути в Камчатку поставила в крайне трудное положение и оленных коряков. Опасаясь за источник своего существования — стада оленей — кочевые коряки, после первых карательных походов против своих оседлых соплеменников согласились платить ясак, выдали аманатов. Как российские подданные, они были привлечены в качестве вспомогательной военной силы к походам служилых людей. Это поссорило их с оседлыми жителями. Древние традиционные обменные связи между береговыми коряками — зверобоями, рыбаками и коряками оленеводами — оказались разорванными. Оставшись без союзников — береговых коряков, разобщенные стойбища оленеводов, как отмечалось выше, стали объектами на-

бегах чукотских отрядов. К 1720 г. относятся первые жалобы оленных коряков, направленные в Анадырский острог на то, что чукчи угнали у них оленей. Коряки, как ясачные плательщики, верноподданные, просили помощи и защиты у русской администрации (Вдовин, 1950, 84). В 1725 г. анадырские кочевые оленные коряки вновь обратились с прошением к начальнику Анадырской крепости прислать к ним отряд служилых людей для защиты от чукчей. Эти коряки сообщили, что чукчи убили у них несколько человек.

Значительный урон оленным корякам нанесли чукчи в 1730 г. По сообщениям анадырских властей, нападавшие перебили около ста коряков из числа оленеводов. В конце 1737 — начале 1738 г. чукчи появились под Анадырском, на Олюторе и отбили 21 тыс. оленей (Гурвич, 105). Весьма значительное число оленей чукчи захватили в 1746 и 1747 гг. Чукотские отряды доходили до Укин-ского острога. Походы чукчей против оленных коряков, несмотря на то что из Анадырского острога в коряцкие стойбища высылали караулы служилых людей, имели место вплоть до 1770 г. Военные походы чукчей привели к тому, что коряцкие стойбищные группы отошли от Анадыря на юг, к Гижиге.

Все это не могло не сказаться на численности оленных коряков. В 1767 г. во всех группах оленных коряков насчитывалось 319 ясачных плательщиков, т. е. около 1280 чел. обоего пола (Гурвич, 109), между тем как в 1698 г. их численность определялась в 2500 чел. (Долгих, 557). В целом численность оленных коряков после открытия Камчатки до переписи 1767 г. уменьшилась приблизительно в два с половиной раза.

После установления в конце 1770-х годов мирных отношений, видимо, наметился рост численности как береговых, так и оленных коряков. Он был оборван оспенной эпидемией 1769—1770 гг. От нее особенно пострадали тигильские коряки (численность населения по отдельным поселкам сократилась в два-три раза). Почти в два раза уменьшилась и численность гижигинских оседлых коряков. В 1767 г. здесь числились 563 ревизские души, а в 1783 г. по IV народной ревизии — всего 302 чел. Меньше эпидемия затронула олюторцев (Гурвич, 111). Значительные опустошения произвела оспа в укинских, и в карагинских селениях. На р. Уке осталось после оспы всего 8 чел. мужского пола. Общая численность карагинцев немногим превышала 200 чел. В целом их число сократилось более чем наполовину (Вдовин, 1973, 22).

Оленные коряки, видимо, в значительной мере избежали оспы. Они перестали посещать русские поселки и подходить к селениям своих оседлых собратьев. Лишь к концу XVIII в. стали постепенно изживаться последствия эпидемии. Однако общая численность береговых и оленных коряков едва достигала 4800 чел. обоего пола. К этому времени, по-видимому, восстановились обменные связи между береговыми и оленными коряками.

В ряде мест береговые коряки, например в некоторых олюторских селениях, сами начали заводить оленей и выпасать их непо-

далеку от своих прибрежных промысловых угодий. Сконцентрировавшиеся в годы частых набегов чукчей около Гижиги оленные коряки после установления мирных отношений стали постепенно переходить в долину р. Пенжины, на р. Таловку. В 1770-х годах, как показывают имеющиеся в нашем распоряжении документы, группы эвенов-охотников иногда еще нападали на корякские оленные стойбища с целью захвата оленей и имущества (ЦГАДА, ф. 1096, оп. 1, д. 33, л. 94). Однако такие случаи не оставались безнаказанными. В целом проникновение эвенов в корякские земли в район Гижиги проходило мирно (ЦГАДА, ф. 1096, оп. 1, д. 41, л. 34). Немногочисленные эвенские стойбищные группы, занимавшиеся охотой, просачивались в районы кочевий коряков, но держались в отдалении от них. В этот период наметилось дальнейшее сближение охотских береговых коряков с русским населением. Метрические книги Гижигинской церкви конца XVIII в. свидетельствуют о том, что служилые люди и крестьяне нередко брали в жены новокрещенных корячек (Гурвич, 109). Можно полагать, что значительная часть охотских береговых коряков в это время была двуязычна.

Быт и хозяйство тигильских оседлых коряков также стали уподобляться русскому. Жители селений Напана и Палана заменили землянки избами. Балаганы — летние жилища на сваях — стали использоваться как хозяйственные постройки. В быт тигильских коряков вошли русские товары — чай, табак, ткани, приобретаемые у купцов за пушнину (ЦГАДВ, ф. 1520, оп. 1, д. 64, л. 10—18; Этнографические материалы..., 166). Традиционный облик хозяйства и быта сохраняли пенжинские и олюторские береговые коряки. Но и в их поселки, удаленные от русских форпостов, проникло огнестрельное оружие (Лессепс, 87). Видимо, наиболее оторванными, замкнутыми группами в конце XVIII в. были крайне малочисленные северные оседлые коряки-апукинцы, пахачинцы и кереки.

Но в целом быт и культура оседлых береговых коряков на протяжении XVIII в. претерпели значительные изменения. Хотя направление их хозяйственной деятельности осталось прежним, изменилась во многом материальная культура, видимо, ушли в прошлое многие архаические обычаи и обряды. Наряду со стародавними исконными занятиями у оседлых появилось кузнечное ремесло. Особого мастерства в этой области достигли пареньские коряки. Они изготавливали орудия труда не только для себя, но и для обмена с соседями. Изделия пареньских кузнецов — копья, ножи, пешни — приобрели известность далеко за пределами Камчатки.

Пушной промысел, поощрявшийся русской администрацией, способствовал росту обменных связей, проникновению в корякские селения и стойбища новых орудий труда.

Начало XIX в. было тяжелым периодом в жизни большей части камчатских коряков. По сообщениям местных властей, эпидемия «гнилой горячки» охватила северные селения береговых

коряков. Эпидемия унесла много жертв. Но численность погибших коряков в имеющихся материалах дана вместе с камчадалами, поэтому определить точное число жертв среди коряков затруднительно. Однако, судя по размерам бедствий в долине р. Камчатки, можно полагать, что от эпидемии погибло около 30% камчатских коряков (Гурвич, 179). Вслед за этой трагедией последовало несколько неудачных лет в отношении лова рыбы. Весной 1810 г. голод охватил тигильских коряков. Видимо, недостаток рыбы к берегам ощущался и по всему Охотскому побережью. Особенно тяжелый голод испытали гижигинские (наяханские) коряки (там же, 183).

Согласно VI народной ревизии (1811—1812 гг.), в Гижигинском комиссарстве было выявлено 479 ревизских душ пеших коряков и 825 оленных, а всего — 1304 муж. души (ЦГАДВ, ф. 1018, оп. 1, д. 13, л. 45—47). На Камчатке по этой ревизии значилось 228 ревизских душ олюторцев, 339 кочевых оленных коряков и 430 — паланцев и карагинцев (они числились камчадалами) (Вагин, 43). Общая численность коряков составляла 2300 муж. ревизских душ или 4600—4800 чел. обоего пола. Таким образом, за два десятилетия XIX в. численность коряков не увеличилась.

Все же в первой половине XIX в. в хозяйственной деятельности коряков южных селений, располагавшихся по западному берегу Камчатки, наметились дальнейшие прогрессивные изменения. В Кахтане и Кинкиле жители завели лошадей и коров, хотя продолжали заниматься рыболовством и охотой (ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 9, д. 1055, л. 28—29). Хозяйство этих коряков приблизилось к облику хозяйства русских крестьян Камчатки.

Такие же изменения имели место и в селениях охотских — гижигинских, ямских и туманских коряков. Они также занимались рыболовством, морским зверобойным промыслом, но приобрели лошадей, рогатый скот, завели небольшие огороды.

Нововведения не коснулись северных коряков-пенжинцев и олюторцев, их занятиями были лишь рыболовство и морской зверобойный промысел. Оленные группы коряков стали во второй половине XIX в. втягиваться в торговые отношения с русскими. Закупленные у тигильских коряков олени туши доставлялись в Петропавловск (ЦГАДВ, ф. 87, оп. 1, д. 81, л. 80). Значительное число оленей ежегодно закупали гижигинцы.

В XIX в. усилилось сближение отдельных групп коряков с соседями. Так, карагинские и паланские коряки смешивались с ительменами (камчадалами). В конце XIX — начале XX в. на эти группы значительное влияние оказали русские переселенцы. Как отметил К. Дитмар, в 1850 г. пять южных селений — Лесная, Кинкиль, Палана, Кахтана и Воямполка — имели в общем русский облик. Жители не только обитали в русских избах, но и владели русским языком (Дитмар, 1856, 28).

Охотские коряки-гижигинцы, ямские жители в значительной степени перемешались путем браков с русскими и усвоили образ жизни русских крестьян (Булычев, 209). В литературе отмеча-

лось сближение северных групп коряков-оленьеводов с чукчами-оленьеводами (Богораз, 19). Наибольшую самобытность сохраняли пенжинские и олюторские береговые коряки и оленьеводы, кочевавшие в глубинных районах Камчатки.

С 1830-х годов намечается рост численности коряков в связи с известной стабилизацией их хозяйства. Так, в 1836 г. карагинских коряков было уже 270 душ обоего пола, а в 1840 г. — 303 чел., в 1848 — 444 чел. (в это число вошла и часть ительменов) (Вдовин, 1973, 22). Увеличивалась и численность оленных групп. В 1853 г. численность коряков-оленьеводов определялась в 2780 душ (Дитмар, 1855, 60). Общая численность коряков в середине XIX в. была около 5000—5200 чел. Перепись 1897 г. показала, что карагинцев было 318 чел. обоего пола, паланцев (или тигильских коряков) — 968, олюторцев — 1028, кереков — 102, туманских-ямских — 231, гижигинских и пенжинских — 889, оленных — 3748 (Патканов, 1912, 895—896). Общая численность коряков достигала 7284 чел. Соотношение береговых оседлых и кочевых оленных коряков было тогда примерно равным. По сравнению с 1827 г. численность коряков выросла примерно на 40%.

Особенно увеличилась численность оленных коряков в связи с относительно благоприятными годами — отсутствовали эпидемии и эпизоотии. Огородничество и скотоводство позволили береговым корякам сравнительно безболезненно переживать годы с плохим уловом рыбы. Однако в самом конце XIX в. вновь началось снижение численности этих групп населения. В 1896—1898 гг. охотские и пенжинские коряки пострадали от эпидемии гриппа, в 1899 г. свирепствовала эпидемия кори, а в 1900 г. — эпидемия оспы. В разных группах коряков погибло от 10 до 33% населения (Jochelson, 445).

В конце XIX — начала XX в. в районах расселения береговых коряков начало развиваться промышленное рыболовство. Значительное воздействие пришлое население оказало на жителей укинских (карагинских) селений и тигильских коряков. Это население было христианизировано, здесь действовали церковно-приходские школы.

Этническая история коряков на протяжении XVII—XIX вв. свидетельствует об удивительной жизнеспособности, жизнестойкости как береговых, так и оленных групп. В сложной исторической обстановке, подвергаясь жестоким набегам чукчей, защищаясь от карательных походов анадырских и охотских властей, они не только выстояли, но и в известной мере приспособили свое промысловое производство к новым условиям. Однако сплачивающие тенденции между отдельными этнографическими группами этой этноязыковой общности в XVII—XIX вв. не получили какого-либо развития. Огромные расстояния между отдельными группами, различия в диалектах, особенности хозяйственной деятельности и натуральное производство не способствовали сближению. Коряки в этот период не осознавали себя единой народностью, но хорошо опознавались извне.

Ительмены-камчадалы. В результате походов служилых людей Анадырского острога на Камчатку в конце XVII — начале XVIII в. крупная этнолингвистическая общность полуострова — ительмены, именовавшаяся в русских документах камчадалами, вошла в состав Российской империи.

В то время ительмены занимали по сибирским масштабам сравнительно небольшую территорию (Антропова, 1949). Самая крупная группа их, собственно камчадалы, осваивала бассейн р. Камчатки и прилегающие районы. Ее численность, по расчетам Б. О. Долгих, к приходу русских была около 6900 чел. Более мелкие группы — авачинская (около 1020 чел.), большерецкая (1600 чел.), западная (2200 чел.), хайрюзовская — 940 чел., представляли собой локально-диалектные подразделения ительменов, отличавшиеся, видимо, и характером производства (Долгих, 571). Каждая группа имела свое особое название и некоторые этнические особенности. Так, жители долины р. Камчатки считали авачинских и большерецких ительменов айнами, западных и хайрюзовских — коряками в связи с тем, что они заключали браки с соседними айнами и коряками.

Основным занятием ительменов было рыболовство, дополняемое морским зверобойным промыслом и сухопутной охотой. Единственным видом домашних животных была собака. К приходу русских камчадалы-ительмены еще пользовались каменными орудиями. «Прежние камчатские металлы почти до прибытия россиян были кость и камень. Из них они делали топоры, ножи, копья, стрелы, ланцеты и иглы», — сообщал С. П. Крашенинников. Он описал тесла из яшмы, ножи, стрелы и копья из горного хрусталя, иглы из соболиных костей (Крашенинников, 1949, 31—32). Камчадалам были известны железные орудия, изредка проникавшие к ним из Японии, однако они представляли редкость. По существу на Камчатке в начале XVIII в. еще господствовал пережиточный энеолит.

Первобытнообщинные отношения у ительменов находились в состоянии распада. Между отдельными локальными группами и поселениями (острожками) нередко возникали вооруженные конфликты (Крашенинников, 63).

В первые 18 лет после открытия Камчатки, т. е. в период объясачивания, вследствие столкновений со служилыми людьми, а также участвовавших междоусобиц, численность ительменов, по расчетам Б. О. Долгих, сократилась примерно на 20—23% (Долгих, 71). Сказалось, очевидно, и нарушение традиционного уклада жизни, необходимость добывать пушнину для уплаты ясака. Следует отметить, что поскольку камчадалы вели оседлый образ жизни, то уже в начале XVIII в. они вошли в прочный контакт со служилыми и промышленными людьми, а через два десятилетия после открытия Камчатки в южной части этого полуострова, главным образом в долине р. Камчатки, возникло значительное русское население.

В 1730-х годах в камчатских острогах насчитывалось около 300 лиц служилого сословия (служилые и «казацьи дети»), разночинцев, промышленников — около 50 чел., крестьян — около 50 мужчин, а всего, если считать и членов их семей, здесь было не менее 1400 чел. (КПЦКЧ, 7—8; Гурвич, 130). Большая часть служилых людей и промышленников находилась в сожителстве с ительменками, так как в первые десятилетия недостатка в пленных женщинах не было (Крашенинников, 344).

Ближние связи между русскими людьми и ительменами не замедлили сказаться на облике культуры коренного населения, привели к быстрой деформации их общественного строя. Соседство ясачных острожков с ительменскими селениями имело свои последствия, с одной стороны, сравнительно быстрое сближение коренных и пришлых жителей, с другой — способствовало усиленной эксплуатации ительменов казацкими военачальниками, разными авантюристами, пытавшимися всеми мерами обогатиться в отдаленном краю за счет ительменов. Произвол властей на далекой Камчатке нередко ставил отдельные селения ительменов на край гибели (ПСИ, кн. I, 445). Казаки, помимо ясака, собирали пушнину и в свою пользу.

Следствием злоупотреблений местных властей явилось восстание ительменов 1731 г., крайне жестоко подавленное. Отряды карателей прошли не только по долине р. Камчатки и Аваче, но и по западному побережью (КПЦКЧ, 47—81; Крашенинников, 225—236; Окунь, 35—49). В ходе восстания имели место столкновения между самими ительменами, участниками восстания, с одной стороны, и соблюдавшими нейтралитет — с другой. Следственная комиссия (розыскная походная канцелярия), посланная на Камчатку из Иркутска, произвела дознание о причинах этого события и казнила захваченных в плен ительменов — руководителей восстания и служилых людей, виновных в злоупотреблениях. Следственная комиссия запретила какие-либо поборы в пользу приказчиков и казаков и освободила ясырь — пленных рабов, находившихся у казаков (Стрелов, 183). Крутые меры, предпринятые против местной администрации, ограничили ее произвол (Сгибнев, 1869, № 5, 54). Восстание и его подавление привели к дальнейшему уменьшению численности ительменов.

Судя по данным о числе ясачных плательщиков, значившихся в списках 1732 г., общая численность ительменов в это время была около 7500—7800 чел. (Гурвич, 99). Последующие пять лет, сравнительно благоприятные в отношении промыслов, привели к некоторому увеличению численности коренного населения южной части Камчатки за счет естественного прироста. В конце 1730-х — в 1740-х годах наметились дальнейшие изменения в быту и образе жизни ительменов. К этому времени железные орудия полностью вытеснили орудия из камня и кости, стало распространяться огнестрельное охотничье оружие.

Хотя ительмены в XVIII в. (об этом свидетельствуют наблюдения С. П. Крашенинникова) сохраняли еще много самобытных

черт, облик их быта постепенно менялся (Старкова, 151—153). В этом отношении немалую роль имело обращение их в христианскую веру. В 1830—1840-х годах большая часть ительменов была крещена. В 1845 г. было крещено 2964 чел. (ЦГАДА, ф. 1011, оп. 1, д. 31, л. 8). В Большерецком, Верхнекамчатском, Нижнекамчатском и Авачинском острогах возникли церкви (Крашенинников, 231—242).

Однако прогрессивные сдвиги в жизни ительменов — прекращение междоусобных столкновений, распространение более совершенных орудий труда — перечеркивались тяжелыми условиями существования, бюрократическими распоряжениями местных властей (Сгибнев, 1869, № 6, 45). По имеющимся материалам III ревизии (1763—1767 гг.) численность ительменов определялась примерно в 6 тыс. чел. обоего пола (Гурвич, 101). Вскоре после III ревизии произошло резкое сокращение численности всех жителей Камчатки и в особенности ительменов. В 1768—1769 гг. на полуострове свирепствовала эпидемия оспы. Население некоторых поселков полностью вымерло. По данным камчатских властей, от оспы погибло 4767 местных жителей (ительменов и оседлых коряков) и 315 человек заезжих. В живых будто бы остались 1333 ясачные души. Однако в ведомости поострожного учета убыли населения от оспы, сделанной, видимо, позже, приводится меньшая цифра — 3989 чел., в том числе по ительменским селениям — 3289 чел. Расхождения, видимо, объясняются тем, что некоторая часть ительменов и коряков, спасаясь от оспы, находилась сначала в бегах, а затем вернулась в свои острожки. Основываясь на данных учета, можно заключить, что от оспы погибло 65% населения Камчатки. Численность ительменов упала до 2600 чел. обоего пола (Гурвич, 101).

Страшные последствия оспенной эпидемии 1768—1769 гг. объяснялись рядом причин. Болезнь распространялась на юге Камчатки с необыкновенной быстротой, так как население вело оседлый образ жизни. Жители не могли быстро покинуть свои жилища и бежать от болезни, как это делали обычно оленеводы и охотники.

После эпидемии в конце XVIII в. на Камчатке резко изменилась этническая ситуация. Как показала IV ревизия 1782 г., численность ительменов составляла около 3000 человек, т. е. всего на 1000 чел. превышала численность русского населения (КПЦКЧ, 150—151; Гурвич, 101, 131). Смешанные в национальном отношении браки в этих условиях получили широкое распространение. Как отмечал Ж. Лессепс после посещения камчадальских острожков, «природных жителей, которых кровь не смешана, очень мало» (Лессепс, 91). В последних десятилетиях XVIII в. численность ительменов вновь несколько возросла. Однако в 1799 г. Камчатка опять пострадала от эпидемии, на этот раз — от «гнилой горячки». Болезнь была занесена направленным на полуостров полком солдат. От эпидемии погибло, по одним сведе-

ниям, 1682 ительмена и коряка (Сгибнев, № 7, 46), по другим — 2000.

Ревизией 1820 г. на Камчатке было выявлено всего 2758 чел. местных жителей обоого пола, в том числе около 2 тыс. ительменов (Сгибнев, № 8, 37). Последующий учет населения — 1827 г. — подтвердил эти данные. Ительменов, видимо, было около 1900 чел. обоого пола (Голенищев, 1831, 206; ЦГИА, ф. 468, оп. 9, д. 1055, л. 28—29).

В первой половине XIX в. произошли дальнейшие изменения в хозяйстве и быту ительменов. В камчадалских селениях под воздействием администрации стало распространяться огородничество, хотя оно и не приносило таких доходов, как рыболовство. Во всех селениях появились лошади и рогатый скот. Быт ительменов приблизился к быту камчатских русских крестьян. В связи с изменениями в хозяйстве, сближением с русской культурой, улучшением быта в середине XIX в. начался рост численности ительменов. По учету 1852 г., камчадалов было около 2200 чел. (Сгибнев № 8, 108; Кеппен, 65—66; Гурвич, 181).

Перепись 1897 г. выявила 2779 чел. ительменов, в том числе 1411 мужчин и 1368 женщин. Неблагоприятное соотношение полов свидетельствовало о тяжелых условиях жизни ительменов.

К концу XIX в. значительная часть ительменов уже была двуязычной. Судя по материалам наблюдателей, ительмены подразделялись на следующие языковые группы: русскоязычные — жители поселков, связанных с г. Петропавловском; двуязычные (поселки и острожки по р. Камчатке); пользовавшиеся только родным языком (поселки по западному побережью Камчатки, отдельные поселки, как, например, Толбачик) (Дитмар, 1901, 335, 343, 370 и др.; Кенан, 45). Согласно данным переписи, только 1175 чел. ительменов показали в качестве родного языка камчадалский — ительменский (Патканов, 1912, 914—916). Но фактически русскоязычных было больше, так как сибирский говор нередко принимался на Камчатке за ительменский язык (Тюшев, 61—62).

Данные переписи о языковой трансформации ительменов подтверждают материалы наблюдателей.

В 1908—1909 гг. жизнь и быт камчадалов привлекли внимание такого выдающегося исследователя Камчатки, как В. Л. Комаров. Он отметил исчезновение ительменского языка в долине р. Камчатки и подчеркнул сближение обруселых камчадалов с русскими старожилами: «Теперь далеко не всегда скажешь, кого видишь перед собой, камчадала или русского — настолько они перемешались и настолько одинаковы их образ жизни, одежда и утварь» (Комаров, 105). Из четырех ительменских наречий в начале XX в. еще сохранялись седанкинское и хайрюзовское по западному берегу Камчатки. Ительменские наречия, характерные для долины р. Камчатки и для мыса Лопатки, исчезли бесследно.

Таким образом, к началу XX в. потомки ительменов — жители

долины р. Камчатки и прилегающих районов — слились с русскими старожилами, ительмены западного берега полуострова еще сохраняли свой родной язык, но также во многом, особенно в области хозяйства и культуры, уподобились пришлому населению.

Обзор этнических изменений на Крайнем Северо-Востоке Сибири в XVII — начале XX в. показывает значительные различия в развитии трех этноязыковых общностей, осваивавших этот обширный регион. Из небольшой локальной группы в сравнительно крупную и монолитную в языковом отношении народность с ярко выраженным самосознанием превратились чукчи, расширившие свою этническую территорию. Напротив, этническое развитие коряков шло на уровне локальных, обособленных подразделений. Охотские береговые коряки в значительной мере утратили свои культурные особенности, сблизившись с русским пришлым населением. В быту тигильских, отчасти карагинских коряков под влиянием нововведений, занесенных на Камчатку русскими крестьянами, произошли большие изменения, только пенжинские и олюторские береговые коряки сохранили традиционный облик хозяйства и быта. Резко сократилась область кочевий коряков-оленоводоов. Расширились связи отдельных корякских подразделений с соседями — эвенами, ительменами, чукчами, однако эти связи не привели к явлениям языковой или культурной трансформации.

Наиболее значительные этнические изменения в силу целого ряда причин произошли в среде ительменов-камчадалов. Специфика культуры и быта этой оседлой, территориально компактной этнической общности уже в XVIII в. претерпела большие изменения. Эпидемии второй половины XVIII — начала XIX в. унесли значительную часть этой народности. К концу XIX — началу XX в. этническое развитие ительменов пошло по линии сближения и слияния с русским старожильческим населением полуострова.

Литература

- Антропова В. В. 1949. Расселение ительменов первой половины XVIII в. — Изв. ВГО, ч. 81, № 4.
- Берг Л. С. 1946. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга, 1725—1742. М.: Л.
- Богораз В. Г. 1934. Чукчи. Ч. I, II.
- Булычев И. 1856. Путешествие по Восточной Сибири. СПб. Ч. 1.
- Вагин В. 1872. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г.
- Вдовин И. С. 1944. Расселение народностей северо-востока Азии во второй половине XVII и начале XVIII в. — Изв. ВГО, т. 76, вып. 5.
- Вдовин И. С. 1950. К истории общественного строя чукчей. — Учен. зап. ЛГУ, № 115.
- Вдовин И. С. 1965. Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л.
- Вдовин И. С. 1973. Очерки этнической истории коряков. М.

- Врангель Ф. П. 1948. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. М.
- Голенищев. 1831. Сельское хозяйство на Камчатке.— Земледельческий журн., № 2.
- Гондатти Н. 1898. Поездка из села Маркова на р. Анадырь в бухту Провидения (Берингов пролив).— Зап. Приамур. отд-ния РГО, т. IV, вып. 1.
- Гурвич И. С. 1966. Этническая история Северо-Востока Сибири. М.
- Диков Н. Н. 1971. Наскальные загадки древней Чукотки: (Петроглифы Пегтымеля). М.
- Дитмар К. 1856. О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах.— Вестн. РГО, т. XVI.
- Дитмар К. 1901. Поездка и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг. СПб.
- Долгих Б. О. 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.
- Иохельсон В. И. 1900. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб. Ч. 1.
- Иохельсон В. И. 1910. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречия, быт, брачные и иные обычаи и взаимодействие различных племенных элементов.— Живая старина, вып. I/II.
- История Якутской АССР. 1957. М. Т. II.
- Кенан Д. 1871. Степная жизнь в Сибири. СПб.
- Кеппен П. 1857. Девятая ревизия. СПб.
- Кибер [доктор]. 1823. Замечания о некоторых предметах естественной истории, učinенных в Нижнеколымске и окрестностях оного в 1821 г.— Сиб. вестн., ч. II, кн. 10.
- Комаров В. Л. 1912. О русском населении Камчатки.— Рус. антропол. журн., № 2/3.
- Крашенинников С. П. 1949. Описание земли Камчатки. М.; Л.
- Лессепс Ж. 1800. Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири. М. Т. II.
- Майдель Г. 1925. Записки о народах, живущих в северо-восточной части Якутской и Приморской областей.— В кн.: Сб. трудов исследовательского общества «Саха Кeskile». Якутск, вып. 1.
- Майдель Г. 1894. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 гг. СПб. Т. 1.
- Меновицков Г. А. 1972. Местные названия на карте Чукотки. Магадан.
- Огородников В. И. 1922. Покорение юкагирской земли. Чита.
- Огородников В. И. 1924. Завоевание русскими Сибири.— В кн.: Очерки истории Сибири до начала XIX столетия. Владивосток.
- Окунь С. Б. 1935. Очерки истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. Л.
- Патканов С. К. 1911. О приросте инородческого населения Сибири. СПб.
- Патканов С. К. 1912. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб. Т. 1—3.
- Сгибнев А. 1869. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке.— Морской сборник, № 4—8.
- Сгибнев А. 1869. Материалы по истории Камчатки.— Морской сборник, № 2.
- Старкова Н. К. 1976. Ительмены: Материальная культура XVIII—60 г. XX в. М.
- Стрелов Е. Д. 1916. Акты архивов Якутской области (с 1650 по 1800 г.). Якутск. Т. 1.
- Тюшев В. Н. 1906. По западному берегу Камчатки. СПб.
- Шаховской А. 1922. Известия о Гижигинской крепости.— Сев. архив, № 22.
- Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции 1785—1795 гг. 1978. Магадан.
- Jochelson W. 1908. The Koryak.— Mem. Amer. Museum of Natural History, vol. VI, pt. II.

Народы Нижнего Амура и Сахалина

Первые сведения о народах Нижнего Амура и Сахалина в XVII в. появились благодаря походам русских землепроходцев. Хотя данные эти сравнительно скудны, тем не менее каждое из этих ранних сообщений имеет большую ценность (ДАИ, III, IV; Спасский; Шренк, 1883; Золотарев, 1937; Степанов, 1950, 1958; Долгих, 1958, 1960; Полевой; КП МГЯ). Приведенные в различных документах этнонимы, относящиеся к жителям Нижнего Амура,— «нгатки» («нгатку»), гольдики, ачань, куви, лонки, дючеры и др.—свидетельствуют об этнической неоднородности населения этих мест в XVII в.

Следует отметить, что землепроходцы зачастую один и тот же народ называли различными этнонимами; так, по В. Пояркову, на Амуре жили дючеры, натки и гиляки, по Е. Хабарову — дючеры, ачань и гиляки. К XVII в. относятся и нижнеамурские этнонимы «гольдики», «лонки», «куви». Позднейшими исследованиями установлено, что гольдами называли нанайцев ульчи, орочи, негидальцы; низовые нанайцы так называли верховых. Лонки, как выяснилось,— один из родов ульчей. Эти этнонимы интерпретировались по-разному (Шренк, 1883, 104—106, 116—118; Золотарев, 1937, 1939; Долгих, 1960; Штернберг, 4—8; Липская). По мнению землепроходца О. Степанова, на Нижнем Амуре в XVII в. жили только два народа — дючеры и гиляки.

Л. И. Шренк, А. М. Золотарев и Б. О. Долгих считали, что этнический состав Нижнего Амура в XVII в. в целом соответствовал этническому составу в XIX в. Б. О. Долгих, опираясь на документы XVII в. и сопоставляя их с данными XVIII и XIX вв., показал, что в XVII в. предки нанайцев, ульчей, негидальцев, нивхов занимали примерно те же территории и имели приблизительно ту же численность, что и в XIX в.: число нанайцев Амура было определено в 2 тыс. чел., ульчей — в 1500, нивхов Амура — в 4300, негидальцев — в 500 чел. (Долгих, 1960, 612—613). Эти данные о численности, равно как и примерное определение этнических границ в XVII в. между нивхами, ульчами и нанайцами, имеют большое значение для определения этнического состава населения Нижнего Амура в тот период¹.

Из приведенных материалов следует вывод о сложном этническом составе коренных жителей Амура в XVII в. О том, что в самом нивхском ареале расселялись представители тунгусоязычных народностей, свидетельствуют приводимые ниже антропони-мические данные (Долгих, 1960, 599, 600, 602; Полевой, Такса-ми). Как известно, имена нивхов и их тунгусоязычных соседей резко различаются: для нивхских антропонимов характерно сте-чение согласных и окончания -гун, -гин, -дан, -дин, -рин, -рун,

-гук, -зук и т. п. (Панфилов, 1973; Таксами, 143, 206, 213). Типичные нивхские мужские имена: Аврин, Азмун, Азрун, Багрин, Вандан, Выксин, Клыгун, Кавдин, Мечкин, Нитгин, Плавгун и др. (Нивхско-русский словарь).

В книге В. О. Долгих и в статье Б. П. Полевого и Ч. М. Таксами (1975) приведен перечень имен «гиляков», живших по Амуру ниже оз. Кизи в 1644 и 1655 г.: Чакун, Кататр, Чернин, Плевгуй, — бесспорно, нивхские. Но в этом списке есть и имена, похожие на имена тунгусоязычных соседей нивхов, подчиняющиеся «гармонии гласных», в них отсутствует стечение согласных. Для них характерно окончание на -га. Некоторые из них переводятся с ульчского или нанайского языков: Омисонгко (оми — по-ульчски и по-нанайски — «душа ребенка», сонгго — «плакать»); Нунуга — от ульч., нан. — нюнгун — «шестой»; Кетюга (Кэтэ — по-нанайски, ульч. — «старший»); Паталаг — от патала — «девушка», Бали — «слепой». Три имени «гиляков» представляют собою этнонимы, которыми нивхи называли своих тунгусоязычных соседей — Килима, Рыган, Негда («кили» — тунгусы, «рыгу» и «негда» — негидальцы). Пяти приведенным выше именам, имеющим перевод с ульчского или нанайского, нет соответствий в «Нивхско-русском словаре», они не похожи на нивхские имена и по формальным признакам. Имена «гиляков» XVII в. с суффиксом -га (Нунуга, Сунегга, Сельдюга, Кетюга) имеют множество аналогий в нанайском и ульчском языках; нанайские: Насинга, Муриинга, Делюнга, Ганюга, Киксунга, Месинга (ЦГИАЛ, ф. 1290, оп. 11, д. 1894, материалы переписи 1897 г.); ульчские: Кенегга, Пага, Пуранга, Дога, Хеченга, Синага, Дюньга, Бонга (ЦГА ДВ, ф. 731, оп. 1, д. 400, материалы переписи 1910 г.). Таким образом, хотя землепроходцы и называли носителей перечисленных имен «гиляками», фактически большинство из них были нанайцы, ульчи, негидальцы, возможно, эвенки. Они жили ниже оз. Кизи, в так называемых гиляцких селениях. Все это свидетельствует о том, что землепроходцы называли «гиляками» всех жителей Нижнего Амура, безотносительно к их подлинной этнической принадлежности; этнический состав так называемых гиляцких (нивхских) селений в XVII в. был, по-видимому, неоднородным, как и в XIX в. (Смоляк, 1975б, 1977).

Последнее положение подкрепляется дополнительными аргументами. В XVII в. среди нивхских селений существовало одно с названием Тахта (Долгих, 1960, 600), сохранившееся до сих пор; с нивхского этот топоним не переводится, а по-ульчски и по-нанайски «такту» означает «амбар на сваях». Вероятно, основателями этого селения были тунгусоязычные народы. Наконец, по свидетельству одного из землепроходцев — Перфильева, около устья Амура жили «килорцы» (Фишер, 382). Как известно, этнонимом «килор» тунгусоязычные народы Н. Амура обозначали эвенков, следовательно, в устье Амура жили тунгусы. Это — еще одно подтверждение этнической неоднородности территории устья р. Амура в XVII в. Своеобразным «результатом» прожи-

вания нивхов в тесном контакте с тунгусоязычным населением было то, что нивхи Амурского Лимана в середине XIX в. хорошо владели тунгусскими языками (Тихменьев, 1863, 64), в их культуре тесно переплетались элементы местные и заимствованные. Это отразилось и в их материальной и духовной культуре, в обрядах на материке и Сахалине, в формировании сложного родового состава (Шренк, 1903, 140, 141; Штернберг, 20, 21, 286—292, 399; А. Смоляк, 1973, 1974, 1975б). В языке материковых нивхов содержится множество заимствований из языков их тунгусоязычных соседей (Крейнович, 1955).

В «отписках» русских землепроходцев в общих чертах описывалась культура коренного населения: «кормятся рыбою», «держат собак езжалых», «живут в улусах юрт по сту». Сведения об оленях у местного населения в XVII в. отсутствуют. Таким образом, народы Нижнего Амура как в XVII в., так и в XIX в. вели оседлый образ жизни, свойственный рыбакам. Спафарий Милеску также писал, что юрты у них деревянные; носят летом кожаные рыбы, а зимой шубы собачьи; ездят зимой на собаках, нартами, а летом в лодках деревянных; держат в улусах собак по 300 и по 400 и по 600, медведей в улусах кормленных держат; едят они рыбу, собак, медведей, морского зверя.

Сведения о народах Нижнего Амура проникали в печать в XVIII в. крайне фрагментарно (Witsen). Это данные французских мореплавателей об орочах залива Де-Кастри, живших «в землянках, сходных с бытующими на Камчатке» (La Perouse), японских путешественников Могами Тонкай (Plath, 49—51), Мамия Ринзоо (Siebold, Позднеев) об ульчах, а также об айнах и нивхах Сахалина. Все они были довольно поверхностными и касались внешних сторон быта.

В середине XIX в. у коренных жителей Нижнего Амура и Сахалина расширялись и углублялись контакты с русскими людьми. О событиях 1850-х годов на Нижнем Амуре имеется богатая литература; к этому же времени относятся этнографические сведения о местном населении (Бошняк, 1858, 1859; Пермикин, Маак, Шмидт; Брылкин; Невельской; Венюков, 1859; Шренк, 1883, 1899, 1903).

Активное освоение Нижнего Амура и Сахалина проводилось в 1849 г.; в этом году был основан на левобережье Лимана пост Петровский, в 1850 г. — был заложен Николаевск — (Невельской, 1947; Смоляк, 1954; Полевой, 1955), в 1851 г. был создан пост Мариинский на Амуре, в 1853 г. — пост Александровский в Де-Кастри, Константиновский — в Императорской гавани. С 1855 г. на Нижнем Амуре расселялись русские крестьяне-переселенцы, «сплавом» с верховьев Амура. Этот процесс продолжался позднее более эффективно. В 1850—1870-х годах русские все более активно осваивали Сахалин (Карпович; Меркушев, 1914; Смоляк, 1975б; История Сибири).

Несмотря на то, что во второй половине XIX в. были проведены кропотливые исследования коренного населения, выявлен этнический состав и границы между народностями, с 1880-х до 1917—1918 гг. все коренные жители Нижнего Амура — ульчи, негидальцы, нивхи — назывались русской администрацией одним этнонимом — гиляки. Возможно, это было связано со слишком сложной этнической ситуацией: в общих селениях по Амуру жили нивхи, негидальцы, ульчи и др. Местное русское население называло гиляками также и орочей Императорской Гавани, низовых нанайцев. О подобных многочисленных ошибках, отразившихся и в литературе, писал Л. И. Шренк (1883, 26, 27, 119). Ошибки в определении этнической принадлежности коренных жителей были допущены и во время переписи 1897 г. Об этом писал С. Патканов (Патканов, 1906, 143; 1912, 978—980). Действительно, в переписных листах жители селений Амура, расположенных ниже с. Нижняя Халба — Анда, Гячи, Ада, Дурал, Писуй, Дырен, Сидахи, Очи, Больба, — позднее известные как нанайцы и ульчи (так же они были определены и Л. Шренком), во время переписи 1897 г. были названы «гиляками» (ЦГА ДВ, ф. 5, оп. 1, д. 467, л. 208) (Смоляк, 1975б).

Положение осложнялось тем, что в XIX в. сами коренные жители всего ареала в общении с русскими, называвшими их гиляками, называли себя так же (это отражено во множестве архивных документов ЦГА ДВ). Неудивительно, что исследователи, не бывавшие в самих районах Нижнего Амура (где обитали ульчи, негидальцы, низовые нанайцы и др.), всех коренных жителей этих мест называли гиляками (Лопатин; М. М. Добротворский даже нанайцев и удэгейцев называл гиляками, Добротворский, 1875). Вопрос об истинных названиях и самоназваниях народов Нижнего Амура см. в раб. А. Смоляк, 1975б.

Имеется много данных (литературных, архивных), основываясь на которых можно показать этнический состав и изменения в расселении и численности коренного населения Нижнего Амура и Сахалина во второй половине XIX — начале XX в.

Нивхи жили на материке и на о-ве Сахалин преимущественно в его северной части, по западному и восточному побережьям и по р. Тымь; в южной части острова — несколько нивхских семей было отмечено на р. Поронай, на заливе Терпения. Многие данные позволяют говорить о стабильности расселения нивхов на Сахалине во второй половине XIX в. вплоть до первой четверти XX в. включительно (Смоляк, 1975б, 24). На Сахалине по центральным хребтам кочевали с оленями ороки; летом они жили на восточном побережье, выходили к р. Тымь; незначительная их часть жила на Южном Сахалине по р. Поронай. К югу от этой реки в многочисленных селениях жили айны. С 1860-х годов (по С. Патканову) на Сахалине появились эвенки, переселенцы с Охотского побережья.

На материке нивхи занимали селения, разбросанные по Лиману по правому берегу (от устья до с. Чоми) и по левому (от

устья до с. Коль), а по Амуру — вверх до сел. Ухта, где они со-
седствовали с ульчами (мангунами). Но в ряде нивхских селе-
ний на Амуре жили ульчи в 1850-х годах (Шренк, 1883, 16).
В 1861 г. русской администрацией была проведена первая мест-
ная перепись селений коренных жителей. В 40 нивхских селени-
ях материка жило 2201 чел., средняя численность селения со-
ставляла 55 чел. (ЦГА ДВ, ф. 842, оп. 1, д. 19). Наиболее круп-
ными из них были Маго (12 дворов, 196 чел.), Вайт (13 дворов,
248 чел.), Коль (10 дворов, 201 чел.). Мелкие селения — Мевуд
(1 двор, 10 чел.), Макрво (1 двор, 6 чел.), Кокла (1 двор,
16 чел.); как установил Л. Шренк и другие авторы, в одном до-
ме у нивхов обычно жили несколько семей, зачастую неродст-
венных (Шренк, 1903, 6—7).

В 17 негидальских селениях по Амгуни, ее притокам и бли-
жайшим озерам в 1861 г. обитало 420 чел., наиболее крупными
были селения: Челякан (2 двора, 48 чел.), Гуга (4 двора,
64 чел.), Кепкита (2 двора, 40 чел.).

В 1861 г. в 26 ульчских селениях, расположенных между Ух-
той и Кизи, насчитывалось 1182 чел., средняя численность селе-
ния — 45 чел. Наиболее крупными были Дырен (8 дворов,
95 чел.), Нижняя Булава (4 двора, 80 чел.), Пули (4 двора,
95 чел.), Монгол (10 дворов, 150 чел.), Аури (9 дворов, 114 чел.)
(ЦГА ДВ, ф. 842, оп. 1, д. 19). Часть ульчей жила по притокам
оз. Кизи, Удыль, Дуди, отдельные семьи ульчей выселились на
Сахалин (Смоляк, 1975б, 29—31).

У нанайцев в 1860 г. было зарегистрировано 102 селения по
Амуру (от Софийского до Хабаровки) с населением 5345 чел.
В число амурских нанайских селений попали 5 верховых ульч-
ских, о чем свидетельствуют позднейшие документы (см. ниже),
но не были учтены отдельные селения нанайцев по притокам
Амура — рекам Горину, Тунгуске, Хунгари, Уссури, а также по
притокам оз. Болонь. В среднем в одном селении нанайцев на-
считывалось 52—53 чел. (ЦГА ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 227). Наиболее
крупными селениями были Чольчи (151 чел.), Хунгари (152),
Болонь (150); средние: Найхи (4 дома, 62 чел.), Курун (4 до-
ма, 53 чел.), Сусур (6 домов, 93 чел.); мелкие: Даерга (1 дом,
11 чел.), Дабаньда (1 дом, 24 чел.).

Если сравнить данные о расселении нанайцев в 1860 и в
1869 гг., можно увидеть, что за этот короткий промежуток време-
ни исчезло 16 селений, однако появилось 10 новых (в том числе
Бича, Пиван, Менген, Таргон, Эморон). Происходило также пе-
ремещение жителей из одних селений в другие, хотя сами селения
продолжали существовать (ЦГА ДВ, ф. 1, оп. 5, № 48). За пе-
риод с 1860 по 1869 г. переместились нанайцы 24 селений (ЦГА
ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 227, л. 116—117).

С 1860 по 1894 г. происходили еще более значительные из-
менения в расселении; они касались главным образом переселе-

ний внутри своих и соседних ареалов тунгусоязычных народов Нижнего Амура и нивхов.

В 1894 г. нивхских селений на материке насчитывалось 43. По сравнению с 1861 г. появились новые селения, например Кук, Дырен (основано в трех верстах ниже Тыра переселенцами из этого селения), Налык (переселенцами из с. Большая Калыма), Варки, Хузи, Мы, Кильда (в четырех верстах вверх от Тыра). За этот же период исчезли старинные нивхские селения Туральжи, Подомиф, Мевуд, Уырги, Алом, Ндрумиф, Тегла и др. Наиболее крупными селениями нивхов Амура в 1894 г. были Большая Калыма (25 хозяйств, 95 чел.), Каки (11 хоз., 106 чел.), Кальга (6 хоз., 91 чел.), Пронге (9 хоз., 101 чел.), Вайда (16 хоз., 181 чел.), Маго (15 хоз., 154 чел.). В документах ЦГА ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 1389 содержатся все данные о селениях нивхов, ульчей и нанайцев в 1894 г. Переписью 1897 г. было установлено, что в нивхских селениях жили ульчи, негидальцы, нанайцы (Патканов, 1906).

Ульчи в 1894 г. жили в 32 селениях (20 в Мариинско-Успенской и 12 — в Большемихайловской вол.). По сравнению с 1861 г. возникли новые селения: Кадушка (7 чел., основано переселенцами из с. Монгол в 1879 г.), Мулька (11 чел., основано в 1878 г.), Ферма (Хывындани — основано нанайцами из с. Писуй), Мофа (25 чел. — осн. в 1878 г.), Май (55 чел., осн. в 1883 г. переселенцами из с. Аური), Вассе (3 чел., осн. в 1880 г.), Тахта (14 чел., основано в 10 верстах выше Богородска). За этот же период исчезли такие старинные селения ульчей, как Хасали, Дэукта, Хоча и др.

В 1894 г. насчитывалось 112 амурских селений нанайцев. По сравнению с 1860 г. появилось 69 новых селений, например Дондон (118 чел.), Синда (6 чел.), Муху (36 чел., основано в 1882 г.), Джари (21 чел., основано в 1887 г.). Выделялись наиболее крупные селения Саян (14 хоз., 92 чел.), Дондока (18 хоз., 143 чел.), Таргон (19 хоз., 154 чел.), Найхин (46 хоз., 143 чел.), Болонь (12 хоз., 100 чел.). Исчезнувших за 34 года нанайских селений можно назвать очень много, как и в предыдущих случаях.

Во второй половине XIX в. многие нанайцы переселялись с притоков на Амур. Выходцами с р. Горин были жители с. Гавань (25 в. ниже Вознесенска), Шарголь (Сарголь, 6 в. ниже Бельго), Чирикан (8 в. выше Пермского), Гольбон (2 в. ниже Вознесенска). Выходцы с р. Хунгари поселялись на Амуре в селениях: в 1870 г. — в с. Боочан, в с. Хунгари, в с. Сенда-боочан и др. Но много перемещений имели место и внутри амурских селений: выходцы из с. Омми основали в 1873 г. два селения: Омо и Падали, в 1874 г. — с. Сасидэ, в 1884 г. — с. Ангасали и др. Перепись 1897 г. показала, что много нанайцев жило среди нивхов Амура (Патканов, 1912).

Неопределенной, сложной по составу оставалась граница между ульчами и нанайцами в середине XIX — начале XX в. (Смоляк, 1963). Этническая ульчско-нивхская граница на Аму-

ре от 1850-х до 1926 г. была сравнительно стабильной (сел. Ухта, Нижняя Гавань и некоторые другие, расположенные поблизости). Необходимо учитывать, что многие селения нивхов, ульчей были этнически неоднородными (см. ниже).

Орочи в середине XIX в. жили преимущественно по рекам, впадающим в Татарский пролив к северу от р. Ботчи и в бассейне р. Тумнин, на р. Ай, притоке оз. Кизи. К концу XIX в. часть орочских семей переселилась с Тумнина на р. Хунгари, приток Амура. В начале XX в. орочи с р. Ай переселились на Амур, а с Хунгари спустились по Амуру вплоть до устья протоки оз. Кизи.

Ареал удэгейцев простирался в 1850-х годах по побережью Татарского пролива от р. Ботчи на севере до бухты Ольги на юге; они селились также по притокам р. Уссури и на самой этой реке, но к концу XIX в. жили только по притокам. Переписью 1897 г. зарегистрировано несколько семей удэгейцев на реках Анюй, Хунгари и Тунгуска.

Эвенки в Приамурье в связи с кочевым образом жизни в различных документах фиксировались не очень точно. Более всего они встречались по рекам Амгуни, Тунгуске, Лимури, Карги, Тумнину, Горину, на оз. Эвур (Смоляк, 1975б). Они платили ясак (ЦГА ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 1153). Народы Нижнего Амура не платили ясака (ЦГА ДВ, ф. 1265, оп. 11, д. 110, л. 1—3). Поэтому систематических переписей до 1897 г. тут не проводилось.

Наиболее ранние частные переписи селений (весьма неполные) были произведены в 1860 и 1861 гг., при этом указывалась общая численность населения, без данных о его этнической принадлежности. Лишь в 1897 г. была установлена численность коренных жителей Приамурья и Сахалина: нивхов было 4614, ульчей — 1455, негидальцев — 423, нанайцев — 5439, орочей и удэгейцев — 2407, ороков — 749. После 1897 г., как и в предшествующие годы, на Амуре и Сахалине имели место эпидемии черной оспы, различных других болезней, множество голодовок; все это пагубно отражалось на численности, материальной и духовной культуре, на быте, сказывалось и на этнических процессах. Однако общего учета коренных жителей, погибших в результате бедствий, не проводилось.

Народы Нижнего Амура и его притоков — рыбаки — и охотники — вели оседлый образ жизни. Об оседлом образе жизни ульчей писал А. М. Золотарев (1939, 28—32), об оседлости низовых негидальцев — К. М. Мыльникова и В. И. Цинциус (1931), Ф. Шмидт (1868), П. Тихменьев (1863, II, 86), о том же свидетельствуют и архивные данные (ЦГА ДВ, ф. 757, оп. 1, д. 116) (Смоляк, 1977, 1980а). Обо всех амурских народах писали как об оседлых Л. И. Шренк (1883, 1899, 265), В. Солярский (1916, 3, 29) и др. Прочные зимние жилища возводились этими народами в селениях, существовавших многие годы. Б. О. Долгих, сопоставив названия селений XVII и XIX вв., установил существование некоторых из них у нанайцев, ульчей, нивхов в течение нескольких веков: Болонь, Хумми, Диппы, Монгол, Када, Кизи,

Дян, Тахта, Коль (Б. О. Долгих, 1960, 598—600). Лишь ороки и эвенки вели кочевую жизнь с оленями, а удэгейцы бродили в Эссурийском крае и Приморье без оленей. Об оседлости рыбаков и охотников собственно Амура свидетельствовало не только отсутствие у них оленей, но также их весь быт: жилища, одежда, которыми они пользовались, транспортные средства: они были собаководами, а собаководство связано с оседлостью (Историко-этнографический атлас Сибири).

Тем не менее, как уже было показано по архивным данным 1860—1894 гг., у нанайцев, ульчей, нивхов зачастую одни селения исчезали, другие возникали, третьи существовали с XVII в. до XIX в. или даже до настоящего времени. Сохранялись обычно те из них, которые были расположены наиболее удачно в промысловом отношении, но более всего — не подверженные наводнениям. Множество селений исчезло именно в связи с наводнениями, об этом свидетельствуют наши полсные, а также архивные материалы (ЦГА ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 1389, л. 625, 649 и др.). В 1868 г. по этой причине ульчи из окрестностей оз. Кизи переселились на Сахалин (ГААМО, ф. 4, оп. 1, д. 86, л. 32—34). Во время наводнения 1915 г. (о нем помнят старожилы) многие нанайцы, ульчи, нивхи с островов переселились на материк.

Множество селений забрасывалось в связи с эпидемическими заболеваниями (чума, оспа и др.) (ЦГА ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 1389). Врач Штейгман, работавший во время эпидемии среди нивхов Сахалина в 1908 г., писал: «Гиляки Сахалина из селений, где есть оспа, уходят в другие селения» (ЦГА ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 645). Многие события, связанные с эпидемиями, сохранились в памяти населения. Очень часто беженцы, спасавшиеся от болезней, основывали новые селения, ибо их не хотели принимать старожилы других мест, но чаще из селения, где умирали жители, отдельные семьи с нартами, детьми, необходимыми вещами, уходили ночью, потихоньку, и поселялись в глуши, где никого не было (так поступали, например, нанайцы, ульчи, судя по рассказам стариков). Там «пережидали», а через один-два месяца возвращались. Иногда небольшие селения в результате эпидемий оказывались совсем заброшенными, в дальнейшем в них, как правило, не селились, боясь злых духов.

В первой половине XIX в. из-за эпидемии несколько семей ульчей из селения Ыри переселились к нанайцам, вверх по Амуру, где основали селения Доли, а потом Джари, а в нанайском роде Бельды — ветвь Ырингкэ. В. Меркушев, в начале XX в. производивший перепись нивхских селений Сахалина, выявлял и время их возникновения; более половины из них были основаны «менее ста лет назад» (Меркушев, 1913). Таким образом, и нивхи часто переселялись по названным выше причинам и в этом отношении не отличались от своих тунгусоязычных соседей. Однако, несмотря на эти факты многочисленных переселений, все жители собственно Амура и его крупных притоков вели оседлый образ жизни. Существенным доказательством оседлости наро-

дов Нижнего Амура был обычай вести охотничий таежный промысел мужскими группами, без семей, свойственный нанайцам, ульчам, низовым негидальцам; его отметил еще Л. Шренк (1899, 265 и др.). При позднейших исследованиях существование этого обычая, с которым было связано много суеверий и религиозных верований, подтвердилось.

Даже эвенки, жившие в районах р. Тумнин, Тывлино, Кульчи и др., в противоположность своим соплеменникам из других районов Сибири в начале XX в., отправляясь на пушной промысел, оставляли женщин с детьми в стойбищах в тайге, где собиралось несколько семей (наши полевые материалы).

Не только на основном русле Амура, но и на его притоках (реки Амгунь, Горин, район оз. Удыль) у негидальцев, нанайцев, ульчей десятками лет существовали постоянные селения (у ульчей — с. Кольчом, с. Сильчур, у нанайцев — с. Кондон, с. Ямихта на р. Горин, с. Сэпэрюнэ на р. Харпи, у негидальцев — с. Гуга, с. Сех, с. Дальджа). Об оседлости орочей в XVIII в. в Де-Кастри свидетельствовали прочные зимние полуподземные жилища, расположенные рядом с бревенчатыми летниками (La Rehouse). У оседлых рыбаков региона около капитальных больших домов возводились многочисленные хозяйственные постройки, в которых хранились запасы сушеной рыбы, корм для собак. Множество ездовых собак держали не только ульчи и нанайцы Амура, но и негидальцы, орочи, а также ульчи на оз. Удыль, нанайцы р. Горин (ЦГА ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 1389, л. 688—882, данные 1894 г.) (Смоляк, 1980а). Оленей держали, судя по нашим полевым данным, в конце XIX — начале XX в. некоторые семьи эвенков Амгуни и рек Кур и Урми.

Характер главной отрасли хозяйства — рыболовство, подсобная отрасль — собаководство — также требовали оседлости. Однако охотничий промысел был связан со значительными передвижениями. В XIX — начале XX в. группы нанайских и ульчских охотников уходили за пушным зверем за сотни километров. Рыболовный промысел в отдельные периоды также вызывал перемещения, хотя и не столь отдаленные: ежегодно из своих постоянных селений рыбаки перебирались с семьями на месяц-полтора на весеннюю путину; то же самое происходило и в начале осени, когда шел лов лосося на Амуре. Нивхи Амура и Лимана вместе с семьями переезжали из некоторых зимних селений в прибрежные на 5—6 месяцев. Подобные переезды местные русские жители называли кочеванием (так даже писал Л. И. Шренк, 1899, 10), а жителей — кочевниками; то, что потом семьи неизменно возвращались в свои постоянные селения, не учитывалось (Кочующие народы...). Видимо, по этому же признаку назвал нивхов «полуоседлыми» и начальник Удского округа Овчинников в 1889 г.: «Гиляки живут от Софийска до устья Амура и по берегам Лимана, до Петровского. Они полуоседлы, легко бросают свои деревни. Исключительно занимаются рыболовством и редкие из них — звероловством» (ЦГА ДВ,

ф. 1, оп. 1, д. 1153). Полуоседлыми называл нивхов и В. Я. Аболтин (Аболтин, 1966, 1978).

Потребности промыслов заставляли жителей искать новые, более богатые угодья, поэтому охотники совершали часто «разведывательные» поездки в новые места; сфера их общения расширялась, завязывались новые знакомства в иных этнических ареалах. Результатом подчас было переселение охотников, иногда с семьями, в новую этническую среду. Но случалось, что охотники основывали новое селение на совершенно свободном месте с богатыми угодьями (например, нанайцы Самар переселились с р. Тунгуска (Кур) на р. Горин, в с. Кондон, давно оставленный его прежними обитателями).

В поисках богатых промысловых мест нередко переселялись и рыбаки, чаще всего вниз по течению, где было больше рыбы. Препятствия для поселения на новых местах отсутствовали: ни у одной народности Нижнего Амура не было ни строго регламентированных этнических или родовых территорий, ни угодий, принадлежавших селениям. Поэтому среди нивхов Амура, как выяснилось, в конце XIX в. жило так много иноплеменников; это были в основном нанайцы, ульчи, негидальцы, айны. В селениях ульчей и нанайцев поселялись и представители других народностей. Как писал Л. Я. Штернберг, подобные переселения в нивхской среде не вызывали протестов (Штернберг, 20, 21, 110, 111, 361), так как численность коренных жителей была мала, а промысловые угодья чрезвычайно обширны. «Старожилы» по многим причинам были заинтересованы в поселении у них новых жителей (см. ниже).

Изучение истории отдельных родов на Нижнем Амуре показало, что довольно частой причиной переселений являлись ссоры родственников. Между коренными жителями развивалась «внутренняя» торговля (Смоляк, 1974, 1975 а, б, 169—170) — обмен предметами традиционной культуры. Он был интенсивен и чрезвычайно многообразен. Любопытно, что нивхи и ульчи медвежат для своего праздника, устраивавшегося как поминки по умершим родственникам, должны были покупать; это можно было сделать только у нанайцев, ибо у самих нивхов и ульчей продажа медведя считалась грехом. У нанайцев же продажа нивхам и ульчам медвежат стала своеобразным «промыслом».

Кратковременные связи торгового характера иногда приводили к переселениям. Таким образом, народы Нижнего Амура, несмотря на оседлость, были очень подвижны. В середине XIX в. русская администрация Приамурья первоначально отнесла всех его коренных жителей к категории «бродячих». Дело в том, что, согласно «Положению об инородцах» 1822 г., оседлыми признавались только земледельцы (История Сибири, II, 459—464). И лишь в начале XX в. возник вопрос о необходимости считать все рыболовецкое население Нижнего Амура оседлым, что соответствовало действительности. Перевод коренных жителей в новую категорию оказался вопросом очень сложным.

Многочисленные перемещения, переселения в новую этническую среду являлись причиной образования сложных по этническому составу народностей на Нижнем Амуре и Сахалине. На формирование этнического состава влияли не только перемещения народов Нижнего Амура внутри своих ареалов или на соседние территории. В разные исторические периоды на Амур переселялись жители тайги — эвенки (напомним, что древнейшими реликтами здесь являются языки ороков, ульчей, нанайцев). Теряя по тем или иным причинам оленей, эвенки оседали первоначально на притоках Амура, приобретали новые навыки в жизни и хозяйстве, постепенно спускались вниз по течению, на Амур. Длительные контакты, взаимные браки способствовали постепенной ассимиляции пришельцев в среде амурских народов. Переходы эвенков в бассейн Амура, превращение их в оседлых рыбаков постоянно происходило здесь на стыке эвенкийского мира оленеводов и живущих поблизости исконных рыбаков и охотников Амура.

Советские археологи показали многообразные связи народов Нижнего Амура в глубокой древности (Смоляк, 1980, 178—179), однако в рассматриваемый период связей с западом почти не осуществлялось. Что же касается юга, то можно говорить лишь об эпизодических встречах коренных жителей с приезжавшими в эти регионы маньчжурскими торговцами, зарекомендовавшими себя нечестными поступками и даже жестокостями, проявлявшимися в отношении рыбаков и охотников. Подобные случайные контакты не могли оказать на культуру местного населения какого-либо существенного влияния. Торговый характер имели и взаимоотношения народов Амура с айнами Сахалина, а в начале XIX в. — и с отдельными японскими купцами на юге острова.

Разнообразные этнические контакты в основном внутри нижеамурского региона приводили к большой этнической смешанности всех живших здесь народностей. Из них наиболее изолированными были удэгейцы, но и они общались с нанайцами, орочами, что в значительной мере объяснялось своеобразием образа жизни, а также удаленностью их ареала. Орочи, жившие, подобно удэгейцам, сравнительно изолированно, имели весьма обширные этнические связи: с нанайцами, ульчами, удэгейцами, айнами, приезжавшими на материк. Имеются сведения и о переселениях самих орочей на Сахалин (Невельской, 155, 156; Штернберг, 405—410; Аврорин, Лебедева, 179; Смоляк, 1975а). Даже для ороков Сахалина были характерны многообразные контакты с нивхами, айнами, ульчами, эвенками (ороки оказали влияние на культуру нивхов Восточного Сахалина) (Смоляк, 1974, 1975а, 59—61). В таких районах часто заключались смешанные в национальном отношении браки, протекали разнообразные ассимилятивные процессы.

В конце XIX в., как было установлено, среди нивхов Амура жили негидальцы, ульчи, ороки, айны, нанайцы, изредка попа-

дали сюда также якуты, эвенки, корейцы. Область расселения нивхов на Амуре (между селениями Вайда и Пад) можно назвать уникальной по смешанности населения (Штернберг, 286—292; Смоляк, 1974, 200—217). Более однородными этнически можно признать места расселения нивхов на Лимане (Штернберг, 292) и на Сахалине, однако восточнобережные нивхи были связаны родственными связями с ороками, а нивхи западного берега общались с амурскими нивхами. На Сахалин также приезжали ульчи и нанайцы. Это отразилось на культуре сахалинских нивхов, в состав которых входили тунгусоязычные пришельцы с Амура (Смоляк, 1974).

Среди ульчей в XIX в. также жили орочи, нивхи, удэгейцы, негидальцы, ороки, айны, эвенки, нанайцы (Каргер, 1931; А. В. Смоляк, 1963, 1975). Но все же здесь представители той или другой народности концентрировались преимущественно в определенных местах: орочи — близ оз. Кизи, негидальцы, удэгейцы — на оз. Удыль, нанайцы — в верховьях и низовьях ареала. Как уже отмечалось, на границах расселения народностей (ульчей и нанайцев, ульчей и нивхов) в ряде селений жило смешанное население. Что же касается ульчей — жителей собственно Амура, то здесь селения были этнически более однородными. В местах тесных контактов различных народностей проходили активные ассимиляционные процессы.

Область расселения нанайцев можно признать этнически наиболее однородной сравнительно с другими народами Амура; селения их тянулись по Амуру более чем на 500 км. Иноязычное население (орочи, удэгейцы, эвенки) концентрировались более при выходе в Амур его притоков — Хунгари, Анюя, Тунгуски. С этих рек оно постепенно спускалось к более богатым рыбою местам. Во второй половине XIX в. этот процесс ускорился в связи с расселением русских на Амуре. Так, близ устья р. Горин в амурских нанайских селениях встречается много нанайцев рода Самар, близ устья р. Хунгари и Анюй — нанайцев рода Онинка. Чрезвычайно смешанным был район верхнего течения Амугни, где, помимо нанайцев Самар, жили также эвенки и негидальцы. Последние, выходя на р. Горин, образовали нанайский род Альчека.

Процесс передвижения по притокам вниз по течению особенно наглядно представлен у негидальцев; на Амгуни этот народ смешивался только с эвенками, но, спускаясь по течению рек, они начинали контактировать и сливаться с нивхами (близ устья Амгуни), ульчами (в районе оз. Удыль), нанайцами (в районе р. Горин). В результате негидальцы вошли в состав всех этих народов.

Этнические изменения, связанные с расселением отдельных семей или их групп, вхождение иноэтнических элементов в состав той или другой народности — все это отражалось на формировании родов и состава селений. Изучение родовых преданий, отчасти опубликованных, в какой-то степени позволяет вос-

создать процессы сложения родового состава современных народов Нижнего Амура, их этнической истории, формирования их культуры.

Л. Я. Штернберг, собравший много материалов по истории нивхских родов, полагал, что в большинстве случаев они отражают события истории последних пяти-шести поколений. По его мнению, за этот период (т. е. примерно с конца XVII до середины XIX в.) сформировалось большинство нивхских родов, старые же роды постепенно вымирали. Изучив родовые легенды нивхов, Л. Штернберг пришел к заключению, что основателями подавляющего числа родов нивхов были их тунгусоязычные соседи (Штернберг, 20, 21, 286—292, 399). Те же процессы были характерны для развития родов и у других народов Амура.

Малочисленность этнических групп, живших на Нижнем Амуре, большие площади, на которых они основывали селения, зачастую состоявшие из одного-трех домов,— вот условия, при которых потребности в дружеских контактах, в постоянных общениях не только с родственниками, но и с любыми другими, даже иноэтническими элементами были всегда велики.

Суровые внешние условия диктовали коренному населению необходимость взаимной поддержки при совместном существовании: промыслы не всегда были удачны; наводнения, эпидемии, голодовки были систематическими явлениями, так что без поддержки близких, родственников, соседей прожить было невозможно. В результате стихийных бедствий от небольших родов зачастую оставались одна—две семьи. Жители многих селений под влиянием тех же условий разъезжались по разным селениям, отдаленным местностям, родственные связи при этом нарушались, а с другой стороны, возрастала роль соседских контактов. Л. Штернберг писал, что дислокальность была характерна для всех родов нивхов. То же явление прослеживается у нанайцев, ульчей. По этим причинам остатки родов, отдельные семьи независимо от их родовой принадлежности стремились объединиться друг с другом, чтобы выжить. К этому же стремились и переселенцы. Взаимная поддержка жителей селений была необходима не только в случае стихийных бедствий: при неудачах в промыслах люди шли за помощью к родным или соседям. В повседневной жизни взаимопомощь была нужна постоянно: женщинам-роженицам приходилось прибегать к помощи других женщин, в маленьких селениях это иногда становилось сложной задачей, легче было, если жили вместе как минимум несколько семей. По воспоминаниям стариков-нивхов, при дислокальности родов одна — две семьи одного рода, жившие в том или ином селении, не могли содержать медведя для медвежьего праздника, ибо это требовало совместных усилий большого числа семей; приходилось прибегать к помощи соседей; с этой же целью каждый род стремился увеличить свою численность. Нивхские роды часто находились в состоянии войны с другими, причинами обычно являлись похищения женщин, различные обиды, имущест-

венные конфликты, связанные с калымом и т. п. Л. Штернберг и Л. И. Шренк приводили конкретные материалы о подобных конфликтах (Шренк, 1903; Штернберг, 1933, 356—360). У нивхов существовали традиционные обычаи, связанные с ведением подобных войн, эти события отразились и в фольклоре, записанном Л. Я. Штернбергом. Каждый род, небольшое селение стремились присоединить к себе как можно больше переселенцев из разных мест, чтобы усилить свою численность для борьбы с врагами. У нивхов, ульчей, нанайцев существуют легенды, в которых говорится о том, что предки той или иной группы (семья, две) плыли на плоту, а местные жители поймали их крючком и уговорили поселиться у них (Штернберг, 1933, 288). Взаимопомощь требовалась и во многих других случаях: в маленьком селении (а таких на Амуре было большинство) с небольшим числом жителей в случае болезни главы семьи или других тяжелых обстоятельств семьи подчас не могли построить лососевый заездок, а других средств лова у большинства не было. Согласно многочисленным свидетельствам, в таких случаях приглашали кого угодно со стороны.

Таковы были причины притока в низовья Амура, на богатые земли большого числа переселенцев, смешанного состава селений, сложного происхождения родов. Обычно переселения были стихийны, незначительны по масштабам: переселялась одна, максимум две семьи, иногда через некоторое время к этим переселенцам приезжали родственники. Однако для малочисленных народностей, расселенных мелкими селениями, прибытие любых переселенцев имело значение, их охотно принимали в состав рода, в селение.

На основании опубликованных данных Л. Я. Штернберга, а также наших полевых материалов можно сказать, что нивхи имели очень сложное происхождение; у них были роды, имевшие нанайское, айнское, негидальское, орокское и ульчское происхождение (Смоляк, 1973, 1974, 1975б). В состав почти каждого селения входили семьи различных родов и народностей (Смоляк, 1974, 206—212). Материалы Л. Я. Штернберга (1933, 286—292), а также наши полевые данные позволяют конкретно представить судьбы переселенцев в иноэтнической нивхской среде. Некоторые выходцы из нанайцев, ульчей и других образовывали среди нивхов самостоятельные роды (Ходжер, Таргон, Тапкал и др.), другие растворялись среди них, например нанайцы Самар, некогда жившие на Горине, а затем поселившиеся среди нивхов о-ва Лангр, ульчи родов Черуль, Баяусал, переехавшие в нивхские селения на Лимане, семьи негидальцев рода Аюмкан, ороков, влившихся в состав левобережных нивхов (Смоляк, 1975б, 87). Однако в любом случае они оказывали влияние на культуру нивхов.

Отдельные нивхские роды сплачивали отношения типа доха — духа (ульч, нан, негид). Этот институт в литературе описан только у тунгусоязычных народов Амура; приводимые ниже ма-

териалы собраны нами у нивхов в 1958—1976 гг. Роды, находившиеся в отношениях доха, не могли заключать взаимных браков. Судя по данным литературы и по нашим полевым записям, взаимоотношения типа доха касались только брачных связей родов. Однажды вступив в брачные отношения, в дальнейшем не могли вступать в брак восточнобережные нивхи рода Кекрвонг и западнобережные Пняг'ан, восточнобережные Тлаг'лун и западнобережные Лезнгран, восточнобережные нивхи родов Кекрвонг, Тлаг'лун и Урмыквонг с ороками рода Баяуса. Подобные связи отмечены и у западнобережных нивхов (роды Чфаун и Лезнгран, Товнунг и Тарг'он). У материковых нивхов подобные отношения распространялись отчасти и на иноплеменников: Лезнгран — Твабин, Твабин — Аюмкан (негидальцы), Вазхфинг — Чоран, Хирлонг — Ходжер (ульчи), Тарг'он — Нег'афин, Тнаунунг — Тывлифинг, Кавьюн — Нег'афинг (Смоляк, 1974). У некоторых родов амурских нивхов сохраняются воспоминания о вставях родов, полностью слившихся с более крупными родами, но первоначально бывших самостоятельными.

Таким образом, в этническом развитии нивхов, состоявших из неоднородных локальных групп, преобладали тенденции к объединениям самых различных элементов, причем формы объединений также были неодинаковы. Одной из форм таких объединений являлось слияние ветвей разных родов в однородовое объединение; в памяти долго сохранялись воспоминания о различном происхождении этих ветвей, как это имело место во многих историях родов, записанных Л. Штернбергом (Штернберг 286—292).

Вся территория Нижнего Амура являлась неоднородной в национальном отношении; постоянные контакты между разноязычными группами осложняли языковую ситуацию. Многочисленные соседи нивхов не понимали их своеобразного языка, поэтому нивхи были вынуждены овладевать языками своих соседей — негидальцев и ульчей. Это облегчалось тем обстоятельством, что у многих нивхов Амура ближайшие их родственники принадлежали к этим народностям. Некоторые нивхи были полиглотами, зная три — четыре, а то и более языков. У известного нивха Позвейна, проводника экспедиции Г. И. Невельского, владевшего четырьмя языками, мать была эвенкийкой, жена — негидалкой. Среди нивхов левобережья Лимана были распространены эвенкийский и негидальский языки, среди правобережных — ульчский, нанайский.

Иная картина наблюдалась на Сахалине: ороки, общавшиеся с нивхами, по-видимому, с древнейших времен, хорошо владели их языком (Бошняк, 1858); это облегчалось связями типа духа, отношениями родства, в которых состояли нивхи и ороки (см. выше).

Смешанные в национальном отношении браки несомненно способствовали ассимилятивным процессам, овладению языками, распространенными на данной территории. Поскольку мно-

гие селения нивхов были многогородовыми и многонациональными, подобные браки часто заключались в пределах одного селения (браки нивхов с негидальцами, айнами, ороками, нанайцами). Кроме того, много смешанных в национальном отношении браков заключалось вблизи границ расселения нивхов с ульчами.

Смешанные браки оказывали большое влияние на самосознание переселенцев в районы расселения иноязычного населения. У детей переселенцев возникало самосознание своей этнической принадлежности к тому большинству, которое их окружало, часто независимо от этнической принадлежности их родителей. Л. Штернберг приводил в этом отношении интересные примеры: при смешанных браках айн — негидалка, айн — нанайка, живших рядом с нивхами на нивхской территории, возникали нивхские роды айнско-негидальского или айнско-нанайского происхождения, ибо потомство от подобных браков, живущее в нивхском окружении, обычно считало себя нивхами; во всяком случае, третье поколение от таких браков было полностью нивхским, с нивхским самосознанием и языком.

В силу самобытности нивхского языка, отличного от языков окружавшего их населения, у нивхов существовало ярко выраженное сознание своей обособленности от окружающего их населения. Но сами нивхи делились на ряд локальных групп: амурскую, левобережную и правобережную лиманскую, а также западносахалинскую (все они имели общий диалект — амурский), остальные — южная часть западных и восточносахалинские нивхи — говорили на другом, отличном диалекте (Смоляк, 1974, 217). Кроме того, в пределах каждого диалекта существовали различные говоры. Для каждой из названных групп можно определить характерные для них роды. Общение между нивхами из разных групп существовало, однако преобладало общение в пределах локальных групп. В их пределах заключалась и большая часть браков.

Таким образом, в рассматриваемый период у нивхов формировался родовой состав, известный в конце XIX — начале XX в. по работам Штернберга, селения со сложным родовым и национальным составом. Складывалась нивхская народность. У каждого рода была своя история, в которой отмечаются как процессы сплочения их с инородными и иноэтническими элементами, так и сложные взаимоотношения с членами других нивхских родов. Смену родового состава в течение определенного срока, т. е. пяти — восьми поколений, о котором писал Штернберг, нельзя считать безусловной и неизбежной для каждого рода: на длительность существования родов оказывали влияние различные факторы, неодинаковые в различных частях ареала данной народности, в том числе и такие, как эпидемии, голодовки (частые явления в XIX в. и ранее). Не меньшее значение имели непрерывно идущие переселения иноплеменников, процессы ассимиляции; при этом необходимо иметь в виду, что одни местности

для переселенцев оказывались более, другие — менее привлекательными. Роды нивхов (перечень родов сахалинских и материковых нивхов, а также других народов Нижнего Амура см.: Смоляк, 1975б) расселялись дисперсно на огромной территории и состояли из частей неодинакового происхождения, включавшихся в род в различные периоды. По указанным причинам они не имели и не могли иметь представления об общем предке (в лучшем случае сохранялась память об основателе той или иной ветви рода) и являлись своеобразными социальными единицами общества. Для рода у нивхов были характерны те же признаки, что и у других народов Нижнего Амура (см. ниже). Нивхи жили селениями, состоявшими из семей, относившихся к различным родам, а во многих случаях — и к различным этническим группам (Штернберг, 1933, 286—292; Смоляк, 1974, 206—211). Селения, территориально-соседские общины, в которых очень прочными были соседские связи, и были основными социальными единицами общества. Первичной же экономической единицей была семья. Основная функция рода сводилась к регулированию брачных отношений и выполнению некоторых обрядов.

Район расселения ульчей, богатый в промысловом отношении, привлекал множество переселенцев: по впадающим в Амур и в озера рекам спускались негидальцы, эвенки, орочи. Через оз. Кизи, реки и перевалы с Сахалина приходили с торговыми целями на Амур айны, ороки. В середине XIX в. в с. Пули, расположенном в нижней части ульчского ареала, происходили ярмарки, привлекавшие многочисленных торговцев из среды нивхов, негидальцев, ульчей, нанайцев, эвенков и др. (Atkinson, 1860). Промысловые богатства района способствовали также поселению в этих местах многочисленных переселенцев из верховых районов собственно Амура. Вот, например, как отражено в легендах переселение родов Черуль и Вальдю (Смоляк, 1963, 153—156). Предки того и другого рода в разное время спускались вниз по течению Амура; проходя по местам расселения нанайцев, члены этих родов оставили семьи своих сородичей в селах Найхин и Ундани. В районе оз. Кизи Черуль породнились с родом Сулаки, а затем оставили на озере своего сородича (позднее Самандин), попали на Удыль, где им пришлось вступить в конфликт сначала с Пильдунча (в с. Чойдяки, у устья р. Пильду), затем с Дятала (в районе с. Кольчом). В результате они поселились на Амуре в с. Койма. Здесь Черуль держали птиц, добывавших рыбу для своих хозяев, этих птиц называли, по одним данным, — хойля, по другим — кутальпу. Некоторые говорят, что птиц кутальпу привезли с моря, другие — что птиц хойля хранили в течение всего путешествия с верховьев Амура. Из Коймы несколько семей Черуль переселились на Сахалин и породнились с ороками, другие семьи этого рода на Лимане смешались с нивхами.

Достигнув мест современного расселения, предки рода Вальдю сначала поселились в с. Маи, а потом прочно обосновались в с. Монгол, где до них жили Сигдэли и Монголсоли. С Сигдэли они вступили в союз духа (со временем от этого рода не осталось потомков). Несколько семей из рода Вальдю переехали на Южный Сахалин, но одни там жили недолго, другие больше не возвращались. На Сахалине Вальдю вступали в брачные связи с ороками. В состав большинства родов включались элементы различного происхождения. Так, ульчский род Оросугбу (Росугбу) состоял из семей негидальцев Аимка и частей небольших местных родов. В силу малочисленности каждому роду было трудно устраивать медвежьи праздники; судя по легенде, они объединились, а затем различными путями вступили во взаимоотношения духа с членами родов Гаил и Тумали, которых потом включили в состав Оросугбу. О происхождении ветви рода Росугбу Баяусели, живущей в с. Дуди, и самостоятельного ульчского рода Баяусал (Баяусели) существуют различные легенды. Согласно одной версии, Баяусели, выходцы с Сахалина, поселились в с. Дуди; здесь братья — члены этого рода поссорились из-за нефритового диска косо, надетого на шею девочки²; один остался в Дуди, другой переселился в Койму. По другой версии, ульчи Росугбу, промышлявшие в Татарском проливе весной морского зверя, сняли с льдины ороков рода Баяусал, бежавших от черной оспы из родных сахалинских мест, привезли их в Дуди и сделали своими духа. По преданию, с Баяусал, живущими в Койме, у дудинских Баяусал будто бы меньше родственных связей, чем с Росугбу.

Очень разветвленным и сложным по происхождению и составу был род Дяксул, возникший не более трех-четырёх поколений назад. Прослеживаются его связи с нивхами Дэхаль и нанайцами Дяксор, жившими в Чольчи, Мэнгене.

У ульчей было много родов нанайского происхождения. Таковы Ходжер, Удзял, Бельды, Тумали. Члены ульчских родов Бельды и Ходжер говорят, что их предки — нанайцы — прежде жили на оз. Болонь. Однако, судя по легендам, Ходжер, переселившиеся в район расселения ульчей, локализовались в среде верховых ульчей, близ оз. Кизи, они не состояли в родстве с низовыми Ходжер, жившими в селениях Кадяма, Койма и других, у которых всякие связи с нанайцами отсутствовали уже давно. В середине XIX в. в с. Кадяма родился Ходжер Чуринга, его отец Ниги рассказывал, что его предки жили в районе с. Датта, близ Императорской (ныне Советской) Гавани. Бельды в районе расселения ульчей также жили двумя неродственными группами: низовые — с давних пор в с. Аури; жившие здесь ульчи Росугбу и Ангин называли Бельды «хозяевами земли» (записано от Гитака Ангин, Ангина Мунгин, Семена Росугбу в 1958 г.). Бельды, жившие в верховых ульчских селениях, появились там в XIX в.

Самый многочисленный ульчский род — Дечули, согласно

записям А. М. Золотарева (Золотарев, 1939), спустился с верховьев Амура (или с Сунгари) вплоть до оз. Кизи; здесь они жили очень долго, приняв в свой состав разнообразные местные элементы Ыгдымсели (Агдумсал), Гульмахунча и др.

Причины переселений, объединений родов и отдельных семей, оторвавшихся от своих групп, сходны были на Амуре повсеместно (см. выше — о процессах, происходивших у нивхов). Иногда группы объединялись в одно «родственное» объединение (по принципу отношений духа) и в том случае, если одна из них помогла другой в конфликте ее с третьей стороной. У ульчей воспоминаний о подобных «войнах» сохранилось гораздо меньше, чем у нивхов. Чаше говорят, что конфликтовали «из-за женщин», т. е. из-за похищений девушек, женщин, из-за нарушений брачных договоров и т. п. Но обнаруживаются и иные мотивы. Так, Дятала и Тумали «воевали» из-за случайного убийства Дятала одного из Тумали во время пьяной драки. О Тумали говорили, что они обладали бронированными лодками (над лодкой устраивали деревянное полусферическое покрытие, скрывавшее гребцов, только рулевой сидел на корме открыто, однако он под одеждой имел панцирь) ^{1а}.

Старики рассказывают, что у устья р. Пильду сохранились ямки («окопы»), в которых скрывались воевавшие с Пильдунча Черуль. Это — единственное свидетельство ссоры, возникшей в результате поселения нескольких семей на новом месте; поскольку подробности всех этих событий не сохранились, можно думать, что непосредственными причинами столкновений могли быть и иные мотивы (например, несоблюдение пришельцами местных обычаев и др.). В результате большинства происходивших столкновений заключались дружеские связи духа, усиливавшие обе стороны. У ульчей сохраняется смутное воспоминание о том, что в прошлом род Хатхил имел много героев, воинственных, побеждавших врагов. Об Ангиных также говорят, что в их среде в прошлом, когда происходили войны, были ловкачи (намтингани), умевшие отбиваться от стрел с помощью небольшой доски. Войны заканчивались иногда обменом девушками между враждебными сторонами, в результате чего оба рода становились родственниками по браку.

Часто роды объединялись путем отдачи вдовы в чужой род, после этого оба рода уже не могли вступать в брачные отношения, т. е. были в экзогамных отношениях друг с другом, поддерживали между собой тесные отношения, оказывали друг другу взаимную помощь. Пришельцы, или «новоселы», женившись на вдове, иногда принимали фамилию или род жены, включаясь в состав нового рода. Таким образом, человек «терялся», или «растворялся», в новом роде (так произошло при вступлении в отношения типа духа родов Гаил и Тумали с Росугбу). По-видимому, подобных случаев в прошлом было много. Некоторые роды, заключавшие подобные отношения, сохраняли свою самостоятельность. А. М. Золотарев привел материалы об этом (Зо-

лотарев, 1939). Этот список можно дополнить новыми данными. Они свидетельствуют о том, что в отношениях типа духа состояли все роды ульчей. Подобные экзогамные объединения включали различное число родов.

Отношения духа наступали иногда и в результате разделения одного родственного объединения. Таковы были роды Пильдунча и Уды, Самандин и Черуль, Декал и Дяксул. Они при расселении ломали родовые кремни чиу.

Степень объединения разных родов в отношения духа была различной. Непременным было только соблюдение экзогамии. При более тесном объединении иногда роды, особенно малочисленные, соединяли родовые огни, сообща устраивали медвежий праздник, вместе хранили принадлежности этого праздника (для чего раньше устраивали родовые амбары «сильды такту»), убивали медведя на общей площадке («арачу»), проводили совместно обряд моления небу («эдехэ уйли»). При объединении рода Дечули с другими соблюдалась только экзогамия, все остальное было «раздельным». Не пошли далее экзогамии и Дуван ульчской и нивхской ветвей. У объединенных родов Черуль и Баяусал в Койме был единый огонь; Росугбу и Холгой, Дуван и Удзял вместе устраивали медвежий праздник.

Н. К. Каргер (1931 г.) впервые показал сложное происхождение многих ульчских родов; А. М. Золотарев выявил (хотя и не всегда обоснованно) происхождение большинства из них. Суммировав эти данные, а также наши полевые материалы, можно утверждать, что в состав ульчей вошли роды эвенкийского происхождения: Агдумсал (Ыгдымсели), Хатхил (Хатагил); негидальского: Аимка, часть Росугбу, часть Уды; ороцкого: Моуданча, Сенкиан, Сулаки, Мунин, Мулинка, Ыдисинча; орокского: Баяусал, Ульча-хала; нанайского: Бельды, Вальдю, Дечули, Самандин, Дятала, Удзял, Черуль, часть Росугбу, часть Дяксул, Ходжер; нивхского: Ангин, Холгой, часть Дуван, часть Дяксул; удэгейского: часть Уды; айнского: Куйсали.

Почти в каждый род ульчей, как и нанайцев и нивхов, вошли и в них растворились различные, более древние, элементы: в состав Вальдю — Сигдэли, в состав ульчской ветви Дяксул, жившей в Монголе — Монголсоли, в состав Оросугбу — Гаил и Тумали и т. п. И Сигдэли, и Монголсоли — более древние роды неизвестного происхождения. К числу вымерших относятся Дёринча, жившие в сел. Монгол, и другие, определить которые не удалось.

Различные по происхождению роды, их отдельные группы в разные периоды включались в состав ульчей. Наиболее поздним компонентом в их составе была группа ороцких родов. О более ранних здесь говорить трудно. По-видимому, древнейшими тут были роды эвенкийского, нивхского и неизвестного происхождения. Для большинства ульчских родов, известных с конца XIX — начала XX в., как и для нивхских, характерно существование их

в течение примерно пяти — восьми поколений. Со временем часть ульчских родов, как и нивхских, вымирала.

Несмотря на небольшую численность ульчи по языку и культуре не были однородными: жители селений, расположенных по основному течению, называли орочами жителей озер Удыль и Кизи. Однако кизинская группа давно оторвалась от своих сородичей — орочей Тумнина и была тесно связана культурными и брачными узами с амурскими ульчами. Что же касается населения вокруг оз. Удыль, то тут издавна селились негидальцы, нанайцы, удэгейцы, местные роды, сложился «микроконгломерат», поддерживавший брачные отношения внутри своего ареала, а также с ульчами Амура и нивхами селений Пад, Гери, Хылка и др. Представители разных этносов приходили сюда не одновременно, поэтому сложившийся у этой группы язык был ульчским, однако в нем были отличия в лексике и фонетике.

У ульчей в прошлом преобладали браки со своими соплеменниками, более того, чаще всего браки заключались либо внутри селений, либо с жителями близлежащих селений. Но и этнически смешанных браков было также довольно много (с нивхами, негидальцами, нанайцами, ороками и др.) (Смоляк, 1975 б, 201). В каждом ульчском селении жили члены многих родов, в том числе и инонациональные. Единым разговорным языком тут всегда был ульчский, названный В. И. Цинциус (1978) «реликтом алтайского языка». Благодаря преемственности поколений язык и культура ульчей сохранялись, несмотря на сложное происхождение родов, неоднородный состав селений, интенсивность ассимилятивных процессов.

Всех нанайцев Амура можно разделить на две основные группы — верховых и низовых, граница между которыми проходила примерно близ устья р. Хунгари. В состав низовых входили роды Самар, Тумали, Дигор, Сайгор, Гаил; в состав верховых — роды Удинкан, Пассар, Юкаминка, Актанка, Перминка. Остальные — Бельды, Ходжер, Одзял, Гейкер, Онинка — расселялись в обоих ареалах. Самар и отчасти Дигор на р. Горин выделялись диалектом и некоторыми особенностями культуры. Из числа верховых можно еще выделить так называемых аккани (Шренк их называл «кили») — группу с особым языком (диалектом нанайского), расселенную по притокам Амура — Куру, Урми, Уссури. В нее входили роды Юкомзал, Удинкан, Донкан, жившие на реках Кур и Урми, а также подразделения родов Пассар (Маринкан, Уксуминка), Бельды (Саянкан). Кроме того, в этой группе, особенно по Уссури, известны многочисленные метисы — потомство от смешанных браков между нанайцами, удэгейцами, орочами, эвенками и т. п.³

Каждая из названных территориальных групп отличалась особенностями родового состава, диалектом (или говором), своеобразием элементов материальной и духовной культуры, брач-

ными связями, заключающимися обычно внутри этих групп. Общение между группами носило эпизодический характер. Выше говорилось, что перемещения, переселения, связанные со стихийными бедствиями, промыслами и различными явлениями социального характера, приводили к разнообразным контактам, к своеобразно протекавшим этническим процессам. Нанайские роды — результат подобных разновременных передвижений и процессов. Как и у нивхов, ульчей здесь нет ни одного рода этнически однородного. Примеров можно приводить очень много. Прежде всего это касалось крупных родов, из которых самым большим был Бельды: в 1897 г. он насчитывал 929 чел. В его состав входило несколько десятков территориальных подразделений, из которых большинство было неродственными; по этой причине, в противоположность распространенному у большинства нанайцев обычаю, члены рода Бельды, как и Самар, и Киле (также очень крупных родов), не соблюдали экзогамии. Выше было показано, как в фиксируемое документами время нанайцы перемещались из одних селений в другие. Многие вымирали от эпидемий, оставались слабые осколки родов, беззащитные семьи, стремившиеся к объединению, чтобы выжить в трудных условиях Нижнего Амура. Подобные объединения не представляли никаких затруднений. Здесь имели место те же процессы, что и у нивхов, особенно амурских, а также у ульчей.

В род Бельды, помимо разнообразных местных элементов, включались и пришельцы из отдаленных мест. Представляет большой интерес история подразделения Саянка, приехавшего, как говорят, из «Бурят-Монголии», со скотом, на плотах (подробнее об истории рода Бельды см.: Смоляк, 1975 б, 119—120). Длительное совместное проживание на одном месте сближало людей различного происхождения, они вступали в родственные — экзогамные отношения. При этом одни сблизившиеся группы в дальнейшем, как близкие родственники, не вступали между собой в браки, у других же браки были возможны, но они «зажигали лампу» (обычай, свойственный нанайцам только одного рода) по умершему из близкого подразделения. Нанайцы Бельды, жившие на оз. Болонь, напротив, не считали себя родственниками многочисленных Бельды, живших на Амуре, с ними им можно было свободно вступать в брак. В то же время Бельды, живших среди ульчей в сел. Аури, болоньские Бельды считали своими близкими родственниками. Некоторые группы Бельды, жившие на притоках рек Кур, Урми, Анюй, вступали во взаимоотношения доха с удэгейцами рода Амулинка; к нанайцам рода Бельды других неродственных подразделений это не имело никакого отношения. Историю всех подразделений рода Бельды рассмотреть здесь невозможно. В его состав входили как местные элементы (которых с каждым годом оставалось все меньше), так и иные, отовсюду приходившие в эти места в разные периоды; сказать, какие именно преобладали в том или ином подразделении, затруднительно. На примере рода Бельды

в общих чертах отражается формирование народности нанайцев в целом, хотя в истории тех или иных родов и была своя специфика. Так, часть нанайского рода Киле вышла с р. Амгунь; отсюда Бода Киле пять поколений назад со своими сыновьями поднимался вверх по Амуру, по его левым притокам и затем поселился в районе с. Найхина. Через некоторое время эта группа породнилась с удэгейцами Кимонко (Смоляк, 1975 б, 120—121).

Ветвь Киле верхнеамурского происхождения (выходцы из таежных дебрей Маньчжурии) и Киле с Амгуни вступали между собой в браки (те и другие живут в Найхине, в начале XX в. жили в Торгоне). Низовые Киле, поселившиеся в селениях Хунгари, Диппы и других — более поздние пришельцы с Амгуни, Кура и Урми. Низовые Киле вступали в браки с найхинскими Киле различных ветвей, ибо считали их совершенно чужими.

В истории нанайских родов Самар, Онинка, Заксор и др. также отражаются основные процессы, характерные для всех нанайцев (Смоляк, 1975 б, 121—129). Стремление к усилению своих родов (или селений) фиксируют сходные с ульчскими и нивхскими нанайские легенды: увидев плывущий с людьми плот, жители того или другого селения зацепляли его крючком, звали людей к себе; этот мотив записан в преданиях у нанайцев родов Гейкер (живущих в с. Джари), Ходжер (в с. Верхний Нерген) и др. Пришельцев либо включали в свой род, либо давали им вдов — вступали в родство посредством отношений доха, характерных для сравнительно малочисленных нанайских родов.

О существовании у нанайцев объединений типа негидальского или ульчского духа в литературе конкретных сведений нет. В эти отношения вступали такие роды, как Одзял и Сайгор, Одзял и Гейкер, Одзял и Пассар, Пассар и Гаил (небольшая часть рода Пассар, переселившаяся в низовья, связала свою судьбу с жившими поблизости представителями рода Гаил), Заксор и Дёлор, Альчека и Тумали, часть Бельды — с удэгейцами рода Амулинка, часть рода Онинка с р. Анюй — с удэгейцами Кялундзига, часть Киле — с удэгейцами Кимонко, часть амурских Самар — с орочами р. Хунгари Акунка и т. п. Все это были локальные, местные «союзы»: нанайцы Пассар, жившие в верховых селениях, даже не знали о существовании нанайцев рода Гаил, с которыми их сородичи вступили в связи доха. Онинка, жившие в низовой части региона, не знали, что их сородичи Онинка на р. Анюй состоят в отношениях доха с удэгейцами Кялундзига и т. п.

Большей частью в отношения доха вступали в итоге длительных взаимных дружественных связей, совместного проживания в одном селении, взаимопомощи в трудных обстоятельствах. Лица, находившиеся в отношениях доха, не вступали в дальнейшем во взаимные браки, но могли обмениваться вдовами (как подлинные родственники).

Иногда в доха, как и у ульчей, объединялись два нанайских рода после враждебных, конфликтных отношений (причинами

были ссоры, оскорбления, убийства, нарушения брачных договоров и т. п.). Так, длительный конфликт имел место между нанайцами родов Актанка и Ходжер из-за оскорбления последними в XIX в. родовых захоронений. Необходимостью увеличения сил во время конфликтов объясняют старики (полевые материалы автора 1958 г.) рост рода Бельды, включение им в свой состав самых различных элементов.

Согласно легенде (полевые материалы автора 1967 г.), Пассар породнились с Одзял после того, как помогли им в борьбе с врагами (аналогичные данные встречаются у ульчей). Однако у нанайцев в XIX в. войны между родами были редким явлением; большинство конфликтов решалось традиционным судом.

Исследуя происхождения каждого нанайского рода, можно прийти к выводу, что прав был Л. Штернберг, назвав нанайцев «конгломератом родов различного происхождения» (466). Более того, как и у нивхов, и у ульчей, и у нанайцев не только один род отличался происхождением от другого, но, как это было показано на примере родов Бельды, Киле (это имело место и у других), каждый род нанайцев являлся таким «конгломератом». Это объясняется спецификой района Нижнего Амура, характером расселения тут народностей, особенностями их социального строя, хозяйства, постоянно повторявшимися различными бедствиями, которые переносили коренные жители.

При переселениях семей в результате тех или иных сложных ситуаций возникали селения со сложным родовым и национальным составом. В целом можно говорить о своеобразных «переливах» семей и групп из состава одних народностей в другие. О непрерывности ассимилятивных процессов свидетельствует следующий пример: согласно записи 1958 г. от 90-летнего Чусамбу Нельховича Онинка из с. Сира на Анюе, в далеком прошлом предки рода Онинка жили в верховьях Амура. Впоследствии они переселились на Уссури, затем на побережье Татарского пролива, на речку Кукчи и назывались удэгейцами Кукчинка, вступив в родственные отношения с представителями этой народности. Несколько семей удэгейцев продвинулись к Амуру, на его приток Анюй. Они же, переселившись на Амур в окружение нанайцев, стали нанайцами Онинка. Часть Онинка после ссоры из-за нефритового диска они ушла вниз по Амуру, к оз. Удыль. Через какое-то время, постоянно контактируя с ульчами, они сами стали ульчами Дятала. Аналогичных примеров можно приводить много.

История каждого рода сложна и потому, что предки того или иного рода уже во время своего передвижения принимали в свой состав те или иные иноэтнические элементы; на новых местах они контактировали с другими, включая их в свой состав, либо, напротив, ассимилировались ими.

На вопрос о происхождении нанайских родов лишь об очень немногих можно ответить с какой-то долей определенности и то лишь в общих чертах; например, установлено, что часть родов

Тумали, Гаил, Заксор, Ходжер, подразделения Бельды — Ойтанка, Ырингкэ — пришли из низовьев Амура. В составе большинства родов у нанайцев, как и у других народностей Нижнего Амура, преобладали местные элементы, осколки родов, консолидировавшиеся между собой, а также ассимилировавшие пришельцев, либо сами подвергшиеся ассимиляции с их стороны. Значительная часть нанайских родов — выходцы с притоков Амура, с верховьев реки.

Процессы ассимиляции у нанайцев, нивхов, ульчей происходили аналогично, так как социально-экономический уровень их развития был одинаков. В течение многих поколений от исконных, древнейших родов не осталось и следа. В XIX в. еще сохранялись следы каких-то вымерших нанайских родов — Боло (в с. Сикачи-Алян), Чеу (в с. Самден), Сиэча (в сел. Хумми, Омми, Кевари) и др. Но нет никакой уверенности в том, что эти роды являлись очень древними. Никаких «первоначальных» родов среди нанайцев, как и среди других народов Нижнего Амура, по многим причинам тут не могло сохраняться ни в XVII, ни в XIX в.

Процессы ассимиляции пришельцев со старожилами протекали неодинаково, быстро или медленно, в зависимости от численности пришельцев, от того, были ли в их среде старики, общались ли они с той средой, от которой оторвались, и т. п. Смешанные браки ускоряли эти процессы. Но всегда пришельцы стремились к быстрейшему слиянию с общей средой — так было легче жить. Как и у нивхов, ульчей, повсюду на Амуре языком окружающего населения быстро овладевали дети пришельцев. Дети же этих детей вырастали уже с самосознанием своей принадлежности к этническому большинству данной местности, владели языком этого большинства. В целом же, если говорить о самосознании нанайцев и ульчей (о самосознании нивхов см. выше), то, как правило, они лишь причисляли себя к тому или иному роду, к жителям того или иного селения (Найхинкан, Джаринкан), иногда — к жителям озера (Боланкан). Низовые амурские нанайцы (самоназвание «нани») противопоставляли себя нанайцам верховым, называя их «гольдами». Верховые (самоназвание «нанай», или «хэдзен») отличали себя от низовых нанайцев, которых вместе с ульчами они называли «хэдзэнай» — «низовые». Поскольку постоянного общения низовых нанайцев с верховыми почти не было, то браки между ними заключались крайне редко; различались и их диалекты, культура, в среде нанайцев отсутствовало единое самосознание.

Аналогичное положение было у ульчей. Самоназвание «нани» — «местные люди» — отнюдь не является свидетельством существования у них общего этнического самосознания. Как уже отмечалось, амурские ульчи, с их особым родовым составом и говором, противопоставляли себя удильским и кизинским.

Б. О. Долгих доказывал, что родовой состав негидальцев в XVII в. почти полностью соответствовал составу их родов в XIX в. (1960, 602—604). К. М. Мыльникова и В. И. Цинциус привели наиболее полный перечень их родов и исследовали происхождение негидальцев (1931). Они выявили несколько специфических местных родов, большинство же их было тесно связано с эвенками. Более всего с эвенками притоков Амура общались верховые негидальцы Амгуни — оленеводы. Другая группа негидальцев — низовая (у обеих групп были различные диалекты), большей частью безоленная, находилась в тесных взаимоотношениях с жителями Нижнего Амура. В культуре этих групп, а также нивхов и ульчей существовало много общих черт. Древний эвенкийский род Хатыгин, живший на Амгуни в XVII в., дал начало негидальскому роду Хатагил, ульчскому и нивхскому Хатхил. По-видимому, в родственных связях находились негидальцы рода Сигдан, ульчи Сигдыли, удэгейцы Сигдэ. Негидальцы образовали в составе амурских нивхов роды Амнгкхал, Дэхал, Тапкал, часть рода Хирлонг; вошли в состав ульчских родов (Оросугбу, Уды, создали ульчский род Аимка), нанайских (Альчека, Тумали, части Ходжер и Киле), включились в состав орочей рода Мулинка. Можно думать, что численность негидальцев на Амгуни пополнялась за счет отдельных эвенкийских элементов, выходцев из тайги. В начале XX в. некоторые негидальцы переселились на Амур (Штернберг, 292—296), несколько семей верховых негидальцев с оленями переселились на Сахалин (Смоляк, 1975 б, 61, 143, 144) (ЦГАОР, ф. 3977, оп. I, д. 1139, л. 33; д. 1139, л. 326) ⁴.

Данные о родовой составе народов Нижнеамурского бассейна и особенностях их формирования позволяют прийти к ряду выводов. Родовой состав всех народов региона, судя по легендам и другим материалам в основном к началу XX в. складывался на протяжении пяти-восьми последних поколений. Родовые группы или подразделения родов возникали в результате отделения от основного рода и расселения в новой этнической среде, последующих ассимилятивных процессов с иноэтническими элементами, объединений местных жителей с многочисленными переселенцами; другой тип процессов — консолидация осколков старых в новые, более крупные роды; своеобразный вариант подобных процессов — возникновение объединений типа доха.

Нельзя не признать правильности высказанного Л. Штернбергом положения о том, что большинство нивхских родов — это новообразования. Это утверждение справедливо для всех родов народов нижнеамурского бассейна. Процесс формирования родов происходил на территории Приамурья — у нанайцев, ульчей, нивхов и других — постоянно, перманентно, на протяжении многих веков.

Оседлый образ жизни населения Нижнего Амура не исключал многочисленных переселений. Переселения отдельных групп (семья, группа семей) с одной территории на другую приводили к формированию одноименных родов общего происхождения у разных народов; так, род Ходжер был характерен для нанайцев, ульчей, нивхов; Бельды, Тумали, Удзял, Гаил — для нанайцев и ульчей; Аимка, Уды (Удан), Хатхил — для ульчей и негидальцев; Тапкал — для негидальцев и нивхов; Баяусал — для ороков и ульчей; Муни́н, Моуданча, Пунадинка — для орочей и ульчей. Эти явления, как и постоянные контакты всех народов Приамурья, в значительной степени способствовали единству культуры у всех народов Нижнего Амура. При длительных контактах с лицами различной этнической принадлежности, перемещивании родов и перемещениях поистине удивительным кажется сохранение каждой малой народностью своего самосознания, своих специфических особенностей в материальной и духовной культуре, в обрядах и обычаях. Однако обращает на себя внимание существование множества параллелей в культуре всех этих народов.

Многочисленные материалы по истории формирования родов у народов Нижнего Амура и Сахалина (Долгих, 1960; Каргер; Золотарев, 1939; Мыльников и Цинцус; Штернберг; Смоляк, 1963, 1973, 1974, 1975б, и др.), а также полевые материалы автора свидетельствуют о том, что род у народов нижнеамурского бассейна был институтом весьма далеким от классического рода первобытного общества; с последним его роднил лишь принцип экзогамии, нерушимый в большинстве родов (но отсутствовавший в ряде крупных нанайских и нивхских родов). Для нижнеамурского рода не были свойственны такие признаки, как единство происхождения (даже малочисленные нанайские, нивхские, ульчские роды состояли из ветвей различного происхождения), представление об общем предке (что естественно, если напомнить неоднородность происхождения многочисленных ветвей родов). При таком сложном происхождении каждого рода, одновременном включении отдельных элементов в его состав, при характерной для каждого рода дислокальности, многократных основаниях новых и исчезновениях старых поселений не приходится говорить и о единстве родовых территорий, об общих промысловых угодьях (Таксами, 1975). Термин для обозначения рода — «хала» (нан, ульч, ороч., нег.) — в переводе означает «развилка», т. е. части чего-то, разошедшиеся в разные стороны, ветви, отделившиеся от целого (таково одно из значений термина хала — «род»).

В силу присущих роду своеобразных черт, связанных с происхождением и формированием, а также дислокальности, род у народов Нижнего Амура в рассматриваемый период не играл роли основной социальной единицы общества. Известны лишь его функции как регулятора брачных отношений и религиозных обрядов. Условия жизни, промыслов (Смоляк, 1975а, б, 150—172) способствовали возникновению здесь территориально-соседских

общин. О повсеместном существовании сложных по родовому и национальному составу селений свидетельствуют материалы переписи 1897 г., а также данные по нивхским селениям конца XIX — начала XX в., в которых проживали члены многих родов и инонациональные семьи (Штернберг, 286—292; Смоляк, 1974, 206—211). Можно предположить, что территориально-соседские общины существовали у устья Амура и в XVII в.: об этом свидетельствуют приведенные выше данные об этнической неоднородности населения этих мест.

Некоторые исследователи подчеркивали наличие родовых связей у народов Нижнего Амура и не придавали должного значения соседским. Между тем последние в условиях жизни местного населения имели огромное значение. Во многих нивхских, ульчских, орочских легендах говорится о том, что малочисленные неродственные роды объединялись, ибо иначе не могли выполнять обряды традиционных медвежьих праздников. Как свидетельствуют многочисленные материалы, в большинстве случаев в содержании животных помогали друг другу соседи, односельчане; они же играли большую роль в проведении самих праздников (об этом же писал Шренк, 1903, 65, 78, 93). Эта взаимопомощь соседей распространялась и на другие обряды (помины, свадьбы и др.). У нанайцев, ульчей и других народов Амура члены своего рода, по обычаю, не могли одевать умершего, совершать различные действия, связанные с погребением, — все это делали соседи. Подобные обычаи свидетельствуют об очень древнем существовании соседских связей, их огромном значении в жизни каждого народа. Без них, по существу, невозможно было жить в условиях Нижнего Амура; выше говорилось о стремлении нивхов, ульчей, нанайцев привлекать в свои селения представителей любых родов, увеличивать состав селений. Одновременно имела место дислокальность родов, члены одного рода часто жили на больших расстояниях друг от друга. Жители селений во всех трудных случаях жизни обходились соседскими связями; без помощи соседей прожить не мог никто.

Территориально-соседским общинам были свойственны отдельные экономические функции, хотя первичной экономической ячейкой общества была семья (в конце XIX в. у всех народов Амура преобладали численно малые семьи). К экономическим функциям территориально-соседских общин мы относим взаимопомощь соседей продуктами в голодные годы, поддержку в промыслах, особенно при сооружении лососевых заездков у нивхов, ульчей. Экономическое значение территориально-соседских общин возросло в начале XX в., когда русская администрация стала ежегодно распределять рыболовные угодья по селениям. Функции территориально-соседских общин проявлялись и во многих сферах социальной жизни.

С середины XIX в. коренные жители Нижнего Амура соседствовали с русскими, однако по Положению о переселенцах русские должны были селиться в отдельных поселках. Согласно

материалам переписи 1897 г., не было ни одного нанайского, ульчского, нивхского селения, в котором жили бы русские. Лишь два русских селения возникли в непосредственной близости от нивхских (это было связано с необходимостью создать почтовые станки по соседству с нивхскими селениями Маго и Тыр).

Взаимоотношения коренных жителей с русскими были многообразны. Они сбывали русским продукцию своих промыслов, русские торговцы привозили местным жителям различные товары. Вскоре русские крестьяне сами начали активно заниматься рыболовным промыслом, для чего и перенимали у коренных жителей их методы добычи рыбы, приобретали у них лодки «амурской» формы (плоскодонки с острым носом), лыжи, подшитые камусами, ездовых собак. Контакты с русскими были важны и для коренных жителей, они покупали разнообразные продукты, товары, огнестрельное оружие, капканы, неводную дель и т. п. В 1850—1860-х годах на Нижнем Амуре стало развиваться денежное обращение (раньше здесь процветала обменная торговля). У местных жителей появились новые виды занятий (Смоляк, 1966), нивхи и ульчи обзаводятся лошадьми, используют их для перевозок почты, грузов и т. п. В начале XX в. в аналогичные занятия включились и нанайцы.

В 1850-х годах на Нижнем Амуре начала свою деятельность русская духовная миссия. С 1854 по 1857 г. на Амгуни было крещено 52 мужчины и 36 женщин (негидальцы), а из амурских жителей — два нивха (из Гери и Тыра), один ульч и два нанайца (ГААМО, ф. 4, оп. 1, д. 140, л. 4—7). К январю 1860 г. в устье Амура к православию было приобщено 65 мужчин и 14 женщин, в 1861 г. — 89 мужчин, 41 женщина (нивхи, отчасти — негидальцы) (там же, д. 144, л. 15—16). В 1863—1865 гг. священники Софийской церкви крестили ульчей селений Дэрэн, Маи, Аурн, Васса-Бача, Дарахта и др., всего более 30 чел. (ГААМО, ф. 4, оп. 1, д. 86, л. 9—14). В 1870 г. была создана гольдская миссия на оз. Болонь, построены дома, церковь (ГААМО, ф. 1, оп. 1, д. 133). Позднее церкви строились в разных местах, в них крестили коренных жителей.

По признанию многих авторов того времени, а также самих священников (судя по ежегодным отчетам, присылавшимся в синод), коренные жители усваивали лишь внешние черты христианской обрядности. Сущность православной религии оставалась им чужда. Большее значение имела деятельность миссионерских школ, возникших на базе сельских церквей. В 1859 г. на частные пожертвования открылась первая школа («училище») в с. Михайловском для детей «гиляков» — ульчей и нивхов (согласно нашим полевым материалам, в 1880—1890-х годах в Михайловской школе помимо нивхов учились ульчи из сел Кадяма, Ухта, Койма, Черный Яр и др.). Тут детей учили грамоте, плотничьему и кузнечному ремеслам. Через несколько лет эта школа оказалась под покровительством церкви. В конце XIX в. в ней учились и русские дети.

В 1879 г. была открыта миссионерская школа в нивхском с Тыр (ЦГА ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 1118), в 1870—1880-х годах открывались школы для нанайцев при церквях в русских селениях Доле-Троицкое, Средне-Тамбовское, Вятское, Софийское, в 1890-х годах — в селах Вознесенском, Нижне-Тамбовском, для негидальцев и эвенков на Амгуни (в Резиденции), для ульчей (в Марининско-Успенском) (ЦГА ДВ, ф. 702, оп. 3, д. 193, л. 117—118): Средства на обучение детей, на содержание школ, оплату малограмотных псаломщиков и дьячков, обучающихся детей, отпускались мизерные, тем не менее нельзя не признать положительного значения деятельности этих школ, в которых обучали русскому разговорному языку, основам арифметики, некоторым ремеслам, прививали детям элементарные навыки гигиены. Согласно программам, дети должны были обучаться в этих школах один год, однако из-за незнания ими русского языка многие из них обучались в школе фактически два-три года, а некоторые даже пять-шесть лет.

К концу XIX в. в Благовещенской духовной миссии возникла идея создавать школы главным образом не при русских церквях, а в инородческих селениях. Появились школы в Найхине (1900 г.), Кондоне (1901 г.), Наане (1903 г.) (в двух последних селениях школы были построены на средства самих нанайцев, живших на р. Горин, содержала же школы миссия), в Мхыле (нивхская), в Ферме (ульчская), в Нижних Халбах (нанайская — в 1903 г.), в с. Пули (ульчская — в 1904 г.), в Сикачи-Аляне (нанайская — в 1905 г.), в с. Диппы (нанайская — в 1907 г.), в Таргоне (нанайская — в 1910 г.). В 1900—1905 гг. всего было семь-восемь нанайских, три ульчских и три нивхских школы (Солярский, 138). Однако обучалась во всех этих школах лишь 1/10 часть всех детей школьного возраста. С 1905 г. и без того скудные средства, отпускавшиеся миссией на школы, были сокращены вдвое (ЦГА ДВ, ф. 702, оп. 3, д. 193, л. 117). Естественно, что до Великой Октябрьской социалистической революции вопрос о систематическом и полноценном обучении коренных жителей не мог быть решен на должном уровне.

В конце XIX — начале XX в. в хозяйстве, быте, материальной, духовной культуре, социальной жизни коренного населения Нижнего Амура наблюдались большие изменения — результат процессов, проходивших во второй половине XIX в. У нивхов и ульчей товарной стала главная отрасль хозяйства — рыболовство (Смоляк, 1960, 1966). Появились новые занятия — извоз, рубка дров для пароходов; пушная охота стала второстепенным занятием. В результате постоянных контактов с русским населением в быту коренных жителей появились новые предметы, в пищу стали употребляться новые виды продуктов.

У нанайцев перестройка хозяйства происходила медленнее, так как в местах их обитания не создавалось русской капиталистической рыбной промышленности. Лишь в самых низовых нанайских селениях в начале XX в. предприниматели скупали рыбу.

В этих же местах некоторые нанайцы зимой стали зарабатывать не пушным промыслом, а перевозкой грузов, рубкой дров.

У нивхов и ульчей в связи с ежегодным ростом товарности рыболовства стало сокращаться ездовое собаководство; этому способствовали несколько голодных годов, вызванных «неуловами рыбы». Во множестве селений количество ездовых собак уменьшилось в несколько раз.

В конце XIX в. в хозяйствах коренных жителей по всему Нижнему Амуру стало распространяться разведение картофеля. Представители русской администрации следили за «внедрением» этого нового занятия, оказывали необходимую помощь.

Одновременно изменялась материальная культура коренных амурских жителей. Постепенно под влиянием русских в конце XIX в. в селениях нивхов, нанайцев, ульчей, орочей появляются срубные жилища⁵. Первоначально это были «комбинированные» постройки с элементами старой пазовой техники, иногда с отапливаемыми нарами. Летние, промысловые, хозяйственные постройки сохранялись еще очень долго.

Для народов Нижнего Амура была характерна в общем сходная по типу распашная одежда, распространенная от устья Амура до устья Уссури. По характеру отделки различались халаты разных групп нанайцев, а также у ульчей, нивхов, орочей и негидальцев. Среди коренных жителей русская одежда появилась еще в 1850—1860-х годах — ее выдавали при крещении детей. К концу XIX в. значительная часть коренных жителей-мужчин имела предметы русской одежды, обуви, чаще это были подарки и лишь иногда покупки. Женщины в отношении одежды были более консервативны. Все же при русских они стали стесняться носить носовые украшения, мужчины (ульчи, нанайцы) перестали надевать в селах ярко расшитые передники.

Под влиянием общения с русскими изменялась и социальная жизнь населения Нижнего Амура. Известно, что в XVII—XVIII вв. из среды нивхов, нанайцев, ульчей выделялись торговцы, занимавшиеся посредническими операциями, накапливавшие большие богатства. В конце XIX — начале XX в. из среды нивхов выдвинулись богачи, владевшие «большими неводами» и нанимавшие рабочих для неводного лова; рабочие были не только из своих соплеменников, но и из русских бедняков. В Тыре один нивх в начале XX в. владел бондарной мастерской (ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 3, д. 1181). Некоторые богатые нивхи и ульчи брали подряды на поставку дров, нанимали работников. Из среды нанайцев выделялись охотники, зарабатывавшие очень крупные суммы. Отдельные торговцы-нанайцы ездили на больших лодках по Тунгуске, возили соплеменникам различные товары. Подобными операциями занимались амурские нивхи — они перепродавали товары нивхам восточного берега Сахалина. В начале XX в. отдельные нанайские торговцы жестоко эксплуатировали удгейских и орочских охотников.

Постепенно коренные жители начинают привлекаться русской администрацией к участию в местной общественной жизни. В начале XX в. все рыболовные угодья на Амуре взяло в свое ведение Управление государственными имуществами. Расширились функции традиционных территориально-соседских общин: ежегодно на сельских сходах обсуждались списки рыболовных угодий, выделенных каждому селению, ежегодно в них вносились изменения; главы семей, участвовавшие в сходах, отстаивали экономические интересы жителей своего селения.

На съездах крестьянских и инородческих начальников в начале XX в. впервые были поставлены вопросы о необходимости изменить статус коренных жителей Нижнего Амура; будучи оседлыми, они неправомерно причислялись к кочевым. Перечисление в разряд оседлых должно было повлечь за собою много разных изменений: наделение коренных жителей землей, приобщение их к земледелию, скотоводству, уравнивание их во всех правах с русским населением. В начале XX в., как свидетельствуют архивные материалы, началась работа по реализации этих намерений. По разным причинам она затянулась, в итоге к 1915 г. были наделены землей всего два селения по Амуре — Дада и Иелга. Однако с 1909 г., когда в Хабаровске было получено соответствующее указание правительства, стали считать оседлыми всех коренных жителей Нижнего Амура. При этом положение жителей Амура никак не изменилось.

За период с XVII по начало XX в. коренные жители Нижнего Амура и Сахалина прошли большой путь этнического развития. Хотя состав населения с XVII по XIX в. на всей территории оставался стабильным, расселение народностей в целом изменялось — имели место своеобразные «переливы» частей и групп одной формирующейся народности в другую — результат многочисленных передвижений отдельных семей и групп семей в пределах территорий Нижнего Амура и Сахалина. Следовавшие за передвижениями ассимилятивные процессы были однотипны у всех народов Нижнего Амура.

В рассматриваемый период сформировались родовой состав каждой из народностей, их основные культурные особенности. Несмотря на имевшие место в XIX — начале XX в. эпидемии и голодовки, в целом численность коренных жителей сохранялась примерно на одном уровне.

Огромную роль сыграло активное освоение Приамурья выходцами из Центральной России: оно отразилось не только на хозяйстве, материальной и духовной культуре, но и на социальном строе всего населения (Смоляк, 1970, 1975б). С влиянием русских были связаны также перегруппировки внутри этнических ареалов каждой народности. Эти процессы, активно протекавшие повсеместно, в конечном итоге отразились на формировании каждой народности Нижнего Амура и Сахалина.

Примечания

- ¹ Б. П. Полевой и Ч. М. Таксами (в статье 1975 г.) придерживаются данных О. Степанова и С. Полякова, приводивших всего два этнонима для населения огромного бассейна Нижнего Амура в XVII в. — дючеры и гиялки, и полагают, что в тот период здесь жили только нанайцы и нивхи. Однако сведения других землепроходцев (Е. Хабарова, В. Пояркова и др.) являлись не столь «обобщенными»: они упоминали и другие этнонимы, например, «чачаны», «натки» и др. Предположение (на указанном основании) об отсутствии здесь в XVII в. ульчей опровергается исследованиями Б. О. Долгих (1960, 600—603), а также данными о расселении здесь в тот период ульчских родов Лонки (КП МГЯ, 148), Росугбу (Оросугбу) (Золотарев, 1939, 14) и разнообразными материалами по истории ульчских родов.
- ^{1а} Л. Я. Штернберг (1933, 356—360), а также Л. И. Шренк (1903) писали о «войнах» у нивхов. Обычно под этим подразумевались небольшие конфликты, возникавшие между группами семей, относившихся к различным родам.
- ² Мотив, объясняющий расселение родственников в разные места в результате ссоры из-за нефритового диска косо (или ори), встречается также у нанайцев (роды Одзял, Онинка, Самар и др.) и нивхов (Штернберг, 292); у ульчей он был распространен у Дятала, Черуль (Чоруль), Пильдунча; последние говорят, что отец надел девочке диск на шею, надеясь, что она выживет, ибо все предыдущие дети у него умирали (записано в 1958 г. от Давидки Пильдунча). Подобное объяснение весьма реально, ибо различных магических действий для предупреждения смерти ребенка в семьях, где часто умирали дети, совершалось в прошлом много. Когда девочка подросла, снять с нее диск стало невозможно, не ломая его. Старший брат потребовал вернуть драгоценность, являвшуюся общей собственностью рода. Младший брат обиделся, убил своего ребенка, отдал диск брату и уехал, а следом за ним разъехались все члены большой семьи.
- ³ На р. Бикин в начале XX в. выселилась семья Самандига ороцкого рода Хутунка. Здесь она смешалась с удэгейцами и нанайцами. В этих местах живут также эвенки рода Эдян, представители других народностей.
- ⁴ На территории Приморья, отчасти Приамурья и на Сахалине в тесном соседстве и в контактах с нанайцами, ульчами, нивхами жили народы орочи, удэгейцы, ороки, эвенки. Об их расселении, происхождении их родов, об их взаимосвязях с соседними народами Амура см.: Васильев, 1929; Аврорин и Лебедева, 1966, 1978; Ларькин, 1957, 1958; Шнейдер; Смоляк, 1965, 1966, 1974, 1975, 1975а, 1975б, 1977, 1980; Цинциус.
- ⁵ Жители Нижнего Амура, как и другие народы Сибири, были знакомы со срубной техникой еще до прихода русских, но использовали ее лишь для сооружения ритуальных построек (Смоляк, 1973а), жилища же сооружались в пазовой технике.

Литература

- Аврорин В. А., Лебедева Е. П. 1966. Ороцкие сказки и мифы. Новосибирск.
- Аврорин В. А., Лебедева Е. П. 1978. Ороцкие тексты и словарь. Л.
- Аболтин В. Я. 1966. Восстановление Советской власти на Северном Сахалине. — ВИ, № 10.
- Аболтин В. Я. 1978. После освобождения Северного Сахалина. — ВИ, № 3.
- Бошняк Н. К. 1858. Путешествия в Приамурском крае. — Морской сборник, № 12.
- Бошняк Н. К. 1859. Путешествия в Приамурском крае. — Морской сборник, № 1/3.
- Брылкин. 1864. Письма с Сахалина. — ЗСОРГО, вып. VII.
- Васильев Б. А. 1929. Основные черты этнографии ороков. — Этнография, № 1.

- Венюков М. И. 1859. Обзорение р. Уссури.— Вестн. РГО, ч. 25, II.
- Добротворский М. М. 1875. Айно-русский словарь. Казань.
- Долгих Б. О. 1958. Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в.: Сборник статей по истории Дальнего Востока. М.
- Долгих Б. О. 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.
- Золотарев А. М. 1937. Из истории народов Амура.— ИЖ, № 7.
- Золотарев А. М. 1939. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск.
- Историко-этнографический атлас Сибири. 1961. М.; Л.
- История Сибири. 1968. Т. II.
- Каргер Н. К. 1931. Родовой состав ульчей.— Сов. Север, № 5/6.
- Карпович И. А. 1914. Экономическое положение русского населения Тымовского и Александровского участков.— В кн.: Сахалин: Кочующие народы берегов Амура. 1875.— Нива, № 39.
- Крейнович Е. А. 1955. Гиляцко-тунгусо-маньчжурские параллели.— Докл. и сообщ. Ин-та языкознания, вып. VIII.
- Ларькин В. Г. 1957. Некоторые данные о родovém составе удэгейцев.— КСИЭ, вып. XXVII.
- Ларькин В. Г. 1964. Орочи. М.
- Ларькин В. Г. 1958. Удэгейцы. Владивосток.
- Липская Н. А. 1940. Краткий предварительный отчет о командировке к на-
наям (гольдам).— В кн.: Этнография, т. III.
- Лопатин И. А. 1922. Гольды. Владивосток.
- Маак Р. К. 1859. Путешествие на Амуре в 1855 г. СПб.
- Меркушев В. 1913. Статистическое обследование инородцев Сахалина. Сахалин.
- Меркушев В. 1914. Русское население Северного Сахалина. Сахалин.
- Мыльникова К. М., Цинциус В. И. 1931. Материалы по исследованию языка негидальцев.— В кн.: Тунгусский сборник, т. 1.
- Невельской Г. И. 1947. Подвиги русских морских офицеров на крайнем Восто-
ке России. М.
- Нивхско-русский словарь. 1970. М.
- Панфилов В. З. 1973. Нивхско-алтайские языковые связи.— ВЯ, № 5.
- Патканов С. К. 1906. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири,
ч. II.— Зап. РГО по отд-нию этнографии, т. 31, № 2.
- Патканов С. К. 1912. Статистические данные, показывающие племенной состав
населения Сибири.— Зап. РГО по отд-нию статистики, т. XI, вып. 3.
- Пермикин. 1856. Путевой журнал плавания по р. Амуру (в 1854 г.).— ЗСОРГО,
кн. II.
- Полевой Б. П. 1955. Этнографические наблюдения Г. И. Невельского.— СЭ,
№ 4.
- Полевой Б. П., Таксами Ч. М. 1975. Первые русские сведения о нивхах-гиля-
ках.— В кн.: Страны и народы Востока. М., вып. XVII.
- Позднеев Д. 1909. История Северной Японии и ее отношений к материке Азии.
Иокогама.
- Смоляк А. В. 1954. Экспедиция Г. И. Невельского и первые русские этногра-
фические исследования на Амуре.— СЭ, № 3.
- Смоляк А. В. 1960. Заметки по этнографии нивхов Амурского Лимана.— В кн.:
Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера.— ТИЭ,
т. 56.
- Смоляк А. В. 1963. Состав, расселение и происхождение ульчских родов.— ТИЭ,
т. 84.
- Смоляк А. В. 1965. Южные ороки.— СЭ, № 1.
- Смоляк А. В. 1966. Ульчи. М.
- Смоляк А. В. 1970. Социальная организация народов Нижнего Амура и Саха-
лина.— В кн.: Общественный строй у народов Северной Сибири. М.
- Смоляк А. В. 1971. Орочи.— ВИ, № 11.
- Смоляк А. В. 1973. Тунгусоязычные компоненты в родovém составе нивхов:
Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
- Смоляк А. В. 1973а. Западные (центральноазиатские) элементы в культуре
народов Нижнего Амура: Реф. докл. и сообщ. Владивосток. Вып. 1.
- Смоляк А. В. 1974. Родовой состав нивхов.— В кн.: Социальная организация
и культура народов Севера. М.

- Смоляк А. В. 1975. О тунгусском, негидальском и орокском компонентах в родовом составе ульчей.— ПИИЭ.
- Смоляк А. В. 1975а. О взаимных культурных влияниях народов Сахалина и некоторых проблемах этногенеза.— В кн.: Этногенез и этническая история народов Севера. М.
- Смоляк А. В. 1975б. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. М.
- Смоляк А. В. 1977. Негидальцы.— Изв. обществ. наук. СО АН СССР, № 1.
- Смоляк А. В. 1980. Проблемы этногенеза тунгусоязычных народов Нижнего Амура и Сахалина.— В кн.: Этногенез народов Севера. М.
- Смоляк А. В. 1980а. Роль собаки в жизни и религиозных верованиях ульчей. ПИИЭ. М.
- Солярский В. 1916. Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края. Хабаровск.
- Спасский Г. 1853. Сведения русских о реке Амуре в XVII в.— Вестн. РГО, VII.
- Спафарий Н. Г. 1910. Описание первые части вселенные, именуемой Азии. Казань.
- Степанов Н. Н. 1950. Первые русские сведения об Амуре и гольдах.— СЭ, № 1.
- Степанов Н. Н. 1958. Первая русская экспедиция на Охотском побережье в XVII в.— Изв. ВГО, № 5.
- Таксами Ч. М. 1975. Основные проблемы этнографии и истории нивхов. Л.
- Тихменев П. 1863. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании. СПб., ч. II.
- Фишер И. 1774. Сибирская история. СПб.
- Цинциус В. И. 1978. Центральные и маргинальные фонетические ареалы Приамурья и Приморья.— В кн.: Народы и языки Сибири. М.
- Шмидт Ф. Б. 1868. Труды Сибирской экспедиции. СПб. Т. 1.
- Шнейдер Е. Р. 1936. Удэгейско-русский словарь. Л.
- Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. СПб. Т. I, 1883; Т. II, 1899; Т. III, 1903.
- Штернберг Л. Я. 1933. Гиляки, гольды, орочи, негидальцы, айны. Хабаровск.
- Atkinson T. W. 1860. Travels in the regions of the Upper and Lower Amoor. L.
- La Perouse. 1798. Voyage autour du monde. P. Vol. IV.
- Plath T. H. 1839. Geschichte des Östlichen Asiens. Göttingen.
- Schmidt P. 1928. The Language of the Samagirs.— Acta Univ. Latv. Riga. 19.
- Siebold Ph. Fr. Nippon. 1897. Archiv zur Beschreibung von Japan. Würzburg; Leipzig. Bd. VII.
- Witsen N. 1705. Noord en Oost Tartarye. Amsterdam.

Заключение

Рассмотрение этнической истории основных этнических общностей Крайнего Севера Сибири на протяжении трех столетий (с включения их в состав Русского государства до начала XX в.) позволяет значительно уточнить наши представления о ходе исторического процесса в этом обширном регионе.

Установившиеся в XVI—XVII вв. многообразные контакты между народами Севера и русскими служилыми, промышленными и торговыми людьми явились поворотным рубежом в жизни населения тайги и тундры и сказались не только на их хозяйстве и культуре, но и на этническом развитии.

Одним из результатов присоединения Севера Сибири к России было нарушение многовековой относительной изоляции народов Севера от других народов, находившихся на значительно более высокой ступени социально-экономического и культурного развития. Сам процесс присоединения, растянувшийся на десятилетия и проходивший далеко не везде безболезненно, вызвал уже в XVII в. значительные этнические последствия — крупные перемещения населения, усиление междоусобных столкновений, изменения в хозяйстве. Тем не менее, как убедительно свидетельствуют исторические документальные данные, присоединение не привело ни к истреблению коренного населения, ни к какому-либо значительному сокращению его численности. Царизм, так же как и местные сибирские власти, были заинтересованы не в уничтожении аборигенов Севера, а в превращении их в исправных поставщиков ценной пушны. Объективно само присоединение к могущественному государству неизмеримо ускорило экономическое развитие северных окраин Сибири. Торговые связи с русскими способствовали проникновению к народам Севера новых, неизвестных здесь, но весьма нужных и полезных орудий труда, позволивших резко интенсифицировать промысловое производство — основу благосостояния коренного населения. Изменились не только орудия труда, но и облик культуры коренных обитателей Севера. Об этом можно судить на примере ительменов-камчадалов. Наблюдения первого этнографа-сибироведа С. П. Крашенинникова, хотя они и относятся к XVIII в., весьма красноречиво свидетельствуют о том, что на протяжении трех-четырех десятилетий после прихода русских на Камчатку стремительные и глубокие изменения коснулись всех сторон традиционной культуры этой этнической общности.

Сама ясачная фискальная политика царизма, система аманатов, как видно из материалов, приведенных в отдельных главах настоящей работы, уже в XVII в. наложили отпечаток на общественное развитие народов Севера. В ходе присоединения Сибири к Русскому государству, видимо, в значительной мере разрушилась племенная организация, ускорился распад больших первоначальных родов, началось выделение из их состава отдельных, более мелких подразделений, изменились многие архаические общественные институты. Так, среди сибирских тундровых ненцев в этот период большие роды стали дробиться на дочерние родовые группы. Аналогичные процессы происходили в этот период и у эвенков и эвенов.

Приведенные в данной работе документальные свидетельства о военных столкновениях между самодийскими и тунгусскими группами и неприязненных отношениях между юкагирами и эвенами (ламутами), юкагирами и коряками, эвенами и коряками и другими, о жестоких кровавых междоусобицах на этнических рубежах, так же как и сама конфигурация территории расселения отдельных этнических общностей, свидетельствуют о том, что еще задолго до прихода русских таежные и тундровые районы Сибири были ареной крупных этнических перемещений. В период присоединения Сибири к Русскому государству миграции усилились. Пытаясь укрыться от ясачного гнета и притеснений со стороны местной администрации, отдельные группы, возможно, роды переходили в новые для них районы, что вызвало дробление крупных родо-племенных образований, перемещение населения. В XVII в. непосредственно в период обьясачивания эти перемещения нередко приводили к усилению военных столкновений между отдельными группами коренного населения.

Однако уже в конце XVII в. с возникновением сети ясачных зимовий и острожков, с установлением в ряде сибирских воеводств элементов государственного правопорядка миграции стали принимать мирный характер. Усилились в связи с этим переливы населения внутри отдельных этносов, из группы в группу, просачивания отдельных семей и стойбищ на территорию иноязычных соседей.

В XVII в. наблюдались крупные передвижения угорского населения из западных сибирских уездов в восточные и северные, расширилась при этом территория обитания манси, ассимилировавших хантыйское население на Сосьве и Ляпине. Отдельные группы сибирских ненцев перебрались на Европейский Север. Постепенно передвигались на север, в низовья Енисея группы ненцев, энцев, селькупов, кетов. Ускорилось проникновение в юкагирские земли эвенов. Опустевшие вследствие эпидемий оспы некоторые эвенкийские районы стали ускоренно заселяться и осваиваться якутами. Таким образом, в XVII в. началось размывание и расчленение больших этнических массивов Северной Сибири.

Этот процесс усилился в XVIII в. Продолжалось интенсивное продвижение с Урала в северные и восточные районы Западной Сибири хантов и манси. В ходе этих миграций часть хантов восприняла от ненцев транспортное оленеводство. Расширились связи хантов с селькупам. В ряде районов ханты переходили на язык манси, напротив, в мансийских поселениях, соприкасавшихся с русскими, распространялся русский язык.

Крупные разорительные набеги на хантов совершали обдорские ненцы, в XVIII в. их кочевья продвинулись на восток. Вниз по Енисею под давлением селькупов и кетов распространились энцы. Наблюдалось сближение кетов и селькупов.

В бассейнах Лены и Вилюя резко расширилась за счет эвенков территория расселения якутов. Значительно сократилась область расселения юкагиров. Оленные эвены продолжали распространяться в юкагирских и корякских землях.

Карательные походы против коряков, предпринятые сибирской администрацией для обеспечения безопасности пути в богатую соболями Камчатку, походы на Чукотку, восстания ительменов и коряков, оспенные эпидемии, охватившие Крайний Северо-Восток, весьма отрицательно сказались на этнических судьбах ительменов, ряда групп коряков. Вместе с тем сложившаяся на Крайнем Северо-Востоке Сибири обстановка способствовала сплочению чукчей, расширению области их расселения. В результате набегов оленных чукчей на своих соседей — коряков и юкагиров, ослабленных столкновениями и эпидемиями, они отбили у них крупные стада оленей и продвинулись как на юг, так и на запад Чукотки.

Крупные изменения в расселении коренного населения Северной Сибири и прилегающих областей происходили и в XIX в. Так, в этот период значительно расширилась территория обитания европейских ненцев. Они освоили острова Колгуев, Новую Землю, проникли на Кольский полуостров, отдельные группы их вместе с коми-ижемцами перешли на восточную сторону Урала. Под влиянием соседей (коми-ижемцев) ненцы на Колве стали заниматься животноводством и огородничеством, восприняли язык коми.

Сибирские обдорские ненцы также расширили свою территорию, продвинувшись в тундру Южного Ямала и на побережье Обской губы. В XIX в. они пытались вытеснить энцев из лесотундры и енисейского левобережья. Лесные ненцы проникли в бассейн Агана. Крупные перемещения способствовали упрочению связей между различными локальными группами ненцев. Лесные энцы под влиянием селькупов сдвинулись по Енисею в лесотундру.

Некоторые группы энцев перешли на ненецкий язык. Усилилось перемещение кетов и селькупов. В верховьях Таза начала складываться межнациональная общность из кетов, селькупов и эвенков. Значительно расширилась область расселения чукчей. Западная группа их стала кочевать между Колымой и

Индиگیرкой. Усилилась ассимиляция юкаги́ров русскими старожилами. Эвенские группы проникли на Чукотку и Камчатку. На западе Якутии сформировалась своеобразная группа якутов-оленьеводов, по облику хозяйства близкая к народам Севера, на Таймыре обособились как самостоятельная общность долганы.

На протяжении XIX в. сравнительно неизменными оставались этнические границы народов Нижнего Амура и Сахалина. Однако отдельные группы удэгейцев и орочей влились в состав нанайцев, отмечалось сближение с нивхами вкрапленных в их этническую территорию негидальцев, ульчей и нанайцев. Внутри коренных этнических общностей этой территории происходили переливы населения из одних групп в другие.

Следует отметить особенности миграций второй половины XVIII—XIX в. Как правило, они не сопровождались военными столкновениями, вытеснением одних этнических групп другими. Обычно вследствие миграций лишь усложнялся этнический состав тех или иных областей. При этом мигранты — носители особых хозяйственных навыков и культурных черт — в новых районах продолжали развивать традиционное, привычное для них производство, а коренные обитатели вели такое же хозяйство, которое они вели и до появления переселенцев. Так, в бассейнах Вилюя, Алдана, Яны, Индиگیرки якуты-переселенцы занимались преимущественно скотоводством, тогда как эвенки, эвены — промысловым хозяйством. На Чукотке оленеводство мясошкурного направления являлось основным занятием чукчей, тогда как благосостояние эвенов-мигрантов покоилось на охоте и оленеводстве транспортного характера.

В некоторых районах, например, на северо-западе Якутии, на Таймыре переселенцы уподобились в хозяйственном отношении аборигенам. Если в первых двух случаях постепенная ассимиляция переселенцами коренных жителей сопровождалась переходом к новым видам производства, то в третьем имело место сложное переплетение разных элементов культуры.

Во второй половине XIX — начале XX в. в связи с развитием капиталистического предпринимательства возрос приток русского населения на Север, усилилось проникновение на Север Западной Сибири коми, а в некоторые районы Восточной Сибири — якутов. Хотя численность этих мигрантов (значительная часть их представляла собой временных поселенцев) была сравнительно невелика, они оказали в этот период большое влияние на хозяйство, культуру и быт коренного населения многих районов Севера.

В целом за три столетия (с XVII в. до начала XX в.) значительно изменилась и усложнилась этнографическая карта Северной Сибири. Территория расселения таких общностей, как тундровые ненцы, чукчи, эвенки, эвены резко расширилась, область расселения энцев, юкаги́ров, коряков, ительменов сократилась. На Севере появились новые этнические образования — долганы, северные якуты. Из приведенных данных видно, что

уменьшилась область распространения групп населения, занимавшихся преимущественно присваивающими отраслями хозяйства, такими, как сухопутная пешая охота, рыболовство. Напротив, оленеводы — северные скотоводы, носители более прогрессивных форм производства, — в мирных условиях, постепенно установившихся в Северной Сибири после вхождения ее в состав Русского государства, освоили значительные территории.

Рассмотрение судеб этнических общностей Севера Сибири показывает, что на них оказали влияние не только экономические факторы, но и внешние обстоятельства, такие, как эпидемии, междоусобные столкновения, фискальная политика царизма и т. д. Именно такими неблагоприятными причинами, в особенности эпидемиями, объясняется резкое сокращение численности ительменов, утрата ими этнической самобытности. Эпидемии оспы и кори сказались на численности юкагиров, отдельных групп эвенков, ненцев, нганасан.

Приведенный в книге материал свидетельствует о том, что этническое развитие малочисленных этнических общностей Севера было весьма зависимым от различных внешних влияний.

Заслуживает быть отмеченной и следующая особенность этнических процессов, происходивших в Северной Сибири. Значительной спецификой этнического развития отличались не только отдельные общности, но их подразделения, крупные локальные группы. Так, большие особенности имелись в развитии отдельных групп ненцев — европейских, сибирских тундровых и сибирских лесных. Если северные береговые пенжинские и олюторские коряки на протяжении исследуемого периода в общем сохраняли свою культурную самобытность, то охотская группа береговых коряков, по существу, растворилась в составе русского старожильского и эвенского населения, а южные камчатские группы коряков испытали на себе сильное влияние ительменов и русских. Кочевые тундровые и верхнеколымские юкагиры, сохранившие свой язык, по хозяйству и культуре уподобились эвенкам, тогда как их поречные колымские и олонские собратья слились с русскими старожилами, а часть восточных оленных юкагиров вошла в состав чукчей и коряков, восприняв их языки.

На этнические процессы, происходившие в среде народов Севера, большое влияние оказало распространение православного христианства. В XVII в. крестившиеся из числа коренного населения состояли преимущественно из жен и наложниц служилых и промышленных людей, иногда — из рабов-военнопленных. Эти лица и их потомство, как правило, отрывались от своей среды, исключались из ясачного сословья и вливались в состав пришлого населения.

Попытки насильственного обращения в христианство, сопровождавшиеся уничтожением жертвенных мест и преследованием иноверцев, предпринимавшиеся властями в первой четверти

XVIII в., особых результатов не дали, хотя и вызвали известные перемещения в районах расселения обских угров.

Напротив, распространение христианства путем подарков, предоставления крестившимся льгот по уплате ясака привели к тому, что в конце XVIII — первой половине XIX в. значительная часть эвенков, юкагиров, ительменов была христианизирована. Хотя насаждавшаяся сверху православная религия воспринималась по преимуществу формально, и прежние религиозные представления продолжали существовать, распространение христианства способствовало сближению крещеных с русскими, с русской культурой. Участились браки между русскими и юкагирами, якутами и эвенками, русскими и ительменами, русскими и коряками. В сложении долган как особой этнической общности, обособлении их от самодийского населения Таймыра большое значение имели не только язык, наличие своеобразных черт в хозяйстве, материальной культуре, но и принадлежность к христианской церкви.

Значительное влияние на облик этнических общностей Северной Сибири оказали изменения в их общественном устройстве. Ко времени первых контактов с русскими эти общности, за исключением ряда групп на северо-западе и северо-востоке, находились на стадии отцовско-родового строя. На Севере существовали разнообразные формы этой социальной формации. За исследуемый период вследствие новых экономических условий, роста частной собственности, становления классовых отношений, многих внешних обстоятельств, а также внутренней эволюции общественных институтов, социально-экономические функции рода (фратрии) сузились до функций института, регулирующего брачные отношения, выделились патронимии, большие семьи. На смену родо-племенным связям пришли территориальные соседские, хотя родовые деления во многих случаях продолжали сохраняться, играя подчиненную роль.

Перемены коснулись и внутренней этнической структуры северных общностей. Изменилось соотношение отдельных этнографических и локальных групп и их взаимосвязь внутри этнических образований. Так, на северо-западе в связи с эпизоотиями и другими бедствиями группа ненцев в бассейне Мезени вынуждена была перейти на оседлость. Усвоив хозяйство русских, эти ненцы сблизились с ними путем браков. В результате возникла своеобразная этнографическая группа мезенских ненцев, в Большеземельской тундре сложилась колвинская группа ненцев, близкая по хозяйству, языку и культуре к коми-ижемцам. Все это наложило отпечаток на этнический облик ненцев. С переходом части чукчей к морскому зверобойному промыслу и их культурным обособлением чукотская общность приобрела особый своеобразный облик. С распространением чукчей-оленьеводов на запад от Чукотки еще более усложнилась этническая структура чукчей, возникли локальные группы, такие, как колымские и чаунские чукчи, воспринявшие ряд специфических элементов

культуры от своих соседей, на юге чукотского ареала сложилась веагская группа чукчей, также отличавшаяся рядом своеобразных черт.

Несомненный интерес представляет вопрос о том, к какому типу этнических общностей принадлежали этнические образования аборигенов Севера к приходу русских. Как видно из документов, северные общности по особенностям языка и хозяйства хорошо различались и опознавались извне. В XVII в. под разными этнонимами были известны предки всех ныне существующих народов Севера. Однако тогда в большинстве случаев они представляли собой весьма аморфные образования, состоявшие из мало связанных между собой племен, больших родов или диалектно-территориальных групп. В таких общностях, как правило, отсутствовало единое самоназвание и общее самосознание. Все это позволяет отнести народы Севера в XVII в. к макроэтнолингвистическим общностям.

Процесс преобразования этих общностей в народности, происходивший в значительной мере уже после вхождения их в состав Русского государства, заключался во внутренней консолидации, т. е. сложении определенного единообразия основных элементов культуры на территории расселения каждой общности, преодолении родо-племенных барьеров, обособленности отдельных этнографических групп и диалектальной пестроты.

Однако этот процесс замедлялся примитивизмом натурального хозяйства, неразвитостью общественной жизни, большими этническими перемещениями и фискальной политикой царизма, консервирующего архаические податные административные роды. Этнической консолидации препятствовали малочисленность, крайне низкая плотность и разбросанность населения по огромной территории. В целом процесс формирования северных народностей протекал крайне вяло и к началу XX в. был еще далек от завершения.

В XIX в. облик, близкий к народности, приобрели ненцы, чукчи, ханты, нанайцы. В меньшей степени, в силу особенностей расселения, характера хозяйства консолидационные процессы затронули эвенков, эвенов. Вследствие диалектных различий, специфики хозяйства отдельных локальных групп у большей части северных общностей и в этот период не выработалось представление о своем этническом единстве. Осознавалась, главным образом, принадлежность к какому-либо роду, административной или локальной группе. Отдельные части народов Севера обычно именовали себя по признаку родовой принадлежности (эвены, эвенки, юкагиры), по образу хозяйственной деятельности (чукчи), по месту обитания (коряки, азиатские эскимосы и др.).

Стойбищная обособленность, территориальная и диалектальная раздробленность были не только в XVII, но и в конце XIX — начале XX в., как свидетельствуют изложенные в данной работе материалы, характерной чертой этнического состояния всех народов Севера.

В связи с этим нельзя не обратить внимание этнографов и историков-сибиреведов на большое значение исследования процесса сложения, развития и изживания локальных этнографических и диалектальных групп внутри северных этнических общностей. Этот сложный процесс удалось осветить в рамках данной монографии лишь частично. Дальнейшее исследование его связано с выявлением и введением в научный оборот новых документальных архивных источников и углубленной разработкой этнографических данных.

Весьма важным представляется также более детальное исследование особенностей контактных северных этнографических групп, возникших в XVII—XIX вв. на этнических рубежах, в зонах интенсивного этнического смешения.

На этническое развитие северных общностей большое влияние оказали глубокие изменения в их материальной и духовной культуре, произошедшие после присоединения Сибири к Русскому государству. К сожалению, в настоящей небольшой монографии и этот важный аспект этнической истории народов зоны Севера не удалось осветить с желаемой полнотой. Между тем, исследование в этническом плане культуры северных общностей представляется весьма существенным для выяснения таких вопросов, как характер взаимодействия различных культурно-бытовых традиций в условиях северного промыслового производства, эволюции традиционного хозяйства охотников и оленеводов в период от XVII—до начала XX в. Следует надеяться, что эти темы привлекут к себе внимание и будут освещены в последующих работах.

Рассмотрение этнической истории Северной Сибири на протяжении XVII—начала XX в. показывает, что все ныне существующие этнические общности этого обширного региона прошли большой путь в своем этническом развитии. Эти малочисленные этнические образования, осваивавшие тайгу, тундру, лесотундру, берега арктических морей, сформировались в результате сложных ассимиляционных, консолидационных и разделительных процессов, эволюции внутренней социальной и этнической структуры, разнообразных этнических взаимовлияний.

Список сокращений

ААН	— Архив Академии наук СССР
АБРЗ МК	— Архив Березовского районного загса. Метрические книги
АГО	— Архив Географического общества СССР
АДГЗ МК	— Архив Дудинского городского загса. Метрические книги
АИВАН	— Архив Института Востоковедения АН СССР
АИГЗ МК	— Архив Итинского загса. Метрические книги
АИЭ	— Архив Института этнографии АН СССР, Москва
АЛОИЭ	— Архив Ленинградского отделения Института этнографии
АМРЗ МК	— Архив Мезенского районного загса. Метрические книги
АНОЗ МК	— Архив Ненецкого окружного загса. Метрические книги
АПГЗ МК	— Архив Печорского городского загса. Метрические книги
АСРЗ	— Архив Сургутского районного загса
АШРЗ МК	— Архив Шурышкарского районного загса. Метрические книги
АЯФ	— Архив Якутского филиала СО АН СССР
ВГО	— Всесоюзное Географическое общество
ВИ	— Вопросы истории
ВЯ	— Вопросы языкознания
ГААМО	— Государственный архив Амурской области
ГААО	— Государственный архив Архангельской области
ГАИО	— Государственный архив Иркутской области
ГАКК	— Государственный архив Красноярского края
ГАСО	— Государственный архив Свердловской области
ГАТО	— Государственный архив Томской области
ГАТОТ	— Государственный архив Тюменской области (Тобольский филиал)
ГАЧО	— Государственный архив Читинской области
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ДАИ	— Дополнения к актам историческим. СПб., 1848—1867
ЕГА	— Енисейский государственный архив
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗСОРГО	— Западносибирское отделение Русского Географического общества
ИВСОГО	— Известия Восточно-Сибирского отдела Географического общества
ИЖ	— Исторический журнал

ИКОВГО	— Известия Красноярского отдела Всесоюзного Географического общества
ИРКДИСВА	— Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. СПб.
КИПС	— Комиссия по изучению племенного состава России
КККМ	— Красноярский краевой краеведческий музей
КПМГЯ	— Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в. М., 1936
КПЦКЧ	— Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в. Л., 1935
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии. М.
ЛГПИ	— Ленинградский Государственный педагогический Институт
ЛОААН	— Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР
ЛОИИ	— Ленинградское отделение Института истории
МАЭ	— Музей Антропологии и Этнографии
МЗ	— Мужевский загс
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МИЯ	— Материалы по истории Якутии XVII в. М., 1970
НАО	— Ненецкий автономный округ
НПУО	— Населенные пункты Уральской области
ПВПН	Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.
ПИИЭ	— Полевые исследования Института этнографии
ПМ	— Полевые материалы автора (в АИЭ)
ПСИ	— Памятники сибирской истории XVIII в.
РГО	— Русское Географическое общество
РМ	— Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. М.; Л., 1952
САИ	— Свод археологических источников. М.
СЗ	— Сургутский загс
СДИБ	— Сборник документов по истории Бурятии (XVIII в.). Улан-Удэ, 1960, вып. 1.
СО АН СССР	— Сибирское отделение Академии наук СССР
СЭ	— Советская этнография
СЭС	— Сибирский этнографический сборник. М.; Л.
ТИЭ	— Труды Института этнографии. М.
ТМС	— Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1975
ТФ ГАКК	— Туруханский филиал Государственного архива Красноярского края
ТФ ГАТО	— Тобольский филиал Государственного архива Томской области
ХМАО	— Ханты-Мансийский автономный округ
ЦГА БАССР	— Центральный Государственный архив Бурятской АССР

ЦГА ВМФ	— Центральный Государственный архив Военно-Морского флота
ЦГАДА	— Центральный Государственный архив древних актов
ЦГАДВ	— Центральный Государственный архив РСФСР Дальнего Востока
ЦГАЛИ	— Центральный Государственный архив литературы и искусства
ЦГАОР	— Центральный Государственный архив Октябрьской революции
ЦГА УзССР	— Центральный Государственный архив Узбекской ССР
ЦГА ЯАССР	— Центральный Государственный архив Якутской АССР
ЦГИАЛ	— Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде
ЯНАО	— Ямало-Ненецкий автономный округ
MSFOu	— Memoires de la Societe Finno-Ougrienne. Helsinki

Содержание

Предисловие	3
Обские угры (ханты и манси) (З. П. Соколова)	8
Ненцы и энцы (В. И. Васильев)	48
Нганасаны (Ю. Б. Симченко)	81
Кеты (Е. А. Алексеенко)	99
Селькупы (В. В. Лебедев, З. П. Соколова)	118
✓ Эвенки (В. А. Туголуков)	129
✓ Эвены (В. А. Туголуков)	155
✓ Юкагиры (И. С. Гурвич)	168
⊗ Северные якуты и долганы (И. С. Гурвич)	180
✓ Северо-восточные палеоазиаты и эскимосы (И. С. Гурвич) ✓	197
Народы Нижнего Амура и Сахалина (А. В. Смоляк)	223
Заключение (И. С. Гурвич)	258
Список сокращений	266

Этническая история народов Севера

Утверждено к печати
Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР

Редактор издательства С. Н. Романова
Художник И. Ю. Нестерова
Художественный редактор Н. А. Фильчагина
Технический редактор Т. А. Калинина
Корректоры Г. М. Котлова, В. А. Шварцер

ИБ № 25183

Сдано в набор 09.03.82
Подписано к печати 10.06.82
Т-09851. Формат 60×90^{1/16}
Бумага книжно-журнальная
Гарнитура литературная
Печать высокая
Усл. печ. л. 17. Усл. кр. отт. 17,2
Уч.-изд. л. 19,4. Тираж 1600 экз. Тип. зак. 4074
Цена 2 р. 80 к.

Издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

В 1982 г.
в издательстве
«Наука»
выйдет в свет

РАЗВИТИЕ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ
СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ
В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
20 л., 2 р. 30 к.

В книге на основе изучения письменных источников славянских народов анализируется процесс возникновения и оформления их этнического самосознания. Этот процесс рассматривается в сопоставлении с социально-экономическим и социально-политическим развитием славянского мира в период раннего средневековья. В работе ярко проявился комплексный подход к исследуемой проблеме, характерный для современных общественных наук. Хронологически работа охватывает период от первых упоминаний о славянах в письменных источниках до начала XII в.

IV кв.

В 1983 г. выйдут в свет:

Соколова З. П.
СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ХАНТОВ И МАНСИ
В XVIII — НАЧАЛЕ XX В. (проблема фратрии и рода)
20 л., 2 р. 50 к.

В монографии исследуются дуальные группы (фратрии) двух народов — хантов и манси, анализируется степень сохранения их дуальной экзогамии, социальная история, этногенез, рассматривается происхождение дуально-фратриальной организации обских угров. Большой интерес представляют материалы приложения, отражающие численность, расселение, фамильный и брачный состав всех хантов и манси на конец XVIII в., их этническая история.

I кв.

НА СТЫКЕ ЧУКОТКИ И АЛЯСКИ
20 л., 2 р. 30 к.

В 1970—1976 гг. на Чукотке и Камчатке работали научные экспедиции Института этнографии АН СССР, Института антропологии МГУ, Музея антропологии и этнографии в Ленинграде. В материалах исследований рассматриваются проблемы физической антропологии коренных народов Чукотки, описываются древние памятники эскимосов, коряков, чукчей и обычаи этих народов, освещаются социальная структура древнего эскимосского общества, а также основные этапы развития чукчей и коряков.

I кв.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ. 1979
20 л., 2 р. 30 к.

Сборник обобщает результаты полевых экспедиционных работ по актуальным проблемам этнографических, этносоциальных и антропологических исследований — этнической истории и этнокультурным процессам у различных на-

родов СССР, традиционно-бытовой культуре, вопросам методики этносоциальных исследований. Книга вводит в научный оборот новые полевые материалы. Хорошо иллюстрирована.

I кв.

Книги можно предварительно заказать в магазинах Центральной конторы «Академкнига», в местных магазинах книготоргов или потребительской кооперации без ограничений.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117192 Москва В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197110 Ленинград П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97
(«Книга — почтой»);	196034 Ленинград, В/О, 9 линия, 16;
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13;	220012 Минск, Ленинский проспект, 72
(«Книга — почтой»);
320005 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);	103009 Москва, ул. Горького, 8;
734001 Душанбе, проспект Ленина, 95
(«Книга — почтой»);	117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
375009 Ереван, ул. Туманяна, 31;	630076 Новосибирск, Красный проспект, 51;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;	630090 Новосибирск, Академгородок, Мор-
ской проспект, 22 («Книга — поч-
той»);
252030 Киев, ул. Ленина, 42;	142292 Пушкино Московской обл., МР «В», 1;
252030 Киев, ул. Пирогова, 2;	620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка,
137 («Книга — почтой»);
252142 Киев, проспект Вернадского, 79;	700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга —
почтой»);	700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
277001 Кишинев, ул. Пирогова, 28 («Кни-
га — почтой»);	700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6
(«Книга — почтой»);
343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Ма-
рата, 1;	634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18
660049 Красноярск, проспект Мира, 84;	450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — поч-
той»);
443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2
(«Книга — почтой»);	450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49;
192104 Ленинград, Д-120, Литейный про-
спект, 57;	720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42
(«Книга — почтой»);
199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;	310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87
(«Книга — почтой»).

Опечатки и исправления

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
11—13	1—2 стр.	Названия народностей 1—8 в подписи в карте-схеме XVII в. относятся к карте-схеме XIX в., а названия народностей 1—6 относятся к карте-схеме XVII в.	
14	31 стр.	коэффициент 4	коэффициент
16	14 стр.	манси-хантыйского	манси хантыйского
16	19 стр.	манси-хантыйского	манси хантыйского
18	1 стр.	Мумовы	Чумовы
18	3 стр.	Мумовы	Чумовы
35	14 стр.	сынские	казымские